THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

КРАТКІЕ ОЧЕРКИ

РУССКОЙ ИСТОРІИ.

Составилъ

Д. ИЛОВАЙСКІЙ.

ИЗДАНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Цѣна 90 коп.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. ГРАЧЕВА И КОМП.

1863.

DK41
.I4

Дозволено цензурой. Москва, 1 октября 1863 года

104837
'07

Печатано съ изданія 1862 года съ перемѣнами.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

РУСЬ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАЯ.

I. ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА ВЪ IX В.

Характеръ страны. Восточная половина Европы имѣетъ видъ сплошной однообразной равнины, предѣлы которой ограничиваются четырьмя морями и тремя горными хребтами. Такая форма поверхности, непредставляющая внутреннихъ естественныхъ преградъ, много способствовала образованію на ней одного обширнаго государства. Только въ средней полосѣ этой равнины почва поднимается и поверхность получаетъ холмистое очертаніе. Здѣсь берутъ начало главныя рѣки, которыя въ сопровожденіи безчисленныхъ притоковъ направляются къ четыремъ упомянутымъ морямъ. Обиліе рѣчныхъ водъ имѣло весьма важное вліяніе на исторію страны: по теченію рѣкъ селились племена и распространялась гражданственность; рѣки служили главнымъ средствомъ сообщенія. Тысячу лѣтъ тому назадъ вся сѣверная половина Россіи, отличавшаяся климатомъ холоднымъ и суровымъ, была покрыта дремучими лѣсами, многочисленными озерами и болотами; а въ южной половинѣ залегали обширныя степи, мѣстами поросшія высокою травою, мѣстами песчаныя и солонцоватыя. На востокѣ, между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ, русскія степи сливаются съ великою равниною средней

Азіи, откуда безпрепятственно приходили всегда кочевые азіатскіе народы.

Древнѣйшая исторія нашей равнины начинается на югѣ. Еще задолго до Рождества Христова берега Чернаго и Азовскаго морей были заселены цвѣтущими греческими колоніями. Самыя замѣчательныя изъ нихъ: Ольвія — при устьѣ Буга, Пантикапея, столица Босфорскаго царства — близь Керчи, Херсонесъ Таврическій (Корсунь)—подлѣ Севастополя и Танаисъ—на устьяхъ Дона. Въ сосѣднихъ степяхъ господствовалъ многочисленный кочевой народъ Скиѳы, дѣлившійся на орды; Скиѳы славились какъ отличные наѣздники и искусные стрѣлки изъ лука. Памятникомъ этого народа считаются курганы, которыми усѣяна вся южная полоса Россіи (*скиѳскія могилы*). Къ сѣверу отъ Скиѳовъ, по темнымъ извѣстіямъ древнихъ писателей, жили: Невры, Андрофаги или людоѣды, Меланхлены или черные плащи и другіе народы. Но объ нихъ ходили только баснословные разсказы между Греками и Римлянами. Говорили, напримѣръ, что на самомъ далекомъ сѣверѣ гдѣ-то у полюса обитаетъ блаженный народъ Гиперборен, которые питаются сокомъ цвѣтовъ и росою, живутъ по нѣскольку вѣковъ и наконецъ сами прекращаютъ свою жизнь, повергаясь въ морскія волны *.

Послѣ Рождества Христова между Балтійскимъ и Чернымъ морями нѣкоторое время господствовало германское племя Готы. Потомъ на мѣстѣ Скиѳовъ (и Сарматовъ) появляются другіе кочевые народы, пришедшіе изъ средней Азіи; они впрочемъ недолго остаются здѣсь и уходятъ далѣе на западъ, таковы: Гунны и Авары.

Въ IX в. по Р. Х. Восточную Европу населяли слѣдующіе народы:

---

* Нѣкоторые изъ этихъ народовъ по всей вѣроятности были финскія племена, которыя мы тамъ встрѣчаемъ позднѣе, но подъ иными названіями. Напримѣръ, въ Меланхленахъ думаютъ видѣть финское племя Эстовъ, у котораго до сихъ поръ черный цвѣтъ преобладаетъ въ одеждѣ. Другіе же изъ упомянутыхъ народовъ, какъ думаютъ, были предками Славянъ и Литвы

1. Славяне. Они составляютъ восточную отрасль великаго Славянскаго племени, которое съ незапамятныхъ временъ пришло изъ Азіи и поселилось сначала на Дунаѣ, а отсюда разошлось потомъ въ разныя стороны (именно: въ Моравію, Богемію, Польшу, Померанію и Россію). Русскіе Славяне заняли широкую полосу земли отъ озеръ Ильменя и Чудскаго до низовьевъ Днѣпра и Днѣстра. Они разселились отдѣльными группами или племенами, изъ которыхъ наиболѣе значительныя, по словамъ лѣтописца Нестора, были: *Поляне*— по среднему теченію Днѣпра; сосѣди ихъ *Древляне* — по р. Припети, и *Кривичи*—самое многочисленное племя, обитавшее по верховьямъ Днѣпра, Западной Двины, Волги и около озера Ильменя. На востокъ отъ Днѣпра жили: *Сѣверяне*, *Радимичи* и *Вятичи*. Еще до пришествія Рюрика Восточные Славяне имѣли у себя города: такъ въ странѣ Кривичей мы находимъ: Смоленскъ, Полоцкъ и знаменитый Новгородъ — при истокахъ р. Волхова. У Полянъ былъ городъ Кіевъ, расположенный на высокомъ правомъ берегу Днѣпра.

О началѣ Кіева народное преданіе, записанное Несторомъ, расказываетъ слѣдующее: «Между Полянами жили нѣкогда три брата по имени Кій, Щекъ и Хоривъ съ сестрою Лыбедью. Братья построили городъ и въ честь старшаго назвали его Кіевъ. Городъ былъ окруженъ лѣсами, въ которыхъ жители ловили звѣрей. Кій, бывшій княземъ своего племени, однажды предпринялъ путешествіе въ Царьградъ. На возвратномъ пути онъ хотѣлъ поселиться на берегахъ Дуная и построилъ тамъ городъ; но сосѣдніе жители заставили его удалиться. Онъ воротился въ Кіевъ, и здѣсь одинъ за другимъ братья померли. Остатки же построеннаго на Дунаѣ города долго послѣ того назывались: городище Кіевецъ.»

Племена Славянскія, разсѣянныя на обширныхъ пространствахъ, жили небольшими селеніями по берегамъ озеръ и рѣкъ

въ глуши первобытныхъ лѣсовъ. Каждая семья повиновалась своему родоначальнику или старшему члену, и имѣла одно общее имущество до тѣхъ поръ, пока съ теченіемъ времени нераспадалась на отдѣльныя семейства. Старшины семействъ сходились вмѣстѣ и составляли *вѣче*, на которомъ они разсуждали о дѣлахъ касающихся всего селенія, города или цѣлаго племени. Мало-по-малу нѣкоторые роды возвысились надъ другими и пріобрѣли княжеское достоинство; глава такого рода пользовался особымъ почетомъ и вліяніемъ на рѣшенія вѣча. Такъ въ древнѣйшую эпоху упоминаются *князья* у Полянъ и Древлянъ. Городами назывались тѣ поселенія, которыя были *огорожены* землянымъ валомъ и рвомъ для защиты отъ непріятелей.

Славяне отличались высокимъ ростомъ, темнымъ цвѣтомъ волосъ, румянымъ лицомъ и сѣрыми глазами. По своему суровому образу жизни они съ ранней молодости привыкали легко переносить холодъ, жаръ и недостатокъ въ пищѣ. Характеръ ихъ, какъ и всѣхъ необразованныхъ народовъ, представлялъ смѣсь хорошихъ и дурныхъ качествъ: съ одной стороны они были миролюбивы и гостепріимны (позволялось даже украсть у сосѣда, чтобы угостить странника), съ другой очень неопрятны и склонны къ раздорамъ между собою. Вооруженіе ихъ состояло изъ тяжелаго деревяннаго щита, короткихъ копій и стрѣлъ, намазанныхъ иногда ядомъ; они любили сражаться не дружною толпою, а въ розсыпную. Женщины у Славянъ не пользовались такимъ уваженіемъ, какъ у Германцевъ; на нихъ лежали самыя тяжелыя домашнія работы. Невѣсту обыкновенно похищали и потомъ платили за нее родителямъ *вѣно*. Существовалъ также обычай многоженства, и послѣ смерти мужа одна изъ его женъ должна была слѣдовать за нимъ въ могилу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мертвеца сожигали на кострѣ; пепелъ его собирали въ сосудъ и ставили на стол-

бѣ, гдѣ сходилось нѣсколько дорогъ. Погребеніе сопровождалось *тризною* (поминки), которая состояла въ пиршествахъ и разныхъ воинственныхъ играхъ. Для огражденія личной безопасности существовалъ свойственный необразованнымъ народамъ обычай кровавой мести, т. е. родственники убитаго должны были мстить смертію убійцы. Главнымъ средствомъ пропитанія служила охота: рѣки и озера изобиловали рыбою, а лѣса дикими животными, которыхъ Славяне безъ разбора употребляли въ пищу. Земледѣліе въ IX столѣтіи еще мало было распространено между ними; вѣроятно болѣе успѣховъ имѣло скотоводство. Вообще сѣверные, т. е. новогородскіе Славяне были образованнѣе южныхъ и находились въ то время уже въ торговыхъ сношеніяхъ съ сосѣдними народами.

2. Литва. Къ западу отъ Кривичей въ области Западной Двины, Нѣмана и нижней Вислы жило племя Литовское. Языкъ этого племени свидѣтельствуетъ, что оно было родственно Славянамъ.

3. Финны. Весь сѣверъ Россіи отъ Балтійскаго моря до Уральскихъ горъ занимало Финское или Чудское поколѣніе. Нѣкогда Финны обитали гораздо южнѣе, но Славянами и другими народами они были отодвинуты далѣе на сѣверъ. Главныя Финскія племена: Чудь — около Финскаго залива; далѣе по верхнему и среднему теченію Волги — Весь, Меря, Мурома и Мордва. По верховьямъ Сѣверной Двины и Камы лежала область народа Пермь (Біармія — въ скандинавскихъ сагахъ). Финны представляются вообще племенемъ очень бѣднымъ, скудно одареннымъ и физическими и духовными силами; они также некрасивы и угрюмы, какъ ихъ сѣверная природа. Разсѣянные небольшими групами, въ странахъ холодныхъ, лѣсистыхъ и чрезвычайно болотистыхъ, они съ трудомъ доставали себѣ средства пропитанія, употребляя въ пищу мясо даже самыхъ нечистыхъ животныхъ.

4. Турецко-татарскіе народы. Весь юго-востокъ Россіи занимали народы Тюркскаго племени, родственнаго Финскому. Изъ нихъ особенно замѣчательны Козары и Болгары. Послѣдніе, получившіе названіе отъ рѣки Волги, съ незапамятныхъ временъ отдѣлились отъ своихъ единоплеменниковъ Козаръ и заняли область нижней Камы. Принявъ магометанскую религію, они вошли въ торговыя сношенія съ азіатскими государствами и достигли значительной степени гражданственности; въ ихъ землѣ было много промышленныхъ городовъ, особенно славились Великіе Болгары—на лѣвомъ берегу Волги пониже камскаго устья. Болѣе обширное и могущественное государство составили Козары, подчиненные одному верховному повелителю или *кагану*. Они отчасти вели кочевой образъ жизни и располагались въ кибиткахъ, отчасти жили въ городахъ. Главнымъ городомъ у Козаръ былъ Атель или Балангіаръ — на устьяхъ Волги; сюда изъ отдаленныхъ странъ Европы и Азіи стекались купцы съ своими товарами. Кромѣ того въ степяхъ При уральскихъ и При-каспійскихъ обитали разныя кочевыя орды, которыя тѣснили другъ друга и впослѣдствіи переселялись въ южную Россію или подвигались далѣе на западъ; таковы: Угры, Печенѣги, Половцы и другіе.

Варяги основатели Русскаго государства. Разъединеніе, взаимная вражда племенъ и другія неблагопріятныя обстоятельства мѣшали Славянамъ образовать сильное, самобытное государство. Въ IX вѣкѣ они не могли даже отстоять свою независимость въ борьбѣ съ двумя сосѣдними народами; между тѣмъ какъ Приднѣпровскія племена платили дань Козарамъ, сѣверные Славяне должны были подчиниться воинственнымъ Норманнамъ, которые въ русскихъ лѣтописяхъ извѣстны подъ именемъ *Варяговъ*. Въ то время Норманны (вообще народы сѣверныхъ странъ, преимущественно жители Скандина-

віи и Ютландіи) почти на всю Западную Европу наводили ужасъ морскими набѣгами подъ начальствомъ своихъ смѣлыхъ викинговъ, и положили тамъ основаніе нѣсколькимъ государствамъ. Точно также стремились они и въ Восточную Европу, стараясь обложить данью туземцевъ и утвердить здѣсь свое господство. Кромѣ того, Варяги по Греческому водному пути на лодкахъ ходили иногда въ богатую Византію, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ занимались торговлею, а большая часть нанималась въ гвардію Византійскаго императора. По Волгѣ они спускались иногда въ Камскую Болгарію или въ Козарію, и, смотря по обстоятельствамъ, или грабили тамъ или торговали*.

Плодомъ такого движенія Варяговъ на Восточную Европу было основаніе Русскаго государства. Лѣтописецъ Несторъ расказываетъ объ этомъ великомъ событіи слѣдующее преданіе:

«Нѣкоторое время Варяги брали дань на сѣверныхъ Славянахъ и сосѣднихъ съ ними Финнахъ; потомъ покоренныя племена общими силами прогнали чужеземцевъ; но у Славянъ произошли сильные внутренніе раздоры. Тогда для устроенія порядка и безопасности, они рѣшились призвать князей изъ чужой земли. Въ 862 году послы Славянскіе отправились за море къ варяжскому племени Русь, и сказали: *Земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами.* Три брата приняли ихъ предложеніе и явились съ своими дружинами. Старшій изъ нихъ Рюрикъ поселился въ Новгородѣ, второй Синеусъ на Бѣло-

---

* Греческій или великій водный путь шелъ изъ Финскаго залива въ Черное море: р. Невою, Ладожскимъ оз., р. Волховымъ, оз. Ильменемъ и р. Ловатью; отсюда нѣсколько разъ надобно было на рукахъ перетаскивать лодки до верхняго Днѣпра (волоки). Другая дорога изъ Балтики на Днѣпръ шла по Западной Двинѣ. Днѣпромъ выходили въ Черное море, а потомъ держались около морскаго берега, и такимъ образомъ достигали Византіи.

озерѣ, третій Труворъ въ Изборскѣ. Отъ нихъ и земля наша стала называться *Русью*."

Различнымъ образомъ пытались рѣшать вопросъ о томъ, кто были Руссы и откуда пришли князья: одни принимали ихъ за Финновъ, другіе за Славянъ (изъ Помераніи); нѣкоторые выводили ихъ изъ Литвы съ устьевъ Нѣмана. Однако полная достовѣрность остается на сторонѣ скандинавскаго происхожденія. Эта достовѣрность основывается на нѣкоторыхъ географическихъ указаніяхъ Нестора, на скандинавскихъ именахъ первыхъ нашихъ князей и ихъ дружины, на тѣсныхъ связяхъ, которыя долгое время существовали между этими князьями и скандинавскими конунгами, и пр.

Добровольное же призваніе князей подвержено сомнѣнію. Очень можетъ быть, что Варяги-Русь были призваны на помощь и потомъ утвердили здѣсь свое господство, или просто покорили Новогородскихъ Славянъ и сосѣднихъ съ ними Финновъ.

II. ПЕРВЫЕ РУССКІЕ КНЯЗЬЯ — ЗАВОЕВАТЕЛИ*.

Рюрикъ. По смерти своихъ братьевъ Рюрикъ одинъ завладѣлъ всею Новогородскою областью; онъ укрѣпилъ важнѣйшіе ея пункты городами, и размѣстилъ по нимъ свою дружину, которая удерживала въ покорности окрестныхъ жителей. Новогородцы однакоже пытались при немъ свергнуть владычество иноземной дружины, но не удачно; на эту попытку указываетъ темное преданіе о замыслахъ Вадима, который палъ отъ руки самого Рюрика.

---

* Извѣстія Нестора о первыхъ русскихъ князьяхъ, основанныя большею частію на народныхъ преданіяхъ, не вполнѣ достовѣрны относительно своихъ подробностей. Нѣкоторые изъ нихъ впрочемъ подтверждаются византійскими и западными писателями (каковы: императоръ Константинъ Багрянородный, Левъ Діаконъ, Ліутпрандъ епископъ Кремонскій, Дитмаръ епископъ Мерзебургскій и др.); а также и скандинавскими сагами.

Около того же времени на югѣ, у днѣпровскихъ Славянъ основано было другое варяжское княжество: единоземцы Рюрика Аскольдъ и Диръ, по словамъ преданія, заняли Кіевъ, освободили Полянъ отъ козарской дани и начали господствовать въ ихъ землѣ. По обычаю норманскихъ викинговъ они предпринимали морской набѣгъ на Греческую имперію въ надеждѣ получить большую добычу; но буря разсѣяла ихъ лодки, и князья безъ успѣха воротились въ Кіевъ.

На берегахъ Западной Двины, въ Полоцкой области, встрѣчается потомъ третье владѣніе (съ княземъ Рогволдомъ), по всей вѣроятности также основанное Варягами.

Олегъ. Рюрику наслѣдовалъ его родственникъ Олегъ (879 г.), князь необыкновенно умный и предпріимчивый. Первымъ его дѣломъ было соединеніе варяжскихъ владѣній, находившихся въ землѣ Восточныхъ Славянъ. Онъ двинулся на югъ по великому водному пути, покорилъ встрѣчавшіяся ему племена, захватилъ Кіевъ и утвердилъ здѣсь столицу своего княжества (назвавъ его «матерью русскихъ городовъ»).

Несторъ расказываетъ, что Олегъ овладѣлъ Кіевомъ посредствомъ хитрости. Оставивъ позади главную рать, онъ съ небольшой дружиною, скрытою въ лодкахъ, подошелъ къ городу и послалъ звать Аскольда и Дира на свиданье съ варяжскими купцами, которые отправляются въ Грецію. Довѣрчивые витязи спустились изъ крѣпости на берегъ Днѣпра; но тотчасъ же были окружены непріятелями. «Вы не князья и не княжескаго рода»—сказалъ имъ Олегъ;—«но я князь», и указавъ на маленькаго Игоря, прибавилъ: «а вотъ сынъ Рюрика». Аскольдъ и Диръ были убиты и погребены на одномъ сосѣднемъ холмѣ.

Далѣе, онъ подчинилъ себѣ Славянъ, жившихъ къ востоку и западу отъ Днѣпра (Сѣверянъ, Радимичей и Древлянъ),

наложилъ на нихъ дань, и построилъ въ ихъ землѣ крѣпости, въ которыхъ посадилъ своихъ мужей съ военными отрядами. Не довольствуясь скудною данью славянскихъ народовъ, Олегъ совершилъ походъ на Византію. Онъ принудилъ Византійскаго императора заплатить большой окупъ; заключилъ съ нимъ договоръ, весьма выгодный для русскихъ купцовъ, торговавшихъ въ Греціи, и воротился въ Кіевъ съ богатою добычею, которая состояла изъ золота, шелковыхъ тканей (паволоки), греческихъ винъ и прочихъ товаровъ. Народъ дивился необыкновенной удачѣ своего князя и прозвалъ его *вѣщимъ*, т. е. чародѣемъ. Самая смерть его (912 г.) была украшена особымъ преданіемъ: по словамъ этого преданія, Олегъ погибъ отъ своего коня, о чемъ будто бы заранѣе предсказалъ ему одинъ кудесникъ.

Игорь. Мѣсто вѣщаго Олега заступилъ сынъ Рюрика Игорь. Княженіе его не было ознаменовано никакимъ громкимъ подвигомъ. Игорь долженъ былъ съ одной стороны усмирять возмутившіяся славянскія племена—въ особенности Древлянъ, которые упорнѣе другихъ боролись за свою независимость, съ другой отражать хищныя орды Печенѣговъ. Тѣснимые другими кочевыми народами, Печенѣги изъ Уральскихъ степей перешли въ южную Россію; они отличались чрезвычайною дикостію и свирѣпостію. Вооруженные копьями и стрѣлами, ихъ наѣздники стремительно бросались на непріятеля, поднимая страшный крикъ; а въ случаѣ неудачи они тотчасъ показывали ему тылъ, и на своихъ быстрыхъ коняхъ легко спасались отъ преслѣдованія. Не только южные предѣлы Руси, но и самый Кіевъ съ тѣхъ поръ находился въ опасности отъ этого хищнаго народа. Торговыя сношенія съ Греками сдѣлались гораздо затруднительнѣе, потому что печенѣжскія шайки около днѣпровскихъ пороговъ поджидали обыкновенно купеческія суда.

По примѣру своего предшественника Игорь предпринималъ походы на Византію; но онъ не имѣлъ успѣха. (Неудачу свою Русскіе приписали зажигательнымъ снарядамъ, которыми Греки сожгли большую часть Игорева флота). Новый договоръ, заключенный съ Греками, былъ не такъ выгоденъ, какъ прежній.

Цари Греческіе, подтвердивъ клятвою этотъ договоръ, отправили пословъ въ Кіевъ, чтобы привести къ такой же клятвѣ Игоря и его воиновъ. Дружина княжеская состояла въ то время изъ язычниковъ и христіанъ. Первые вмѣстѣ съ Игоремъ пошли на холмъ, гдѣ стоялъ идолъ главнаго ихъ бога Перуна. Сложивъ на землю свои щиты, золотыя кольца, обнаженныя мечи и остальное оружіе, они въ присутствіи пословъ произнесли слѣдующую клятву: «Пусть мы не будемъ имѣть помощи отъ Перуна и не укроютъ насъ щиты наши, если задумаемъ разрушить миръ съ Греками; пусть будемъ тогда изрублены своими мечами, погибнемъ отъ собственныхъ стрѣлъ или отъ другаго оружія, и да будемъ рабами въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ». Между тѣмъ крещеная Русь присягала именемъ христіанскаго Бога въ соборномъ храмѣ Иліи. Дружба и любовь съ Греками, по словамъ договорной грамоты, должны были сохраняться до тѣхъ поръ, пока сіяетъ солнце и стоитъ міръ.

Зависимость покоренныхъ племенъ отъ Кіевскаго князя выражалась преимущественно тѣмъ, что они платили ему ежегодную дань. Для сбора этой дани князья посылали воеводъ или ходили сами съ своею дружиною. Во время одного изъ такихъ походовъ въ Древлянскую землю жители ея возмутились и убили Игоря (945 г.).

Ольга. Послѣ Игоря княжествомъ управляла его супруга Ольга, потому что сынъ Святославъ былъ еще малолѣтенъ. Совершивъ кровавую месть надъ убійцами своего мужа, она

усмирила непокорныхъ Древлянъ и сожгла ихъ главный городъ Коростенъ. Потомъ, подобно своимъ предшественникамъ, она объѣзжала съ дружиною подчиненныя племена, творила между ними судъ и болѣе точнымъ образомъ опредѣляла количество ихъ дани. Вообще дѣятельность Ольги украшена многими баснословными преданіями, въ которыхъ она изображается женщиною необыкновенно хитрою, съ твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ *. Но особенно Ольга прославилась принятіемъ христіанства. Она совершила путешествіе въ Константинополь, гдѣ и былъ исполненъ надъ нею обрядъ крещенія (957 г.).

Святославъ. На всѣ увѣщанія матери принять новую религію Святославъ отвѣчалъ упорнымъ отказомъ: христіанская вѣра не нравилась воинственному и суровому князю. Получивъ власть въ свои руки, онъ вполнѣ предался страсти къ походамъ и завоеваніямъ. Лѣтописецъ изображаетъ его характеръ и привычки слѣдующими словами: «Онъ ходилъ на непріятелей съ быстротою барса; въ походахъ не возилъ за собою ни возовъ, ни котловъ и не варилъ мяса; но, мелко изрѣзавъ конину, говядину или звѣрину, пекъ на угольяхъ и ѣлъ; спалъ безъ шатра, подославъ подъ себя конскій потникъ и положивъ въ изголовье сѣдло. Таковы были и всѣ его воины». Послѣ Олега, на востокъ отъ Днѣпра только одно славянское племя не было подвластно Русскому князю, именно Вятичи, платившіе дань Козарамъ; Святославъ побѣдилъ Ко-

* Вотъ что расказываютъ о ея кровавой мести: Древляне прислали просить Ольгу, чтобъ она вышла замужъ за ихъ князя Мала. Первыхъ пословъ Ольга велѣла бросить въ глубокую яму вмѣстѣ съ лодкою на которой они приплыли; другихъ пословъ сожгла въ банѣ, третьихъ велѣла избить на могилѣ мужа, въ то время какъ они вмѣстѣ съ нею совершали тризну. А Коростенъ она сожгла посредствомъ воробьевъ и голубей, которыхъ взяла съ каждаго дома вмѣсто дани.

заръ и подчинилъ себѣ Вятичей. За тѣмъ по приглашенію Византійскаго императора Никифора Фоки, онъ обратилъ свое оружіе противъ Дунайскихъ Болгаръ, и завоевалъ ихъ землю.

Но между тѣмъ Печенѣги напали на Кіевъ, и едва имъ не овладѣли (смѣлость одного воина, умѣвшаго говорить по-печенѣжски, спасаетъ городъ); вѣсть о томъ заставила князя воротиться назадъ. Однако онъ не долго оставался въ Кіевѣ, и вслѣдъ за кончиною Ольги опять поспѣшилъ въ Болгарію. Страна эта такъ понравилась Святославу, что онъ хотѣлъ перенести свою столицу на берега Дуная въ городъ Переяславецъ. «Туда (говорилъ онъ матери) сходится все хорошее: изъ Греціи — золото, паволоки, вина и разные плоды; изъ Чехіи и Венгріи — серебро и кони, изъ Руси — мѣха, воскъ, медъ и невольники». Но вторичное завоеваніе Болгаріи повлекло за собою борьбу съ Греками. На византійскомъ престолѣ мѣсто Никифора Фоки занялъ его убійца Іоаннъ Цимисхій, бывшій весьма храбрымъ и искуснымъ полководцемъ. Онъ потребовалъ, чтобы Русскій князь удалился изъ Болгаріи, и, получивъ отказъ, самъ повелъ на него многочисленныя войска. Послѣ упорной обороны Святославъ принужденъ былъ уступить, и заключилъ миръ.

Проигравъ главное сраженіе въ открытомъ полѣ, Святославъ заперся въ крѣпости Доростолѣ (Силистрія) и здѣсь былъ осажденъ Цимисхіемъ. Русскіе нѣсколько разъ выходили на битву съ Греками и мужествомъ своимъ удивляли непріятелей. Нерѣдко, побѣжденные превосходными силами, они обращали тылъ; но шли назадъ медленно, закинувъ за плечи свои длинные щиты. Иногда ночью при свѣтѣ луны они выходили изъ города; сожигали тѣла павшихъ товарищей, убивали надъ ними плѣнниковъ, и съ какими-то священными обрядами погружали въ волны Дуная младенцевъ и пѣтуховъ. Заключивъ миръ, Святославъ пожелалъ имѣть свиданіе съ императоромъ, и получилъ согласіе. Одинъ изъ Ви-

зантійскихъ историковъ (Левъ Діаконъ) такъ описываетъ это свиданіе:

«Іоаннъ въ блестящихъ латахъ на конѣ подъѣхалъ къ берегу Дуная; его окружалъ многочисленный отрядъ всадниковъ, у которыхъ доспѣхи были покрыты золотомъ. Между тѣмъ Святославъ приближался въ лодкѣ, дѣйствуя весломъ наравнѣ съ другими гребцами. Онъ казался средняго роста и весьма строенъ; имѣлъ широкую грудь, плоскій носъ, голубые глаза и длинные косматые усы. Волосы на его головѣ были выстрижены за исключеніемъ одного локона—знакъ благороднаго происхожденія; въ одномъ ухѣ висѣла золотая серьга, украшенная рубиномъ и двумя жемчужинами. Вся наружность князя представляла что-то мрачное и суровое. Бѣлая одежда его только чистотою отличалась отъ другихъ русскихъ. Не выходя изъ лодки, Святославъ поговорилъ немного съ императоромъ и отправился назадъ».

Возвращаясь въ Кіевъ съ остатками своей дружины, Русскій князь погибъ въ битвѣ съ Печенѣгами, которые дожидались его у днѣпровскихъ пороговъ (972 г.).

Владиміръ. Отправляясь въ Болгарію, Святославъ роздалъ удѣлы своимъ сыновьямъ: старшему Ярополку онъ предоставилъ Кіевскую область, Олегу Древлянскую и младшему Владиміру Новогородскую. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ раздѣленія были междоусобныя войны. Олегъ погибъ въ борьбѣ съ Ярополкомъ, и Древлянскій удѣлъ перешелъ въ руки старшаго брата, который также хотѣлъ захватить и Новогородскій. Тогда юный Владиміръ бѣжалъ съ своимъ дядею Добрынею за море къ Варягамъ, и привелъ оттуда наемное войско. Сначала онъ пошелъ на Полоцкаго князя Рогволда, завоевалъ его княжество, убилъ его самого вмѣстѣ съ сыновьями, и насильно взялъ себѣ въ жены его дочь гордую Рогнѣду (которая прежде отказала въ своей рукѣ Владиміру, по-

тому что онъ былъ рожденъ отъ рабыни). Потомъ онъ овладѣлъ Кіевомъ, и, заманивъ къ себѣ Ярополка, приказалъ его умертвить (980 г.). Когда такимъ образомъ единодержавіе было возстановлено, Владиміръ снова покорилъ нѣкоторыя отложившіяся племена, и совершилъ нѣсколько удачныхъ походовъ на сосѣдей: Поляковъ, Ятвяговъ и Камскихъ Болгаръ. Но этотъ воинственный и жестокій князь сдѣлался знаменитъ въ исторіи не столько своими побѣдами, сколько принятіемъ христіанской религіи и распространеніемъ ея между Славянами.

Введеніе христіанства. Подобно всѣмъ языческимъ народамъ древніе Славяне смотрѣли на окружающую природу какъ на существо живое, и отдѣльныя стихіи представлялись ихъ воображенію въ видѣ различныхъ божествъ. Между ними главныя мѣста въ IX и X вв. занимали: Перунъ, божество грозное и воинственное, олицетворявшее собою вообще огонь, а преимущественно громъ и молнію; Волосъ, покровитель стадъ; Стрибогъ, повелѣвавшій вѣтрами; солнцу же поклонялись подъ именами Дажбога и Хорса. Впрочемъ эти боги не вездѣ имѣли одинаковое значеніе. За ними слѣдуетъ многочисленный сонмъ низшихъ духовъ, которыми воображеніе народа населяло весь видимый міръ. Такъ въ глубинѣ каждаго озера или рѣки, по его понятію, жилъ *водяной дѣдушка,* а въ чащѣ темнаго лѣса обиталъ лѣсной духъ *(лѣшій)*. Славяне вѣрили въ загробную жизнь, и почитали тѣни своихъ предковъ, которыя будто бы оставались въ домѣ потомковъ и охраняли его отъ разныхъ бѣдъ (*Чуръ*, *домовой*); а души умершихъ дѣтей представлялись имъ въ образѣ *русалокъ*. Вообще языческая религія у восточныхъ Славянъ не достигла высокой степени развитія: повидимому они не имѣли у себя ни храмовъ, ни общественнаго богослуженія, ни особаго сословія жрецовъ, и въ каждомъ семействѣ старшіе члены сами прино-

сили жертвы богамъ. Однако существовали люди, о которыхъ думали, что они находятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ богами, получаютъ сверхъестественныя силы, могутъ предсказывать будущее, творить заклинанія и пр., таковы: *волхвы* (которыхъ вліяніе было особенно сильно на сѣверѣ), *кудесники* (или колдуны) и *вѣдьмы*. Послѣ пришествія варяжскихъ князей упоминаются и человѣкообразные кумиры главныхъ боговъ.

Въ первое время своего княженія Владиміръ отличался жестокостію, женолюбіемъ (имѣлъ нѣсколько сотъ наложницъ) и особенною ревностію къ языческой религіи: онъ приказывалъ ставить идоловъ и приносить имъ кровавыя жертвы. Въ Кіевѣ поставили при немъ деревянный истуканъ Перуна съ серебряною головою и золотыми усами; подобный истуканъ былъ воздвигнутъ и въ Новгородѣ на берегу Волхова. Въ Ростовѣ стоялъ идолъ Волоса «скотьяго бога». Народъ въ угоду князю приносилъ идоламъ на закланіе своихъ дѣтей, избираемыхъ по жребію. Разъ въ Кіевѣ упалъ жребій на христіанскаго мальчика изъ Варяговъ; отецъ не захотѣлъ выдать сына кіевскимъ старѣйшинамъ, и оба они были убиты разсвирѣпѣвшею толпою язычниковъ.

Но языческая религія не могла долѣе выдерживать борьбу съ христіанскою проповѣдью. Уже въ IX вѣкѣ греческая вѣра утвердилась въ Кіевѣ; при Игорѣ здѣсь былъ храмъ св. Иліи и часть княжеской дружины состояла изъ христіанъ; при Ольгѣ число ихъ увеличилось еще болѣе. Убѣжденія греческихъ проповѣдниковъ поколебали наконецъ самого Владиміра, и онъ, посовѣтовавшись съ своими боярами и кіевскими старѣйшинами, задумалъ принять новую вѣру. (*Посольство, отправленное въ разныя земли для испытанія различныхъ религій, поражено красотою византійскаго богослуженія*). Въ то время случилась война съ Греками; Владиміръ

предпринялъ походъ на Таврическій полуостровъ и осадилъ Корсунь; граждане защищались мужественно, и князь далъ обѣтъ креститься, если возьметъ городъ. Когда же Корсунцы сдались, онъ послалъ просить у Греческихъ императоровъ Василія и Константина руку ихъ сестры Анны, и объявилъ о своемъ намѣреніи креститься. Обрадованные цари поспѣшили прислать сестру и священниковъ, которые немедленно окрестили Русскаго князя, его сыновей и дружину (988 г.).

Въ Кіевѣ Владиміръ приказалъ истреблять языческіе жертвенники (требища) и сокрушать идоловъ. Перунъ по его повелѣнію былъ привязанъ къ конскому хвосту и осыпаемый палочными ударами свезенъ въ Днѣпръ; народъ плакалъ, смотря на такое поруганіе своего бога. Священники между тѣмъ ходили по городу и проповѣдывали христіанство. Такъ какъ многіе граждане медлили принять новую религію, то князь поступилъ рѣшительно; онъ велѣлъ кіевлянамъ собраться на берегъ Днѣпра, и здѣсь торжественно былъ совершенъ надъ ними обрядъ крещенія. Послѣ того Владиміръ посылалъ проповѣдниковъ по другимъ русскимъ городамъ и строилъ вездѣ христіанскіе храмы; желая образовать собственное русское духовенство, онъ приказывалъ набирать мальчиковъ и отдавать ихъ для книжнаго обученія священникамъ, пріѣхавшимъ изъ Греціи и Болгаріи. Матери этихъ мальчиковъ, по замѣчанію лѣтописца, оплакивали ихъ какъ мертвыхъ, «потому что еще неутвердились въ новой вѣрѣ». Вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою въ Россію перешли и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ*. Христіанство распространилось сначала по великому водному пути изъ Кіева до Новгорода и вообще

* Письмена славянскія изобрѣтены въ IX в. св. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ для Дунайскихъ Болгаръ и Моравовъ. Есть извѣстіе, что эти братья приходили также въ землю южно-русскихъ Славянъ и проповѣдывали здѣсь христіанство.

по главнымъ городамъ, въ другихъ же мѣстахъ долго еще господствовало язычество. Особенно упорное сопротивленіе новая религія встрѣтила на сѣверѣ по сосѣдству съ Финнами. Въ Новгородѣ язычники подняли мятежъ и были усмирены только силою оружія, послѣ чего, также какъ кіевлянъ, ихъ собрали на рѣку Волховъ, и окрестили. Идолъ Перуна съ такимъ же поруганіемъ, какъ въ Кіевѣ, былъ брошенъ въ Волховъ*.

Сдѣлавшись христіаниномъ, Владиміръ не стремился болѣе къ расширенію русскихъ предѣловъ; а заботился о томъ, чтобъ обезопасить ихъ отъ внѣшнихъ непріятелей, особенно со стороны Печенѣговъ. Съ этою цѣлію князь строилъ по Днѣпру и его притокамъ новыя города и населялъ ихъ военными людьми изъ сѣверныхъ областей. Кромѣ того онъ нерѣдко выходилъ въ поле съ своей храброй дружиной, чтобы отражать набѣги степныхъ варваровъ; или посылалъ воеводъ усмирять мятежи и разбои язычниковъ, которые изъ городовъ бѣжали въ лѣса и степи и тамъ собирались въ многочисленныя шайки. Лѣтописецъ-монахъ изображаетъ Владиміра — христіанина княземъ набожнымъ и ласковымъ. Онъ созидалъ храмы (напр. Десятинная церковь въ Кіевѣ), щедро надѣлялъ духовенство доходами и привилегіями, устроивалъ частые пиры на княжескомъ дворѣ для народа, раздавалъ большую милостыню нищимъ, а для больныхъ и слабыхъ приказывалъ развозить по городу медъ и съѣстные припасы. Особенно князь любилъ свою дружину и не жалѣлъ для нея имѣнія. Съ дружиною, по обычаю того времени, онъ совѣтовался о всѣхъ предпріятіяхъ, о военныхъ дѣлахъ и земскихъ уставахъ. Его щедрость и слава собрали около него лучшихъ

* Посадникъ Добрыня (дядя Владиміра) и тысяцкій Путята, усмиряя мятежъ, сожгли часть города. Отсюда сохранилась у новогородцевъ поговорка: «Путята, крестилъ мечемъ; а Добрыня огнемъ».

витязей того времени. (Изъ нихъ лѣтопись упоминаетъ Яна Усмовича, Рагдая богатыря и др.). Народныя русскія пѣсни до позднѣйшихъ временъ сохранили воспоминаніе о Владимірѣ «Красное Солнышко» и его «могучихъ богатыряхъ».

Сыновья Владиміра. Будучи отцомъ многочисленнаго семейства, Владиміръ почти всѣ свои области роздалъ въ управленіе сыновьямъ. Замѣчательнѣйшіе изъ нихъ были: Изяславъ (отъ Рогнѣды), получившій въ удѣлъ Полоцкое княжество, какъ наслѣдіе своего дѣда Рогволда; потомъ Святополкъ Туровскій, Ярославъ Новгородскій, Борисъ Ростовскій и Мстиславъ Тмутараканскій. Самою нѣжною отцовскою любовью пользовался Борисъ Ростовскій, кроткій, благочестивый юноша, подававшій прекрасныя надежды. Владиміръ отправилъ его съ кіевскою дружиною на Печенѣговъ, а самъ вскорѣ заболѣлъ и скончался въ своемъ любимомъ селѣ Берестовѣ (1015 г.). Святополкъ Туровскій немедленно прискакалъ въ Кіевъ, и объявилъ себя старшимъ, т. е. великимъ княземъ Кіевскимъ. Опасаясь соперничества со стороны Ростовскаго князя, онъ послалъ къ нему убійцъ. Между тѣмъ Борисъ, отпустивъ домой отцовскую дружину, оставался съ немногими отроками (т. е. воинами) въ шатрахъ на берегу рѣки Альты: здѣсь нашли его клевреты Святополка, и умертвили. Увлеченный успѣхомъ перваго злодѣянія, Туровскій князь замыслилъ истребить всѣхъ братьевъ, чтобы одному владѣть русскою землею. Ему удалось убить еще двоихъ (Глѣба Муромскаго и Святослава Древлянскаго); но Ярославъ Новгородскій положилъ конецъ такому злодѣйству.

Ярославъ въ то время находился въ ссорѣ съ Новогородцами. Причиною ссоры была наемная варяжская дружина, позволявшая себѣ обижать гражданъ и ихъ женъ. Новогородцы возстали противъ иноземцевъ и избили большую

часть варяговъ. Раздраженный Ярославъ измѣннически умертвилъ главныхъ зачинщиковъ возстанія. Вдругъ изъ Кіева отъ сестры Предславы пришло къ нему извѣстіе объ избіеніи братьевъ и о замыслахъ Святополка. Ярославъ поспѣшилъ помириться съ Новогородцами, и, присоединивъ къ нимъ варяговъ, пошелъ на Кіевъ. На встрѣчу ему вышелъ Святополкъ съ своею дружиною и наемными толпами печенѣговъ. Сѣверное и южное ополченіе сошлись на берегахъ Днѣпра подлѣ Любеча, и долго ни одно изъ нихъ не рѣшалось первымъ перейти рѣку. Воевода Святополковъ, по прозванью Волчій Хвостъ, по обычаю того времени, началъ осыпать противниковъ насмѣшками и бранью. «Эй вы плотники — кричалъ онъ Новогородцамъ черезъ рѣку — зачѣмъ пришли сюда съ вашимъ хромымъ княземъ? Вотъ мы васъ заставимъ рубить намъ хоромы». Новогородцы жестоко оскорбились; они въ ту же ночь переѣхали рѣку, и оттолкнули лодки отъ берега. Ярославъ велѣлъ имъ перевязать головы платками, чтобы въ сѣчѣ различать своихъ. Между тѣмъ Святополкъ, не ожидая нападенія, всю ночь пилъ съ своею дружиною. Печенѣги, стоявшіе за озеромъ, немогли помочь ему во̀-время, и дружина его потерпѣла полное пораженіе.

Побѣжденный Святополкъ нашелъ убѣжище у своего тестя Польскаго короля Болеслава Храбраго, и при его помощи снова занялъ Кіевъ. Но когда Болеславъ разсорился съ нимъ и ушелъ къ себѣ въ Польшу, Ярославъ съ новогородцами и варягами опять напалъ на Святополка, и поразилъ его на берегу Альты, тамъ гдѣ былъ умерщвленъ Борисъ. Святополкъ бѣжалъ и пропалъ безъ вѣсти; народъ далъ ему прозваніе *окаяннаго* (подобный Каину). А Борисъ и Глѣбъ пріобрѣли въ народѣ славу св. мучениковъ.

Ярославъ I. Окончивъ трудную борьбу съ свирѣпымъ братоубійцею, Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ, и, по выраженію лѣ-

тописи, «утеръ потъ съ своею дружиною». Онъ хотѣлъ завладѣть всѣми землями умершихъ братьевъ; но нашелъ опаснаго соперника въ Мстиславѣ Тмутараканскомъ, который уже успѣлъ прославить себя ратными подвигами въ странахъ Прикавказскихъ*. Послѣдній побѣдилъ старшаго брата и заставилъ его раздѣлить земли по поламъ. Только по смерти Мстислава, удалось Ярославу соединить въ своихъ рукахъ всю Русь, за исключеніемъ Полоцкаго удѣла. Онъ возвратилъ Червенскіе города (Галицію), завоеванные у Поляковъ Владиміромъ Св., но отнятые потомъ Болеславомъ Храбрымъ, и однажды нанесъ Печенѣгамъ такое сильное пораженіе, что они съ тѣхъ поръ почти прекратили свои набѣги. При немъ былъ послѣдній морской походъ на Византію: за неисполненіе договоровъ великій князь послалъ на Грековъ войско подъ начальствомъ одного изъ своихъ сыновей (Владиміра); но русскій флотъ потерпѣлъ крушеніе отъ бури.

Подобно своему отцу Ярославъ старался заселять пустынныя мѣста и укрѣплять границы. На югѣ со стороны степей онъ построилъ еще нѣсколько городовъ и населилъ ихъ отчасти плѣнными поляками. Изъ городовъ, основанныхъ имъ на сѣверѣ, замѣчательны Юрьевъ въ землѣ Чуди и Ярославль на берегу Волги; первый названъ христіанскимъ именемъ великаго князя, а второй языческимъ. Ярославъ занимался также устроеніемъ христіанской церкви, любилъ духовенство, особенно монаховъ; прилежно читалъ священныя книги, собиралъ писцовъ и заставлялъ переписывать руко-

* Лѣтопись разсказываетъ, что Мстиславъ однажды сошелся на битву съ косожскимъ княземъ и богатыремъ Редедею. Они условились рѣшить войну собственнымъ поединкомъ. Противники схватились. Мстиславъ одолѣлъ Редедю и взялъ его имѣніе, жену и дѣтей. Подобные поединки были въ обычаѣ того времени. Такъ при Владимірѣ Св. однажды война съ печенѣгами была рѣшена единоборствомъ русскаго юноши (Яна Усмовича) съ печенѣжскимъ богатыремъ, котораго онъ задушилъ въ своихъ объятіяхъ и бросилъ на землю.

писи или переводить книги съ греческаго на славянскій языкъ. Онъ любилъ строить и украшать храмы (изъ нихъ замѣчательны храмы св. Софьи въ Кіевѣ и въ Новгородѣ). Какъ и Владиміръ Св., онъ приказывалъ набирать мальчиковъ и отдавать ихъ въ ученье къ церковнослужителямъ. Вообще Ярославъ принималъ дѣятельное участіе въ распространеніи христіанства между подчиненными племенами.

Онъ сильно преслѣдовалъ языческихъ волхвовъ, которые часто волновали сѣверныя племена и возбуждали ихъ противъ новой религіи. Такъ въ 1014 г. въ Суздальской области былъ голодъ. Волхвы возмутили народъ, и начали избивать старыхъ женщинъ, обвиняя ихъ въ томъ, будто онѣ скрываютъ у себя хлѣбъ и причиняютъ голодъ. Услыхавъ о мятежѣ, Ярославъ, бывшій тогда въ Новгородѣ, поспѣшилъ въ Суздаль, схватилъ волхвовъ, однихъ казнилъ, другихъ заточилъ, и водворилъ тишину. Между тѣмъ многіе жители отправились по Волгѣ въ Камскую Болгарію, привезли оттуда хлѣба, и голодъ прекратился.

Ярославъ много заботился о водвореніи гражданскаго порядка и суда, и пользуется славою перваго русскаго законодателя: ему приписываютъ собраніе постановленій, извѣстное подъ именемъ «Русской Правды». Этотъ князь занималъ почетное мѣсто въ ряду современныхъ ему европейскихъ государей, и со многими изъ нихъ находился въ родственныхъ связяхъ*. Онъ умеръ въ 1054 году.

Въ тѣ времена еще не было понятія о Русской землѣ, какъ о единомъ, нераздѣльномъ государствѣ; князья считали ее своею собственностью и наравнѣ съ прочимъ имуществомъ дѣлили между сыновьями и другими родственниками. У Яро-

* А именно: съ королями Французскимъ, Венгерскимъ, Шведскимъ, Норвежскимъ, Польскимъ и съ императоромъ Греческимъ. Бракъ Ярославовой дочери Елизаветы съ Норвежскимъ принцемъ Гаральдомъ Смѣлымъ украшенъ въ сѣверныхъ сагахъ поэтическими подробностями.

слава оставалось въ живыхъ пять сыновей, и, по словамъ лѣтописца, онъ распорядился о наслѣдствѣ слѣдующимъ образомъ:

«Кіевъ и Новгородъ я поручаю старшему сыну моему Изяславу, котораго вы почитайте также какъ меня, потому что онъ будетъ вамъ вмѣсто отца; Святославу даю волость Черниговскую, Всеволоду Переяславскую, Игорю Владиміро-Волынскую, а Вячеславу Смоленскую». «Если будете жить въ любви и мирѣ,—замѣтилъ отецъ—то Богъ будетъ за васъ и покоритъ вамъ враговъ вашихъ. Если же возненавидите другъ друга и начнете жить между собою въ браняхъ и распряхъ, то сами погибнете и погубите землю своихъ отцовъ и дѣдовъ, которую они стяжали великими трудами». Потомъ, запретивъ имъ отнимать волости у братьевъ или изгонять ихъ, онъ обратился къ Изяславу, и прибавилъ: «Если же кто вздумаетъ обидѣть своего брата, то ты помогай обиженному».

III. Развитіе удѣльно-вѣчевой системы.

Сыновья Ярослава I. Нѣсколько лѣтъ они жили въ мирѣ и согласіи и общими силами боролись противъ внѣшнихъ враговъ. Въ то время на югѣ Россіи появился новый кочевой народъ Половцы. Отчасти истребивъ Печенѣговъ, отчасти смѣшавшись съ ними, они заняли южныя степи и открыли безпрерывные набѣги на русскія области. Изяславъ съ братьями попытался отразить варваровъ, но потерпѣлъ на первый разъ сильное пораженіе.

Прибѣжавъ съ поля битвы, кіевляне собрались на вѣче, и послали сказать великому князю: «Половцы разсѣялись по русской землѣ; дай намъ оружіе и коней; хотимъ еще биться съ ними». Изяславъ отказалъ. Тогда граждане подняли мятежъ, освободили изъ темницы князя полоцкаго Всеслава (который былъ обманомъ захваченъ въ плѣнъ своими дя-

дями Ярославичами), и провозгласили его великимъ княземъ. Изяславъ бѣжалъ въ Польшу къ своему родственнику Болеславу Смѣлому, и, получивъ отъ него помощь, пошелъ на Кіевъ. Всеславъ съ Кіевлянами вышелъ противъ него: но дорогою тайкомъ убѣжалъ въ свой Полоцкъ. Кіевляне воротились въ городъ, и на вѣчѣ рѣшили послать къ братьямъ великаго князя, чтобы они пришли и защитили Кіевъ отъ поляковъ и отъ мести Изяслава. «Если же не поможете намъ—говорили они,—то мы зажжемъ городъ и уйдемъ въ Греческую землю.» Святославъ и Всеволодъ дѣйствительно вступились за нихъ и велѣли сказать старшему брату: «Не води ляховъ на Кіевъ; если же хочешь погубить городъ, то знай, что намъ жаль отцовскаго стола.» Изяславъ послушался, но не вполнѣ. Сынъ его, вошедшій въ городъ съ передовой дружиной, многихъ гражданъ избилъ, а другихъ ослѣпилъ, мстя за освобожденіе Всеслава Полоцкаго.

Наконецъ и сами Ярославичи, позабывъ отцовское завѣщаніе, разсорились между собою: Святославъ и Всеволодъ вооружились на старшаго брата, и онъ принужденъ былъ удалиться въ Германію, а на Кіевскомъ столѣ сѣлъ Святославъ Черниговскій. Только послѣ смерти соперника Изяславъ помирился со Всеволодомъ и опять занялъ Кіевъ, но не надолго; онъ погибъ въ войнѣ съ собственными племянниками, которымъ не хотѣлъ дать наслѣдственныхъ удѣловъ (1078 г.).

На великокняжескомъ престолѣ, по понятіямъ того времени, долженъ былъ сидѣть старшій въ цѣломъ княжескомъ родѣ, и такъ какъ дяди считались старше своихъ племянниковъ, то Кіевъ перешелъ не къ сыну Изяслава, а къ его брату Всеволоду. Кромѣ продолжавшихся междоусобій, Россія страдала при немъ отъ половецкихъ набѣговъ, отъ голода, мора и корыстолюбія княжескихъ тіуновъ (судей). Только благодаря побѣдамъ своего знаменитаго сына Владиміра Мономаха,

ВЛАДИМІРЪ Св.

- Изяславъ. *Отъ него Полоцкіе князья.*
  - Брячиславъ.
    - Всеславъ.
- Святополкъ I.
  - Владиміръ.
    - Ростиславъ.
      - Василько.
      - Володарь. *Галицкіе.*
        - Владимірко.
          - Ярославъ Осм.
- Ярославъ I.
  - Изяславъ I.
    - Святополкъ II.
  - Святославъ.
    - Олегъ. *Чернигово-Сѣв.*
      - Мстиславъ I.
        - Изяславъ II. *Волынскіе.*
          - Мстиславъ II.
            - Романъ.
              - Даніилъ. *Король Галицкій.*
        - Ростиславъ. *Смоленскіе.*
          - Мстиславъ Храб.
            - Мстиславъ Удал.
    - Ярославъ. *Муромо-Рязан.*
      - Владиміръ-Мономахъ.
        - Юрій Долгорукій. *Суздальскіе.*
          - Андрей Богол.
            - Юрій.
              - Александръ Нев.
                - Даніилъ. *Московскіе.*
                - Иванъ I Калита.
                - Симеонъ Горд.
                - Иванъ II.
                - Дмитрій Донской.
                - Василій I.
                - Василій II Темн.
                - Иванъ III.
                - Василій III.
                - Иванъ IV Грозный.
                - Ѳеодоръ.
                - Юрій.
                - Дмитрій Шемяка.
            - Ярославъ. *Тверскіе.*
              - Михаилъ
          - Всеволодъ III.
  - Всеволодъ I.
- Борисъ.
- Глѣбъ.
- Мстиславъ.
- Игорь.
  - Давидъ.

Всеволодъ крѣпко держался на престолѣ до самой своей смерти (1093 г.). Изъ сыновей Ярослава I никого уже не было въ живыхъ, поэтому внукъ его Святополкъ Изяславичъ остался теперь старшимъ въ родѣ.

Событія при внукахъ Ярослава. Святополкъ II, подобно двумъ своимъ предшественникамъ, не имѣлъ достаточно ни ума, ни твердости характера, чтобы держать въ страхѣ внѣшнихъ враговъ и устранять внутреннія распри. Княженіе его ознаменовалось смутами и бѣдствіями; особенно сильны были междоусобія за Черниговъ и за Волынь.

Изяславъ I и Всеволодъ лишили своихъ племянниковъ Святославичей Черниговской волости, т. е. лучшей части ихъ наслѣдственнаго удѣла, предоставивъ имъ отдаленную Тмутаракань и бѣдныя Муромо-Рязанскія земли; таже несправедливость продолжалась и во время Святополка II. Но Святославичи ни за что не хотѣли отказаться отъ Чернигова и съ помощью наемныхъ половецкихъ дружинъ нѣсколько разъ пытались возвратить себѣ отцовскій городъ. Они первые распространили пагубный обычай князей: во время междоусобій призывать на помощь дикихъ половцевъ, которые жгли, грабили русскія земли и уводили множество плѣнныхъ въ свои станы или вежи. Между Святославичами болѣе всѣхъ прославился смѣлымъ безпокойнымъ характеромъ Олегъ, прозванный въ народѣ «Гориславичемъ». Наконецъ внуки Ярослава собрались на общій совѣтъ въ Любечѣ, и тутъ положили, чтобы каждый изъ нихъ владѣлъ отцовскимъ достояніемъ; Черниговская область поэтому была возвращена Святославичамъ. Договоръ свой князья по обычаю скрѣпили крестнымъ цѣлованіемъ и разъѣхались (1097 г.).

Но въ то время, какъ на востокѣ Россіи прекратилась борьба за Черниговъ, на западѣ началось сильное междоусо-

біе за волости Владиміро-Волынскія. На Любецкомъ съѣздѣ онѣ были раздѣлены между Давидомъ Игоревичемъ и его двоюродными племянниками Ростиславичами. Недовольный тѣмъ, что лучшая часть Волыни досталась на долю Василька и Володаря Ростиславичей и опасаясь имѣть въ сосѣдствѣ этихъ воинственныхъ князей, Давидъ Игоревичъ рѣшился на злодѣйскій поступокъ и первый нарушилъ крестное цѣлованіе съ братьями. Онъ обвинилъ передъ великимъ княземъ Василька въ разныхъ честолюбивыхъ замыслахъ, и такъ напугалъ легковѣрнаго Святополка, что тотъ заманилъ къ себѣ несчастнаго Ростиславича и выдалъ коварному Давиду; а послѣдній приказалъ его ослѣпить и посадить въ темницу.

Вотъ какимъ образомъ лѣтописецъ расказываетъ подробности этого чернаго дѣла:

Василько съ дружиною своею, возвращаясь изъ Любеча, проѣзжалъ мимо Кіева, и остановился ночевать недалеко отъ города. На слѣдующее утро Святополкъ прислалъ ему сказать: «не уходи отъ моихъ имянинъ». Василько отвѣчалъ, что спѣшитъ домой. Святополкъ просилъ его заѣхать хотя на короткое время. Тотъ согласился и съ нѣсколькими слугами поѣхалъ въ Кіевъ. Дорогою встрѣтилъ его одинъ отрокъ и сказалъ: «не ходи, князь, тебя хотятъ схватить». Князь не повѣрилъ отроку и продолжалъ путь. Въ теремѣ у Святополка онъ встрѣтился съ Давидомъ; между тѣмъ какъ хозяинъ разговаривалъ съ гостемъ, Давидъ сидѣлъ молча, потупивъ взоры. Святополкъ вышелъ изъ комнаты подъ предлогомъ распорядиться о завтракѣ; вслѣдъ за нимъ ушелъ и Давидъ. На Василька тотчасъ напали воины и заключили его въ оковы. На другой день (такъ какъ по обычаю князь о всякомъ важномъ дѣлѣ совѣтывался съ дружиною и лучшими людьми) Святополкъ собралъ своихъ бояръ вмѣстѣ съ кіевскими старѣйшинами, и сообщилъ имъ, что, по словамъ Давида, Василько и Владиміръ Мономахъ сговорились убить великаго

князя и завладѣть его городами. Совѣтники дали отвѣтъ уклончивый: «Ты, князь долженъ беречь свою голову, и, если это справедливо, Василько подлежитъ наказанію; но, если Давидъ сказалъ неправду, то пусть отвѣчаетъ за нее передъ Богомъ». Великій князь послѣ нѣкотораго колебанія склонился на увѣщанія Давида и отдалъ плѣнника въ его руки. Ночью Ростиславича привезли въ Бѣлгородъ и остановились съ нимъ въ одной избѣ. Здѣсь Василько увидалъ пастуха, точившаго ножъ; онъ догадался, что его хотятъ ослѣпить, и горько заплакалъ. Дѣйствительно, вошли два конюха, одинъ Святополковъ, другой Давидовъ, разослали коверъ и хотѣли повалить князя; тотъ отчаянно защищался; позвали еще двоихъ. Василька повалили, положили ему на грудь доски и сѣли на нихъ всѣ четверо; кости несчастнаго захрустѣли. Тогда пастухъ, точившій ножъ (родомъ Торчинъ) съ истинно звѣрскою жестокостью совершилъ ослѣпленіе . . . Замертво положили князя на телѣгу и повезли во Владиміръ. Когда проводники остановились обѣдать въ мѣстечкѣ Здвиженьѣ, они сняли съ Василька сорочку и отдали вымыть попадьѣ. Вымывъ ее и надѣвъ опять на князя, попадья начала плакать по немъ, какъ по мертвомъ. Отъ этого плача князь очнулся, выпилъ свѣжей воды, и, ощупавъ грудь, сказалъ: «зачѣмъ вы сняли съ меня окровавленную сорочку? Пусть я бы умеръ въ ней и вмѣстѣ съ нею явился передъ судомъ Всевышняго». Во Владимірѣ Давидъ посадилъ плѣнника въ темницу, и приставилъ къ нему 30 воиновъ. Стараніями Володаря однако Василько былъ освобожденъ, и въ слѣдующихъ за тѣмъ междоусобіяхъ онъ, хотя слѣпой, не разъ вмѣстѣ съ братомъ водилъ на битву свою дружину.

Владиміръ Мономахъ и другіе князья пришли въ сильное негодованіе, когда узнали о вѣроломномъ ослѣпленіи Василька. По требованію ихъ Святополкъ долженъ былъ наказать Давида за клевету. Произошла междоусобная война, которая окончилась новымъ съѣздомъ князей въ Витичевѣ, близъ Кіе-

ва. На этомъ сеймѣ Давидъ былъ наказанъ тѣмъ, что у него отняли Владиміръ-Волынскій.

Послѣ Витичевскаго съѣзда князья соединенными силами обратились на Половцевъ, и совершили нѣсколько славныхъ походовъ въ глубь половецкихъ степей. Главнымъ героемъ этихъ походовъ явился Владиміръ Мономахъ. Особенно замѣчательно сраженіе на берегахъ Сала; варвары, «подобно густому бору», со всѣхъ сторонъ окружили русское войско; но были разбиты на голову, и долго потомъ не смѣли тревожить Русскую землю.

По смерти Святополка II (1113 г.), Кіевъ по порядку старшинства долженъ былъ перейдти къ одному изъ Святославичей; но такъ какъ отецъ ихъ захватилъ великокняжескій столъ силою и скончался прежде старшаго брата, то не всѣ родичи признавали за ними право старшинства. Къ тому же Кіевское вѣче объявило рѣшительно, что оно никого не хочетъ имѣть своимъ княземъ кромѣ Владиміра Мономаха. Послѣдній дѣйствительно занялъ великое княженіе, и Святославичи на этотъ разъ молчаніемъ подтвердили его избраніе. Не даромъ Кіевляне питали такую любовь къ Мономаху: личными качествами и заслугами онъ рѣзко выдавался изъ толпы своихъ родичей. Лѣтопись изображаетъ его идеаломъ русскаго князя: онъ миритъ враждующихъ, свято соблюдаетъ крестное цѣлованіе; подаетъ примѣръ набожности, правосудія, гостепріимства, и превосходитъ всѣхъ воинскими доблестями. Послѣ Ярослава это былъ первый изъ его преемниковъ, который на самомъ дѣлѣ осуществилъ понятіе о великокняжеской власти; младшіе родичи повиновались ему какъ отцу; а тѣхъ, которые пытались завести междоусобія, онъ наказывалъ отнятіемъ удѣловъ. Внѣшніе враги присмирѣли, и тишина водворилась при немъ въ Русской землѣ. Мономахъ впрочемъ не упускалъ изъ виду собственныхъ интересовъ, и умѣлъ искусно воспользо-

ваться обстоятельствами для того, чтобы большую часть Руси соединить подъ властію своего дома.

Въ назиданіе сыновьямъ Владиміръ Мономахъ написалъ «Поученіе», въ которомъ изобразилъ свою неутомимую дѣятельность. Большую часть жизни онъ провелъ внѣ дома, большую часть ночей спалъ на сырой землѣ, дома и въ дорогѣ все дѣлалъ самъ и за всѣмъ присматривалъ; до свѣта поднимался съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною, судилъ людей, ѣздилъ на охоту и т. д. «Всѣхъ походовъ моихъ было 83, а другихъ маловажныхъ неупомню. На охотѣ въ лѣсахъ я вязалъ дикихъ коней вдругъ по нѣскольку, два раза буйволъ металъ меня на своихъ рогахъ, олень бодалъ, лось топтала ногами, вепрь сорвалъ мечъ съ бедра, медвѣдь прокусилъ сѣдло, волкъ повалилъ коня подо мною; но Богъ сохранилъ меня невредимымъ». Убѣждая дѣтей жить въ мирѣ и согласіи, онъ даетъ имъ между прочимъ слѣдующія наставленія: «Больше всего имѣйте страхъ Божій, не поддавайтесь лѣни; на войнѣ не полагайтесь на воеводъ, а за всѣмъ смотрите сами; женъ своихъ любите, но не давайте имъ надъ собою власти; стараго человѣка почитайте какъ отца, а молодаго какъ брата; строго соблюдайте правосудіе и крестное цѣлованіе; гостей и пословъ чтите, если не дарами, то питіемъ и брашномъ, ибо они распускаютъ въ чужихъ земляхъ и добрую и худую славу».

Мономаховичи и Ольговичи. Владиміру наслѣдовалъ старшій сынъ его Мстиславъ (1125 г.); умомъ и твердостью характера онъ походилъ на отца и подобно ему умѣлъ держать въ повиновеніи младшихъ князей. Когда полоцкіе князья не хотѣли признать его верховной власти и непослушали его призыва идти на Половцевъ, онъ изгналъ ихъ изъ наслѣдственныхъ удѣловъ. Послѣ смерти Мстислава въ самой семьѣ Мономаха произошли раздоры, которыми воспользовались сыновья

Олега Святославича; они завладѣли великимъ Кіевскимъ княженіемъ, но не могли долго удерживать его за собою. Кіевляне не любили Ольговичей и отличались особенною приверженностію къ роду Мономаха. Однажды они призвали къ себѣ на престолъ его внука Изяслава (1146 г.). Но, исполнивъ желаніе Кіевлянъ, послѣдній нарушилъ права родныхъ дядей. Одинъ изъ нихъ Юрій Суздальскій, прозванный «Долгорукимъ», предъявилъ свои права на старшій столъ; Изяславъ II не хотѣлъ уступить. Тогда между дядею и племянникомъ завязалась упорная борьба, замѣчательная какъ по личности соперниковъ, почти не уступавшихъ другъ другу въ талантахъ и энергіи, такъ и по своимъ размѣрамъ: едва ли не всѣ русскія княжества были увлечены въ эту борьбу; одни стояли за дядю, другіе за племянника; въ ней принимали участіе Венгры и Половцы. Храбрый Изяславъ былъ два раза изгнанъ изъ Кіева; однако при помощи зятя своего Венгерскаго короля онъ взялъ наконецъ верхъ, и умеръ великимъ княземъ (1154 г.).

Вотъ нѣкоторыя подробности изъ борьбы Изяслава съ Юріемъ, характеризующія то время:

Въ 1151 году Изяславъ съ помощью Венгровъ вторично отнялъ Кіевъ у Юрія Долгорукаго. Но чувствуя, что право старшинства остается на сторонѣ дяди, племянникъ призвалъ въ Кіевъ другаго своего дядю Вячеслава; послѣдній былъ старше Юрія Долгорукаго, но по своему добродушію и миролюбію не хотѣлъ оружіемъ добиваться кіевскаго княженія. Изяславъ призналъ Вячеслава великимъ княземъ кіевскимъ; а Вячеславъ усыновилъ его и оставилъ за нимъ дѣйствительную власть, удержавъ за собой только титулъ. Юрій однако не думалъ уступать противнику, соединился съ своими союзниками князьями черниговскими, призвалъ на помощь степныхъ варваровъ, и сталъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра противъ Кіева.

Сначала завязалась борьба на рѣкѣ; съ той и другой стороны выѣзжали воины въ ладьяхъ, и бились. Изяславъ искусно

устроилъ свои лодки: гребцы были закрыты сверху плетёной кладкой, на которой стояли стрѣлки въ броняхъ и метали стрѣлы; а рулевыхъ вели по двое, одинъ на носу, другой на кормѣ, такъ что лодки могли ходить впередъ и назадъ, не поворачивая. Неуспѣвъ переправиться подъ самымъ Кіевомъ, Юрій пошелъ выше на югъ. Мстиславъ съ кіевлянами и союзными князьями слѣдовалъ за нимъ по другому берегу. Наконецъ Юрію удалось переправиться: онъ послалъ одного изъ сыновей съ частію дружины и съ половцами далѣе, къ Зарубскому броду, у которыхъ стоялъ воевода Мстиславовъ съ небольшимъ отрядомъ. Половцы, имѣвъ копья и щиты, на коняхъ бросились въ бродъ; а русскіе пошли въ лодкахъ. Кіевская стража не стала защищать переправу, и обратилась въ бѣгство, «потому что никого изъ князей съ ней не было; а боярина не въ слушали». Вслѣдъ за сыномъ переправился Юрій со всѣмъ войскомъ. Мстиславъ отступилъ къ Кіеву и расположилъ свои силы около города. Въ его войскѣ, также какъ у Юрія, находились кочевые народы (Торки, Берендѣи и Печенѣги), извѣстные подъ общимъ названіемъ *Черныхъ Клобуковъ* (вѣроятно отъ своихъ черныхъ бараньихъ шапокъ). Эти народы, тѣснимые Половцами, поселились въ южныхъ кіевскихъ предѣлахъ и доставляли вспомогательные отряды великому князю. Но, также какъ и Половцы, они отличались хищнымъ характеромъ, и при случаѣ грабили своихъ же союзниковъ.

Владиміръ послалъ уговаривать Суздальскаго князя, чтобы онъ не проливалъ христіанской крови. «Я уже былъ братомъ, когда ты родился — велѣлъ онъ сказать Юрію; — хочешь ли ты опять лишить меня старшинства?» Юрій оставался непреклоннымъ; но, потерявъ нѣсколько людей, онъ отступилъ, и пошелъ на соединеніе съ своимъ союзникомъ сильнымъ галицкимъ княземъ Владиміромъ. Мстиславъ его преслѣдовалъ. Къ нему также шла помощь: сынъ Мстислава Мстиславъ прислалъ сказать, что онъ ведетъ многочисленные полки Ковуевъ, которые уже спустились съ Карпатскихъ горъ. Мстиславъ однако не сталъ ихъ дожидаться, потому что Владиміръ

могъ предупредить. На берегахъ Рута Кіевскій князь догналъ Юрія и принудилъ его остановиться. Ударили въ бубны, затрубили въ трубы; полки начали готовиться къ битвѣ. Войска Юрія устроилъ сынъ его Андрей (Боголюбскій), который обнаружилъ большую отвагу во время этой войны. Изяславъ, бывшій очень искуснымъ вождемъ, устроилъ кіевскую рать. Побѣда осталась на его сторонѣ. Половцы, смѣлые наѣздники въ мелкихъ войнахъ, не отличались стойкостію въ правильной битвѣ, и первые бросились бѣжать. Во время бѣгства много Юрьевой дружины потонуло въ тинистомъ Рутѣ. Побѣдитель Изяславъ тяжело раненный упалъ съ коня. Когда онъ поднялся съ земли, нѣкоторые пѣшіе кіевляне приняли его за непріятеля и хотѣли убить. «Я князь», сказалъ Изяславъ. «Тѣмъ лучше», отвѣчалъ одинъ изъ воиновъ, и ударилъ мечомъ по княжескому шлему, на которомъ блистало золотое изображеніе св. Пантелеймона. (Это было христіанское имя Изяслава). «Я вашъ князь», сказалъ Изяславъ, и снялъ шлемъ. Обрадованные кіевляне подняли его на руки, и провозгласили: «киріе элейсонъ!» (обычный молитвенный припѣвъ).

Послѣ смерти Изяслава II Кіевъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Когда же онъ достался сыну Изяслава (Мстиславу II), въ потомствѣ Мономаха произошла опять борьба между дядею и племянникомъ; только исходъ ея на этотъ разъ былъ другой. Андрей Боголюбскій (сынъ Долгорукаго) въ свою очередь предъявилъ права на старшинство, и суздальскія войска подступили къ Кіеву. Граждане рѣшились защищать своего князя; но городъ былъ взятъ приступомъ и преданъ на разграбленіе, чего, по замѣчанію лѣтописца, еще никогда не случалось съ «матерью русскихъ городовъ» (1169 г.). Этимъ однако униженіе не кончилось: завладѣвъ Кіевомъ, Андрей посадилъ тамъ одного изъ младшихъ братьевъ; самъ же, принявъ титулъ великаго князя, остался во Владимірѣ на Клязьмѣ. Съ тѣхъ поръ Кіевъ долженъ былъ раздѣлить свое прежнее значеніе

первопрестольнаго города съ едва извѣстнымъ дотолѣ Владиміромъ. Между тѣмъ какъ послѣдній сталъ все болѣе и болѣе возвышаться и сдѣлался главою сѣверо-восточной Руси, первый продолжалъ еще служить яблокомъ раздора для южнорусскихъ князей, и переходилъ во власть то Мономаховичей, то Ольговичей, пока татарскимъ разореніемъ не былъ нанесенъ ему окончательный ударъ *.

Около половины XII столѣтія, вслѣдствіе сильнаго размноженія Рюрикова потомства, Русь распадается на нѣсколько отдѣльныхъ, самостоятельныхъ княжествъ или «земель»; въ каждомъ изъ нихъ господствуетъ исключительно одна вѣтвь Рюриковичей, въ каждомъ есть свой старшій или великій князь и младшіе или удѣльные. По большой части здѣсь происходятъ тѣ же междоусобія за старшинство и за удѣлы, которыя мы видѣли въ исторіи сыновей и внуковъ Ярослава I. Въ тоже время подъ вліяніемъ самостоятельной жизни вырабатываются областныя особенности въ бытѣ и характерѣ населенія, въ связи съ его разнообразнымъ составомъ и географическимъ положеніемъ. Земли эти слѣдующія:

а) Суздальская. Она занимала обширныя пространства по верхнему и среднему теченію Волги и по ея притокамъ. Отличаясь суровымъ климатомъ, населенная бѣдными Финскими племенами (Весь и Меря), она считалась самымъ послѣднимъ удѣломъ между волостями Мономаха, и потому досталась младшему его сыну Юрію Долгорукому. Благодаря хозяйственной дѣятельности Юрія, этотъ глухой край вскорѣ оживился. Главною заботою князя было построеніе новыхъ

* Въ Кіевскомъ княжествѣ послѣ главнаго города заслуживаютъ вниманіе слѣдующіе удѣльные: Переяславль Русскій на р. Трубежѣ, Вышгородъ, Васильевъ и Триполь.

городовъ, которые онъ старался наполнить переселенцами изъ южной Руси. Такимъ образомъ славянская народность вмѣстѣ съ христіанствомъ начала мало-по-малу распространяться на финскомъ Поволжьѣ*. Кромѣ старинныхъ городовъ Ростова и Суздаля, здѣсь особенно замѣчательны: Ярославль на Волгѣ, Владиміръ на Клязьмѣ и Переяславль Залѣсскій на Переяславскомъ озерѣ. Юрій Долгорукій, положившій основаніе сильному Суздальскому княжеству, однако предпочиталъ ему Приднѣпровье и постоянно стремился въ Кіевъ. Послѣ смерти своего соперника Изяслава II онъ наконецъ достигъ своей цѣли и умеръ на югѣ (1157 г.).

Андрей Боголюбскій не подражалъ своему отцу въ стремленіи къ югу: извѣстно, что получивъ старшинство въ родѣ Мономаховичей, онъ не поѣхалъ въ Кіевъ и продолжалъ жить на сѣверѣ, который представлялъ болѣе тишины и безопасности отъ русскихъ усобицъ и половецкихъ набѣговъ. И здѣсь старымъ вѣчевымъ городамъ Ростову и Суздалю великій князь предпочелъ молодой Владиміръ. Возвеличенный и украшенный Боголюбскимъ, этотъ городъ сдѣлался столицею Суздальской области.

Андрей былъ первый изъ Русскихъ князей, который рѣшился начать борьбу съ удѣльною системою: такъ въ собственной землѣ онъ не раздавалъ удѣловъ ни братьямъ, ни племянникамъ, ни сыновьямъ, и княжилъ въ ней единодержавно; кромѣ того онъ явно стремился подчинить себѣ и другія русскія области. Когда былъ завоеванъ Кіевъ, Боголюбскій вступилъ въ борьбу съ Новогородцами, и, не смотря на неудачный походъ своего войска, заставилъ ихъ смириться, прекративъ подвозы хлѣба изъ волжскихъ городовъ. Подъ конецъ своей

* Впрочемъ, нѣкоторыя славянскія поселенія встрѣчаются въ тѣхъ мѣстахъ еще задолго до временъ Юрія. По всей вѣроятности онѣ были основаны Новогородцами.

жизни онъ однако утратилъ господство на югѣ: племянники его, смоленскіе Ростиславичи, оскорбленные повелительнымъ тономъ Андрея, не хотѣли болѣе ему повиноваться, и одинъ изъ нихъ Мстиславъ, по прозванію «Храбрый», разбилъ многочисленную суздальскую рать, пришедшую усмирять южныхъ князей. Стремясь возстановить на Руси единодержавіе Владиміра Св. или Ярослава I, Андрей въ тоже время хотѣлъ быть самодержавнымъ властителемъ въ своемъ собственномъ княжествѣ; онъ не терпѣлъ противорѣчій, гордо и сурово обращался съ своими дружинниками. Ожесточенные его непомѣрною строгостью, бояре наконецъ составили заговоръ и убили великаго князя въ его любимомъ селѣ Боголюбовѣ, 1174 г.

Въ Суздальской землѣ произошли смуты и междоусобія: племянники Боголюбскаго поспорили за старшинство съ его братьями. Племянниковъ поддерживало вѣче старинныхъ городовъ Ростова и Суздаля, которые завидовали возвышенію Владиміра, потому что онъ изъ младшаго или «пригорода» сдѣлался «стольнымъ княжескимъ городомъ.» «Владимірцы наши холопы и каменьщики — говорили Ростовцы; — пожжемъ ихъ городъ и опять поставимъ тамъ своего посадника.» Но Владимірцы, желая удержать свою самостоятельность, мужественно защищали братьевъ Андрея, и послѣдніе взяли верхъ. Одинъ изъ нихъ Всеволодъ III, по прозванью *Большое Гнѣздо* (т. е. отецъ многочисленнаго семейства), успокоилъ Суздальскую область и расширилъ ея предѣлы. Онъ предпринималъ удачные походы на Мордву и Камскихъ Болгаръ, подчинилъ себѣ Рязань, имѣлъ вліяніе на Новгородъ и на событія въ южной Руси. Вообще онъ можетъ служить образцомъ сѣверно-русскихъ князей, у которыхъ отличительными свойствами были: осторожность, бережливость и постоянство въ достиженіи своихъ цѣлей. Послѣ смерти Всеволода (1212), Суздаль-

ское княжество раздробилось и утратило отчасти свое вліяніе на остальную Русь.

Всеволодъ III, недовольный своимъ старшимъ сыномъ Константиномъ Ростовскимъ, отдалъ великокняжескій стольный городъ Владиміръ второму сыну Юрію. Вслѣдствіе этого по смерти отца братья начали междоусобіе, въ которомъ принялъ участіе и Новгородъ Великій. Около того времени Новогородцы призвали къ себѣ на княженіе третьяго сына Всеволодова Ярослава, удѣльнаго князя Переяславля Залѣсскаго. Этотъ жестокій и корыстолюбивый князь, поссорившись съ гражданами, уѣхалъ въ ихъ пригородъ Торжокъ, захватилъ многихъ новогородскихъ бояръ и купцовъ, и остановилъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ изъ волжскихъ областей. Новогородцы начали терпѣть голодъ. Тогда на помощь къ нимъ явился одинъ изъ смоленскихъ князей Мстиславъ Удалой. «Не быть Торжку выше Новгорода!—сказалъ онъ—или отыщу мужей и волости, или голову свою положу за Новгородъ». Онъ заключилъ союзъ съ Константиномъ Ростовскимъ; а Ярославъ соединился съ братомъ Юріемъ. Оба ополченія сошлись въ Суздальской землѣ на берегахъ Липицы. Мстиславъ и Константинъ предлагали миръ на выгодныхъ условіяхъ. Юрій и Ярославъ, надѣясь на численное превосходство своей рати, отвѣчали гордымъ отказомъ, и велѣли никого нещадить въ битвѣ, убивать даже и тѣхъ, на комъ будетъ шитое золотомъ оплечье (т. е. знатныхъ людей). Новогородцы сошли съ коней, сняли съ себя верхнюю одежду, сапоги, и пѣшіе ударили на суздальскій лагерь, расположенный на холмѣ за дебрями и плетнями. Мстиславъ съ сѣкирой на рукѣ сражался во главѣ конной дружины. Суздальцы были разбиты. Во время бѣгства Юрій сбросилъ съ себя доспѣхи, загналъ трехъ коней и на четвертомъ въ одной рубашкѣ прискакалъ во Владиміръ. Видя вдали скачущихъ всадниковъ, граждане подумали, что это гонцы отъ князя съ извѣстіемъ о побѣдѣ, и съ удивленіемъ узнали между ними самого князя. Онъ

уступилъ старшему брату Владимірскій столъ; а Ярославъ отпустилъ задержанныхъ имъ новогородскихъ бояръ и купцовъ. (1216 г.). Спустя три года, Константинъ умеръ, и Владимірское великое княженіе опять перешло къ Юрію II.

Ближайшими сосѣдями суздальцевъ на востокѣ было многочисленное финское племя Мордва. Это дикое и довольно воинственное племя управлялось собственными князьями, и долго сохраняло независимость подъ защитою своихъ дремучихъ лѣсовъ. Оно занималось отчасти земледѣліемъ и пчеловодствомъ: главнымъ же его занятіемъ была охота, и потому Мордвины мѣтко стрѣляли изъ лука. При своихъ походахъ на Мордву русскіе князья обыкновенно старались пользоваться междоусобіями мѣстныхъ владѣтелей. За Мордвою далѣе на востокъ лежала земля торговаго и богатаго народа Камскихъ Болгаръ. Но мирныя, торговыя сношенія русскихъ городовъ съ Болгарами нерѣдко нарушались русскими повольниками, которые грабили болгарскихъ купцовъ. Болгары мстили нападеніями на пограничныя области; а Владимірскіе великіе князья, собравъ удѣльныхъ князей, предпринимали походы и осаждали болгарскіе города. Походы на Мордву и Болгаръ совершались обыкновенно по Окѣ и Волгѣ: пѣшая рать плыла на судахъ, а конница ходила берегомъ. Таковы походы Андрея Боголюбскаго, Всеволода III и сына его Юрія II. Этотъ послѣдній для защиты сѣверо-восточныхъ границъ отъ Мордвы и Болгаръ построилъ крѣпость Нижній Новгородъ при впаденіи Оки въ Волгу.

b. Черниговская и Сѣверская обнимали почти всю рѣчную область Десны съ Сеймомъ и верхнее теченіе Оки (земли Сѣверянъ, Вятичей и отчасти Радимичей); онѣ принадлежали поколѣнію Ольговичей. Въ первой землѣ замѣчательные города: Черниговъ, Стародубъ и Любечъ, а во вто-

рой: Новгородъ Сѣверскій, Путивль, Курскъ и Брянскъ. Защищенные густыми лѣсами, Вятичи долго оставались дикимъ языческимъ племенемъ и управлялись собственными князьями. Только въ XII вѣкѣ они начали принимать христіанство, потеряли окончательно свою самостоятельность и вошли въ составъ Сѣверскихъ княжествъ. Между тѣмъ какъ Ольговичи Черниговскіе стремились завладѣть Кіевомъ и не разъ отнимали его у потомковъ Мономаха, Сѣверскіе должны были вести почти постоянную борьбу съ своими южными сосѣдями Половцами.

Половцы занимали въ тѣ времена почти всѣ южнорусскія степи, и дѣлились на орды, находившіяся подъ властію различныхъ хановъ. У нихъ встрѣчаются нѣкоторые города (Шарукань, Сугровъ и др.); но это былъ народъ по преимуществу кочевой и дикій. Они отличались хищнымъ, жестокимъ характеромъ, и, какъ всѣ кочевники, были хорошими наѣздниками. Пользуясь междоусобіями князей, они частыми набѣгами причиняли много разоренія русскимъ областямъ. Впрочемъ русскіе князья нерѣдко сами дружились съ половецкими ханами, вступали съ ними въ родство, а въ случаѣ неудачъ искали у нихъ убѣжища. Но иногда собирались нѣсколько князей и общими силами предпринимали походы противъ варваровъ. (Одинъ изъ походовъ сѣверскихъ князей воспѣтъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ»).

c) Муромская и Рязанская занимали среднее теченіе Оки и верховья Дона, т. е. земли финскихъ племенъ Муромы и Мещеры. Также какъ въ Суздальской землѣ, славянскій элементъ проникалъ сюда вмѣстѣ съ городами, которые строили русскіе князья. Главные изъ нихъ были: Муромъ, Рязань и Переяславль Рязанскій — всѣ трое на берегахъ Оки, Коломна при впаденіи Москвы въ Оку и Пронскъ на р. Про-

нѣ. Эта область считалась самою бѣдною въ удѣлѣ Святослава Ярославича и пришлась на долю его младшаго сына. Рязанскій край, разоряемый Половцами, ослабляемый внутренними междоусобіями, не могъ успѣшно бороться за свою самостоятельность съ великими князьями Владиміро-Суздальскими, и почти постоянно находился отъ нихъ въ зависимости. Не смотря на плодородіе почвы и богатство естественныхъ произведеній, населеніе этого края было очень бѣдно въ сравненіи съ другими русскими областями. Характеръ рязанцевъ вслѣдствіе постоянныхъ войнъ и борьбы съ степными сосѣдями отличался особенною воинственностію и грубыми нравами.

Образцомъ этой грубости и жестокости нравовъ служитъ слѣдующее событіе. Два рязанскіе князя Глѣбъ и Константинъ, подобно Святополку окаянному, задумали истребить своихъ братьевъ, чтобы завладѣть ихъ удѣлами, и съ этою цѣлью пригласили ихъ на съѣздъ. Шестеро князей (родные и двоюродные братья Глѣба и Константина) послѣдовали приглашенію, и расположились въ шатрахъ на берегу Оки, недалеко отъ главнаго города Рязани. Въ то время какъ они беззаботно пировали въ шатрѣ Глѣба, скрытые въ засадѣ слуги и Половцы по знаку хозяина бросились на гостей, и умертвили ихъ всѣхъ со многими боярами и слугами (1217 г.). Слѣдствіемъ этого злодѣянія были новыя междоусобія; братья, оставшіеся въ живыхъ, изгнали убійцъ изъ Рязанской земли.

d) Полоцкая лежала въ области Западной Двины и Березины (западная часть Кривичей). Главный или стольный городъ—Полоцкъ, а изъ удѣльныхъ замѣчательны: Минскъ и Витебскъ. Здѣсь господствовали потомки Рогнѣды. Между ними болѣе всѣхъ извѣстенъ Всеславъ (въXI в.), князь безпокойнаго, властолюбиваго характера и весьма хитрый, такъ что въ народныхъ преданіяхъ онъ является какимъ-то чаро-

дѣемъ. Потомки Всеслава, изгнанные изъ своихъ удѣловъ великимъ княземъ кіевскимъ Мстиславомъ I, во время междоусобія его преемниковъ, успѣли снова овладѣть своей наслѣдственной землею. Этотъ родъ болѣе другихъ отдѣлился отъ Рюрикова племени и мало принималъ участія въ событіяхъ остальной Руси. Будучи раздроблено на мелкіе удѣлы, часто враждебные другъ другу, княжество Полоцкое не могло воспрепятствовать Ливонскому Ордену утвердиться на берегахъ Двины въ началѣ XIII вѣка; а спустя нѣсколько времени, оно само подвергается Литовскому владычеству.

e) Смоленская находилась въ центрѣ всѣхъ Русскихъ областей, занимая верховья Днѣпра и Западной Двины (т. е. восточную часть Кривичей). Земля эта, пользуясь выгоднымъ положеніемъ, имѣла довольно густое и зажиточное населеніе; города ея отличались торговымъ, промышленнымъ духомъ, а жители менѣе другихъ страдали отъ внутреннихъ усобицъ и нападенія внѣшнихъ враговъ. Послѣ Смоленска наиболѣе извѣстны: Торопецъ, Можайскъ и Вязьма. Область Смоленская принадлежала дому Мономахова внука Ростислава. Изъ его потомковъ особенно прославились: Мстиславъ Храбрый (поразившій рать Андрея Боголюбскаго) и сынъ его Мстиславъ Удалой князь Торопецкій. Послѣдній считается образцомъ южно-русскаго князя по своему безпокойному, воинственному характеру, по своимъ блестящимъ, но безплоднымъ подвигамъ.

f) Волынь и Галиція. Волынская область въ тѣсномъ смыслѣ занимала систему р. Припети (Древляне и Бужане). Города: Владиміръ Волынскій, Луцкъ, Туровъ и др. Здѣсь княжила старшая линія Мономаховичей, т. е. потомство Изяслава II. Въ XII столѣтіи самымъ замѣчательнымъ княземъ

этой линіи былъ внукъ Изяслава Романъ, который соединилъ подъ властію своего дома княжества Волынское и Галицкое.

Галиція или Червонная Русь лежитъ на сѣверо-восточныхъ склонахъ Карпатскихъ горъ по верхнему теченію Днѣстра и Прута (страна Хорватовъ). Она составляла нѣкогда часть Волыни и на Любецкомъ сеймѣ отдана въ удѣлъ Васильку и Володарю Ростиславичамъ. Основателемъ собственно Галицкаго княжества былъ Владимірко, сынъ Володаря. Онъ построилъ на Днѣстрѣ городъ Галичъ и соединилъ подъ своею властью всю Червонную Русь. Кромѣ Галича у него были города: Перемышль, Теребовль и Звенигородъ. Онъ простиралъ властолюбивые замыслы на сосѣднюю Волынь и потому былъ усерднымъ союзникомъ Юрія Долгорукаго въ его борьбѣ съ Изяславомъ II. Владимірко въ особенности извѣстенъ своею хитростію и коварствомъ.

По окончаніи борьбы между Юріемъ Долгорукимъ и Изяславомъ II, Владимірко былъ стѣсненъ Кіевскимъ княземъ и Венгерскимъ королемъ. Онъ началъ молить о пощадѣ, подкупилъ совѣтниковъ Венгерскаго короля, и добился мира, присягнувъ возвратить Изяславу захваченные волынскіе города. Но лишь только опасность прошла, Владимірко перемѣнилъ тонъ и отказался исполнить условіе. Посланный къ нему отъ Изяслава бояринъ напомнилъ о крестномъ цѣлованіи. Князь посмѣялся надъ легковѣріемъ своихъ враговъ, и отослалъ боярина назадъ. Едва посолъ успѣлъ расположиться на первомъ ночлегѣ по дорогѣ въ Кіевъ, какъ прискакалъ княжескій отрокъ и воротилъ его въ Галичъ. Здѣсь посолъ съ удивленіемъ увидалъ сына Владиміркова Ярослава, сидящаго на княжескомъ престолѣ въ траурной одеждѣ. Бояре и слуги были также въ траурѣ. Владимірко внезапно скончался ударомъ. Ярославъ принялъ посла съ честію, и призналъ надъ собою старшинство Изяслава (1152 г.); впрочемъ онъ также не сдержалъ своихъ обѣщаній.

Еще сильнѣе сдѣлалась Галиція при сынѣ Владимірка Ярославѣ Осмомыслѣ *. Онъ впрочемъ прославился не столько военными дѣлами, сколько внутреннимъ устройствомъ княжества, заботами объ умноженіи населенія, объ успѣхахъ торговли и промышленности. Однако, не смотря на свое могущество, онъ не могъ укротить своеволіе галицкихъ бояръ. При тѣсномъ сосѣдствѣ съ Венгріей и Польшей (въ которыхъ господствовало сословіе магнатовъ) боярская аристократія усилилась въ Галичѣ болѣе, нежели въ другихъ частяхъ древней Руси; бояре имѣли вліяніе не только на внѣшнюю политику и внутреннее управленіе, но вмѣшивались и въ семейныя дѣла князя. (Будучи недовольны вліяніемъ княжеской любимицы Анастасьи, бояре сожгли ее живую, избили ея приверженцевъ, и взяли съ Ярослава клятву въ томъ, что онъ будетъ хорошо жить съ своею женою). Потомство Володаря Ростиславича въ скоромъ времени прекратилось (1198 г.), и тогда Галиція перешла во владѣніе Романа Волынскаго.

Романъ, князь воинственнаго, энергическаго характера, прославился своими побѣдами надъ Половцами и Литвою. Первые были такъ напуганы, что именемъ его стращали своихъ дѣтей; а литовскихъ плѣнниковъ, по словамъ преданія, онъ приказывалъ запрягать въ плуги и заставлялъ ихъ расчищать лѣсистую почву для пашни; откуда и произошла поговорка: «Романе! худымъ живеши, Литвою ореши». Завладѣвъ Галичемъ, князь началъ упорную борьбу съ боярами, и безпощадно казнилъ непокорныхъ. (Любимая его поговорка была: «Не раздавивши пчелъ, меду не ѣсть»). Но онъ не успѣлъ

* Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» поэтъ такими словами изображаетъ могущество галицкаго князя и его господство на всемъ югозападѣ Руси: «Ярославъ Осмомыслъ Галицкій! ты высоко сидишь на своемъ златокованномъ престолѣ и желѣзными полками своими подпираешь горы Карпатскія, затворяешь ворота Дуная, заступаешь путь королю Венгерскому, отворяешь по волѣ ворота Кіеву и далеко мечешь своими стрѣлами».

окончить этой борьбы и погибъ во время одного изъ своихъ походовъ на Польшу. Въ Галиціи и Волыни наступили смуты; въ ихъ дѣла вмѣшивались почти всѣ сосѣди (Венгры, Поляки и Русскіе князья). Переходя изъ рукъ въ руки, Галичъ на нѣкоторое время достался Мстиславу Удалому; а послѣ его смерти (1228 г.) здѣсь утвердился сынъ Романа Даніилъ. Онъ возобновилъ борьбу съ непокорными боярами, но не былъ такъ жестокъ, какъ его отецъ: съ умомъ и мужествомъ Даніилъ Романовичъ соединялъ замѣчательное благородство характера.

g) Новогородская община. Ей принадлежала великая озерная область, которая ограничивалась съ одной стороны частью Финскаго залива, Чудскимъ озеромъ и верховьями Волги, съ другой Бѣлымъ моремъ и Сѣверною Двиною. Область эта раздѣлялась впослѣдствіи на пять частей, называвшихся *пятинами*. Населеніе отчасти состояло изъ сѣверной отрасли Кривичей; а главную массу составляли Финны (Чудь, Ижера, Весь). Почва мѣстами песчаная, мѣстами топкая и очень лѣсистая, скудно вознаграждала трудъ земледѣльца, и край этотъ нерѣдко былъ посѣщаемъ голодными годами; но обиліе водяныхъ путей и торговый предпріимчивый духъ жителей съ избыткомъ вознаграждали бѣдность почвы. Столица области Новгородъ (Голмгардъ скандинавскихъ сагъ) лежалъ на обоихъ берегахъ р. Волхова; одна сторона его называлась Софійскою (отъ соборнаго храма св. Софьи), а другая Торговою; кромѣ того, онъ раздѣлялся на пять главныхъ частей или *концовъ* *. Замѣчательнѣйшіе пригороды были: Ладога, Руса, Великіе Луки, Торжокъ и Псковъ.

---

* Имена пятинъ: Бѣжецкая, Вотская, Деревская, Шелонская и Обонежская. Имена концовъ: Словенскій, Неревскій, Горничскій, Плотинскій и Загородскій.

Сначала Новгородъ находился въ полной зависимости отъ великихъ князей Кіевскихъ; но, упорно стремясь къ самостоятельности, онъ мало-по-малу пріобрѣлъ свободное, общинное управленіе. Ярославъ I за услуги, оказанныя ему Новогородцами въ борьбѣ съ Святополкомъ, даровалъ имъ многія льготы; дальнѣйшему развитію ихъ гражданской свободы помогли соперничество разныхъ линій княжескаго дома и богатства, пріобрѣтенныя торговлею. Община стала называть себя: «Господинъ Великій Новгородъ!» Верховная власть сосредоточилась въ рукахъ *вѣча*, т. е. народнаго собранія. Оно собиралось по звуку вѣчеваго колокола на такъ называемомъ «дворѣ Ярослава», и рѣшало самые важные вопросы, а именно: опредѣляло миръ или войну, избирало и смѣняло высшихъ сановниковъ, судило важнѣйшія преступленія и т. д. На вѣче сходились всѣ новогородскіе граждане, и дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ; когда же меньшинство не хотѣло согласиться, его принуждали къ тому силою. Такое неопредѣленное устройство вѣча часто подавало поводъ къ безпорядкамъ и нерѣдко дѣло доходило до драки. Иногда собиралось два вѣча: одно на Торговой (на дворѣ Ярослава), другое на Софійской сторонѣ (у собора св. Софьи), и распрю свою онѣ кончали обыкновенно общимъ рукопашнымъ боемъ на Волховскомъ мосту, если архіепископъ съ духовенствомъ вовремя не успѣвалъ прекратить междоусобіе.

Рядомъ съ вѣчемъ въ Новгородѣ продолжала существовать и княжеская власть; но она должна была уступить вѣчу первое мѣсто и даже находилась отъ него въ зависимости. Граждане принимали князя на условіяхъ; а потомъ, въ случаѣ неудовольствія, «показывали ему путь» изъ Новгорода, говоря: «мы не хотимъ тебя, ступай, куда хочешь», и призывали другаго. Впрочемъ недовольные князья иногда сами покидали городъ, въ которомъ принуждены были играть второстепенную роль.

(Такъ въ теченіе одного столѣтія ихъ перемѣнилось здѣсь до 30). Главную обязанность князя составляла защита отъ внѣшнихъ враговъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ ему принадлежалъ верховный судъ надъ гражданами. Вторымъ сановникомъ послѣ него былъ *посадникъ*, избиравшійся изъ богатыхъ, вліятельныхъ фамилій; онъ судилъ вмѣстѣ съ княземъ и замѣнялъ его, въ случаѣ отсутствія, въ городѣ и на войнѣ. Находящійся въ должности посадникъ назывался «степеннымъ» въ отличіе отъ прежнихъ или «старыхъ». Между княземъ и посадникомъ нерѣдко происходили споры, которые рѣшало вѣче.

Послѣ Липецкой битвы Мстиславъ Удалой княжилъ въ Новгородѣ около двухъ лѣтъ (отецъ его также былъ здѣсь княземъ и погребенъ въ Софійскомъ соборѣ). Не въ его характерѣ было оставаться долго на одномъ мѣстѣ. Въ 1218 году онъ объявилъ народу на вѣчѣ: «Кланяюсь св. Софьѣ, гробу отца моего и вамъ; иду добывать Галичъ (отъ Венгровъ), а васъ не забуду». Не смотря на просьбы гражданъ остаться, Мстиславъ уѣхалъ. Новогородцы призвали къ себѣ родственника его Святослава, одного изъ смоленскихъ князей. Но послѣдній завелъ распрю съ посадникомъ Твердиславомъ. Начались смуты: одна часть гражданъ возстала на посадника, другая вооружилась для его защиты. Цѣлую недѣлю въ городѣ происходили драки и бурныя вѣча. Наконецъ обѣ стороны помирились и цѣловали крестъ. Но тутъ Святославъ прислалъ на вѣче своего тысяцкаго сказать, что не хочетъ быть вмѣстѣ съ Твердиславомъ и отнимаетъ у него посадничество. «Въ чемъ онъ виноватъ?» спросили Новогородцы. «Безъ вины», отвѣчалъ тысяцкій. «Радуюсь, что на мнѣ нѣтъ никакой вины, замѣтилъ Твердиславъ; а вы братья вольны и въ князьяхъ и въ посадникахъ». Тогда народъ велѣлъ сказать князю: «Ты цѣловалъ намъ крестъ безъ вины мужа не лишать власти, а потому мы тебѣ кланяемся (т. е. можешь уходить, если хочешь), посадникъ нашъ, и по твоему не сдѣлаемъ». Князь долженъ былъ примириться съ посадникомъ.

Далѣе слѣдовали: *тысяцкіе*, *старосты концовъ*, *сотскіе* и другія выборныя власти. Кромѣ того, съ раннихъ временъ въ Новгородѣ начали выдѣляться знатные или боярскіе роды, которые возвысились надъ простыми гражданами (смердами) преимущественно своимъ богатствомъ, и сосредоточили въ своихъ рукахъ главные торговые обороты или большія поземельныя владѣнія. Духовная власть принадлежала владыкѣ или архіепископу, который принималъ важное участіе въ гражданскихъ дѣлахъ и особенно старался о примиреніи враждебныхъ партій. У него былъ свой особенный полкъ. Владыка былъ избираемъ по жребію и ѣздилъ на поставленіе къ русскому митрополиту. Сначала къ жребію прибѣгали въ случаѣ разногласія, потомъ онъ обратился въ обычай. Обыкновенно вѣче назначало трехъ кандидатовъ. Записки съ ихъ именами клали на трапезу въ Софійскомъ соборѣ, и посылали туда мальчика или слѣпца (впослѣдствіи священника); онъ бралъ два жребія; а чей оставался на трапезѣ, тотъ считался избраннымъ св. Софьею, и становился архіепископомъ.

Около половины XIII столѣтія, когда Новгородъ принялъ дѣятельное участіе въ ганзейской торговлѣ и Ганза учредила въ немъ одну изъ главныхъ торговыхъ конторъ, онъ достигаетъ полнаго развитія своихъ силъ. Господство его простиралось почти на весь сѣверъ Европейской Россіи; отдаленныя финскія племена (Пермь, Печера, Юрга) платили ему дань дорогими мѣхами и серебромъ. Новогородскія дружины не ограничивались однимъ взиманіемъ дани съ инородцевъ; въ ихъ землѣ они нерѣдко строили новые города и такимъ образомъ распространяли славянскую колонизацію на дальнемъ сѣверо-востокѣ Россіи. Такъ произошли «земли»: Двинская или *Заволочье*, Вологодская, Поморская и др. Утвержденію русскаго господства въ тѣхъ странахъ помогали особенно походы отважной новогородской молодежи, извѣстной подъ име-

немъ повольниковъ или «ушкуйниковъ» (ушкуй—лодка). Отряды повольниковъ спускались на лодкахъ внизъ по Волгѣ или поднимались вверхъ по ея притокамъ, грабили прибрежныхъ жителей; а иногда покоряли Новгороду новыя племена или полагали основаніе новымъ самостоятельнымъ общинамъ. Такую самостоятельную общину образовала Земля Вятская.

Въ 1174 г. дружина новогородскихъ повольниковъ изъ Волги поднялась вверхъ по Камѣ, потомъ вошла въ рѣку Вятку, и тутъ на высокомъ берегу рѣки увидала селеніе, укрѣпленное рвомъ и валомъ. Мѣсто понравилось новогородцамъ, и они рѣшились имъ овладѣть. Нѣсколько дней они говѣли, молились, потомъ сдѣлали приступъ, и взяли городокъ. Усиленные новыми выходцами, колонисты покорили часть окрестныхъ вотяковъ и черемисовъ, и построили городъ Хлыновъ, при впаденіи Хлыновицы въ Вятку. Они составили особую общину, которая имѣла новогородское устройство и управлялась собственнымъ вѣчемъ. Самостоятельность Вятской общины продолжалась около 300 лѣтъ.

Послѣ главнаго города второе мѣсто по богатству и значенію въ Новогородской области занялъ Псковъ (близъ впаденія р. Великой въ Псковское озеро). Сначала, какъ и всѣ пригороды, онъ управлялся посадникомъ, котораго назначало новогородское вѣче; но съ XII столѣтія Псковитяне обнаружили стремленіе завести у себя самостоятельное общинное управленіе и имѣть особаго князя. Впослѣдствіи они достигли своей цѣли, и подобно Новогородцамъ приняли участіе въ ганзейской торговлѣ *. Въ то же время Псковъ является главнымъ оплотомъ русскихъ предѣловъ со стороны Ливонскихъ рыцарей.

---

* Замѣчательна поговорка, указывающая на тѣсныя связи древнихъ Новогородцевъ и Псковитянъ: «Душа на Волховѣ, сердце на Великой».

Ливонскій орденъ. Прибалтійскій край, заключавшійся между Западною Двиною и Финскимъ заливомъ, былъ населенъ въ сѣверной части чудскимъ племенемъ (Эсты), а въ южной смѣсью Литвы и Чуди (Ливы); первая находилась въ зависимости отъ Новогородцевъ, вторая отъ Полоцкихъ князей. Когда германскіе купцы завели здѣсь торговлю съ туземцами, Бременскій архіепископъ во второй половинѣ XII вѣка прислалъ сюда монаха Мейнгарда въ качествѣ миссіонера. Мейнгардъ началъ крестить Ливовъ, строить церкви, и былъ поставленъ первымъ епископомъ Ливоніи. Замѣтивъ наконецъ властолюбивые замыслы пришельцевъ, туземные обитатели возстали противъ нѣмецкихъ проповѣдниковъ, и принявшіе христіанство опять возвращались къ язычеству; многіе изъ нихъ погружались въ Двину, думая смыть съ себя крещеніе и отослать его обратно въ Германію. Тогда Римскій папа велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ противъ Ливонцевъ. Епископъ Альбертъ Бускгевденъ прибылъ съ крестоноснымъ ополченіемъ на берега Двины, построилъ городъ Ригу (1200 г.), и съ разрѣшенія папы основалъ духовный рыцарскій орденъ подъ именемъ «Братства креста Господня» или «Ордена Меченосцевъ». Съ тѣхъ поръ туземцы, не смотря на упорную борьбу, мало-по-малу покорились нѣмцамъ и силою оружія обращены были въ христіанскую вѣру. Слабые Полоцкіе князья тщетно старались остановить успѣхи рыцарей; а Новогородцы, занятые внутренними дѣлами, вначалѣ не обратили на нихъ должнаго вниманія. Получая постоянныя подкрѣпленія изъ Западной Европы, рыцари взяли города Юрьевъ (Дерптъ), Медвѣжью Голову (Оденпе); впослѣдствіи получили отъ датчанъ Эстонію съ городомъ Колывань (Ревель), и такимъ образомъ завладѣли всѣмъ пространствомъ, извѣстнымъ теперь подъ именемъ Остъ-зейскаго края. Они усѣяли страну крѣпкими замками (Венденъ, Феллинъ, Вейсен-

штейнъ и др.), которые держали въ страхѣ туземцевъ и надолго утвердили здѣсь суровое владычество Ордена. Туземное литовское и финское населеніе обращено было въ крѣпостное состояніе. Дальнѣйшему распространенію нѣмецкаго владычества на сосѣднія области много мѣшали внутренніе раздоры. Магистръ или начальникъ Ордена скоро сдѣлался сильнѣе рижскаго архіепископа, и не только не считалъ себя его вассаломъ; а напротивъ хотѣлъ и его подчинить своему вліянію; отсюда возникла между ними долгая и подъ часъ ожесточенная вражда.

IV. НАЧАЛО МОНГОЛЬСКАГО ИГА.

На обширныхъ равнинахъ средней Азіи съ незапамятныхъ временъ кочевали монгольскія и татарскія орды, которыя состояли подъ управленіемъ своихъ князей или хановъ и постоянно вели между собою мелкія войны. Во второй половинѣ XII вѣка явился человѣкъ, который соединилъ многочисленныя орды кочевниковъ и двинулъ ихъ на сосѣдніе народы. Это былъ Темучинъ, прозванный Чингисъ Ханомъ, сынъ одного монгольскаго князя Десу-кая, котораго орда кочевала при истокахъ Амура. Сосѣднія государства подверглись страшному опустошенію, и должны были признать надъ собою власть дикихъ завоевателей. Своею свирѣпостью и непобѣдимостью Монголы навели такой ужасъ, что азіатскіе народы смотрѣли на нихъ какъ на неизбѣжную кару, посланную самимъ небомъ; жители селеній и городовъ иногда добровольно подставляли подъ удары свою шею, убѣжденные въ томъ, что всякое сопротивленіе безполезно.

Въ 1224 году полководцы Чингисъ-Хана, побѣдивъ кавказскіе народы, двинулись далѣе на сѣверъ и начали громить Половцевъ. Половецкіе ханы обратились съ просьбою о по-

мощи къ Русскимъ князьмъ, говоря: «сегодня отняли нашу землю, а завтра возьмутъ вашу, если намъ не поможете». Мстиславъ Удалой, владѣвшій тогда Галичемъ, собралъ княжескій сеймъ въ Кіевѣ, и склонилъ своихъ родичей идти вмѣстѣ на невѣдомыхъ пришельцевъ, не дожидаясь, пока они войдутъ въ Русскую землю и начнутъ ее разорять. Составилось сильное ополченіе подъ начальствомъ трехъ главныхъ князей Южной Руси, трехъ Мстиславовъ (Галицкаго, Кіевскаго и Черниговскаго). Русскіе перешли за Днѣпръ, разсѣяли передовые татарскіе отряды и углубились въ степи. На берегу рѣчки Калки, впадающей въ Азовское море, они встрѣтили главныя силы Татаръ. Къ несчастію между предводителями не было единодушія, и Мстиславъ Удалой, не предупредивъ союзниковъ, началъ битву. Не смотря на храбрость Русскихъ, особенно Даніила Романовича Волынскаго, они были разбиты на голову, и немногіе успѣли достигнуть Днѣпра; большая часть князей съ дружинами остались на мѣстѣ*. Такого страшнаго пораженія Русскіе дотолѣ никогда не испытывали. На этотъ разъ Татары однако ограничились одною побѣдою и ушли назадъ въ Азію.

Прошло 13 лѣтъ. Русскіе князья стали уже забывать о свирѣпыхъ пришельцахъ и воротились къ своимъ безконечнымъ распрямъ. Россію въ это время посѣтили разныя физическія бѣдствія, волновавшія умы народа, какъ-то: неурожаи, породившіе голодъ; сильные лѣсные пожары, густые туманы и моровое повѣтріе; а появленіе блестящей кометы съ длин-

---

* Мстиславъ Кіевскій, видя бѣгство Половцевъ и Галичанъ, укрѣпился съ своею дружиною на одномъ холмѣ, и три дня защищался отъ непріятелей. Когда Татары предложили ему свободное отступленіе, онъ заключилъ съ ними миръ. Но едва Кіевляне двинулись, какъ были вѣроломно избиты. Князей русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ, Татары подложили подъ доски, и сѣли на нихъ обѣдать.

нымъ хвостомъ по обычаю принято было за грозное предзнаменованіе новыхъ несчастій.

Нашествіе Батыя. Когда умеръ Темучинъ, его огромная имперія раздѣлилась между сыновьями, и старшій изъ нихъ Угедей сдѣлался верховнымъ ханомъ надъ всѣми ордами. Страны къ востоку отъ Урала и Каспійскаго моря пришлись на долю его племянника Батыя (сынъ Джучи); страны эти надобно было еще завоевать. Батый перешелъ на правый берегъ Урала съ нѣсколькими сотнями тысячъ степнаго народа. Это не было войско, подобное тому, которое сражалось на Калкѣ: за Батыемъ шла цѣлая кочевая орда, медленно подвигавшаяся впередъ съ своими семействами, кибитками и стадами; ей предшествовали многочисленные отряды татарскихъ наѣздниковъ, которые разоряли всѣ населенныя мѣста встрѣчавшіяся на пути, истребляя или уводя въ плѣнъ жителей. Опустошивъ землю Камскихъ Болгаръ, Татары зимою 1237 года вступили въ предѣлы Рязанскаго княжества. Тщетно Рязанскіе князья просили помощи у Юрія Владимірскаго; предоставленные однимъ собственнымъ силамъ, они первые подали примѣръ храброй, но безполезной обороны. («Сказаніе о нашествіи Батыя» описываетъ при этомъ подвиги рязанскаго богатыря Евпатія Коловрата и трогательную кончину княгини Евпраксіи, которая, узнавъ о смерти мужа, съ высокаго своего терема бросилась на землю). Разгромивъ Рязанскую область, Татары двинулись въ Суздальскую и подступили къ Владиміру. Юрій II удалился на сѣверо-западъ собирать войска. Владимірцы подъ начальствомъ его сыновей мужественно оборонялись; но городъ былъ взятъ приступомъ и сожженъ; семейство великаго князя вмѣстѣ съ епископомъ и многими гражданами заперлось въ соборной церкви, гдѣ и погибло посреди пламени. Татары разсѣялись по Суздальской землѣ и разорили въ ней до 14

городовъ. Между тѣмъ великій князь встрѣтилъ Батыя на берегахъ рѣчки Сити (впадающей въ Мологу), былъ побѣжденъ и палъ въ битвѣ. Татары пошли къ Новгороду; но ихъ остановили дремучіе лѣса и непроходимыя болота; въ то время приближалась весна и наступило разлитіе водъ. Батый повернулъ отсюда къ юго-востоку въ Приволжскія степи. На этомъ пути прославился геройскою защитою городокъ Козельскъ, который нѣсколько недѣль выдерживалъ приступы варваровъ, пока не былъ взятъ и разоренъ.

Когда Татары скрылись въ Половецкихъ степяхъ, Русскіе думали, что они опять уйдутъ въ Азію; но эта надежда ихъ обманула. Покоривъ землю Половцевъ, Батый напалъ на Южную Русь, опустошилъ княжества Черниговское, Кіевское, Волынь и Галицію; здѣсь, также какъ и въ Сѣверной, князья не соединились вмѣстѣ для дружнаго отпора, и каждый городъ защищался отдѣльно.

Когда одинъ изъ монгольскихъ воеводъ посланъ былъ впередъ, чтобы осмотрѣть Кіевъ, онъ долго любовался красотою и величіемъ города. Кіевъ живописно возвышался передъ нимъ на другомъ холмистомъ берегу Днѣпра посреди зеленыхъ рощъ, блистая на солнцѣ частыми главами церквей, и опоясанный бѣлою каменною стѣною съ высокими башнями, которыя были украшены византійскими художниками. Кіевляне умертвили татарскихъ пословъ, предлагавшихъ сдаться безъ боя, и рѣшили защищаться до послѣдней крайности. Городъ въ то время находился во власти Даніила Романовича Галицкаго, который поручилъ его защиту мужественному боярину Димитрію. Вскорѣ несмѣтная сила Батыя облегла его съ разныхъ сторонъ. Лѣтописецъ говоритъ, что граждане не могли слышать другъ друга отъ скрыпа безчисленныхъ телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанія коней въ непріятельскомъ лагерѣ. Татары сдѣлали приступъ и начали бревнами («пороками») разбивать ворота; не смотря на храбрую

оборону, къ вечеру они вломились въ городъ. Кіевляне ночью укрѣпились около Десятинной церкви (построенной еще Св. Владиміромъ); на слѣдующій день былъ уничтоженъ и этотъ послѣдній оплотъ. Жители большею частію истреблены, и величественный городъ превратился въ груду развалинъ.

Потомъ Татары перешли въ Венгрію и Польшу; но въ Моравіи они въ первый разъ потерпѣли пораженіе; въ тоже время великій ханъ Угедей умеръ, и Батый воротился назадъ (1241 г.).

Золотая Орда. Татары Батыя заняли своими кочевьями всѣ южныя и восточныя степи Россіи, обращенныя ими по большей части въ пустыню; они образовали новое царство, извѣстное подъ именемъ Золотой или Кипчакской Орды, которое простиралось отъ Урала до низовьевъ Дуная. Главныя силы его сосредоточились на берегахъ Волги; на волжскомъ рукавѣ Ахтубѣ Батый построилъ городъ Сарай, въ которомъ стали жить Кипчакскіе ханы, окруженные пышнымъ дворомъ и многочисленнымъ войскомъ. Въ прочихъ степяхъ Татары разсѣялись малыми ордами и кочевали вмѣстѣ съ остатками Половцевъ, Печенѣговъ и другихъ своихъ предшественниковъ; надъ ними начальствовали темники или воеводы, которые должны были оберегать предѣлы Кипчака и держать въ повиновеніи покоренные народы.

Батый приказалъ всѣмъ русскимъ князьямъ ѣхать въ Орду для изъявленія покорности; ослушникамъ грозила потеря волостей. Немногіе отказались исполнить ханскую волю. Вслѣдъ за Суздальскими князьями явились Рязанскіе, Черниговскіе, Сѣверскіе и съ разными унизительными обрядами представились хану. Такъ они должны были проходить между священными огнями, разложенными подлѣ ханской ставки, кланяться языческимъ кумирамъ, становиться на колѣна, пить кумысъ и

пр. Набожный Михаилъ Черниговскій не хотѣлъ поклониться языческимъ идоламъ и былъ за это преданъ мучительной казни вмѣстѣ съ бояриномъ Ѳеодоромъ.

Зависимость Россіи отъ Татаръ главнымъ образомъ состояла въ дани. Она отдавалась сначала на откупъ восточнымъ купцамъ, которые собирали ее съ большою жестокостію подъ покровительствомъ ханскихъ чиновниковъ (баскаковъ) и многочисленныхъ татарскихъ отрядовъ. Такъ было въ первый и самый тяжкій вѣкъ монгольскаго владычества. Но въ XIV столѣтіи великіе князья сами стали собирать русскую дань и отвозить ее въ Орду. Кромѣ дани князья обязаны были по первому требованію соединять свои дружины съ войсками хана и идти на его враговъ. Татары не нарушили существовавшаго въ Россіи политическаго порядка; она по прежнему управлялась потомками Рюрика. Послѣдніе однако утверждались въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ ханскими грамотами (ярлыками), за которыми обыкновенно путешествовали въ Орду, гдѣ должны были раздавать многочисленные подарки ханскимъ любимцамъ и женамъ. Греческая религія осталась неприкосновенною, и ханы даже исключили русское духовенство изъ поголовной дани. Татары вообще отличались вѣротерпимостію; въ то время они были еще идолопоклонники; но вскорѣ между ними распространилась религія Магомета.

Династія Джучи господствовала въ Золотой Ордѣ до конца XIV вѣка. Въ началѣ она зависѣла отъ великаго хана, жившаго въ средней Азіи; но огромная имперія Чингиса распалась на отдѣльныя государства, и Кипчакскій ханъ сдѣлался однимъ изъ сильнѣйшихъ монгольскихъ властителей. Послѣ смерти Батыя (1255 г.) недолго существовало согласіе и въ самой семьѣ Джучидовъ; произошли обычные споры за престолъ, которые въ послѣдствіи повели за собою раздробленіе и упадокъ Кипчакскаго царства. Первый примѣръ отпаденія

и междоусобной войны подалъ Ногай, который начальствовалъ западными улусами въ концѣ XIII вѣка. Но послѣ его смерти ногайскіе татары опять соединились съ сарайскими, и въ царствованіе Узбека (1313—1340) Золотая Орда достигла высшей степени своего блеска и могущества.

Съ паденіемъ Кіева политическая связь между сѣверо-востокомъ и юго-западомъ Россіи почти прекращается. Исторія каждой части идетъ послѣ того своимъ особымъ путемъ.

Русь сѣверо-восточная. Юрію II наслѣдовалъ во Владимірѣ его младшій братъ Ярославъ Всеволодовичъ, князь дѣятельный и бережливый, въ молодости показавшій себя довольно жестокимъ и властолюбивымъ. Онъ нашелъ сѣверныя области въ самомъ печальномъ состояніи: многіе города и села лежали въ развалинахъ, значительная часть населенія скрывалась въ лѣсахъ и дебряхъ. Великій князь вызвалъ жителей изъ лѣсовъ и усердно началъ возобновлять города. Онъ смирился передъ ханомъ и первый подалъ примѣръ покорности, за что и былъ утвержденъ въ своемъ старшинствѣ между русскими князьями. По требованію Батыя онъ предпринялъ потомъ путешествіе въ глубину монгольскихъ степей къ истокамъ Амура, чтобы поклониться великому хану Гаюку, и во время этого труднаго путешествія скончался (1246 г.). Спустя шесть лѣтъ, послѣ нѣкоторыхъ споровъ между родичами, Владимірскій столъ перешелъ въ руки Александра Ярославича.

Александръ *Невскій*. Онъ княжилъ въ Новгородѣ въ то время, когда Батый опустошалъ сѣверную Русь. Это былъ самый замѣчательный изъ всѣхъ современныхъ князей: съ блестящею храбростію онъ умѣлъ соединить осторожность и холодную разсчетливость. Первый подвигъ, доставившій ему громкую славу, былъ совершенъ на берегахъ Невы. Распространяя свое господство на сѣверъ отъ Финскаго залива, Новогород-

цы пришли въ столкновеніе со Шведами, которые старались утвердиться въ тѣхъ мѣстахъ и насильно вводили тамъ католическую религію. Подстрекаемые Новогородцами, новообращенные туземцы не разъ возставали противъ своихъ утѣснителей и возвращались къ язычеству. Римскій папа велѣлъ тогда проповѣдывать въ Швеціи крестовый походъ противъ Русскихъ и Финновъ. Сильное крестоносное ополченіе подъ начальствомъ Биргера высадилось на южномъ берегу Невы. Александръ Ярославичъ немедленно собралъ новогородскую дружину, съ необыкновенною быстротою напалъ на Шведовъ и поразилъ ихъ на голову (1240 г.). Любимый гражданами, онъ однако не могъ ужиться съ ними въ мирѣ и скоро оставилъ Новгородъ. Но опасность со стороны Ливонскаго Ордена заставила ихъ опять призвать Александра, и рыцари потерпѣли отъ него сильное пораженіе на льду Чудскаго озера («Ледовое побоище» 1241 г.). Также удачны были походы его противъ Литовцевъ, которые около того времени начинаютъ сильно тѣснить русскіе предѣлы на западѣ.

Храбро сражаясь съ западными врагами, Александръ совсѣмъ иначе велъ себя относительно восточныхъ варваровъ. Онъ понималъ, что раздробленная Русь не въ состояніи начать новую борьбу съ монгольскими ордами, и безусловную покорность считалъ единственнымъ средствомъ спасти ее отъ конечнаго разоренія. Неоднократными путешествіями въ Орду съ богатыми дарами онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе Батыя и его преемниковъ. Сдѣлавшись великимъ княземъ, Александръ особенно старался внушить русскому народу терпѣніе и покорность въ отношеніи къ завоевателямъ. Однако это ему невсегда удавалось. Первый примѣръ неповиновенія подали Новогородцы; они не хотѣли дозволить у себя татарскимъ баскакамъ поголовную перепись, которую ханъ Беркай велѣлъ произвести въ Россіи для того, чтобы опредѣлить количество

дани. Когда же Александръ и бояре новогородскіе начали уговаривать гражданъ, чернь подняла мятежъ, убила своего посадника, и укоряла великаго князя въ томъ, что онъ продаетъ новогородскую вольность и свободныхъ людей хочетъ сдѣлать рабами. Только слухи о приближеніи сильнаго татарскаго войска и угрозы Александра покинуть городъ на жертву ханскому гнѣву заставили Новогородцевъ смириться. Вслѣдъ за тѣмъ начались волненія въ другихъ мѣстахъ. Восточные или *бесерменскіе* купцы, взявшіе русскую дань на откупъ, собирали ее съ большою жестокостію и жадностію; тѣхъ, которые не могли заплатить, они уводили въ рабство, а богатыхъ людей принуждали выкупать свою свободу. Угнетенный народъ въ нѣкоторыхъ городахъ (Ростовѣ, Суздалѣ, Владимірѣ) собрался на вѣче и возсталъ противъ сборщиковъ дани; одни изъ бесерменовъ были убиты, другіе прогнаны. Послѣ того надобно было ожидать новаго нашествія; но Александръ поспѣшилъ въ Орду и успѣлъ умилостивить Беркая. Это былъ его послѣдній подвигъ: на возвратномъ пути онъ скончался (1263 г.). Александръ хотя на короткое время умѣлъ доставить сѣверной Руси отдыхъ отъ татарскихъ погромовъ и внутреннихъ междоусобій, поэтому народъ оплакивалъ его смерть непритворными слезами.

По старинному обычаю престолонаслѣдія, Владимірское великое княженіе послѣ Невскаго одинъ за другимъ занимали его младшіе братья. Потомъ два его сына (Димитрій Переяславскій и Андрей Городецкій) долго спорили за великокняжескій престолъ, и каждый изъ нихъ призывалъ на помощь татарскіе отряды, грабежи которыхъ увеличивали бѣдствія междоусобной войны. Младшій изъ братьевъ наконецъ взялъ верхъ (онъ княжилъ до 1304 г.).

Между тѣмъ на сѣверо-западѣ Россіи Новогородцы и Псковитяне продолжали борьбу съ Ливонскими рыцарями. Героемъ

этой борьбы послѣ Невскаго является одинъ литовскій выходецъ по имени Довмонтъ (сынъ знаменитаго литовскаго князя Миндовга). Онъ принялъ крещеніе во Псковѣ, и пріобрѣлъ такую любовь гражданъ, что они провозгласили его своимъ княземъ; послѣ того цѣлые тридцать пять лѣтъ Довмонтъ мужественно защищалъ Псковъ отъ своихъ единоземцевъ и ливонскихъ рыцарей. Онъ участвовалъ въ знаменитой Раковорской битвѣ, въ которой ополченіе Ливонскаго Ордена было разбито соединенными силами русскихъ князей (1268 г.).

Судьба юго-западной Руси. Положеніе южныхъ областей послѣ татарскаго нашествія было самое плачевное; особенно сильно пострадало Приднѣпровье. Кіевъ сдѣлался ничтожнымъ городкомъ, а окрестности его представляли печальную пустыню. Населеніе, уцѣлѣвшее отъ Татаръ, большею частію разсѣялось по другимъ русскимъ областямъ: одни бѣжали на сѣверъ, другіе на западъ въ Галицію. Жители, оставшіеся на мѣстѣ, терпѣли сильное угнетеніе отъ татарскихъ баскаковъ. Въ такомъ же угнетеніи находилась Черниговско-Сѣверская область; послѣ князя Михаила, замученнаго въ Ордѣ, она раздробилась между его потомками на мелкіе удѣлы (Брянскій, Карачевскій, Тарусскій, Курскій, и др.), которые во взаимныхъ междоусобіяхъ тратили свои послѣднія силы. Гораздо счастливѣе Приднѣпровья была Галиція, которая успѣла оправиться отъ татарскаго погрома и пріобрѣсти даже нѣкоторый блескъ, благодаря уму и дѣятельности своего князя Даніила.

Даніилъ Романовичъ во время Батыева нашествія спасся въ Венгрію; а по уходѣ Татаръ воротился въ свое княжество и началъ возобновлять разрушенные города, собирая разбѣжавшихся жителей. Кромѣ того, по примѣру польскихъ королей онъ призывалъ въ свои земли Нѣмцевъ, Евреевъ, Армянъ и

давалъ имъ нѣкоторыя льготы, такъ что въ галицкихъ городахъ скоро начали развиваться промышленность и торговля. Но это пестрое населеніе чуждалось русской народности и слабо поддерживало князя въ борьбѣ съ внѣшними врагами.

Даніилъ долго не хотѣлъ ѣхать въ Орду, и послѣднимъ изъ русскихъ князей представился хану. Тяжко однако показалось ему унижаться передъ варваромъ; онъ началъ хлопотать о сверженіи ига, и завелъ сношенія съ папою, подавая ему надежду на соединеніе своего народа съ католическою церковью, если получитъ помощь противъ Татаръ. Обрадованный папа прислалъ ему королевскій вѣнецъ и велѣлъ проповѣдывать крестовый походъ на Золотую Орду. Но папскіе буллы не произвели никакого дѣйствія, и крестовый походъ не состоялся. Тогда Даніилъ прервалъ свои сношенія съ Римомъ, впрочемъ королевскій титулъ удержалъ за собою. Онъ попытался было однѣми собственными силами свергнуть иго; но эта попытка окончилась неудачею, и Татары принудили Галицкаго короля разорять укрѣпленія собственныхъ городовъ. За то борьба его съ другими сосѣдями, напримѣръ съ Литовцами, была очень успѣшна и доставила ему большую славу между современниками.

Послѣ Даніила (1264 г.) Галицкое королевство раздѣлилось на три удѣла между его сыновьями. Они жили довольно дружно, общими силами оборонялись отъ литовцевъ и поляковъ и менѣе другихъ князей раболѣпствовали передъ ханомъ. Внукъ Даніила Юрій успѣлъ даже по наслѣдству соединить подъ своею властью всю Галицію и Волынь; но вскорѣ потомъ родъ его пресѣкся. Неустройствами юго-западной Руси воспользовался польскій король Казиміръ III и овладѣлъ Галиціей (1340 г.), а Волынь досталась на долю великимъ князьямъ Литовскимъ.

V. ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВОЙ РУСИ.

Если исключить отчасти Новгородъ, то главныя черты гражданскаго устройства были одинаковы во всѣхъ русскихъ княжествахъ.

Верховная власть принадлежала князю. Онъ устроивалъ порядокъ въ своей волости, производилъ судъ и расправу, велъ войну и обыкновенно самъ начальствовалъ надъ войскомъ. Доходы его состояли во первыхъ изъ дани; сначала князья сами съ дружиною объѣзжали свои волости, чтобы собирать дань съ подвластныхъ племенъ и творить между ними судъ — такой обычай назывался *полюдьемъ*. Но потомъ они стали поручать судъ и сборъ дани въ областяхъ своимъ намѣстникамъ и слугамъ. Эта дань платилась преимущественно естественными произведеніями, одни давали хлѣбъ, другіе мѣха; только нѣкоторые богатые города, напримѣръ Новгородъ, платили серебромъ. Кромѣ даней въ княжескую казну собирались пошлины: торговыя — съ провозимыхъ товаровъ и судныя — съ преступниковъ и тяжущихся. Князья получали еще доходы съ деревень, населенныхъ княжескою челядью; тутъ устроивались ихъ загородные дворы и складывалось всякое добро: скирды хлѣба, стоги сѣна, запасы меду, вина и пр.; тутъ же паслись стада рогатаго скота и многочисленные табуны лошадей. Когда не было войны, самымъ любимымъ занятіемъ князей была охота. Въ дѣлахъ, касавшихся внутреннихъ междоусобій или внѣшней защиты, добрые князья имѣли обычай собирать своихъ родичей для общаго совѣта.

Примѣръ перваго рода съѣздовъ мы видѣли въ Любечѣ. Возьмемъ изъ лѣтописи примѣръ съѣзда по поводу внѣшней защиты. Въ 1103 году Владиміръ Мономахъ пригласилъ Святополка II выступить весною въ походъ на Половцевъ; но

дружина Святополкова отсовѣтывала походъ на томъ основаніи, что не время было отрывать земледѣльцевъ отъ поля. Князья уговорились съѣхаться недалеко отъ Кіева на лѣвомъ берегу Днѣпра. Братья сѣли въ одномъ шатрѣ, каждый съ своею дружиною. Владиміръ первый прервалъ молчаніе: «Братъ! ты старшій, начни же говорить, какъ намъ охранять Русскую землю?» Святополкъ отвѣчалъ: «Братъ! лучше ты начни». «Какъ же мнѣ говорить? — возразилъ Владиміръ — противъ меня и твоя и моя дружина; скажутъ, что я хочу погубить и поселянъ и пашни. Но вотъ что для меня удивительно: какъ вы ихъ жалѣете, а того не подумаете, что станетъ весною смердъ пахать на своей лошади; а пріѣдетъ вдругъ половчинъ, убьетъ смерда стрѣлою; лошадь его, жену и дѣтей возьметъ себѣ, да и гумно зажжетъ. Почему же объ этомъ-то вы не подумаете?» Дружина единодушно признала справедливость его словъ. «Я готовъ идти съ тобою» сказалъ Святополкъ. «Великое, братъ, добро сдѣлаешь Русской землѣ», замѣтилъ Владиміръ. Князья встали, поцѣловались, и послали звать съ собою въ походъ Святославичей.

Населеніе княжества распадалось главнымъ образомъ на три части: княжескую дружину, смердовъ и людей несвободныхъ.

Дружину составляли наемные воины, въ началѣ набиравшіеся преимущественно изъ варяговъ; но съ XI вѣка въ ней уже преобладаетъ туземный славянскій элементъ. Впрочемъ князья продолжали принимать въ свою службу всякаго витязя, изъ какого бы народа онъ ни былъ. Самое слово дружина указываетъ на ея отношенія къ князю. Онъ жилъ съ нею по-дружески, по-братски и не скрывалъ отъ нея своихъ намѣреній. Князь почти все время проводилъ съ дружиною: съ нею онъ совѣтовался, пировалъ, судилъ народъ; ходилъ на войну, на охоту, и вообще дорожилъ ея расположеніемъ, по-

тому что она была главною опорою его власти и силы; притомъ же въ случаѣ неудовольствія, дружинники, какъ люди вольные, оставляли одного князя и переходили на службу къ другому. Удѣльная система много способствовала такому переходу и долго мѣшала военнымъ людямъ пріобрѣсти осѣдлость. Дружина дѣлилась на старшую или *бояръ* (т. е. бо̀льшихъ) и младшую. Вторая извѣстна подъ именами: отроковъ, дѣтскихъ, гридей и пр., которые въ послѣдствіи получаютъ общее названіе *боярскихъ дѣтей.* Бояре были по преимуществу совѣтниками *(думцами)* князя; изъ нихъ назначались воеводы во время войны и посадники или намѣстники княжескіе по городамъ; послѣдніе пользовались частью доходовъ отъ судопроизводства и разныхъ даней. Кромѣ того за свою службу бояре получали обширныя помѣстья; съ XII вѣка, когда нѣкоторыя вѣтви Рюрикова дома основались въ отдѣльныхъ княжествахъ, бояре начали пріобрѣтать осѣдлость; они становятся богатыми землевладѣльцами. Образуются знатныя боярскія фамиліи, которыя полагаютъ въ Россіи начало родовой аристократіи. Младшая дружина также съ теченіемъ времени получаетъ осѣдлость: вмѣсто жалованья за службу князья начинаютъ раздавать ей участки земли, и боярскіе дѣти составили классъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Изъ княжескихъ слугъ, отправлявшихъ придворѣ разныя должности, въ послѣдствіи большое значеніе получаютъ *дьяки*, занимавшіеся письмоводствомъ.

Главная масса населенія состояла изъ городскихъ и сельскихъ жителей, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ смердовъ; отъ нихъ современемъ отдѣляются наиболѣе зажиточные, уважаемые граждане, которые получаютъ названіе *лучшихъ людей.* (Въ Новгородѣ они назывались «житьи люди»). Всѣ они обязаны были платить князю дани или оброки, отправлять разныя повинности и по его требованію выста-

влять военное ополченіе. Сообразно дѣленію на волости и уѣзды, жители распадались на отдѣльныя общины, имѣли свои земскія власти какъ то: тысяцкихъ, старостъ, сотскихъ и десятскихъ (которыхъ отчасти выбирали сами); а для рѣшенія общихъ дѣлъ собирались на вѣче или сходку. Князья нерѣдко сами созывали на вѣче лучшихъ гражданъ и совѣтовались съ ними въ затруднительныхъ случаяхъ. Во времена княжескихъ усобицъ и частыхъ перемѣщеній съ одного стола на другой, вѣче главныхъ городовъ пріобрѣло большую силу, такъ что иногда само выбирало себѣ князя, и ихъ вѣчевому рѣшенію должно было подчиняться населеніе младшихъ городовъ или *пригородовъ*. Лѣтописецъ говоритъ, что «новогородцы, смольняне, кіевляне и полочане какъ на думу на вѣче сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды станутъ.» Но дальнѣйшее развитіе этого вѣчеваго порядка замедлялось по мѣрѣ того, какъ возрастала осѣдлость князей и дружины; городскія и сельскія общины мало-по-малу переходятъ въ непосредственное завѣдываніе княжескихъ чиновниковъ, т. е. посадниковъ, волостелей, тіуновъ и т. д.

Между тѣмъ какъ въ селахъ жители по преимуществу обработывали землю, въ городахъ стала сосредоточиваться дѣятельность промышленная и торговая. Но въ древнѣйшую эпоху различіе между ними заключалось только во внѣшнемъ видѣ. Городъ обыкновенно строился на высокомъ холмистомъ берегу рѣки и представлялъ группу бревенчатыхъ домиковъ, огороженную деревянными стѣнами, землянымъ валомъ и рвомъ. Внутри большихъ городовъ встрѣчается еще особая крѣпость или зáмокъ (дѣтинецъ, кремль); но вообще размѣры крѣпостей были очень невелики. До нашествія Монголовъ насчитываютъ въ Россіи по лѣтописямъ около трехъ сотъ городовъ.

Князья, по праву завоевателей, считали всю Русскую землю своею собственностію или «отчиною». По мѣрѣ того какъ они

раздавали земельные участки своимъ дружинникамъ и духовенству, сельское или *крестьянское* населеніе все болѣе и болѣе теряло право на полное владѣніе землею, на которой жило и которую обработывало; за свою усадьбу и за свое поле оно обязывалось платить разнаго рода оброки и отправлять повинности землевладѣльцу. Но сохраняя пока личную свободу, крестьяне могли покидать невыгодный для себя участокъ и переселяться на другой; отсюда развились крестьянскіе переходы, которые совершались безъ большаго затрудненія, потому что въ тѣ времена, даже и внутри Россіи оставалось еще много пустыхъ, незаселенныхъ земель.

Рядомъ съ свободнымъ населеніемъ въ городахъ и селахъ жили несвободные люди, носившіе названія *холоповъ*, *челяди* и *рабовъ*. Они употреблялись или для домашней прислуги или для сельскихъ работъ. Главнымъ источникомъ рабства у насъ, какъ и вездѣ, служила война; но, повидимому, только съ пришествіемъ варяжской дружины въ Россію плѣнниковъ начали обращать въ рабовъ и продавать какъ вещь или домашнее животное; иногда впрочемъ князья заселяли плѣнниками пустыя земли. Несостоятельные должники по большей части также обращались въ рабство. Далѣе, въ тѣ грубые вѣка случалось, что во время голода мужья продавали въ неволю своихъ женъ, отцы дѣтей. По Русской Правдѣ полнымъ или *обѣльнымъ* холопомъ становился тотъ, кто купленъ при свидѣтеляхъ, кто женится на рабѣ безъ договора (съ ея господиномъ) и кто пойдетъ безъ договора въ «тіуны» или «ключники» (т. е. въ слуги). Потомство рабовъ оставалось въ томъ же несвободномъ состояніи. Кромѣ полныхъ холоповъ, которые совершенно зависѣли отъ воли своего господина и не имѣли никакихъ гражданскихъ правъ, существовало еще сословіе полусвободное — *наймиты* или *закупни*; это были работники, нанимавшіеся на извѣстный

срокъ. Если работникъ, взявъ деньги впередъ, убѣгалъ отъ господина, тогда онъ обращался въ полнаго или обѣльнаго холопа.

Судопроизводство. Мѣстомъ для суда служилъ обыкновенно дворъ князя или его намѣстника; судомъ завѣдывали княжескіе слуги, называвшіеся «тіунами». Древнѣйшее собраніе писанныхъ законовъ у насъ извѣстно подъ именемъ *Русской Правды,* имѣвшей силу преимущественно въ Новгородѣ и Приднѣпровьѣ. Русская Правда явилась сначала подъ варяжскимъ вліяніемъ и образовалась постепенно; первое ея изданіе приписывается Ярославу; потомъ она дополнялась его преемниками и полный свой составъ получила не ранѣе XIII вѣка. Она заключаетъ въ себѣ статьи о наказаніяхъ за разныя преступленія противъ личности и собственности. О тѣлесныхъ наказаніяхъ въ «Правдѣ» не упоминается; виновный платитъ за все *виру*, т. е. денежный штрафъ. За убійство только близкимъ родственникамъ убитаго позволялось совершить кровавую месть; но уже сыновья Ярослава уничтожили это право и замѣнили кровомщеніе также вирою*. Если не было представлено свидѣтелей или ясныхъ доказательствъ преступленія, то употреблялось испытаніе раскаленнымъ желѣзомъ и водою; а въ послѣдствіи вошло въ обычай *поле*, т. е. судебные поединки. Въ нѣкоторыхъ спискахъ Русской Правды упоминается о судѣ *двѣнадцати* выборныхъ гражданъ, которые рѣшали запутанныя дѣла.

---

* За смерть свободнаго человѣка взыскивалось 40 гривенъ (за боярина вдвое болѣе; а за женщину вдвое менѣе, нежели за мущину); за ударъ палкою 12 гривенъ, за отсѣченіе руки 20 и т. д. Если убійца скроется, то виру платила *вервь* (община), въ которой найденъ убитый. Такая вира называлась «дикая».

Торговля и искусства. Торговыя сношенія значительнѣйшихъ городовъ древней Руси между собою и съ иноземными народами происходили по рѣчнымъ путямъ. Самое важное торговое движеніе совершалось по великому или греческому водному пути: съ юга приходили товары изъ Византійской имперіи, съ сѣвера изъ Германіи и Скандинавіи. Кіевъ былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ въ Южной Россіи; сюда привозили изъ Греціи: разныя ткани, вина, плоды, церковную утварь и дорогое оружіе. Но торговлѣ съ Греками много мѣшали кочевыя орды сначала Печенѣговъ, а потомъ Половцевъ.

Византійскій императоръ Константинъ Багрянородный (въ X в.) описываетъ ежегодное путешествіе русскихъ каравановъ въ Грецію слѣдующимъ образомъ: зимою приднѣпровскіе Славяне рубили лѣсъ и строили лодки-однодеревки. Въ началѣ весны они пригоняли эти лодки въ Кіевъ; здѣсь купцы, съѣхавшіеся изъ Новгорода, Смоленска, Любеча, Чернигова и другихъ городовъ, покупали лодки и снаряжали ихъ для морскаго плаванія. Въ апрѣлѣ собирался весь русскій флотъ у Витичева и отсюда шелъ къ днѣпровскимъ порогамъ. Достигнувъ четвертаго порога, купцы выгружали товары, и на разстояніи 6000 шаговъ слѣдовали берегомъ, ведя за собою скованныхъ невольниковъ. За порогами въ одномъ узкомъ мѣстѣ обыкновенно ихъ дожидались Печенѣги, но русскіе вступали съ ними въ битву и отражали разбойниковъ. Миновавъ это опасное мѣсто, купцы приставали къ одному острову, и тутъ подъ огромнымъ дубомъ совершали благодарственное жертвоприношеніе своимъ богамъ. Достигнувъ днѣпровскаго устья, они отдыхали нѣсколько дней на другомъ островѣ; а потомъ продолжали путь вдоль сѣверозападныхъ береговъ Чернаго моря.

Въ XII вѣкѣ Кіевскіе князья въ извѣстное время года обыкновенно высылали военный отрядъ къ низовьямъ Днѣпра на встрѣчу судамъ, приходившимъ изъ Греціи. Когда же поя-

вились въ тѣхъ мѣстахъ Монголы, непосредственныя торговыя сношенія съ Византіею почти прекратились. Посредниками въ торговлѣ Русскихъ съ Южною Европою сдѣлались Генуэзцы, которые завели колоніи въ Крыму и при устьяхъ Дона; ханы татарскіе ради собственныхъ выгодъ оказывали имъ покровительство. Въ сѣверной Россіи главнымъ торговымъ пунктомъ былъ Новгородъ. Суда новогородскія плавали по Балтійскому морю, а въ Новгородѣ постоянно жили нѣмецкіе купцы или *гости*; они имѣли тамъ свои дворы, лавки, храмы и судились по своимъ законамъ. Нѣмцы привозили въ Россію: оружіе, вина, сукна, полотна, соль, сельдей, въ случаѣ неурожаевъ хлѣбъ. Кромѣ Новгорода дѣятельное участіе въ этой торговлѣ принимали Псковъ, Полоцкъ и Смоленскъ *.

Второе мѣсто послѣ греческаго занималъ водный путь поволжскій. Волгою производились торговыя сношенія съ Камскою Болгаріей и Хазаріей, а потомъ съ Казанью и Золотою Ордою. Болгарскіе купцы были посредниками въ торговлѣ Россіи съ Востокомъ; они привозили къ намъ металлическія издѣлія, жемчугъ, шелковыя и бумажныя ткани, серебряную монету и иногда хлѣбъ. У сосѣднихъ кочевыхъ народовъ Русскіе вымѣнивали коней, овецъ, воловъ. Князья наши вообще покровительствовали внѣшней торговлѣ, потому что она доставляла имъ разные предметы роскоши, тогда какъ ихъ собственныя земли были богаты только сырыми произведеніями: мѣхами, медомъ, воскомъ, кожами, пенькой и т. п. Но съ другой стороны князья вредили успѣхамъ торговли своими междоусобіями; сюда присоединились еще набѣги сосѣдей и внутренніе разбои, особенно новогородскихъ повольниковъ **.

* До насъ дошла договорная грамота смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готландомъ (1229). По этому договору Западная Двина признавалась отъ верховья до устья свободною для обоюдной торговли.

** Торговля была вообще мѣновая. Собственной монеты Русскіе почти не имѣли. Вмѣсто монеты служили отчасти мѣха; изъ нихъ произошли

Водвореніе искусствъ въ Россіи начинается вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Первая художественная дѣятельность была обращена на построеніе и украшеніе храмовъ. Учителями Русскихъ въ строительномъ искусствѣ и въ иконной живописи были Греки; но въ Сѣверной Россіи преобладали потомъ нѣмецкіе художники. (Изъ памятниковъ искусства того времени сохранились до нашего времени бронзовыя Корсунскія Врата Новогородскаго Софійскаго собора и Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ, отличающійся затѣйливостію наружныхъ украшеній). Только съ XII вѣка лѣтописи начинаютъ упоминать о русскихъ зодчихъ и живописцахъ. Такъ, описывая обновленіе Суздальскаго храма (1194 г.), лѣтописецъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, какъ о событіи необыкновенномъ, что это обновленіе совершено только русскими мастерами безъ помощи нѣмцевъ. Изъ ремесленниковъ того времени упоминаются: оружейники, плотники, каменьщики, горшечники и т. п.

Что же касается до жилищъ русскаго народа, то онѣ отличались вообще простотою постройки, малымъ объемомъ и бѣдностью внутреннихъ украшеній. Это были бревенчатые дома или *хоромы*, раздѣленные на двѣ половины: теплая зимняя *изба* (собственно «истопка») и холодный лѣтній покой или *клѣть*; обѣ половины соединялись между собою сѣнями, къ которымъ придѣлывалось крыльцо на столбахъ (такая постройка и теперь сохраняется въ нашемъ сельскомъ быту). Этой простотѣ жилищъ соотвѣтствовала и вся прочая домашняя обстановка: деревянная и глиняная посуда, столы и лавки грубой работы, закопченый потолокъ съ полатями, соломенная или тростниковая кровля и пр. Хоромы или *терема* князей, бояръ,

---

куны—первоначально шкуры куницъ, соболей и другихъ пушныхъ животныхъ; въ послѣдствіи кунами называли вообще разнаго рода деньги. Первая русская монета является въ Новгородѣ; это были куски серебра подъ названіемъ *гривны*, потомъ *рубля*, *полтины* и т. д.

высшаго духовенства и зажиточныхъ горожанъ отличались отъ другихъ бо́льшимъ просторомъ, внутренними украшеніями и бо́льшею опрятностію. Между ними изрѣдка встрѣчаются и каменныя зданія. Такая же простота господствовала и въ народной одеждѣ*.

Церковь и борьба съ язычествомъ. Послѣ Владиміра Св. и Ярослава I христіанство довольно медленно распространялось между племенами, вошедшими въ составъ Руси; въ особенности были слабы его успѣхи вдали отъ главныхъ городовъ. Позднѣе другихъ славянъ обратились къ христіанству Вятичи: только въ XII столѣтіи часть ихъ приняла крещеніе, благодаря усиліямъ св. Кукши, который проповѣдь свою запечатлѣлъ смертью мученика. Самую упорную борьбу съ язычествомъ должны были выдерживать проповѣдники новой религіи на сѣверѣ; здѣсь финскіе волхвы возмущали противъ нихъ народъ, и жители обращались иногда опять къ язычеству. Такъ было въ Муромской области, въ Ростовской (гдѣ замученъ епископъ Леонтій) и въ самомъ Новгородѣ. Христіанскому духовенству въ этой борьбѣ ревностно помогала свѣтская или княжеская власть; князья нерѣдко силою оружія уничтожали противодѣйствіе волхвовъ и мятежи язычниковъ.

Однажды въ Новгородѣ явился волхвъ, который началъ смущать народъ мнимыми чудесами и хулою на христіанскую вѣру (1071 г.). Въ городѣ произошелъ мятежъ; народъ хо-

* Въ высшемъ классѣ замѣтна наклонность къ роскоши и украшеніямъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Одинъ изъ лѣтописцевъ, недовольный современными нравами, приводитъ въ примѣръ первыхъ русскихъ князей. «Тѣ князья — замѣчаетъ онъ — не собирали много имѣнія, не утѣсняли народъ пенями, и дружинники ихъ не говорили: мало мнѣ, князь, двѣсти гривенъ; не надѣвали на своихъ женъ золотыхъ обручей, но ходили ихъ жены въ серебрѣ».

тѣлъ убить епископа. Епископъ облекся въ ризы, взялъ крестъ, вышелъ къ народу и сказалъ: «Кто вѣруетъ волхву, пусть идетъ за нимъ; а кто почитаетъ крестъ—слѣдуетъ за мною». Князь Глѣбъ Святославичъ съ дружиною сталъ подлѣ епископа; но около волхва собрались всѣ граждане. Глѣбъ спряталъ подъ одеждою топоръ, подошелъ къ волхву и спросилъ: «Знаешь ли, что будетъ завтра?» «Знаю», отвѣчалъ онъ. «А знаещь ли, что будетъ сегодня?» «Я сотворю великія чудеса». Тогда Глѣбъ ударилъ волхва топоромъ, и тотъ упалъ мертвый. Мятежъ послѣ того утихъ, и толпа разошлась по домамъ.

Около того же времени въ Ростовской области случился неурожай. Вѣруя въ чары колдуновъ и знахарей, народъ особенно склоненъ приписывать чародѣйственную силу женщинамъ-вѣдьмамъ (мы уже видѣли тому примѣръ при Ярославѣ I въ Суздальской землѣ). Явились два волхва; сказали, что они знаютъ, кто скрываетъ хлѣбъ, и начали указывать на самыхъ домовитыхъ женщинъ. Жители приводили къ нимъ своихъ матерей, женъ, сестеръ; волхвы надрѣзывали у нихъ за плечами, и показывали видъ, будто вынимаютъ оттуда хлѣбъ, медъ или рыбу. Послѣ того они убивали этихъ женщинъ, а имѣнье ихъ брали себѣ. Когда волхвы пришли на Бѣлоозеро, около нихъ собралось уже нѣсколько сотъ послѣдователей. Здѣсь случился въ то время бояринъ Янъ, который пришелъ отъ князя Святослава для сбора дани. Онъ потребовалъ выдачи волхвовъ, и, получивъ отказъ, объявилъ жителямъ, что не уйдетъ отъ нихъ цѣлое лѣто, если не выдадутъ ему волхвовъ. Бѣлозерцы поймали ихъ и привели къ Яну. На его вопросы они изложили свое ученіе, которое состояло въ томъ, что тѣло человѣческое сотворено дьяволомъ (или подземнымъ богомъ), а душа создана богомъ (небеснымъ). Янъ велѣлъ ихъ бить, выдергать у нихъ бороды и связанныхъ бросить въ лодку. На устьѣ Шексны онъ выдалъ ихъ для мести родственникамъ убитыхъ женщинъ, и тѣ повѣсили волхвовъ на дубу.

Вообще народная масса на Руси, также какъ и въ другихъ европейскихъ земляхъ, по своей необразованности, по своимъ грубымъ, еще дѣтскимъ понятіямъ, принимала христіанство болѣе внѣшнимъ образомъ, чѣмъ внутреннимъ, т. е. болѣе обряды новой религіи, нежели ея духовную сторону. Въ народѣ рядомъ съ христіанскими вѣрованіями живутъ еще прежнія, языческія преданія, приносятся жертвы языческимъ богамъ и въ честь ихъ совершаются разныя празднества (*купала*, *коляда*, *семикъ* и др.). Впрочемъ подъ вліяніемъ новаго ученія, эти языческія, стихійныя божества мало-по-малу измѣняютъ свой прежній характеръ въ понятіяхъ народныхъ: то причисляются они къ разряду демоновъ или злыхъ духовъ, то смѣшиваются съ ангелами и нѣкоторыми лицами святыхъ изъ ветхаго и новаго завѣта. *

Высшее духовенство въ своихъ проповѣдяхъ сильно ратуетъ противъ старинныхъ языческихъ обычаевъ и преслѣдуетъ народныя игрища; нѣкоторые епископы наказываютъ священникамъ отлучать отъ церкви непослушныхъ; запрещаютъ погребать людей, убитыхъ на кулачномъ бою, и т. п. Но и сами грамотные люди раздѣляютъ многія языческія вѣрованія толпы. Такъ лѣтописцы упоминаютъ о кометахъ, солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ какъ о чрезвычайныхъ божественныхъ знаменіяхъ; простодушно расказываютъ о бѣсахъ, которыхъ изображаютъ существами черными, крылатыми и хвостатыми, живущими въ безднахъ; утверждаютъ, что женщины болѣе мущинъ способны къ чародѣйству, и пр. Кромѣ язычества, укорененнаго въ народной массѣ, русская церковь уже въ тѣ времена должна была бороться съ новыми христіанскими ученіями или ересями, возникавшими въ средѣ самаго духовенства.

---

* Напримѣръ, представленіе объ Ильѣ пророкѣ, какъ виновникѣ грома и молніи, напоминаетъ грознаго языческаго Перуна.

Наиболѣе замѣчательна была ересь *стригольниковъ*, которая во второй половинѣ XIV вѣка распространилась въ области Новогородской. (Общинное устройство и постоянныя сношенія съ Западной Европой поддерживали здѣсь бо̀льшее свободомысліе, нежели въ другихъ частяхъ Россіи). Основателемъ этой ереси считается дьяконъ Карпъ. Нападая на корыстолюбіе священниковъ и епископовъ, на ихъ поставленіе за деньги, онъ началъ отрицать всю духовную іерархію и таинства. Ученіе его нашло себѣ многихъ послѣдователей въ Новгородѣ и Псковѣ. Духовенство усердно вооружилось противъ еретиковъ. Карпъ съ двумя главными товарищами былъ брошенъ народомъ въ Волховъ (1375 г.). Но ересь и послѣ того не прекращалась.

Церковная іерархія въ Россіи устроилась по образцу греческой. Главнымъ духовнымъ лицомъ былъ митрополитъ, который въ первые вѣка нашего христіанства избирался обыкновенно между Греками и ѣздилъ на поставленіе къ Константинопольскому патріарху. Изъ русскихъ первый достигъ митрополичьяго престола Иларіонъ, современникъ Ярослава I. Послѣ татарскаго нашествія митрополитъ оставилъ разоренный Кіевъ и переѣхалъ во Владиміръ на Клязьмѣ; а оттуда его престолъ въ XIV вѣкѣ перенесенъ былъ въ Москву. Вся Русь въ церковномъ отношеніи была раздѣлена на епископіи, границы которыхъ большею частію совпадали съ границами отдѣльныхъ княжествъ. Епископскія каѳедры также долгое время были занимаемы по преимуществу Греками или Болгарами, которые избирались съ согласія князя и ѣздили на поставленіе къ Русскому митрополиту. По церковнымъ уставамъ Владиміра св. и Ярослава I духовному суду предоставлены были семейныя тяжбы и преступленія противъ нравственности, каковы: нарушеніе брака, оскорбленіе родителей, оскорбленіе женской чести, ссоры между близкими родственниками и пр.; доходы съ этого суда или виры шли въ пользу самихъ судей. Кромѣ того

на содержаніе храмовъ и духовенства назначались разныя недвижимыя имущества; а нѣкоторые князья отдѣляли церкви десятину, т. е. десятую часть извѣстныхъ доходовъ.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ появилось въ Россіи монашество, устроенное также по образцу греческому. Люди, отличавшіеся особенною ревностью къ новой религіи, отрекались отъ міра, уходили въ лѣса, и начинали вести уединенную жизнь, посвящая ее посту и молитвѣ. Около такихъ подвижниковъ собирались ученики и составляли монашескую братію; они строили маленькую церковь, нѣсколько келій, обносили ихъ деревянною стѣною и вводили у себя монастырскій уставъ. Благочестивые князья покровительствовали монастырямъ, дарили ихъ разнымъ имуществомъ, угодьями (рыбными, бортными и др.), и уже съ XI вѣка начали давать имъ населенныя земли, т. е. деревни и села. Примѣру князей слѣдовали ихъ бояре и другіе зажиточные люди, которые дѣлали вклады или на молитву о своемъ здравіи при жизни, или на поминъ души послѣ смерти. Монастыри стали богатѣть, украшаться каменными зданіями и дорогою церковною утварью. Число ихъ особенно увеличилось во время монгольскаго ига — время частыхъ бѣдствій и разореній, когда монастыри представляли болѣе спокойствія и безопасности нежели города. Но рядомъ съ благочестивыми подвижниками въ нихъ нерѣдко искали убѣжища люди праздные, желавшіе безъ особеннаго труда жить въ изобиліи. Самыя знаменитые монастыри древней Руси были: Кіевопечерская лавра, основанная въ XI в., Троицкая лавра и Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь—въ XIV, и Соловецкая обитель — въ XV в.

Вотъ какимъ образомъ положено было основаніе Кіевопечерской лавры:

Одинъ гражданинъ города Любеча Антоній ходилъ паломникомъ (странникомъ) въ Грецію на Аѳонскую гору, и по-

стригся тамъ въ монахи. Воротясь въ Россію, онъ поселился недалеко отъ Кіева, въ пещерѣ на берегу Днѣпра (говорятъ, эту пещеру ископалъ и сюда уединялся митрополитъ Иларіонъ, когда былъ еще простымъ священникомъ села Берестова). Слава о святости Антонія привлекла къ нему нѣсколько послѣдователей; онъ образовалъ изъ нихъ монастырскую общину, поставилъ имъ игумена; а самъ затворился въ пещерѣ и невыходилъ изъ нея 40 лѣтъ. Монахи сначала жили также въ ископанныхъ ими пещерахъ (оттуда и названіе монастыря «печерскій»). Великій князь Изяславъ I отдалъ имъ всю сосѣднюю гору. Тогда братія построила тамъ монастырскія зданія. Настоящимъ устроителемъ этого монастыря явился второй его игуменъ Ѳеодосій. Въ молодости своей, снѣдаемый жаждою аскетическихъ подвиговъ, онъ тайно ушелъ отъ матери; приходилъ въ разные монастыри; но тамъ, видя простоту и худыя одежды юноши, не приняли его въ число братіи. Наконецъ онъ поселился вь пещерахъ подлѣ св. Антонія. Ѳеодосій былъ человѣкъ твердой воли, дѣятельнаго энергическаго характера. Сдѣлавшись игуменомъ, онъ подавалъ братіи примѣръ непрерывныхъ трудовъ, поста и изнуренія плоти: самъ носилъ воду, рубилъ дрова, топилъ печи, ходилъ въ ветхой одеждѣ. Отъ братіи онъ требовалъ безусловнаго послушанія, и ввелъ принесенный изъ Греціи Студійскій уставъ монашескаго общежитія, который предписывалъ очень строгія правила и ежедневные труды. Изъ Печерской лавры этотъ уставъ распространился потомъ и по другимъ русскимъ монастырямъ. Трудясь для монастыря, Ѳеодосій не былъ чуждъ и мірскимъ дѣламъ; своими совѣтами и поученіями онъ дѣйствовалъ на князей и бояръ *.

---

* Какъ строгій аскетъ, онъ вооружался противъ веселія и мірскихъ забавъ. Однажды—расказываетъ составитель его житія—Ѳеодосій пришелъ во дворецъ къ великому князю Святославу Ярославичу въ то время, когда здѣсь всѣ веселились, слушали пѣсни и игру на гусляхъ. Игуменъ сѣлъ подлѣ князя и поникъ головою. Потомъ онъ спросилъ: «будетъ ли также и на

Изъ Кіевской лавры вышли многіе знаменитые проповѣдники и епископы древней Руси. Въ числѣ печерскихъ монаховъ были св. Алимпій, считающійся первымъ русскимъ иконописцемъ, и Несторъ, первый русскій лѣтописецъ. «Когда мнѣ было 17 лѣтъ—говоритъ Несторъ,—я недостойный пришелъ къ Ѳеодосію, и онъ принялъ меня въ монастырь». Кромѣ лѣтописи здѣсь были написаны многія житія святыхъ—монаховъ того же монастыря. Эти житія наполнены расказами о борьбѣ святыхъ съ разными искушеніями отъ злыхъ бѣсовъ.

Духовенство въ Россіи кромѣ религіознаго имѣло и политическое значеніе. Князья въ важныхъ случаяхъ совѣтуются не съ одними боярами и лучшими людьми, но и съ духовенствомъ. Во время княжескихъ междоусобій оно неразъ являлось посредникомъ и примирителемъ враждующихъ сторонъ. Находя опору въ княжеской власти, оно въ свою очередь помогало укрѣпленію этой власти и давало ей религіозное освященіе въ глазахъ народа. Далѣе, христіанская церковь съ своей стороны не мало способствовала сліянію разрозненныхъ дотолѣ племенъ въ одну русскую народность.

Просвѣщеніе. Религія принятая отъ Грековъ, облегчила путь въ Россію византійскому образованію, которое весьма замѣтно отразилось въ искусствахъ, въ государственномъ устройствѣ и въ литературѣ. Съ запада, при помощи торговли и частыхъ политическихъ сношеній, въ древнюю Русь проникало вліяніе нѣмецкой образованности; а съ востока, посредствомъ Камскихъ Болгаръ, могли приходить и нѣкоторыя начала арабской цивилизаціи. Но въ XIII вѣкѣ съ двухъ

томъ свѣтѣ?» Князь былъ тронутъ этими словами и велѣлъ перестать. Съ тѣхъ поръ каждый разъ, заслышавъ приходъ святаго мужа, онъ приказывалъ замолчать своимъ пѣвцамъ и гуслярамъ.

сторонъ Россію облегла дикая татарская Орда, наложила на нее иго и надолго задержала свободное развитіе русской образованности. Въ слѣдующемъ столѣтіи возникло сильное Литовское государство, которое вмѣстѣ съ Ливонскимъ Орденомъ загородило Россію отъ Западной Европы, и, благодаря только новогородской торговлѣ, не былъ совершенно прекращенъ путь европейскому вліянію.

Духовенство въ древней Руси было почти единственное грамотное сословіе; литературная дѣятельность развилась подъ вліяніемъ церковно-византійской книжности (при помощи болгарскихъ переводовъ), и сосредоточивалась болѣе всего въ тишинѣ монастырскихъ келій. Памятниками словесности того времени служатъ объясненія разныхъ вопросовъ, относящихся къ вѣрѣ и религіознымъ обрядамъ, напримѣръ: «сочиненія митрополита Иларіона», «посланіе митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху», «проповѣди Кирилла епископа Туровскаго» (въ XII в.), «вопросы Кирика, обращенные къ новогородскому епископу Нифонту». Далѣе до насъ дошли: многочисленныя житія святыхъ (напримѣръ «Житіе Ѳеодосія игумена Печерскаго»), поученія къ дѣтямъ (Владиміра Мон.), описанія путешествій ко святымъ мѣстамъ («хожденіе Даніила паломника въ Іерусалимъ»), загадочное «Слово о Даніилѣ Заточникѣ» и пр.

Какой-то Даніилъ попалъ въ немилость, заточенъ (на озеро Лаче), и пишетъ отсюда «Слово» къ князю (по мнѣнію однихъ къ Юрію Долгорукому, по другимъ къ его внуку Ярославу Всеволодовичу). Онъ превозноситъ мудрость и богатство князя, выражаетъ свои страданія и скорбь о княжеской немилости; вооружается противъ глупыхъ людей (повидимому виновниковъ его несчастія), противъ монаховъ, принявшихъ духовный санъ не по внутреннему призванію, и особенно противъ злыхъ женъ. «Слово» обнаруживаетъ боль-

шую начитанность въ сочинителѣ. Оно изобилуетъ притчами (пословицами), напримѣръ: «лучше лихорадкой болѣть, чѣмъ со злою женою жить»; «глупаго учить — въ худой мѣхъ воду лить»; «княжаго тіуна бойся какъ огня, а служителей его какъ искръ», и т. п. Слово Заточника, какъ голосъ страждущаго противъ мірскихъ неправдъ, пользовалось большимъ сочувствіемъ въ древней Руси. Этимъ сочувствіемъ объясняется слѣдующая прибавка (сочиненная позднѣйшими переписчиками): «Посланіе свое Заточникъ запечаталъ въ воскъ и бросилъ въ озеро; рыба проглотила свитокъ; рыбакъ поймалъ рыбу, и принесъ свитокъ князю; князь прочелъ и велѣлъ освободить Даніила изъ горькаго заточенія».

Наиболѣе видное мѣсто между произведеніями древне-русской словесности занимаютъ лѣтописи, т. е. погодныя записки о событіяхъ. Отцомъ нашихъ лѣтописцевъ считается Несторъ, монахъ Кіевопечерской лавры, жившій во второй половинѣ XI и въ началѣ XII в. Онъ составилъ свой *временникъ* по образцу византійскихъ лѣтописцевъ, и описалъ событія русской исторіи отъ ея начала почти до княженія Мономахова. Народныя преданія служили ему главнымъ источникомъ для исторіи первыхъ русскихъ князей; поэтому она отличается иногда характеромъ баснословнымъ; но чѣмъ болѣе событія приближаются ко времени самого Нестора, тѣмъ описаніе ихъ становится полнѣе и достовѣрнѣе. Нашлись люди, которые продолжали его дѣло и записывали событія въ разныхъ концахъ Россіи; такимъ образомъ явилось нѣсколько мѣстныхъ лѣтописей, именно: кіевская, новогородская, суздальская, волынская и др. Сюда заносились часто отрывки изъ житія святыхъ и украшенныя цвѣтами краснорѣчія *сказанія* о какомъ-либо знаменитомъ князѣ, или о важномъ событіи, напр. объ Александрѣ Невскомъ, о нашествіи Батыя на Рязанскую землю, о «Мамаевомъ побоищѣ» и пр.

При нѣкоторыхъ княжескихъ дворахъ развивалась историческая поэзія, предметомъ которой служили подвиги князей и дружины. Образецъ такой поэзіи представляетъ намъ: «Слово о полку Игоревѣ».

Содержаніе его слѣдующее.

Игорь Святославичъ, князь Сѣверскій, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Всеволодомъ Трубчевскимъ отправляется на Половцевъ. Сначала походъ удаченъ; враги разбиты, князья идутъ далѣе. На берегахъ Каялы, впадающей въ Донъ, ихъ встрѣчаютъ ханы Гзакъ и Кончакъ съ многочисленными толпами Половцевъ. Происходитъ упорная битва; русская дружина истреблена, князья взяты въ плѣнъ. Печаль разливается по всей русской землѣ. Супруга Игоря плачетъ въ Путивлѣ на городской стѣнѣ и обращается съ жалобами на свое горе къ вѣтрамъ, къ солнцу и Днѣпру. Въ заключеніе, князь съ помощью половчина Овлура убѣгаетъ изъ плѣна и благополучно возвращается домой.

Расказъ поэта почти во всемъ сходенъ съ извѣстіемъ лѣтописца о томъ же походѣ (подъ 1185 г.). «Слово» написано на древнемъ южно-русскомъ нарѣчіи и дошло до насъ въ искаженномъ видѣ. Оно изобилуетъ поэтическими красотами. Авторъ искусно воспользовался миѳологическими вѣрованіями древней Руси и изобразилъ всю природу существомъ живымъ, которое скорбитъ о несчастіи князя и радуется его удачѣ. Онъ также искусно воспользовался пораженіемъ своего героя, чтобы указать на главный источникъ торжества враговъ — на княжескія междоусобія *.

Самую богатую эпоху въ отношеніи къ произведеніямъ словесности составляютъ XII вѣкъ и первая половина XIII-го.

---

* Кромѣ неизвѣстнаго автора Слова о Полку Игоревѣ могутъ быть упомянуты еще два придворно-княжескіе поэта: Боянъ, пѣвецъ Святослава Ярославича Черниговскаго, и Митуся «словутный» пѣвецъ Галицкій, современникъ Даніила Романовича.

Эпоха же, послѣдующая за нашествіемъ Татаръ, напротивъ, очень бѣдна замѣчательными памятниками литературы, что ясно указываетъ на упадокъ просвѣщенія.

Съ XIV вѣка удѣльно-вѣчевой порядокъ начинаетъ мало-помалу уступать мѣсто другому порядку, единодержавному: между тѣмъ какъ Юго-западная Русь, собранная великими князьями Литовскими, соединяется съ Польшею въ одно государство, Москва притягиваетъ къ себѣ удѣлы сѣверо-восточные.

VI. ЮГО-ЗАПАДНАЯ РУСЬ ПОДЪ ВЛАДЫЧЕСТВОМЪ ЛИТВЫ И ПОЛЬШИ.

Литва распадалась на слѣдующія главныя племена: собственная Литва и Жмудь — въ области Нѣмана, къ западу отъ нихъ Пруссы, къ сѣверу—Куры и Летгола (Латыши). Между тѣмъ какъ часть сѣверныхъ племенъ была покорена Ливонскимъ Орденомъ Меченосцевъ въ началѣ XIII вѣка, на нижнемъ теченіи Вислы утвердился другой рыцарскій орденъ—Тевтоновъ, которыхъ призвалъ изъ Палестины одинъ польскій князь на помощь противъ Пруссовъ. Послѣ отчаянной борьбы Пруссы, Куры и Латыши были завоеваны и силою оружія обращены въ христіанскую вѣру; но дальнѣйшимъ успѣхамъ Меченосцевъ и Тевтоновъ положили предѣлъ Литовцы, жившіе по Нѣману, которые около того времени соединились въ одно сильное княжество.

Живя въ странѣ бѣдной и глухой, покрытой дремучими лѣсами и болотами, Литовское племя могло долго оставаться недоступно чужеземному вліянію. Оно успѣло болѣе развить свою языческую религію, нежели сосѣдніе, соплеменные ему

Славяне: такъ мы находимъ здѣсь жреческое сословіе весьма важное по своему значенію; главный жрецъ — *Криве* былъ вмѣстѣ и верховный судія; высшимъ божествомъ почитался *Перкунъ*, въ честь котораго постоянно пылалъ священный огонь и которому иногда приносились въ жертву знатнѣйшіе плѣнники. Князья же занимались преимущественно военными дѣлами. Отъ набѣговъ безпокойной Литвы много страдали сосѣднія русскія княжества, особенно Полоцкое и Волынское. Пока это племя было раздроблено на мелкія владѣнія, Русскіе съ успѣхомъ отражали его набѣги, а иногда платили ему взаимными опустошеніями и налагали на него дань. Но въ половинѣ XIII вѣка здѣсь совершилась важная перемѣна. Хитрый Миндовгъ—сначала одинъ изъ мелкихъ литовскихъ князей (владѣтель городка Кернова)— отчасти силою, отчасти коварствомъ успѣлъ соединить подъ своею властью почти всю Литву, и одновременно съ эпохою Монгольскаго нашествія захватилъ нѣкоторыя русскія области. Большая часть Полоцкаго княжества сдѣлалась добычею новыхъ завоевателей; только побѣды Александра Невскаго и Даніила Романовича остановили на время успѣхи Литовцевъ. Угрожаемый въ тоже время со стороны Ливонскихъ рыцарей, Миндовгъ притворно принялъ католическую вѣру и вступилъ въ родство съ Даніиломъ; онъ погибъ въ послѣдствіи отъ руки обиженныхъ имъ родственниковъ (1263 г.). Послѣ его смерти въ Литвѣ наступили смуты и междоусобія, которыя продолжались почти половину столѣтія. Конецъ этимъ смутамъ и начало новому, быстрому возвышенію Литвы положилъ знаменитый Гедиминъ.

Гедиминъ. Преданіе говоритъ, что онъ былъ конюшимъ литовскаго князя Витена, умертвилъ своего господина и захватилъ себѣ верховную власть (1315 г.). Необыкновенно умный и предпріимчивый, Гедиминъ искусно воспользовался сла-

бостью и неустройствами юго-западной Руси для того, чтобы подчинить ее Литовскому владычеству. Сначала онъ пріобрѣлъ вліяніе на ея дѣла родственными связями и договорами; а потомъ одною рѣшительною побѣдою (на р. Ирпени 1321 г.) надъ соединенными силами южно-русскихъ князей и монголовъ покорилъ земли Волынскую и Кіевскую. Жители русскихъ областей охотно признавали надъ собою владычество Литвы, потому что оно было для нихъ освобожденіемъ отъ тяжелаго татарскаго ига. Гедиминъ принялъ титулъ великаго князя Литовскаго и Русскаго, и утвердилъ свою столицу въ городѣ Вильно, который былъ построенъ имъ на холмистыхъ берегахъ Виліи. Онъ много заботился о распространеніи образованности между полудикими Литовцами, даровалъ ганзейскимъ купцамъ право безпошлинной торговли въ своихъ владѣніяхъ и вызывалъ изъ сосѣднихъ земель ремесленниковъ; а завоеванными областями управлялъ довольно кротко, и не преслѣдовалъ въ нихъ ни прежняго гражданскаго устройства, ни греческой религіи. Дальновидный политикъ, Гедиминъ старался родственными союзами связать свой домъ съ потомствомъ св. Владиміра, дозволяя даже своимъ сыновьямъ принимать крещеніе и строить христіанскіе храмы въ Вильнѣ и Новогродкѣ. Самъ же онъ остался вѣренъ религіи предковъ и умеръ язычникомъ; тѣло князя по древнему литовскому обычаю было сожжено на кострѣ вмѣстѣ съ боевымъ конемъ и любимымъ оруженосцемъ (1345 г.).

Ольгердъ. Слѣдуя тому же удѣльному порядку, который господствовалъ въ древней Руси и Польшѣ, Гедиминъ роздалъ волости своимъ семи сыновьямъ, но при этомъ стольный городъ Вильно назначилъ младшему сыну (Явнуту). Самый умный изъ братьевъ Ольгердъ соединился съ самымъ храбрымъ, Кейстутомъ, завладѣлъ Вильною и присвоилъ себѣ верховную

власть надъ всѣмъ Литовскимъ княжествомъ. Правленіе его ознаменовано необыкновенною воинственною дѣятельностію. Со всѣхъ сторонъ окруженный врагами, Ольгердъ почти все время провелъ въ борьбѣ съ сосѣдями, и большею частію оставался побѣдителемъ. Онъ докончилъ покореніе Южной Руси (т. е. присоединилъ княжества Черниговское и Сѣверское); далеко отодвинулъ въ степи татарскія орды, и первый началъ тѣснить Сѣверо-восточную Русь; но борьба на западѣ съ Поляками и двумя рыцарскими орденами (Ливонскимъ и Тевтонскимъ) задержала его стремленіе на востокъ.

Ягелло. Подобно отцу, Ольгердъ раздѣлилъ свое княжество и старшій столъ отдалъ младшему сыну Ягелло (1377 г.). Послѣдній захватилъ коварнымъ образомъ въ плѣнъ своего престарѣлаго дядю Кейстута и велѣлъ его умертвить. Стремясь возстановить единодержавіе, онъ началъ преслѣдовать родныхъ и двоюродныхъ братьевъ, которые большею частію спаслись бѣгствомъ въ сосѣднія земли. Вскорѣ потомъ Ягелло пріобрѣтаетъ великое историческое значеніе; онъ окрестилъ Литовскій народъ по католическому обряду и положилъ начало соединенію Литвы съ Польшею,—что имѣло весьма важное вліяніе на дальнѣйшія судьбы Восточной Европы.

На Польскомъ престолѣ во второй половинѣ XIV вѣка прекратилась династія Пястовъ; корона перешла въ руки Венгерскаго короля, а потомъ досталась его дочери Ядвигѣ. Желая обратить опасныхъ сосѣдей въ вѣрныхъ союзниковъ и соединиться съ ними для общей борьбы противъ Нѣмцевъ, польскіе вельможи задумали устроить бракъ своей королевы съ великимъ княземъ Литовскимъ. Юная Ядвига, неравнодушная къ австрійскому герцогу, съ которымъ была уже обручена, долго не соглашалась отдать свою руку *свирѣпому язычнику*. Но такъ какъ Ягелло обѣщалъ принять католическую вѣру со

всѣмъ своимъ народомъ, то духовенство убѣдило наконецъ королеву согласиться на этотъ бракъ. Въ 1386 г. Ягелло крестился и вмѣстѣ съ рукою Ядвиги получилъ королевскую корону. Вслѣдъ за тѣмъ по повелѣнію короля окрещена и большая часть Литовскаго народа. Древній огонь Перкуна въ Виленскомъ зàмкѣ погасили; башни, съ которыхъ вайделоты (жрецы-гадатели) возвѣщали народу прорицанія, разрушены; священные змѣи перебиты и заповѣдныя рощи истреблены. Литовцы пришли въ ужасъ; но, видя, что униженные боги безмолвствуютъ, они усумнились въ ихъ могуществѣ; многіе приходили креститься по нѣскольку разъ, привлекаемые новою одеждою изъ бѣлаго сукна, которую давали обращеннымъ. Такимъ образомъ христіанство было принято въ Литвѣ только внѣшнимъ образомъ; а въ сущности суевѣрное простонародье оставалось вполнѣ языческимъ и продолжало чтить своихъ прежнихъ боговъ. Попытка новаго короля ввести католичество въ своихъ русскихъ областяхъ произвела здѣсь сильное неудовольствіе. Литовцы также не были довольны королемъ, который поселился въ Краковѣ и окружилъ себя польскою аристократіею; а на соединеніе съ Польшею они начали смотрѣть какъ на потерю своей самостоятельности. Этимъ неудовольствіемъ воспользовался хитрый, необыкновенно дѣятельный и властолюбивый Витовтъ сынъ Кейстута: при помощи нѣмецкихъ рыцарей ему вскорѣ удалось отнять у своего двоюроднаго брата великое княжество Литовское (1392 г.).

Витовтъ продолжалъ наступательное движеніе Ольгерда на сѣверо-восточную Русь и захватилъ Смоленское княжество. Его постигла впрочемъ важная неудача на востокѣ: походъ противъ Золотой Орды, предпринятый съ большимъ отборнымъ войскомъ, окончился страшнымъ пораженіемъ на берегахъ

Ворсклы. За то на западѣ борьба съ Тевтонскимъ орденомъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: литовскій князь соединился съ польскимъ королемъ, и общими силами они сокрушили навсегда могущество рыцарей битвою при Танненбергѣ (1410 г.). Спустя три года послѣ того, Ягелло съ польскими панами и Витовтъ съ знатнѣйшими литвинами съѣхались на сеймъ въ Городлѣ (на р. Бугѣ). Здѣсь литвины-католики получили права и привилегіи польской шляхты, и положено представителямъ обоихъ народовъ съѣзжаться впередъ на общіе сеймы для выбора королей польскихъ и великихъ князей литовскихъ и для другихъ важнѣйшихъ дѣлъ. Сѣверная часть Литвы или Жмудь, упорнѣе другихъ стоявшая за старую религію и за литовскую народность, взбунтовалась и прогнала католическихъ монаховъ. Но Витовтъ усмирилъ жмудиновъ, и силою заставилъ ихъ принять католическое духовенство. Онъ умеръ въ глубокой старости, огорченный тѣмъ, что не исполнилась его надежда на полученіе королевскаго титула (1430 г.).

Послѣ Витовта Литовское великое княжество иногда существовало отдѣльно, но чаще соединялось съ Польшею подъ властью одного короля. Окончательное соединеніе было утверждено на общемъ Люблинскомъ сеймѣ (1569 г.) въ царствованіе Сигизмунда II Августа, послѣдняго короля изъ династіи Ягелло. Литва и Польша соединились на равныхъ правахъ и составили одну *Рѣчь Посполитую* (республику).

Полное соединеніе Литвы съ Польшею было обѣщано Ягелломъ при его коронованіи въ Краковѣ. Съ тѣхъ поръ польскіе вельможи и католическое духовенство постоянно хлопотали объ этомъ соединеніи. Но имъ противодѣйствовала сильная литовская аристократія, которая опасалась потерять свое вліяніе съ распространеніемъ польскаго шляхетскаго равенства между всѣми членами дворянскаго сословія. Сюда присоединилась старая вражда двухъ народностей и религі-

озные интересы: часть литовской аристократіи приняла протестантизмъ, и потому еще сильнѣе противодѣйствовала польско-католической партіи. Послѣ Сигизмунда I (внукъ Ягелла) королемъ польскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ сдѣлался сынъ его Сигизмундъ II Августъ. Мать Августа королева Бона, родомъ итальянская принцесса, своимъ властолюбіемъ, жадностію и интригами оставила по себѣ дурную память въ Польшѣ. Она дала сыну очень изнѣженное воспитаніе. Это былъ король мягкій характеромъ, любившій праздность и забавы. По его бездѣтности вмѣстѣ съ нимъ прекращалась династія Ягеллоновъ, служившая политическою связью Литвы съ Польшею; слѣдовательно грозила опасность ихъ разъединенія.

Польско-католическая партія удвоила свои старанія о формальномъ соединеніи этихъ двухъ государствъ; но встрѣтила главное препятствіе со стороны литовскаго канцлера Николая Чернаго Радзивилла, усерднаго протестанта. По личнымъ достоинствамъ и по родству онъ имѣлъ большое вліяніе на короля (Сигизмундъ Августъ тайно вступилъ въ бракъ съ прекрасною Варварою, двоюродною сестрою Радзивилла, и потомъ, не смотря на интриги матери Боны, на требованія сената и сейма, не хотѣлъ ни за что развестись съ страстно любимою супругою; но она вскорѣ умерла). По смерти Николая Радзивилла литовская и протестантская партія лишилась своего вождя; а Сигизмундъ Августъ подпалъ вліянію партіи польско-католической. На Люблинскомъ сеймѣ онъ почти насильно заставилъ Литовцевъ подписать актъ неразрывнаго соединенія съ Польшею. По условіямъ этого акта Польская корона и Литовское великое княжество сохраняли каждая свое особое правительство (канцлера, подканцлера, маршаловъ, гетмановъ и пр.), особое войско и законы. Большая же часть югозападной, литовской Руси (Волынь и Кіевская область) была отдѣлена отъ Литвы и включена въ составъ земель Польской короны (именно присоединена къ Малой или южной Польшѣ).

Когда Западная Русь была завоевана Литвою, завоеватели начали перенимать у покореннаго народа его образованность; послѣ же соединенія съ Польшею и Литва и Русь подверглись вліянію польской гражданственности. Въ юго-западной Руси, также какъ и въ Польшѣ, образовалось высшее сословіе изъ магнатовъ, владѣвшихъ обширными помѣстьями, и изъ шляхты или мелкопомѣстныхъ дворянъ. Древніе русскіе княжества были раздѣлены на воеводства и повѣты; прежнихъ княжескихъ намѣстниковъ и тіуновъ замѣнили королевскіе воеводы, каштеляны и старосты. Многіе русскіе города получили распространенное въ Польшѣ нѣмецкое городовое устройство (извѣстное подъ именемъ *Магдебургскаго права*) съ ремесленными цехами, войтами и бургомистрами. Въ юго-западную Русь проникли польскіе нравы и обычаи; языкъ также подвергся сильному вліянію польской рѣчи. Въ судопроизводство вошли многія статьи изъ польскаго права, которыя вмѣстѣ съ старыми мѣстными законами были собраны подъ именемъ *Литовскаго статута* и впослѣдствіи напечатаны на русскомъ языкѣ. Но не смотря на всѣ старанія католическаго духовенства ввести латинскую вѣру, русскій народъ упорно держался своей прежней религіи по греческому обряду. Въ отношеніи къ церковной іерархіи Западная Русь отдѣлилась отъ Восточной во времена Витовта: онъ велѣлъ посвятить для первой особаго митрополита, который сталъ называться «Кіевскимъ и всея Россіи».

VII. СѢВЕРО-ВОСТОЧНАЯ РУСЬ СОБИРАЕТСЯ ОКОЛО МОСКВЫ.

Во второй половинѣ XIII вѣка и въ началѣ XIV на сѣверо-востокѣ Россіи появляются три главныя княжества, въ которыхъ утвердилось потомство Всеволода III, и которыя долго спорили между собою за первенство. Это:

a) Тверское, составленное изъ волостей лежавшихъ по верхнему теченію Волги и частію отнятыхъ великими князьями Суздальскими у Новогородцевъ. Небольшое по своему объему, оно было довольно густо населено, и, занимая выгодное положеніе между Новгородомъ и Восточною Россіею, изобиловало промышленными городами и селами. Замѣчательные города послѣ Твери: Кашинъ, Микулинъ, Ржевъ и Зубцевъ.

b) Суздальское (въ тѣсномъ смыслѣ) или Нижегородское, занимавшее среднее теченіе Волги и низовья Оки. Оно было самое обширное между сѣверо-восточными княжествами, но съ населеніемъ весьма рѣдкимъ. Важнѣйшіе города: Нижній Новгородъ, сдѣлавшійся столицею княжества, Суздаль, Галичъ, Кострома. Владиміръ на Клязьмѣ продолжалъ считаться стольнымъ великокняжескимъ городомъ въ потомствѣ Всеволода III.

c) Московское.

Городъ *Москва* въ первый разъ упоминается лѣтописцемъ во время борьбы Юрія Долгорукаго съ племянникомъ Изяславомъ II; а именно, въ 1147 г. онъ угощалъ здѣсь своего союзника, одного изъ князей сѣверскихъ (Святослава Ольговича). Преданіе говоритъ, что тутъ находилось прежде помѣстье боярина Степана Кучка; что Юрій казнилъ боярина за какую-то вину и присвоилъ себѣ помѣстье; ему понравилось красивое мѣстоположеніе деревни Кучковой на берегу Москвы, посреди густыхъ лѣсовъ, и онъ велѣлъ построить здѣсь городокъ, который получилъ свое имя отъ рѣки. Послѣ Юрія Москва долго оставалась незначительнымъ городомъ Суздальской области подъ управленіемъ княжескихъ намѣстниковъ.

Основателемъ Московскаго княжества былъ младшій сынъ Александра Невскаго Даніилъ, который получилъ себѣ въ

удѣлъ Москву съ нѣсколькими селами и деревнями. Этотъ умный, дѣятельный князь изъ небольшаго удѣла умѣлъ составить довольно сильное владѣніе. Его возвышенію много способствовалъ племянникъ (Іоаннъ Дмитріевичъ), который, умирая бездѣтнымъ, отказалъ Даніилу Переяславль Залѣсскій, одинъ изъ старинныхъ и самыхъ значительныхъ городовъ Сѣверной Россіи. Потомъ онъ отнялъ у сосѣдей — рязанцевъ Коломну; а сынъ его Юрій захватилъ у смольнянъ Можайскъ. Юрій былъ уже такъ силенъ, что вступилъ въ борьбу съ Тверскимъ княземъ за старшій Владимірскій столъ.

Этотъ споръ, ознаменованный страшною жестокостію, продолжался 24 года (1304—1328), и былъ оконченъ въ пользу Москвы уже братомъ Юрія Іоанномъ Калитою.

Первая борьба между Москвою и Тверью. Великокняжескій Владимірскій столъ по смерти сыновей Александра Невскаго по праву старшинства долженъ былъ перейдти къ его племяннику Михаилу Ярославичу Тверскому; но внукъ Александра, Юрій Даниловичъ Московскій, не обращая вниманія на права дяди, явился ему соперникомъ. Сначала и въ Ордѣ передъ судомъ Хана, и на полѣ битвы мужественный Михаилъ одержалъ верхъ. Однако Юрій упорно преслѣдовалъ свою цѣль: онъ нѣсколько лѣтъ хлопоталъ въ Ордѣ, женился между прочимъ на Кончакѣ, сестрѣ хана Узбека; а потомъ при помощи подкупленныхъ ханскихъ вельможъ заставилъ вызвать Михаила въ Орду, обвинивъ его въ отравленіи Кончаки, которая умерла въ плѣну у Тверскаго князя. Михаилъ былъ осужденъ на смерть и звѣрски замученъ почти на глазахъ своего жестокаго племянника. Юрій получилъ великняжескій титулъ; но не долго торжествовалъ свою побѣду: онъ погибъ въ Золотой Ордѣ отъ руки сына Михаилова Димитрія по прозванью *Грозныя Очи.* Послѣдній за такое самоуправство былъ казненъ по повелѣнію Узбека.

Смертью соперниковъ вражда не прекратилась. Борьбу продолжали ихъ преемники: съ одной стороны братъ Димитрія Александръ, съ другой братъ Юрія Іоаннъ Даниловичъ *Калита* (т. е. мѣшокъ съ деньгами). Александръ получилъ отъ хана ярлыкъ на великое княженіе; но вскорѣ навлекъ на себя его гнѣвъ по слѣдующему случаю. Въ Тверь пріѣхалъ изъ Орды посолъ Чол-ханъ (или Щелканъ, какъ его называлъ русскій народъ). Татары, составлявшіе его многочисленную свиту, по обыкновенію позволяли себѣ дѣлать гражданамъ разныя обиды и насилія. Тверитяне, подстрекаемые самимъ княземъ, подняли мятежъ, напали на посольскую свиту, зажгли домъ, въ которомъ она оборонялась, и Татары погибли въ пламени. Калита ловко воспользовался гнѣвомъ Узбека, чтобы унизить своего соперника: ханъ далъ ему большое войско и поручилъ наказать мятежниковъ. Тверское княжество подверглось сильному опустошенію, Александръ удалился въ Псковъ, а великокняжескій титулъ перешелъ къ Іоанну Московскому. Впослѣдствіи Александръ возвратился и получилъ прощеніе отъ хана; но по проискамъ Калиты былъ вызванъ въ Орду, гдѣ и погибъ подобно своему отцу и брату.

Іоаннъ I Калита (1328—1340) представляетъ собою образецъ сѣверныхъ князей-*собирателей* Руси: необыкновенно разсчетливый и осторожный, онъ однако не былъ разборчивъ на средства къ достиженію главной цѣли, т. е. къ возвышенію Москвы насчетъ ея сосѣдей. Особенно замѣчательна его политика въ отношеніи къ Татарамъ. Калита оказывалъ всегда полную покорность Узбеку, часто ѣздилъ въ Орду съ дарами и раболѣпно кланялся хану; заслуживъ его довѣріе, покровительство и помощь въ борьбѣ съ соперниками, онъ самихъ Татаръ сдѣлалъ орудіемъ для усиленія Москвы. Присвоивъ себѣ право собирать дань съ удѣльныхъ князей и доставлять ее въ Орду, Калита искусно пользовался этимъ пра-

вомъ, чтобы увеличить свою собственную казну. Во владѣніяхъ Московскаго князя водворилась тишина, и народъ началъ отдыхать послѣ продолжительныхъ смутъ и разореній; а безопасность привлекала сюда многихъ жителей изъ сосѣднихъ областей. Княжество свое Іоаннъ увеличилъ новыми пріобрѣтеніями, которыя совершилъ не силою оружія, а путемъ мирнымъ—преимущественно деньгами; онъ покупалъ у бѣдныхъ князей деревни, села и даже города.

Важнымъ событіемъ этого княженія было перенесеніе митрополіи изъ Владиміра въ Москву. Іоаннъ умѣлъ пріобрѣсти расположеніе митрополита Петра, такъ что Петръ жилъ большею частію въ Москвѣ; а преемникъ его Ѳеогностъ поселился здѣсь окончательно, и Москва сдѣлалась столицею Россіи въ церковномъ отношеніи. Митрополиты съ своей стороны всѣми силами помогали возвышенію Москвы, и употребляли иногда противъ враговъ московскаго князя духовное оружіе, т. е. церковное запрещеніе. (Напримѣръ, когда Калита потребовалъ, чтобы Александръ Тверской изъ Пскова ѣхалъ въ Орду на судъ къ хану, а псковитяне хотѣли его защищать, митрополитъ Ѳеогностъ по желанію Калиты послалъ отлученіе отъ церкви Александру и всему Пскову. Тогда Александръ самъ оставилъ Псковъ).

Сыновья Калиты (1340—1359). Калитѣ наслѣдовали одинъ за другимъ его сыновья Симеонъ Гордый и Іоаннъ II. Князья Тверской и Суздальскій напрасно пытались оспаривать у нихъ титулъ великаго князя Владимірскаго: ханы каждый разъ рѣшали споръ въ пользу Москвы (князья ея были богаче другихъ и покупали ярлыкъ). Симеонъ отличался характеромъ твердымъ и гордо обращался съ удѣльными князьями, за что и получилъ свое прозваніе. Онъ умеръ отъ моровой язвы, извѣстной въ лѣтописяхъ подъ именемъ Черной смерти, ко-

торая изъ Азіи перешла въ Западную Европу, а оттуда на ганзейскихъ корабляхъ занесена въ Россію и истребила здѣсь множество народу (1353 г.). Іоаннъ II характеромъ не походилъ на своихъ предшественниковъ, потому что былъ кротокъ и миролюбивъ. Ему помогали въ управленіи старые отцовскіе бояре и въ особенности митрополитъ Алексѣй (родомъ изъ черниговскихъ бояръ), который неоднократно ѣздилъ въ Орду и умѣлъ заслужить ханское благоволеніе.

Митрополитъ Алексѣй, по словамъ преданія, пріобрѣлъ благоволеніе въ Ордѣ слѣдующимъ образомъ. Тайдула, жена хана Чанибека, была больна глазами. «Мы слышали—писалъ ханъ къ великому князю,—что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвамъ главнаго попа вашего; да испроситъ онъ здравіе моей супругѣ». Алексѣй отправился въ Орду и излечилъ ханшу. Вскорѣ потомъ свирѣпый Бердибекъ, умертвивъ отца и братьевъ, воцарился въ Ордѣ, и началъ грозить нашествіемъ русскимъ землямъ. По просьбѣ Іоанна II, митрополитъ Алексѣй опять отправился въ Орду, и при помощи своей покровительницы Тайдулы, матери Бердибека, укротилъ злобу хана. Алексѣй, подобно своимъ предшественникамъ, выхлопоталъ отъ хана ярлыкъ, которымъ подтверждались льготы русскаго духовенства, т. е. освобожденіе его имѣній отъ татарскихъ даней и поборовъ.

Димитрій Донской (1363—1389). Тѣ же старые бояре и митрополитъ Алексѣй поддерживали сына Іоанна II, юнаго Димитрія, когда его малолѣтствомъ хотѣлъ воспользоваться князь Суздальскій Димитрій Константиновичъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неудачной борьбы съ Москвою Суздальскій князь отказался отъ притязаній на Владимірскій столъ и потомъ выдалъ собственную дочь за своего бывшаго соперника. Молодой Димитрій скоро далъ почувствовать свою силу и другимъ сосѣдямъ. Такъ, напримѣръ, когда тотъ же Суздальскій

князь поспорилъ съ роднымъ братомъ Борисомъ за Нижній Новгородъ, Димитрій принялъ сторону своего будущаго тестя, и призвалъ на помощь духовное оружіе: св. Сергій, игуменъ и основатель Троицкой Лавры, по порученію митрополита Алексѣя отправился въ Нижній Новгородъ, заперъ тамъ храмы и прекратилъ богослуженіе. Борисъ принужденъ былъ смириться.

Все княженіе Димитрія наполнено непрерывнымъ рядомъ войнъ: онъ удачно воспользовался тѣми силами, которыя тихо и постепенно были приготовлены его предшественниками. Внукъ Калиты не былъ также разсчетливъ и остороженъ, какъ первые Московскіе князья, и, отличаясь болѣе отважнымъ, болѣе открытымъ характеромъ, смѣло вступилъ въ борьбу съ Тверью, Рязанью, Литвою и Ордою.

Тверь и Рязань, самые значительные удѣлы въ то время, съ опасеніемъ смотрѣли на постоянно возраставшую силу Москвы, и, боясь потерять свою самостоятельность, старались помѣшать этому усиленію. Но они сами страдали отъ внутреннихъ смутъ и разъединенія: въ первой происходила вражда между князьями Тверскими и Кашинскими, во второй между Рязанскими и Пронскими; а Москва искусно вмѣшивалась въ эти междоусобія, чтобъ и тамъ и здѣсь утвердить свое вліяніе. Случилось такъ, что въ обоихъ княжествахъ современниками Димитрію Московскому явились лица, отличавшіяся дѣятельнымъ, мужественнымъ характеромъ и умѣньемъ пріобрѣсти народную любовь; то были: Михаилъ Александровичъ Тверской и Олегъ Ивановичъ Рязанскій. Первый началъ войну съ помощью зятя своего Ольгерда Литовскаго; три раза выступалъ Ольгердъ въ походъ и разорялъ московскія волости; однако рѣшительныхъ битвъ не послѣдовало. Когда же Литовцы прекратили войну, Михаилъ оставшись одинъ, былъ побѣжденъ; онъ отказался отъ притязаній на старшинство и

даже призналъ себя въ нѣкоторой зависимости отъ Москвы (1375)*. Не такъ рѣшительна была побѣда надъ Рязанскимъ княземъ. Долговременная вражда съ нимъ прекратилась только при помощи духовенства. Тотъ же св. Сергій отправился въ Рязань посломъ отъ великаго князя московскаго, и, по словамъ лѣтописи, тихими кроткими рѣчами такъ подѣйствовалъ на суроваго Олега, что тотъ забылъ свою вражду, и заключилъ съ Москвою *вѣчный* миръ (1386 г.).

Между тѣмъ какъ Московское княжество со временъ Калиты постоянно усиливалось, Золотая Орда послѣ Узбека начала ослабѣвать вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и кровавыхъ распрей за ханскій престолъ; а во второй половинѣ XIV вѣка она даже раздѣлилась между нѣсколькими ханами. Димитрій Іоанновичъ думалъ, что пришла наконецъ пора свергнуть ненавистное иго. Онъ не отказался отъ своего замысла даже въ то время, когда вся Орда снова соединилась подъ властью Мамая, и открылъ враждебныя дѣйствія противъ Татаръ. Чтобы смирить Московскаго князя, Мамай послалъ на него большое войско; но Димитрій встрѣтилъ это войско въ Рязанской области на берегахъ Вожи и разбилъ его на голову (1378 г.). Мамай пришелъ въ ярость; онъ сталъ собирать огромныя силы, чтобы напомнить Россіи времена Батыева нашествія. Ягелло Литовскій обѣщалъ соединиться съ нимъ и вмѣстѣ идти на Москву. Но Димитрій вооружилъ сильную рать, призвалъ на помощь *подручныхъ* ему мелкихъ князей сѣверной Россіи, и быстрымъ движеніемъ на югъ предупредилъ соединеніе Мамая съ Ягелломъ. На полѣ Куликовомъ (при впаденіи

---

* Сынъ послѣдняго московскаго тысяцкаго Вельяминова Иванъ, по смерти отца перешелъ на службу къ Тверскому князю и хлопоталъ за него въ Ордѣ передъ ханомъ. На возвратномъ пути изъ Орды онъ былъ схваченъ и торжественно казненъ въ Москвѣ. Эта публичная казнь знатнаго боярина произвела на народъ сильное впечатлѣніе.

рѣчки Непрядвы въ Донъ) 8 сентября 1380 года произошла знаменитая битва съ Татарами. Великій князь отрядилъ въ засаду часть войска подъ начальствомъ своего двоюроднаго брата храбраго Владиміра Андреевича и опытнаго воеводы Волынскаго. Спрятавшись въ сосѣднемъ лѣсу, они выждали время, пока обѣ стороны утомились битвою, и тогда съ свѣжимъ засаднымъ полкомъ ударили на непріятеля; разбитыя татарскія полчища обратились въ бѣгство.

Какъ ни блистательна была Куликовская побѣда, однако она не избавила Россію отъ ига. Орда все еще была сильна и многочисленна, пополняясь время отъ времени приливомъ степныхъ варваровъ изъ Средней Азіи. Въ Сараѣ, на мѣстѣ низверженнаго Мамая, воцарился новый ханъ Тохтамышъ, который потребовалъ отъ русскихъ князей прежней дани и покорности. Когда же они не исполнили его требованія, ханъ, спустя два года послѣ Куликовской битвы, внезапно явился въ предѣлахъ Московскаго княжества, жители котораго уже отвыкли отъ татарскихъ погромовъ. Димитрій не имѣлъ на готовѣ войска, потому что народное ополченіе послѣ похода обыкновенно распускалось по домамъ и возвращалось къ мирнымъ занятіямъ; онъ удалился на сѣверъ собирать ратниковъ. Но въ его отсутствіе Тохтамышъ, коварнымъ образомъ захвативъ столицу, предалъ ее грабежу и пламени; тогда Московскій князь снова призналъ себя татарскимъ данникомъ. Куликовская побѣда однако не пропала даромъ: она возвысила упавшій духъ Русскаго народа и пробудила надежду на близкое освобожденіе; а гордости и самоувѣренности завоевателей былъ нанесенъ ударъ: ханы поняли, что только быстрымъ неожиданнымъ нападеніемъ можно принудить Москву къ покорности.

Замѣчательно, что Димитрій въ своемъ духовномъ завѣщаніи благословилъ старшаго сына Василія не только Москвою,

но и великимъ княженіемъ Владимірскимъ, называя послѣднее уже своею *отчиною*.

Василій I (1389—1425). Подобно Калитѣ онъ старался не упускать удобнаго случая тамъ, гдѣ представлялась возможность увеличить свою наслѣдственную область. Онъ купилъ у хана Тохтамыша ярлыкъ на княжество Нижегородское и Муромскій удѣлъ. Когда московскіе и татарскіе послы прибыли въ Нижній Новгородъ, главный бояринъ нижегородскій Василій Румянецъ (подкупленный Москвою) уговорилъ своего князя Бориса впустить пословъ въ городъ; а потомъ вмѣстѣ съ товарищами своими выдалъ князя москвитянамъ. Такимъ образомъ значительная область безъ всякаго кровопролитія была присоединена къ Москвѣ. Вообще многіе бояре удѣльныхъ князей охотно переходили въ службу болѣе богатаго и сильнаго князя Московскаго.

При Василіѣ Дмитріевичѣ Восточная Россія испытала два татарскія нашествія. Первое было сдѣлано Тамерланомъ—новымъ Монгольскимъ завоевателемъ, вышедшимъ изъ глубины Средней Азіи: преслѣдуя разбитаго имъ Тохтамыша, Тамерланъ опустошилъ берега Дона, но отъ Ельца воротился назадъ. Другое, болѣе чувствительное для насъ, нашествіе произошло по слѣдующему поводу. Во вторую половину своего княженія Василій поддался вліянію молодыхъ бояръ и попытался оставить прежнюю, осторожную политику: онъ думалъ воспользоваться смутами въ Золотой Ордѣ и пересталъ платить дань. Но старый мурза Эдигей (побѣдитель Витовта на берегахъ Ворсклы), бывшій полновластнымъ лицомъ въ Ордѣ, подобно Тохтамышу внезапно явился въ Московской области, разорилъ ее и взялъ большой выкупъ съ столицы (1408 г.). Великій князь долженъ былъ смириться.

Послѣ этого нашествія Эдигей прислалъ къ великому князю грамоту, въ которой такъ исчислялъ его вины: «Прежде ваша земля была вѣрнымъ улусомъ хана; а ты совсѣмъ пересталъ ѣздить въ Орду; пословъ и гостей ординскихъ у васъ въ Москвѣ перестали чествовать. Добрый былъ у тебя прежде бояринъ Ѳедоръ Кошка, онъ напоминалъ объ ординскихъ дѣлахъ; а теперь у тебя любимцемъ сынъ его Иванъ, и ты сталъ слушать молодыхъ людей. Когда какая обида отъ русскихъ князей или отъ Литвы, ты шлешь къ намъ просить помощи; а про выходъ (дань) говоришь, что нечѣмъ платить».

Кромѣ того, большой опасности подвергалась Восточная Русь во времена Василія I со стороны грознаго Витовта. Покоривъ Смоленскій удѣлъ *, Витовтъ обнаружилъ стремленіе подчинить и самую Москву, хотя Василій былъ женатъ на его дочери. Три раза великій князь выступалъ съ войскомъ противъ тестя; впрочемъ до рѣшительной битвы дѣло не дошло, и соперники заключили миръ, по которому рѣка Угра назначена границею между Литовскою и Московскою Русью.

Василій II Темный (1425—1462). Первая половина его княженія ознаменована почти единственнымъ междоусобіемъ въ потомствѣ Калиты. Дядя Василія Васильевича

* Послѣдній Смоленскій князь былъ Юрій Святославичъ, нелюбимый подданными за свою жестокость. Потерявъ княжество, онъ не измѣнилъ своего буйнаго нрава, и въ особенности запятналъ себя слѣдующимъ злодѣйскимъ поступкомъ. Василій Московскій сдѣлалъ его намѣстникомъ въ Торжкѣ; здѣсь вмѣстѣ съ Юріемъ поселился другъ его, одинъ изъ удѣльныхъ смоленскихъ князей, Симеонъ Вяземскій, который имѣлъ супругу Юліанію, отличавшуюся красотою и добродѣтелью. Юрій прельстился ею; но, встрѣтивъ мужественное сопротивленіе, пришелъ въ ярость, велѣлъ изрубить ее и бросить въ рѣку, а также убить и ея супруга. Послѣ того онъ уѣхалъ въ Орду, скитался нѣкоторое время по южнымъ степямъ, и кончилъ жизнь въ одномъ изъ рязанскихъ монастырей.

Юрій Галицкій не хотѣлъ уступить великокняжескій престолъ племяннику, основываясь на древнемъ обычаѣ старшинства и на завѣщаніи отца своего Димитрія Донскаго. Соперники отправились въ Орду и представили дѣло на судъ Улу-Махмета, который рѣшилъ его въ пользу племянника.

У Василія Московскаго былъ бояринъ Иванъ Всеволожскій, который подкупилъ ордынскихъ вельможъ и очень искусно склонилъ приговоръ Хана въ пользу своего князя. Между тѣмъ какъ Юрій доказывалъ свои права древними обычаями и ссылался на отцовское завѣщаніе, бояринъ говорилъ, что Василій ищетъ великаго княженія не по завѣщанію, а по милости Хана, который воленъ отдать его кому захочетъ. Василій однако заплатилъ Всеволожскому неблагодарностью: онъ обѣщалъ жениться на его дочери, но по волѣ матери своей, гордой Софьи Витовтовны, женился на княжнѣ Боровской. Всеволожскій *отъѣхалъ* тогда на службу къ Юрію и постарался усилить его вражду съ Василіемъ.

Сюда же присоединилось оскорбленіе, нанесенное сыновьямъ Юрія, Василію Косому и Димитрію Шемякѣ, на свадебномъ пиру у молодаго Московскаго князя. Здѣсь одинъ изъ старыхъ бояръ узналъ на Косомъ поясъ, украшенный золотомъ и дорогими каменьями, который нѣкогда былъ отданъ въ приданое за женою Димитрія Донскаго, но украденъ во время свадьбы тысяцкимъ Вельяминовымъ и подмѣненъ другимъ поясомъ; переходя изъ рукъ въ руки то по наслѣдству, то вмѣстѣ съ приданымъ невѣсты онъ достался наконецъ Василію Юрьевичу. Бояринъ, признавшій поясъ, сказалъ о немъ Софьѣ Витовтовнѣ; а та приказала тотчасъ снять его съ Косаго. Братья уѣхали съ пира, поклявшись отомстить за такое оскорбленіе.

Побуждаемый своими безпокойными сыновьями, Юрій вооружился, изгналъ Василія изъ Москвы, и умеръ здѣсь великимъ княземъ. Сыновья его продолжали борьбу. Захвативъ въ

плѣнъ Косаго, Василій Васильевичъ приказалъ его ослѣпить; но въ свою очередь онъ самъ попался въ руки Димитрія Шемяки и также былъ ослѣпленъ.

Василій Васильевичъ отправился однажды на богомолье въ Троицкую Лавру. Шемяка, соединившись съ двоюроднымъ братомъ своимъ Иваномъ Можайскимъ, внезапно ночью явился подъ Москвою, и нѣсколько измѣнниковъ московскихъ отворили ему городскія ворота. Отсюда онъ отрядилъ Ивана Можайскаго въ монастырь, чтобы захватить Василія. Извѣщенный объ опасности, Василій послалъ сторожевой отрядъ занять сосѣднюю гору. Иванъ Можайскій скрылъ часть своей дружины въ саняхъ подъ рогожами, обманулъ стражу и занялъ монастырь. Тщетно Василій искалъ убѣжища въ церкви у гроба св. Сергія. Его взяли силою, привезли въ Москву, ослѣпили, и сослали въ Угличъ (1446 г.). При этомъ Василію объявили слѣдующія вины: «зачѣмъ призвалъ Татаръ, роздалъ имъ города и волости въ кормленіе? Татаръ чрезмѣрно любишь, раздаешь имъ золото и серебро, а христіанъ чрезъ мѣру угнѣшаешь налогами; зачѣмъ ослѣпилъ Василія Косаго?» Убѣжденный просьбами митрополита Іоны, Шемяка потомъ освободилъ Василія, взялъ съ него присягу не искать великаго княженія и далъ ему въ удѣлъ Вологду.

Между тѣмъ московскіе бояре, оставшіеся вѣрными Василію (особенно князья Ряполовскіе, Стрига-Оболенскій и Ѳедоръ Басенокъ) и многіе дѣти боярскіе собрались въ Литвѣ, и пошли на помощь къ своему князю; съ ними соединились два преданныхъ ему татарскихъ царевича (Касимъ съ братомъ своимъ). Игуменъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря разрѣшилъ Василія отъ присяги; а князь Тверской заключилъ съ нимъ союзъ. Шемяка выступилъ противъ непріятелей. Но во время его отсутствія отрядъ Васильевыхъ приверженцевъ, ночью на Рождество Христово, вошелъ въ московскія ворота, которыя были отворены для одной княгини, ѣхавшей къ заутрени. Граждане съ радостью присяг-

нули опять Василію. Шемяка удалился въ свой наслѣдственный Галичъ; но не хотѣлъ оставить притязаній на великое княженіе. Тщетно послѣ того пять епископовъ отъ лица всего духовенства написали къ нему увѣщательное посланіе, и грозили церковнымъ проклятіемъ, если онъ не смирится. Наконецъ, разбитый москвитянами и татарами въ рѣшительной битвѣ подъ Галичемъ (1450 г.), Шемяка бѣжалъ въ Новгородъ, и тамъ, спустя три года, умеръ отъ отравы. Извѣстіе о его смерти привезъ въ Москву одинъ подъячій, который и былъ награжденъ званіемъ дьяка.

Василій, прозванный *Темнымъ*, вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы продолжавшейся цѣлыя 20 лѣтъ. Ему усердно помогали духовенство, бояре и татары. На его сторонѣ было и московское населеніе, которому болѣе нравилось наслѣдованіе по прямой линіи, т. е. отъ отца къ сыну, потому что новый порядокъ доставлялъ болѣе спокойствія, нежели прежнія понятія о старшинствѣ, подававшія поводъ къ частымъ распрямъ.

Василій II снова утвердилъ московское вліяніе на сосѣднія русскія области, которыя во время предыдущихъ смутъ пришли въ зависимость отъ Литвы или вступили съ нею въ союзъ. Онъ уничтожилъ раздробленіе Московскаго княжества между потомками Калиты (оставивъ только Верейскій удѣлъ); но по старому обычаю передъ смертью надѣлилъ волостями своихъ младшихъ сыновей. Впрочемъ ихъ удѣлы могутъ считаться весьма незначительными въ сравненіи съ тою частію, которую получилъ старшій сынъ Іоаннъ, бывшій въ послѣдніе годы соправителемъ отца. Городъ Владиміръ назначенъ ему въ отцовскомъ завѣщаніи уже безъ всякаго различія съ прочими московскими городами.

Итакъ, обстоятельства, способствовавшія возвышенію Москвы, были слѣдующія:

1. Выгодное географическое положеніе — вдали отъ сильныхъ внѣшнихъ враговъ.

2. Цѣлый рядъ даровитыхъ личностей на Московскомъ столѣ; ихъ хитрая, настойчивая политика и расчетливая, хозяйственная дѣятельность.

3. Покровительство и помощь Золотой Орды.

4. Усердное содѣйствіе духовной власти и боярскаго сословія.

5. Малочисленность княжеской фамиліи (сравнительно съ другими отраслями Рюриковичей) и отсутствіе внутреннихъ междоусобій до временъ Василія Темнаго.

6. Утвержденіе новаго порядка престолонаслѣдія—отъ отца къ сыну (или старшинство племянника надъ дядею), и сочувствіе населенія къ этому новому порядку.

7. Раздробленіе и слабость сосѣднихъ княжествъ, неустройства и разъединеніе вѣчевыхъ общинъ сѣверной Руси.

Вѣчевыя общины. Почти всѣ великіе князья сѣверо-восточной Руси, начиная съ Андрея Боголюбскаго, тѣснили Новогородскую общину, отнимали у нея земли и старались ограничить ея вольности. Для борьбы съ ними новогородцы находили себѣ опору въ воинственныхъ князьяхъ южной Руси (напримѣръ Мстиславъ Удалой). Но со времени татарскаго завоеванія южная Русь ослабѣла, и скоро вошла въ составъ великаго княжества Литовскаго. Когда Суздальская область раздробилась, сосѣдями новогородцевъ явились князья тверскіе, которые старались подчинить Новгородъ своему вліянію и захватить его пограничныя волости. Противъ Твери новогородцы ищутъ союза съ Москвою, и помогаютъ Юрію московскому въ его борьбѣ съ Михаиломъ Ярославичемъ тверскимъ. Но, когда Тверь была унижена, Москва въ свою очередь явилась самымъ опаснымъ врагомъ новогородской свободы. Нуждаясь болѣе всего въ деньгахъ, чтобы покупать

покровительство Золотой Орды, почти всѣ московскіе князья со временъ Ивана Калиты предпринимали походы на Новгородъ, заставляли его платить большія суммы за подтвержденіе старинныхъ вольностей и обязывали ежегодною данью съ новогородскихъ волостей (извѣстною подъ именемъ «чернаго бора»). Для борьбы съ Москвою новогородцы начали искать союзника въ Литвѣ, которая была наслѣдницею юго-западной Руси и естественною соперницею Москвы. Со временъ Гедимина новогородцы нерѣдко призывали къ себѣ князей изъ Литвы, и давали имъ города въ «кормленіе» (т. е. доходы отъ суда и управленія). Но великіе князья литовскіе не оказывали Новгороду дѣятельной помощи; какъ и московскіе, они при случаѣ опустошали новогородскія земли, брали съ Новгорода большіе окупы, и стремились наложить на него свое господство (особенно много потерпѣлъ онъ отъ Витовта).

Богатства Новгорода служили приманкою для его сильныхъ сосѣдей. Главными источниками его благосостоянія были свободное общинное управленіе и обширная торговля. Торговыя сношенія съ Западной Европой имѣли благодѣтельное вліяніе на развитіе новогородской образованности. Новогородцы ѣздили съ товарами въ Ливонію, Германію и во всѣ русскія области, а въ Новгородѣ постоянно жили нѣмецкіе купцы и художники. Въ лѣтописяхъ мы часто встрѣчаемъ извѣстія о физическихъ бѣдствіяхъ, посѣщавшихъ новогородскій край: страшные пожары опустошали Новгородъ; весенній ледъ, шедшій изъ Ильменя въ Волховъ, нерѣдко срывалъ мосты, городъ терпѣлъ отъ наводненій; морозъ побивалъ въ полѣ хлѣбъ, и происходилъ голодъ, отъ котораго гибли тысячи людей; довольно частое моровое повѣтріе губило ихъ еще болѣе. А между тѣмъ, благодаря своему дѣятельному промышленному характеру, городъ богатѣлъ, и украшался ка-

менными храмами съ искусною стѣнною живописью *. Но общинное устройство, столь много способствовавшее образованности и матеріальному благосостоянію Новгорода, не получило твердыхъ опредѣленныхъ формъ и оставляло обширное поле для внутреннихъ смутъ. Это обстоятельство было главною причиною слабости въ то время, когда новогородцамъ приходилось отстаивать свою самостоятельность отъ внѣшнихъ враговъ.

Великіе князья тверскіе или московскіе, достигая княженія въ Новгородѣ, обыкновенно сами оставались въ своихъ столицахъ а въ Новгородъ посылали бояръ или родственниковъ въ качествѣ своихъ намѣстниковъ. Отсутствіе князей способствовало еще большему развитію вѣчеваго, т. е. народнаго, правленія. Въ Новгородѣ, какъ и во всѣхъ государствахъ съ народнымъ правленіемъ, существовала неизбѣжная вражда между двумя частями населенія: бояре или классъ богатыхъ людей старались захватить общественныя дѣла исключительно въ свои руки; а простой народъ съ завистью смотрѣлъ на богатство и значеніе бояръ, и во время волненій или дороговизны хлѣба мстилъ имъ грабежемъ ихъ домовъ и житницъ. Поводы къ народнымъ волненіямъ большею частію подавало взаимное соперничество знатнѣйшихъ боярскихъ фамилій, которыя спорили между собою за общественныя должности, преимущественно за высокій санъ посадника. Каждому богатому честолюбивому боярину легко было набрать себѣ толпу кліентовъ изъ бѣднѣйшихъ гражданъ, которые поддерживали его своими голосами на вѣчѣ. Отсюда частыя смѣны посадниковъ и шумныя вѣча, кончавшіяся иногда открытымъ междоусобіемъ. Неустройства вѣча, подкупы голосовъ и борьба за лич-

* Строительною дѣятельностію особенно отличился архіепископъ Евѳимій въ XV в. Между прочимъ нѣмецкіе мастера сдѣлали ему каменную палату и устроили на верху ея боевые часы (1436 г.).

ные интересы не могли не оказать вреднаго вліянія на народную нравственность. Въ XV вѣкѣ слышатся жалобы лѣтописцевъ на недостатокъ праваго суда въ Новгородѣ, на взятки, частые поборы и притѣсненія сельскимъ жителямъ.

Безпокойная новогородская молодежь не любила сидѣть дома: время отъ времени собирались вольныя дружины и отправлялись въ дальнія страны за добычей. Хотя эти походы распространили далеко на сѣверо-востокъ владычество Новгорода и его колоніи; но они нерѣдко вредили новогородской торговлѣ и навлекали месть со стороны сосѣдей. При Димитріѣ Донскомъ новогородскіе повольники ходили на Волгу, разграбили Кострому и Нижній Новгородъ; тогда великій князь съ сильнымъ ополченіемъ явился подъ стѣнами Великаго Новгорода, и заставилъ его заплатить 8000 рублей за разбои вольницы (1386 г.).

Послѣ внутреннихъ смутъ второю причиною политической слабости было соперничество и раздоръ между различными общинами сѣверной Руси. Наиболѣе значительные пригороды и колоніи Новгорода стремились къ самостоятельности; а Новгородъ вмѣсто того, чтобы образовать съ ними тѣсный союзъ (федерацію), хотѣлъ надъ ними господствовать.

Особенно важны были несогласія съ богатымъ Псковомъ. Въ половинѣ XIV вѣка псковитяне достигли цѣли своихъ стремленій: новогородцы назвали Псковъ своимъ младшимъ братомъ и признали его самостоятельность, т. е. отказались отъ права давать ему посадниковъ и требовать его духовенство въ Новгородъ на судъ архіепископскій (1348 г.). Но и послѣ того эти двѣ общины рѣдко находились въ согласіи; а иногда даже воевали другъ съ другомъ. Послѣ Довмонта, въ продолженіе XIV вѣка, псковитяне призывали князей преимущественно изъ Литвы; но въ XV вѣкѣ они все болѣе и болѣе подчиняются московскому вліянію, и обращаются въ Москву

за помощію противъ Ливонскихъ нѣмцевъ (потому что новогородцы не помогали). Изъ болѣе значительныхъ колоній новогородскихъ Вятка также не хотѣла признавать зависимости отъ Новгорода, и находилась къ нему во враждебныхъ отношеніяхъ. А Двинская земля, гдѣ новогородскіе бояре владѣли обширными помѣстьями, обнаруживала попытки сдѣлаться самостоятельною. Великіе князья сѣверо-восточной Руси издавна стремились захватить Двинскую землю и Печеру; но этотъ край былъ очень важенъ для новогородской торговли (отсюда шли драгоцѣнные мѣха и серебро), и новогородцы очень заботились, чтобы сохранить его за собою. Въ концѣ XIV вѣка, только благодаря единодушному энергическому образу дѣйствія, имъ удалось отбить москвитянъ отъ Заволочья.

Въ 1397 году воеводы Василія Дмитріевича склонили Двинскіе города отложиться отъ Новгорода и передаться великому князю Московскому. Въ слѣдующемъ году, послѣ безполезныхъ переговоровъ съ Москвою, новогородцы вооружились, и цѣловали крестъ «быть за единъ братъ», говоря: «воротимъ пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину, или положимъ наши головы за св. Софью и господина своего Великій Новгородъ». На походѣ они повоевали бѣлозерскія, устюжскія и кубенскія волости великаго князя; потомъ осадили Орелецъ, свой отпавшій пригородъ на Двинѣ. Орелецъ сдался, и двиняне били челомъ о прощеніи. Новогородцы приняли челобитье, но за вину взяли съ нихъ 2000 рублей и 3000 коней (новогородскаго войска было 3000); а нѣкоторыхъ двинскихъ бояръ-измѣнниковъ казнили смертію; главнаго изъ нихъ привезли скованнаго въ Новгородъ, и здѣсь сбросили его съ волховскаго моста (обычный способъ новогородской казни).

Когда возвысилась Москва, Новгородъ сдѣлался убѣжищемъ многихъ князей, потерявшихъ удѣлы. Здѣсь умеръ соперникъ Василія Темнаго Димитрій Шемяка. Новогородское

вѣче воспользовалось ихъ междоусобіемъ, и присвоило себѣ новыя льготы, напримѣръ, право выдавать грамоты безъ князя. Въ 1456 г. Василій Темный отправилъ воеводъ Стригу-Оболенскаго и Ѳедора Басенка; они разбили конное ополченіе новогородцевъ и заставили ихъ смириться. Новгородъ заплатилъ 8500 рублей; обязался снова платить черный боръ, отмѣнить вѣчевыя грамоты и не принимать враговъ великаго князя. Теперь, когда восточная и западная Русь собрались въ два единодержавныя государства, Новгородъ, не имѣвшій твердой правительственной власти, очевидно не могъ долѣе отстаивать свой самостоятельный общинный бытъ. Ему оставалось выбирать между Москвою и Литвою. На сторонѣ Москвы былъ могущественный союзникъ—греческая вѣра и церковная зависимость отъ московскаго митрополита. Попытки освободиться отъ этой зависимости были неудачны; московскіе великіе князья и митрополиты употребляли всѣ усилія помѣшать сношеніямъ новогородскихъ архіепископовъ съ Кіевскою митрополіей, учрежденною Витовтомъ для западной Руси.

При Василіѣ Темномъ произошло окончательное распаденіе Кипчакской монархіи; отъ Золотой Орды отдѣлились два большія владѣнія: Казань и Крымъ.

Основателемъ Казанскаго царства былъ тотъ самый Улу-Махметъ, который присудилъ великое княженіе Василію; но, когда онъ былъ изгнанъ изъ Сарая и искалъ убѣжища въ московскихъ предѣлахъ, великій князь послалъ противъ него войско. Ханъ удалился въ древнюю Болгарію, возобновилъ на берегахъ Волги разрушенный Русскими городокъ Казань, собралъ вокругъ себя толпы татаръ, и началъ господствовать надъ окрестными племенами Мордвы, Черемисовъ, Камскихъ Болгаръ и др. (1440 г.). При помощи торговли и выгоднаго положенія Казань вскорѣ сдѣлалась многолюднымъ, богатымъ городомъ; а татары казанскіе набѣгами своими часто трево-

жили сосѣднія русскія области. Во время одного изъ такихъ набѣговъ они захватили въ плѣнъ неосторожнаго Василія, и только за большую сумму денегъ Улу-Махметъ возвратилъ свободу великому князю.

Еще сильнѣе Казани была Крымская Орда, которая составилась изъ татарскихъ улусовъ въ Крыму и на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Здѣсь утвердилась династія *Гиреевъ*; первый ханъ этой династіи Азы-Гирей по нѣкоторымъ извѣстіямъ происходилъ отъ Тохтамыша. Крымскіе татары въ продолженіе трехъ столѣтій терзали Россію внезапными и опустошительными набѣгами.

Кромѣ того, изъ Золотой Орды въ XIV и XV вв. нерѣдко выходили знатные мурзы и царевичи, которые съ своими дружинами поступили на службу къ русскимъ князьямъ, получая отъ нихъ большія помѣстья и цѣлые города на свое содержаніе (или «кормленіе») съ обязанностію защищать предѣлы и по первому призыву являться на помощь. Поселяя эти дружины на юго-восточныхъ границахъ, Московское правительство такимъ образомъ самихъ же татаръ старалось противопоставить набѣгамъ ихъ соплеменниковъ. На берегахъ Оки, напримѣръ, явилось особое ханство Касимовское, которое получило свое названіе отъ Касима, одного изъ татарскихъ служебныхъ царевичей, и находилось въ ленной зависимости отъ великаго князя Московскаго.

Во время Василія Темнаго лѣтописи въ первый разъ упоминаютъ о казакахъ (именно Рязанскихъ, подъ 1444 г.). Такъ назывались легко вооруженные ратники, которые служили въ южныхъ украинскихъ городахъ и употреблялись для пограничной стражи, т. е. для наблюденія въ степи за движеніями татаръ. Это собственно «казаки городовые»*. Рядомъ съ ними,

* Имя свое казаки заимствовали у сосѣдей—татаръ: въ Ордѣ *казаками* назывался низшій классъ войска, сословіе благородныхъ составляли *уланы*, а высшее *мурзы*.

далѣе въ степяхъ, образовался другой родъ казаковъ изъ русскихъ людей, искавшихъ свободнаго образа жизни и простора своему молодечеству. Въ степь убѣгали преимущественно тѣ, которымъ тяжела казалась жизнь на родинѣ, напримѣръ холопы. Мало-по-малу они составили независимыя военныя общины, которыя рѣшали свои дѣла вѣчемъ или *кругомъ* и сами выбирали себѣ предводителей (атамановъ). Степные или *вольные* казаки обыкновенно селились по берегамъ рѣкъ, изобилующихъ рыбою; очень часто они должны были вступать въ отчаянную борьбу съ сосѣдями-кочевниками; а иногда вмѣстѣ съ ними дѣлали набѣги на московскія и польскія владѣнія и вообще не упускали случая пограбить караваны, шедшіе съ товарами въ Россію или изъ Россіи. По мѣрѣ того какъ монгольскія орды слабѣли и отодвигались отъ русскихъ границъ, усиливалось и размножалось казачество. Въ XVI столѣтіи оно уже занимало всѣ южныя украинскія степи и распадалось на двѣ главныя вѣтви: на Донскую и Днѣпровскую (или Малороссійскую); первая образовалась преимущественно изъ выходцевъ восточной, т. е. Московской Руси, а вторая — изъ югозападной или Литовской.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

РУСЬ МОСКОВСКАЯ.

I. УНИЧТОЖЕНІЕ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАГО ПОРЯДКА ВЪ СѢВЕРОВОСТОЧНОЙ РУСИ И УСПѢХИ МОНАРХИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

ІОАННЪ III 1462—1505.

Іоаннъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ умѣлъ пользоваться благопріятными обстоятельствами, и хотя медленнымъ, но твердымъ и неуклоннымъ шагомъ онъ почти всегда достигалъ своихъ цѣлей. Его княженіе ознаменовано многими важными событіями внѣшней и внутренней политики. Первое мѣсто между ними занимаетъ присоединеніе къ Москвѣ самыхъ значительныхъ удѣловъ сѣверо-восточной Россіи.

Паденіе Великаго Новгорода. Послѣ смерти Василія Темнаго новогородцы начали нарушать нѣкоторыя условія договора съ Москвою; раздоры боярскихъ партій между тѣмъ усилились. Однажды вѣче оскорбило московскихъ намѣстниковъ; великій князь потребовалъ удовлетворенія. Въ то время одною изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ фамилій въ Новгородѣ были Борецкіе; во главѣ этой фамиліи находилась

умная честолюбивая Марѳа, вдова посадника Исаака Борецкаго, которая съ помощію подкупа составила себѣ многочисленную партію приверженцевъ между бѣднѣйшими гражданами и посредствомъ ихъ пріобрѣла вліяніе на рѣшенія вѣча. Увлекаемое ея партіей, вѣче положило отдаться подъ покровительство польскаго короля Казиміра IV, и заключило съ нимъ договоръ на довольно выгодныхъ для себя условіяхъ. Іоаннъ медлилъ рѣшительными дѣйствіями; а между тѣмъ искусно поддерживалъ несогласія въ самомъ Новгородѣ, гдѣ многіе граждане съ неудовольствіемъ смотрѣли на подданство королю-католику. Наконецъ, дождавшись удобнаго времени, великій князь съ большимъ торжествомъ выступилъ въ походъ. Онъ раздавалъ щедрыя милостыни церквамъ и нищимъ, приказывалъ совершать молебствія, и вообще придавалъ своему походу характеръ религіозный (объявляя новогородцевъ измѣнниками православію).

Походъ сопровождался жестокимъ опустошеніемъ новогородскихъ областей. Вмѣстѣ съ москвитянами шли татарскіе отряды, тверская дружина и даже Псковъ по приказу великаго князя послалъ войско на своего старшаго брата. Новогородцы бодро вышли на встрѣчу, но на берегахъ Шелони потерпѣли пораженіе отъ передовой московской рати, которою начальствовалъ князь Даніилъ Холмскій (въ іюлѣ 1471 г.). Одною изъ причинъ пораженія былъ конный архіепископскій полкъ, который отказался отъ битвы по тайному наказу архіепископа Ѳеоѳила. Вообще разбогатѣвшіе новогородскіе граждане неотличались уже ратнымъ духомъ, и не могли устоять въ открытомъ полѣ противъ опытныхъ въ военномъ дѣлѣ московскихъ и татарскихъ отрядовъ. Въ числѣ плѣнниковъ находился одинъ изъ сыновей Марѳы Борецкой, котораго Іоаннъ велѣлъ казнить вмѣстѣ съ тремя другими боярами. Между тѣмъ, слабый характеромъ, отвлекаемый иными заботами,

Казиміръ не присылалъ никакой помощи; въ самомъ Новгородѣ поднялась партія московскихъ приверженцевъ и людей подкупленныхъ, и стала одолѣвать на вѣчѣ враждебную ей сторону Борецкихъ. Когда же отъ прекращенія подвозовъ вздорожалъ хлѣбъ, граждане упали духомъ и послали къ Іоанну бить челомъ о мирѣ. Великій князь согласился на миръ съ условіемъ, чтобы Новогордцы заплатили ему 15,500 руб.; на этотъ разъ онъ не уничтожилъ ихъ вѣчеваго устройства и укрѣпилъ за собою только право верховнаго суда*.

Но, пока Новгородъ сохранялъ свою самостоятельность, его мирныя отношенія къ Москвѣ не могли быть продолжительны. Спустя шесть лѣтъ, Іоаннъ разсорился опять съ новогородцами.

Въ 1477 году новогородскіе послы пріѣхали въ Москву и назвали Іоанна «государемъ», тогда какъ прежде новогородцы называли его «господиномъ». Послы поступили такъ безъ вѣдома вѣча (по порученію архіепископа и бояръ приверженныхъ къ Москвѣ). Іоаннъ послалъ спросить новогородцевъ: «какого хотятъ они государства?» Новогородцы подняли страшное волненіе, схватили одного боярина, обвиненнаго въ измѣнѣ, изрубили его на вѣчѣ топорами, убили еще двухъ бояръ; а нѣкоторые приверженцы Москвы спаслись

---

* Въ этой войнѣ обстоятельства очевидно покровительствовали Московскому князю. Обыкновенно походы на Новгородъ совершались въ зимнее время, потому что лѣтомъ мночисленныя болота, рѣки и лѣса составляли самую надежную защиту для Новгорода. Лѣтомъ же 1471 года случилась сильная засуха, и московское войско безъ труда прошло къ Ильменю. А новогородцамъ во всемъ была неудача: войско, посланное для защиты Двинской земли, разбито; многіе жители города Русы, послѣ осады возвращавшіеся изъ Новгорода на лодкахъ по Ильменю, застигнуты бурею и потонули; въ Новгородѣ начались потомъ сильные пожары. Лѣтописцы расказываютъ, будто паденіе Новгорода предвѣщалось разными знаменіями и чудесами (буря сломила крестъ у св. Софіи, колокола звонили сами собой въ Хутынскомъ монастырѣ, слезы текли изъ очей отъ иконы Богородицы, и т. п.).

бѣгствомъ. Великому князю отвѣчали, что зовутъ его по прежнему господиномъ, а не государемъ, и били ему челомъ не нарушать старины. Но Іоаннъ воспользовался этимъ поводомъ, чтобы покончить съ новогородскимъ вѣчемъ.

Зимою 1478 года великій князь предприняль второй походъ на Новгородъ съ такимъ же многочисленнымъ войскомъ. На этотъ разъ онъ осадилъ городъ безъ битвы. Московская партія, главою которой былъ владыка Ѳеоѳилъ, опять взяла верхъ, и граждане снова просили мира. Но теперь Іоаннъ не соглашался мириться на прежнихъ условіяхъ. «Хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ», сказалъ великій князь; «въ немъ не должно быть ни вѣча, ни посадника, а будетъ только моя государева воля». Послѣ многихъ переговоровъ новогородцы согласились, и присягнули Іоанну какъ своему полновластному государю. Вѣчевой колоколъ и престарѣлая Мароа посадница были отправлены въ Москву. Однако волненія въ Новгородѣ послѣ того долго не прекращались, потому что граждане не могли скоро забыть о своей прежней вольности. Іоаннъ принялъ самыя рѣшительныя мѣры: онъ казнилъ зачинщиковъ смутъ, перевелъ нѣсколько тысячъ новогородскихъ семей въ восточные города, а на мѣсто ихъ переселилъ купцовъ и дѣтей боярскихъ изъ Московской области, чѣмъ ослабилъ сторону враждебную Москвѣ и усилилъ партію ея приверженцевъ. Кромѣ того, по поводу ссоры съ г. Ревелемъ, великій князь велѣлъ захватить въ своихъ владѣніяхъ до 50 ганзейскихъ купцовъ и бросить ихъ въ тюрьму, а товары ихъ отобрать въ казну; торговля съ Ганзою почти прекратилась, что нанесло окончательный ударъ благосостоянію Новгорода.

Присоединеніе Твери и другихъ областей. Послѣднимъ Тверскимъ княземъ былъ Михаилъ Борисовичъ,

родственникъ Іоанна (по женѣ) и нѣкоторое время его союзникъ. Но когда Новгородъ былъ покоренъ, Тверской князь, видя себя со всѣхъ сторонъ окруженнымъ московскими владѣніями, началъ опасаться за свою самостоятельность и думалъ обезпечить ее союзомъ съ Казиміромъ IV. Узнавъ о сношеніяхъ Твери съ Литвою, Іоаннъ объявилъ войну Михаилу Борисовичу; обманутый надеждой на литовскую помощь, послѣдній не рѣшился оружіемъ защищать свои права, и убѣжалъ въ Литву (1485). Такимъ образомъ Тверь безъ всякаго кровопролитія была присоединена въ Москвѣ; а князья мелкихъ тверскихъ удѣловъ и бояре тверскіе поступили на службу къ Іоанну III. Далѣе, Іоаннъ присоединилъ удѣлъ Верейскій, наслѣдовалъ волости двухъ братьевъ своихъ, умершихъ бездѣтными, и отнялъ удѣлъ у третьяго (Андрея Большаго), котораго за непокорность велѣлъ заключить въ темницу, гдѣ онъ и умеръ. Часть Рязанской области также перешла въ руки Іоанна. Такимъ образомъ въ сѣверо-восточной Россіи оставались неприсоединенными только Псковъ и другая часть Рязани, которые безусловною покорностью великому князю сохранили еще на нѣкоторое время тѣнь своей самостоятельности. Вообще въ княженіе Іоанна московскіе предѣлы далеко распространились на сѣверъ и востокъ; такъ, окончательно была покорена Вятская община, завоеваны земли Пермская, Печерская и Югорская; московскіе отряды переправлялись за Уральскій хребетъ и на лыжахъ доходили до береговъ Оби.

Уничтоженіе татарскаго ига. Зависимость отъ Золотой Орды существовала уже болѣе по имени, нежели въ дѣйствительности: она состояла въ томъ, что великій князь посылалъ иногда хану небольшую дань и честилъ его пословъ; но Іоаннъ задумалъ уничтожить и самую тѣнь постыднаго ига.

Онъ воспользовался взаимною ненавистію хановъ Крымской и Золотой Орды и заключилъ тѣсный союзъ съ Менгли-Гиреемъ; потомъ прогналъ изъ Москвы пословъ сарайскаго хана Ахмата и навсегда отказалъ ему въ дани. Ахматъ выступилъ въ походъ, условившись съ Казиміромъ IV въ одно время напасть на московское княжество. Но Іоаннъ заранѣе принялъ всѣ мѣры, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ: Менгли-Гирей сдѣлалъ набѣгъ на Литву и отвлекъ Казиміра; въ то же время московскій отрядъ соединился съ крымцами и разорилъ Сарай, остававшійся беззащитнымъ. Самъ великій князь съ многочисленными силами встрѣтилъ татаръ на берегахъ Угры; ни то, ни другое войско однако не хотѣло перейдти рѣку. Іоаннъ въ этомъ случѣ осторожность свою довелъ до крайности: тщетно народъ изъявлялъ негодованіе. Ростовскій архіепископъ Вассіанъ, духовникъ Іоанна, въ особомъ посланіи къ великому князю уговаривалъ его не внимать совѣтамъ нѣкоторыхъ малодушныхъ бояръ, и приводилъ въ примѣръ предка его Димитрія Донскаго. (А малодушные бояре напоминали плѣненіе отца его Василія Казанцами). Іоаннъ не рѣшился первый начать битву, и, когда рѣка стала покрываться льдомъ, велѣлъ отступать (1480 г.). Ахматъ не преслѣдовалъ Русскихъ, и воротился назадъ; онъ вскорѣ былъ убитъ однимъ изъ татарскихъ князей. Сыновья его однако не оставляли своихъ притязаній на московскую дань, пока вѣрный союзникъ Іоанна Менгли-Гирей послѣ кровопролитной борьбы не разрушилъ окончательно Кипчакскаго царства.

Такимъ образомъ Монгольское иго прекратилось, но вредные слѣды его долго еще жили въ русскомъ народѣ: оно способствовало огрубѣнію нравовъ, порчѣ народнаго характера, угнетенію низшаго класса и распространенію въ Россіи многихъ обычаевъ, свойственныхъ деспотическимъ, азіатскимъ государствамъ.

Борьба съ Литвою. Поводъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ между Москвою и Литвою подали мелкіе пограничные князья Чернигово-Сѣверской области, которыхъ Іоаннъ умѣлъ привлечь на свою сторону; они стали отдѣляться отъ католической Литвы и переходить съ своими городами въ подданство единовѣрнаго князя Московскаго. Тщетно Казиміръ требовалъ, чтобъ ему возвратили назадъ города; онъ умеръ, приготовляясь къ войнѣ съ Москвою. Старшій сынъ его сдѣлался Польскимъ королемъ, а младшій Александръ великимъ княземъ Литовскимъ. Въ надеждѣ отклонить Іоанна III отъ враждебныхъ замысловъ, Александръ женился на его дочери, и уступилъ ему часть Сѣверскихъ удѣловъ (Новосильскій, Бѣлевскій, Одоевскій, Воротынскій и др.). Неудовольствія однако не прекратились; возобновился и переходъ удѣльныхъ князей къ единовѣрной Москвѣ. Іоаннъ первый объявилъ войну, и воевода его Даніилъ Щеня нанесъ непріятелямъ сильное пораженіе близъ Дорогобужа (1500 г.); начальникъ литовскаго войска гетманъ Константинъ Острожскій попался въ плѣнъ со всею артиллеріею. За то въ слѣдующемъ году союзникъ Александра магистръ Ливонскаго ордена Плеттенбергъ, который съумѣлъ на нѣкоторое время воскресить древнюю славу рыцарей, разбилъ московскія войска при Изборскѣ. Наконецъ Александръ, по смерти старшаго брата снова соединившій подъ одною короною Литву и Польшу, заключилъ съ Іоанномъ шестилѣтнее перемиріе; Сѣверская область осталась въ рукахъ Москвитянъ (1503 г.).

Бракъ съ Софьею Палеологъ и его слѣдствія. Послѣ завоеванія Византіи турками, племянница послѣдняго греческаго императора царевна Софья съ отцомъ и братьями нашла убѣжище въ Римѣ. Папа предложилъ руку Софьи овдовѣвшему Іоанну, надѣясь при ея помощи войдти въ дружескія

сношенія съ Москвою и подчинить себѣ Русскую церковь. Предложеніе было принято, царевна прибыла въ Москву и вступила въ бракъ съ великимъ княземъ (1472 г.); но папа обманулся въ своихъ видахъ на подчиненіе русской церкви. Софьѣ обыкновенно приписываютъ важное вліяніе на дальнѣйшую московскую политику. Говорятъ, по ея настоянію Іоаннъ отказался платить дань Золотой Ордѣ и окончательно уничтожилъ иго; кромѣ того гордой византійской принцессѣ не понравилась простота, которая господствовала въ образѣ жизни Московскихъ князей, и она побудила супруга окружить себя бо́льшимъ блескомъ и величіемъ.

Старые бояре, привыкшіе запросто обходиться съ великимъ княземъ, скоро замѣтили, что онъ началъ держать ихъ въ почтительномъ отдаленіи, сдѣлалался строгъ и взыскателенъ; приписавъ такую перемѣну Софьѣ, они стали питать къ ней сильное нерасположеніе, которое обнаружили особенно по поводу вопроса о престолонаслѣдіи. Отъ первой супруги великаго князя, Маріи Тверской, у него былъ сынъ Іоаннъ *Молодой*, который считался наслѣдникомъ Московскаго престола и принималъ уже дѣятельное участіе въ дѣлахъ правленія; но вдругъ онъ занемогъ и скончался, къ великому огорченію отца и народа (1490 г.). Отъ его брака съ Еленою, дочерью Молдавскаго господаря, остался сынъ Димитрій. Тогда былъ поднятъ вопросъ о томъ, кому наслѣдовать престолъ, Димитрію или Василію (старшему сыну Софьи). Бояре, враждебные греческой царевнѣ, приняли сторону перваго; они обвинили Василія съ матерью въ непріязненныхъ замыслахъ противъ великаго князя, и такъ успѣли настроить Іоанна, что онъ велѣлъ заключить подъ стражу сына, удалилъ отъ себя Софью, и торжественно вѣнчалъ внука Димитрія на великое княженіе (1408 г.). Но, спустя нѣсколько времени, обнаружились происки бояръ, что навлекло на нихъ гнѣвъ великаго князя;

особенно пострадали при этомъ случаѣ двѣ знатныя фамиліи, князья Патрикѣевы и Ряполовскіе: первыхъ постригли въ монахи, а одному изъ Ряполовскихъ отрубили голову. Іоаннъ помирился съ Софьею, объявилъ наслѣдникомъ Василія, а внука посадилъ подъ стражу.

Въ связи съ этими семейными раздорами и придворными партіями появилась въ Москвѣ такъ называемая «Жидовская ересь», отвергавшая ученіе о св. Троицѣ, почитаніе иконъ, святыхъ и т. п. Эта ересь сначала обнаружилась въ Новгородѣ (и по нѣкоторымъ извѣстіямъ была привезена съ юга, изъ Кіева, жидомъ Захаріей; впрочемъ реформаціонныя идеи проникали въ Новгородъ преимущественно съ Запада, изъ Германіи; притомъ здѣсь и прежде существовало подобное же ученіе стригольниковъ). Изъ Новгорода вмѣстѣ съ нѣкоторыми духовными лицами ересь перешла въ Москву. Тутъ въ числѣ ея тайныхъ послѣдователей были: архимандритъ Симонова монастыря Зосимъ, который пользовался благосклонностію Іоанна III и даже былъ возведенъ въ санъ митрополита, потомъ Елена, невѣстка великаго князя и его любимый дьякъ Ѳедоръ Курицинъ. Архіепископъ новогородскій Геннадій первый открылъ гоненіе на ересь; съ нимъ соединился основатель Волоколамскаго монастыря суровый, энергичный Іосифъ Санинъ, который написалъ противъ еретиковъ многія обличительныя проповѣди. (Собраніе ихъ извѣстно подъ именемъ «Просвѣтителя»). Между тѣмъ какъ партію еретическую поддерживала при дворѣ Елена, жена Іоанна Молодаго, православная партія нашла опору въ Софьѣ. Долго великій князь не принималъ рѣшительныхъ мѣръ противъ ереси, и только въ 1504 г., уже по смерти Софьи, созвалъ духовный соборъ, послѣ котораго одни изъ уличенныхъ въ ереси были всенародно сожжены въ клѣткѣ,

другимъ отрѣзали языки, многихъ заключили въ тюрьму или разослали по монастырямъ. Ересь однако не уничтожилась*.

Бракъ съ Софьею способствовалъ возобновленію сношеній между Россіею и Западною Европою, прекратившихся (за исключеніемъ Новгорода) во время монгольскаго владычества. Іоаннъ началъ заботиться объ украшеніи своей столицы каменными зданіями и съ этою цѣлью выписывалъ изъ Италіи разнаго рода художниковъ и мастеровъ; самымъ знаменитымъ между ними былъ архитекторъ Аристотель Фіоравенти, строитель Московскаго Успенскаго Собора. Въ тоже время были построены Архангельскій Соборъ, каменный великокняжескій дворецъ, новыя стѣны съ красивыми башнями около Московскаго Кремля и каменныя крѣпости въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ; кромѣ того, иностранные мастера лили пушки, открыли серебряную руду въ Печерскомъ краѣ, чеканили монету и пр.**. Начались и дипломатическія пересылки москов-

* Первый обличитель этой ереси архіепископъ Геннадій сильно настаивалъ на казни еретиковъ; въ посланіи своемъ къ митрополиту Зосимѣ онъ приводитъ въ примѣръ испанскаго короля Фердинанда Католика, и сообщаетъ расказы нѣмецкаго посла о томъ, какъ Фердинандъ очистилъ свои земли отъ еретиковъ (посредствомъ ауто-да-фе или сожженія). Геннадій однако не участвовалъ въ соборномъ приговорѣ 1504 года. Въ предыдущемъ году, на другомъ духовномъ соборѣ, запрещено вдовымъ попамъ и дьяконамъ отправлять богослуженіе, монахамъ и монахинямъ жить въ одномъ монастырѣ, и кромѣ того запрещено епископамъ брать отъ священниковъ деньги (мзду) за ставленіе. Вслѣдъ за тѣмъ Геннадій былъ лишенъ своего сана именно за это мздоимство. Онъ заслуживаетъ еще вниманія потому, что поднималъ вопросъ о заведеніи училищъ для духовенства, и вооружался противъ поставленія простыхъ, безграмотныхъ людей.

** Изъ иностранныхъ мастеровъ, вызванныхъ московскимъ правительствомъ, лекарямъ на первое время въ Россіи не посчастливилось:

Когда Іоаннъ Молодой заболѣлъ, его ввѣрили попеченіямъ одного нѣмецкаго доктора Леона; докторъ ручался головою, что вылечитъ больнаго. Но больной умеръ, и великій князь по истеченіи шести недѣль велѣлъ всенародно казнить несчастнаго Леона. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ такой же участи подвергся другой нѣмецкій докторъ, Антонъ; онъ лечилъ одного

скаго правительства съ европейскими дворами. Такъ Іоаннъ мѣнялся посольствами съ Венгерскимъ королемъ и Германскимъ императоромъ, которые искали союза Москвы противъ Польши и Турціи; съ Даніею завязались сношенія вслѣдствіе общей вражды противъ Швеціи, съ Венеціею и Турецкимъ султаномъ великій князь сносился ради торговыхъ интересовъ.

Изъ памятниковъ правительственной дѣятельности Іоанна III замѣчательно изданіе *Судебника* (1497 г.), который былъ составленъ дьякомъ Гусевымъ на основаніи Русской Правды, судныхъ грамотъ и обычаевъ московскаго судопроизводства. По этому судебнику въ областяхъ судъ производятъ намѣстники и волостели (изъ бояръ или дѣтей боярскихъ) въ присутствіи «дворскаго» (княжескій чиновникъ), мѣстнаго старосты и выборныхъ изъ лучшихъ людей. За «лихія дѣла» (уголовныя преступленія) назначена смертная казнь; за простое воровство и другія менѣе важныя преступленія опредѣляется «торговая казнь», т. е. публичное наказаніе кнутомъ на торгу. Судьямъ опредѣляется отъ каждаго дѣла извѣстная пошлина съ подсудимыхъ. А давать имъ *посулы* (взятки) запрещено, о чемъ велѣно «прокликать по торгамъ во всѣхъ городахъ Московской и Новогородской земли». Въ тяжбахъ дозволяется рѣшать дѣло *полемъ* или поединкомъ *. Изданіе Судебника находилось въ связи съ уничтоженіемъ удѣловъ. Присоединяя русскія области, великій князь мало по малу отмѣняетъ областныя отличія и вводитъ вездѣ московское

татарскаго царевича; когда же послѣдній умеръ, Антонъ былъ выданъ его родственникамъ и публично зарѣзанъ Татарами. Такое варварское правосудіе очень напугало иностранцевъ; многіе изъ нихъ хотѣли уѣхать на родину, между прочимъ и художникъ Аристотель; но великій князь насильно удержалъ его въ Москвѣ.

* Судные поединки не должны быть смертельны: бойцы надѣвали доспѣхъ (броню) и сражались обыкновенно ослопомъ или дубиною. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дозволялось подсудимому (женщинѣ, старику, малолѣтному, увѣчному, монаху) вмѣсто себя выставлять «наймита», т. е. наемнаго бойца.

судопроизводство и управленіе. На Судебникѣ отразилось вліяніе татарскихъ нравовъ; сюда относятся: пытка, кнутъ и вообще тѣлесныя наказанія, которыя въ Русской Правдѣ не встрѣчаются. Далѣе, великій князь много заботился объ умноженіи военныхъ силъ, принималъ въ свою службу нѣмцевъ и литвиновъ, знающихъ военное ремесло, и первый завелъ въ Россіи значительную артиллерію.

Іоаннъ III не рѣшился однако совсѣмъ отмѣнить древній обычай наслѣдованія въ своей семьѣ, и отдѣлилъ младшимъ сыновьямъ особыя волости; но они не имѣли права чеканить монету или входить въ сношенія съ иноземными государями, и по слабости своихъ удѣловъ не могли быть опасными единодержавію, которое все болѣе и болѣе утверждалось въ Московской землѣ.

ВАСИЛІЙ III 1505—1533.

Уступая талантами своему отцу, Василій тѣмъ не менѣе съ успѣхомъ продолжалъ его политику въ отношеніи къ удѣльнымъ князьямъ, къ сосѣднимъ государствамъ и собственнымъ подданнымъ. Онъ окончилъ начатое его предшественниками собираніе Сѣверо-восточной Руси, присоединивъ къ Москвѣ остальные удѣлы, сохранявшіе еще тѣнь своей самостоятельности, т. е.: Псковъ, Рязань и Сѣверское княжество.

Послѣдніе удѣлы. Въ Псковѣ, также какъ въ Новгородѣ, происходили частыя смуты вслѣдствіе вражды лучшихъ людей съ простыми гражданами, что подавало поводъ великому князю вмѣшиваться въ ихъ внутреннія дѣла. Сюда со временъ Іоанна III присоединились распри вѣча съ московскими намѣстниками и жалобы великому князю на притѣсненія его чиновниковъ. Василій III воспользовался одною изъ такихъ распрей и уничтожилъ Псковское вѣче (1510 г.).

Великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ и здѣсь началъ разбирать дѣло своего намѣстника князя Рѣпни-Оболенскаго съ псковскими гражданами; обѣ стороны жаловались другъ на друга. Василій велѣлъ призваннымъ изъ Пскова посадникамъ и лучшимъ людямъ собраться на княжемъ дворѣ для суда съ намѣстникомъ; но тутъ они вдругъ были схвачены и заключены подъ стражу. Одинъ псковскій купецъ въ то время ѣхалъ въ Новгородъ; узнавъ дорогою объ участи посадниковъ, онъ бросилъ товаръ и поскакалъ назадъ извѣстить своихъ согражданъ. Страхъ и тоска овладѣли Псковитянами, когда они поняли, что насталъ конецъ ихъ вольности. Собралось вѣче, и долго разсуждало о томъ, какія мѣры должно принять въ такихъ обстоятельствахъ. Порѣшили однако, что сопротивленіе открытою силою безполезно, и послали гонца къ Василію бить челомъ, чтобъ онъ смиловался надъ своею отчиною. Въ отвѣтъ на это челобитье пріѣхалъ дьякъ Далматовъ, и объявилъ гражданамъ отъ имени великаго князя два требованія: первое, чтобы вѣча впередъ не было, и второе, чтобы во всѣхъ псковскихъ городахъ были московскіе намѣстники. Сказавъ свою рѣчь, дьякъ сѣлъ на вѣчевой ступени, и дожидался отвѣта. Псковитяне такъ были поражены горемъ, что отъ слезъ едва могли говорить. Они попросили сроку на размышленіе до слѣдующаго утра; но весь остальной день и всю ночь провели только въ слезахъ, и съ рыданіемъ обнимали другъ друга. На разсвѣтѣ слѣдующаго дня въ послѣдній разъ граждане собрались на вѣче; они объявили послу, что не хотятъ принимать на себя грѣхъ кровопролитія и во всемъ покоряются государю своему великому князю. Тогда сняли вѣчевой колоколъ у соборной церкви св. Троицы, и Далматовъ повезъ его въ Новгородъ къ Василію.

Послѣ того триста семействъ лучшихъ псковскихъ гражданъ отправлены въ другіе московскіе города; а на ихъ мѣсто прислано столько же купеческихъ семействъ изъ восточныхъ

городовъ. Одною изъ первыхъ мѣръ московскаго правительства было введеніе во Псковѣ внутреннихъ пошлинъ (прежде здѣсь была торговля безпошлинная)*.

Точно также безъ борьбы присоединены были и другіе удѣлы. Молодой Рязанскій князь Иванъ Ивановичъ задумалъ уничтожить свою зависимость отъ Москвы; онъ вступилъ въ тайныя сношенія съ Крымскимъ ханомъ и Польскимъ королемъ Сигизмундомъ I, надѣясь получить отъ нихъ помощь. Узнавъ о его замыслахъ, великій князь подкупилъ главныхъ совѣтниковъ Ивана и пригласилъ его на свиданье къ себѣ въ столицу. Лишь только Рязанскій князь явился въ Москву, какъ его отдали подъ стражу, а въ рязанскіе города посланы московскіе намѣстники (1520 г.). Въ слѣдующемъ году, при нашествіи Крымцевъ, Ивану удалось убѣжать къ Сигизмунду въ Литву, куда обыкновенно спасались удѣльные князья, не хотѣвшіе подчиниться Москвѣ, и недовольные московскіе бояре. Съ Рязанскою областью было поступлено также какъ съ Новгородомъ и Псковомъ: многія фамиліи помѣщиковъ переведены изъ Рязани въ Москву, а ихъ помѣстья розданы москов-

* Расказавъ паденіе Пскова, лѣтопись псковская поэтически изображаетъ его горе: «О славнѣйшій городъ Псковъ великій! о чемъ ты сѣтуешь и плачешь? Отвѣчаетъ прекрасный городъ Псковъ: какъ мнѣ не сѣтовать и не плакать? Прилетѣлъ на меня многокрылый орелъ, крылья его исполнены львиныхъ когтей; взялъ онъ у меня три кедра ливанскіе: красоту мою, богатство и чада мои похитилъ. Земля наша опустошена, градъ разоренъ, торжища раскопаны; братьевъ нашихъ увели туда, гдѣ не бывали ни отцы наши, ни дѣды, ни прадѣды». Великій князь прислалъ во Псковъ своихъ намѣстниковъ, тіуновъ и дьяковъ, чтобъ они судъ творили и правду наблюдали. «Правда же ихъ, крестное цѣлованье—замѣчаетъ лѣтопись—взлетѣла на небо, и кривда начала по землѣ ходить. А псковичи бѣдные невѣдали дотолѣ московской правды». При этомъ лѣтописецъ справедливо указываетъ на главныя причины псковскаго паденія, т. е. на внутренніе раздоры: «Всю эту бѣду послалъ на насъ Господь за наше самоволіе и непокореніе другъ другу; за злыя клеветы и лихія дѣла; за неразумное кричаніе на вѣчахъ, когда голова не знаетъ, что языкъ говоритъ».

скимъ боярамъ и дѣтямъ боярскимъ. Послѣднимъ княземъ Новгорода Сѣверскаго былъ Василій Шемякинъ (внукъ Шемяки); когда, обвиненный въ тайныхъ сношеніяхъ съ Литвою, онъ пріѣхалъ въ столицу для оправданія, его заключили подъ стражу, а Сѣверское княжество присоединили къ Москвѣ (1523 г.)*.

Войны съ Литвою и Татарами. Главнымъ виновникомъ войны съ Сигизмундомъ I былъ знатный литовскій вельможа Михаилъ Глинскій, который передался на сторону Василія и побудилъ его начать враждебныя дѣйствія (1507 г.). Война, прекратившаяся спустя нѣсколько мѣсяцевъ, возобновилась черезъ четыре года съ бо̀льшею силою. Самыя замѣчательныя событія ея были: во-первыхъ, взятіе Смоленска Москвитянами подъ личнымъ начальствомъ великаго князя (1514 г.); во-вторыхъ, сильное пораженіе, которое московскіе воеводы въ томъ же году потерпѣли отъ Литовцевъ близь города Орши: начальникомъ непріятелей въ этой битвѣ былъ Константинъ Острожскій, успѣвшій спастись бѣгствомъ изъ плѣна. Наконецъ въ 1522 году заключено перемиріе, и Смоленскъ, болѣе ста лѣтъ находившійся подъ владычествомъ Литвы, остался за Москвою.

Со временъ Василія начинаются опустошительные набѣги на Россію Крымскихъ татаръ, которыхъ при Иванѣ III удерживалъ его союзникъ Менгли-Гирей. Сынъ и наслѣдникъ Менгли-Гирея Махметъ, подкупленный польскимъ золотомъ, сдѣлался заклятымъ врагомъ Москвы. Его вражда еще болѣе усилилась по поводу Казанскихъ дѣлъ. Воеводы Ивана III привели Казань въ зависимость отъ Москвы; но зависимость

* Расказываютъ, будто бы одинъ юродивый около того времени ходилъ по улицамъ Москвы съ метлою, и кричалъ: «пора очистить государство отъ послѣдняго сора» (т. е. отмѣнить послѣдняго удѣльнаго князя).

эта была весьма непрочная; при удобномъ случаѣ Казанцы отъ нея отказывались, нападали на русскія области, грабили и убивали пріѣзжавшихъ къ нимъ русскихъ купцовъ. Когда прекратилась въ Казани династія Улу-Махмета (1518 г.), Василій назначилъ туда ханомъ Шигъ Алея, одного изъ служебныхъ татарскихъ царевичей. Но казанскіе вельможи снеслись съ Махметомъ-Гиреемъ и призвали къ себѣ на престолъ его брата. Шигъ-Алей бѣжалъ въ Москву. Вслѣдъ затѣмъ Махметъ-Гирей съ своими полчищами бросился на Россію, опрокинулъ сторожевыхъ воеводъ, стоявшихъ на Окѣ, и подступилъ къ столицѣ; съ нимъ соединились казанцы, ногаи и днѣпровскіе казаки (подъ начальствомъ атамана Дашковича). Застигнутый врасплохъ, великій князь удалился въ Волоколамскъ собирать войско. Махметъ-Гирей однако недолго простоялъ подъ Москвою, и воротился въ Крымъ, уводя съ собою множество плѣнниковъ (1521 г.).

По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Крымскій ханъ только тогда согласился отступить отъ столицы, когда московскіе воеводы выдали ему грамоту, въ которой именемъ великаго князя обязались платить ежегодную дань. На возвратномъ пути Махметъ-Гирей остановился у Переяславля Рязанскаго, гдѣ въ то время начальствовалъ мужественный воевода Хабаръ. Ханъ хотѣлъ захватить городъ хитростію и велѣлъ показать Хабару московскую грамоту: но тотъ, получивъ грамоту, вдругъ приказалъ открыть пальбу, и рязанскій пушкарь Іорданъ, родомъ нѣмецъ, удачнымъ выстрѣломъ положилъ на мѣстѣ множество татаръ. Ханъ поспѣшилъ уйти отъ города, а постыдная грамота осталась въ рукахъ Хабара. Послѣдній былъ награжденъ саномъ боярина, и подвигъ его приказано записать въ государственную лѣтопись.

Махметъ вскорѣ былъ убитъ ногайскими мурзами; а Василій, оправившись отъ нашествія, изгналъ Гиреевъ изъ Казани, и посадилъ тамъ другаго татарскаго царевича, который обя-

зался быть присяжникомъ (т. е. вассаломъ) московскаго государя. Въ то же время великій князь запретилъ русскимъ купцамъ ѣздить на казанскую ярмарку, и положилъ начало знаменитой Макарьевской (теперь Нижегородской) ярмаркѣ.

Внутренняя политика. Неудовольствія бояръ (на перемѣну въ обхожденіи великаго князя), начавшіяся при Иванѣ III, еще болѣе усилились при Василіѣ, который не терпѣлъ противорѣчій и только для виду отдавалъ дѣла на обсужденіе боярскаго совѣта или *думы*. Знатныя лица, слишкомъ явно выражавшія свое неудовольствіе, подвергались строгому наказанію. Такъ князь Василій Холмскій, женатый на сестрѣ государя, отправленъ въ заточеніе. Бояринъ Берсень-Беклемишевъ вздумалъ громко жаловаться на то, что великій князь слѣдуетъ новымъ обычаямъ, привезеннымъ его матерью Софьею, и что онъ рѣшаетъ всѣ дѣла «запершись самъ третей у постели»; Берсеню за такія рѣчи отрубили голову. (Два лица, съ которыми Василій самъ третей рѣшалъ государственныя дѣла были: любимый его дворецкій Шигона Поджогинъ и одинъ изъ приближенныхъ дьяковъ). Митрополитъ Варлаамъ, неодобрявшій поступковъ Василія, лишился своего сана и заточенъ въ монастырь. Баронъ Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ посломъ отъ Германскаго императора, говоритъ въ своихъ любопытныхъ запискахъ о Россіи, что Василій властью надъ подданными превосходилъ всѣхъ монарховъ въ свѣтѣ.

Супруга великаго князя Соломонида (изъ рода бояръ Сабуровыхъ) была бездѣтна; а между тѣмъ Василій не хотѣлъ, чтобы престолъ послѣ его смерти перешелъ къ кому-либо изъ братьевъ, которыхъ онъ считалъ людьми неспособными, и сильно желалъ имѣть собственное потомство. Поэтому великій князь заключилъ Соломониду въ монастырь, и съ разрѣшенія митрополита Даніила женился на Еленѣ, племянницѣ

литовскаго выходца князя Михаила Глинскаго (1526 г.). Многіе бояре и духовные лица были недовольны такимъ поступкомъ, особенно вооружался противъ развода старецъ Вассіанъ Косой (одинъ изъ князей Патрикѣевыхъ, постриженныхъ въ монахи); его поддерживалъ другой монахъ, знаменитый своею ученостію, Максимъ Грекъ, который былъ призванъ въ Москву съ Аѳонской горы для перевода церковныхъ книгъ съ греческаго языка. Вассіана и Максима обвинили въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ противъ церкви и заточили въ дальніе монастыри.

ІОАННЪ IV ГРОЗНЫЙ 1533—1584.

Елена и времена боярскаго правленія. Послѣ Василія остались два малолѣтные сына Іоаннъ и Юрій. Народъ присягнулъ Іоанну, а правительницею была объявлена мать его Елена, женщина съ умомъ и очень рѣшительнымъ характеромъ. Наибольшею ея довѣренностію пользовался князь Телепневъ-Оболенскій, молодой человѣкъ, отличавшійся красивою наружностію. Разнаго рода интриги и крамолы не замедлили обнаружиться при московскомъ дворѣ; жертвою этихъ интригъ, между прочимъ, сдѣлались братья покойнаго государя Юрій и Андрей Старицкій: ихъ обвинили въ честолюбивыхъ замыслахъ, заключили въ темницу, гдѣ они и окончили свою жизнь. Таже участь постигла дядю Елены Михаила Глинскаго, который хотѣлъ играть первую роль при дворѣ и не могъ ужиться въ мирѣ съ Оболенскимъ. Правленіе Елены, неотмѣченное никакими особенно важными событіями внутренней или внѣшней политики, продолжалось пять лѣтъ; говорятъ, ее отравили бояре (1538 г.); а Телепнева-Оболенскаго они послѣ того немедленно бросили въ темницу, и тамъ уморили голодомъ.

Наступило десятилѣтнее самовластіе бояръ, ознаменованное взаимною борьбою правителей и угнетеніемъ, которое причиняли народу ихъ клевреты. Первое мѣсто между боярами заняла фамилія князей Шуйскихъ (потомки удѣльныхъ-суздальскихъ), и во главѣ боярской думы сталъ Василій Шуйскій, человѣкъ способный, но весьма жестокій.

Слѣдующій поступокъ даетъ ясное понятіе о его характерѣ: Василій III, овладѣвъ Смоленскомъ, поставилъ здѣсь намѣстникомъ князя Шуйскаго. Послѣ пораженія русскаго войска при Оршѣ многіе лучшіе люди въ Смоленскѣ завели сношенія съ литовцами и приглашали ихъ взять назадъ городъ, обѣщая съ своей стороны дѣятельную помощь. Василій Шуйскій, узнавъ о томъ, схватилъ главныхъ заговорщиковъ, и, когда литовцы явились передъ городомъ, онъ велѣлъ повѣсить арестованныхъ смольнянъ на городской стѣнѣ съ тѣми самыми подарками, которые они недавно получили отъ великаго князя Московскаго: одни, напримѣръ, висѣли въ дорогихъ собольихъ шубахъ, у другихъ на шеѣ были привязаны серебряные ковши и пр. Тогда измѣнниковъ въ городѣ не оказалось, и литовскій отрядъ долженъ былъ отступить.

Впрочемъ Василій Шуйскій скоро умеръ; а послѣ него власть перешла въ руки князя Ивана Бѣльскаго (изъ потомковъ Гедимина), который управлялъ государствомъ довольно кротко и искусно, но къ сожалѣнію недолго. Шуйскіе, имѣвшіе на своей сторонѣ многочисленную партію, свергли его и опять завладѣли правленіемъ. Они мало заботились о внѣшней безопасности Россіи, расхищали государственную казну; а родственникамъ своимъ и приверженцамъ раздавали главныя правительственныя должности, позволяя имъ грабить и притѣснять народъ.

Между тѣмъ подросталъ молодой государь. Іоаннъ имѣлъ отъ природы необыкновенно живыя способности и пылкій, впечатлительный характеръ; къ несчастію, никто не позабо-

тился дать ему хорошее воспитаніе. Бояре обходились съ нимъ грубо, дѣлали его свидѣтелемъ позорныхъ сценъ, часто оскорбляли самолюбіе дитяти и тѣмъ ожесточали его сердце. Съ раннихъ лѣтъ уже Іоаннъ началъ обнаруживать большую жестокость, которая проявлялась и въ самыхъ дѣтскихъ его забавахъ; такъ онъ находилъ удовольствіе мучить животныхъ, или, разъѣзжая иногда съ толпою сверстниковъ по улицамъ Москвы, со смѣхомъ давилъ конями встрѣчавшихся людей и т. п. Бояре нисколько не старались исправлять дурныя наклонности Іоанна; напротивъ поощряли его къ подобнымъ забавамъ, лишь бы отклонить отъ вмѣшательства въ ихъ управленіе; такимъ образомъ они сами себѣ приготовили грозу. Въ первый разъ Іоаннъ показалъ себя самодержавнымъ государемъ, когда ему было тринадцать лѣтъ: онъ вдругъ велѣлъ схватить гордаго князя-правителя Андрея Шуйскаго, и отдать его на растерзаніе своимъ псарямъ. Господство Шуйскихъ кончилось; но ихъ мѣсто заступили дяди государя по матери, князья Глинскіе, и нѣсколько лѣтъ еще продолжались безпорядки боярскаго управленія.

Реформы Іоанна IV. 1547 годъ былъ замѣчательнымъ годомъ Іоаннова царствованія. Въ январѣ государь торжественно короновался, и принялъ титулъ *царя*, имѣвшій по понятіямъ того времени высшее значеніе, нежели титулъ великокняжескій. Вслѣдъ затѣмъ молодой царь вступилъ въ бракъ, и выборъ его палъ на Анастасію Романовну, дочь боярина Захарьина. Умная Анастасія умѣла пріобрѣсти благодѣтельное вліяніе на своего супруга, который ее горячо любилъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, въ Москвѣ произошелъ большой пожаръ. Подобное бѣдствіе не считалось рѣдкостью въ столицѣ при тѣсной, безпорядочной постройкѣ ея деревянныхъ жилищъ, и обыкновенно скоро забывалось по изобилію

въ лѣсѣ и по легкости, съ которою опять воздвигались изъ пепла погорѣвшія улицы; но пожаръ 1547 года въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ особенно силенъ: сгорѣла бо̀льшая часть города, при чемъ погибло много народу. Царь съ семействомъ уѣхалъ въ ближнее село Воробьево. А между тѣмъ московская чернь подняла мятежъ, обвиняя въ поджогѣ родственниковъ царя Глинскихъ. Слухъ этотъ вѣроятно былъ распущенъ враждебными имъ боярами. Одинъ изъ братьевъ Глинскихъ думалъ спастись отъ народной ярости въ Успенскомъ храмѣ; но толпа нашла его тамъ и умертвила; слуги его были также перебиты, а домъ разграбленъ. Мятежники явились въ самомъ Воробьевѣ и требовали выдачи остальныхъ Глинскихъ; Іоаннъ велѣлъ схватить зачинщиковъ и казнить. Тогда мятежъ утихъ.

Событіе это произвело сильное впечатлѣніе на молодаго государя. Онъ оставилъ праздный образъ жизни, посвященный забавамъ, и обратилъ свое вниманіе на дѣятельность правительственную. Съ тѣхъ поръ главное мѣсто въ его совѣтѣ заняли два достойные мужа: протопопъ придворнаго Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и одинъ изъ царскихъ спальниковъ, Алексѣй Адашевъ, возведенный потомъ въ санъ окольничаго.

Для разсужденія о лучшемъ устройствѣ гражданскихъ дѣлъ Іоаннъ созвалъ въ Москву изъ городовъ выборныхъ людей отъ разныхъ сословій государства (*Земскій Соборъ*). Передъ началомъ совѣщаній, однажды въ воскресный день царь, сопровождаемый духовенствомъ, вышелъ на Красную площадь, покрытую народомъ, и съ *лобнаго мѣста* произнесъ рѣчь, въ которой описалъ безпорядки и бѣдствія, происшедшія во время его малолѣтства отъ самовластія бояръ; въ заключеніе онъ просилъ народъ забыть все прошлое, обѣщая ему впередъ правосудіе и защиту отъ притѣснителей. Тогда же былъ составленъ новый Судебникъ, болѣе полный и опредѣленный, неже-

ли судебникъ Ивана III (1550 г.). Въ слѣдующемъ году царь созвалъ духовный соборъ и поручилъ ему обсудить мѣры къ улучшенію духовнаго сословія и къ исправленію народной нравственности. (Статьи, которые обсуждались на этомъ соборѣ, раздѣлены на сто главъ, а потому онъ извѣстенъ въ исторіи подъ именемъ *Стоглаваго*).

Далѣе, Іоаннъ хотѣлъ ограничить злоупотребленія областныхъ правителей (намѣстниковъ и волостелей). На содержаніе ихъ обыкновенно назначались поборы съ самихъ жителей деньгами или разными припасами и доходы съ подсудимыхъ, что называлось вообще *кормленіемъ*; но корыстолюбивые правители часто переступали предѣлы законныхъ поборовъ и притѣсняли народъ своимъ неправосудіемъ, — слѣдствіемъ чего были безпрестанныя жалобы. Царь поэтому возобновилъ въ Московскомъ государствѣ древній обычай городскихъ и сельскихъ общинъ самимъ выбирать себѣ судей и правителей; новыя выборныя власти получили названія: *губныхъ* (или окружныхъ) старостъ, *излюбленныхъ* головъ, *земскихъ* судей и пр.; выборнымъ людямъ отъ самихъ общинъ поручены были раскладка и сборъ податей, поимка и казнь воровъ и разбойниковъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ Іоаннъ даже совсѣмъ отмѣнилъ великокняжескихъ намѣстниковъ и волостелей. Кромѣ того, онъ старался ограничить власть вельможъ какъ въ областяхъ, такъ и въ высшихъ правительственныхъ мѣстахъ (т. е. въ московскихъ *приказахъ*) тѣмъ, что поручалъ завѣдываніе гражданскими дѣлами преимущественно дьякамъ.

Потомъ царь сдѣлалъ попытку болѣе точнымъ образомъ опредѣлить, въ какихъ случаяхъ можетъ быть допускаемо *мѣстничество*. Такъ назывался укоренившійся тогда въ Московскомъ государствѣ обычай считаться знатностію рода при занятіи мѣста въ войскѣ, въ областномъ управленіи, въ придворныхъ церемоніяхъ, за царскимъ столомъ и пр.; подобный

обычай подавалъ поводъ къ безпрерывнымъ спорамъ и особенно вредилъ военному дѣлу, потому что приходилось назначать главными воеводами людей не самыхъ способныхъ, а самыхъ знатныхъ. Этотъ обычай получилъ начало съ того времени, какъ удѣльные князья стали вступать въ службу великихъ князей московскихъ. Княжескіе роды старались занимать мѣста выше боярскихъ, а боярскіе старые роды выше молодыхъ.

Завоеванія на востокѣ. Въ Казани со временъ Василія III боролись двѣ партіи: московская и крымская, вслѣдствіе чего происходила частая перемѣна хановъ. Въ правленіе Елены тамъ утвердился ханъ изъ крымской династіи (Сафа-Гирей). Когда онъ умеръ, Казанцы снова признали свою зависимость отъ Москвы; но имъ не понравилось жестокое правленіе московскаго присяжника Шигъ-Алея; партія, враждебная Русскимъ, взяла верхъ и призвала на престолъ ногайскаго царевича Едигера. Тогда Іоаннъ рѣшился покончить съ Казанью. Въ 1552 году онъ предпринялъ походъ, и окружилъ городъ 150,000 воиновъ, въ числѣ которыхъ находились и *стрѣльцы* (постоянная пѣхота, впервые появившаяся около того времени въ московскомъ войскѣ). Казанцы, подкрѣпленные многими мусульманскими витязями изъ Крыма, Астрахани, даже изъ отдаленной Турціи и Персіи, защищались съ удивительнымъ мужествомъ, и осада продлилась на пять недѣль. Изъ московскихъ воеводъ въ этой осадѣ наиболѣе отличились князья: Воротынскій, Курбскій и Горбатый-Шуйскій. Наконецъ 2 октября, послѣ отчаянной обороны, городъ былъ взятъ приступомъ; государь воротился въ Москву, и народъ съ восторгомъ привѣтствовалъ это первое завоеваніе ненавистнаго, *бусурманскаго* царства. Впрочемъ нѣсколько лѣтъ еще на обѣихъ сторонахъ Волги (нагорной и луговой) продолжалась борьба съ племенами, входившими въ составъ Казанской об-

ласти (т. е. съ черемисами, мордвою, чувашами, вотяками и башкирами), которыхъ поддерживали ногайскіе татары. Спустя четыре года послѣ завоеванія Казани, безъ труда было присоединено и слабое Астраханское царство, возникшее на развалинахъ Золотой Орды. Такимъ образомъ все среднее и нижнее теченіе Волги до береговъ Каспійскаго моря вошло въ составъ Московскаго государства.

Отношенія къ Крымцамъ были постоянно враждебныя. Будучи не въ состояніи помѣшать завоеванію Казани и Астрахани, Крымскій ханъ мстилъ Россіи набѣгами на московскія украйны; жегъ, грабилъ города и села, и тысячами уводилъ жителей въ неволю. Іоаннъ съ своей стороны умножилъ на югѣ число крѣпостей и усилилъ сторожевые разъѣзды, наблюдавшіе въ степи за движеніями Татаръ. Кромѣ того царь иногда высылалъ на югъ легкіе московскіе отряды, которые, соединившись съ казаками, спускались внизъ по Дону или по Днѣпру и нападали на Крымцевъ въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ. Особенно былъ удаченъ походъ подъ начальствомъ Даніила Адашева (братъ Алексѣя), который проникъ въ самый Крымъ, разорилъ нѣсколько улусовъ и освободилъ значительное число русскихъ плѣнниковъ (1559 г.). Приближенные люди совѣтовали Іоанну послать на Крымъ большое войско и завоевать его, также какъ Казань и Астрахань. Царь не рѣшился на такое невѣрное предпріятіе: трудно было покорить, а еще труднѣе удерживать Крымъ, отдѣленный отъ Россіи обширными степями; притомъ же ханъ считался вассаломъ турецкаго султана, слѣдовательно пришлось бы вступить въ борьбу съ турками, въ то время еще могущественнымъ и грознымъ народомъ. Оправившись отъ удара, нанесеннаго Адашевымъ, Крымскій ханъ возобновилъ свои притязанія на Казань и Астрахань; однажды онъ напалъ на Россію врасплохъ и сжегъ самую Москву, причемъ погибло огромное ко-

личество народу; болѣе 100,000 человѣкъ были отведены въ неволю (1571 г.). Девлетъ-Гирей повторилъ набѣгъ и въ слѣдующемъ году; но его отразилъ воевода князь Воротынскій на берегахъ Лопасни.

Въ послѣдніе годы Іоаннова царствованія русскіе предѣлы на востокѣ увеличились новымъ пріобрѣтеніемъ: Донскіе казаки подъ начальствомъ Ермака завоевали Сибирское царство.

Донскіе казаки хотя и признавали надъ собою власть Московскаго царя, однако, нападая на татаръ, не щадили и русскихъ, грабили на Волгѣ царскія суда, разбивали персидскіе и бухарскіе караваны, приходившіе съ товарами въ Россію. Царь не разъ посылалъ своихъ воеводъ, которые ловили и казнили разбойниковъ. Одна казацкая шайка, спасаясь отъ преслѣдованія москвитянъ, бѣжала съ атаманомъ Ермакомъ вверхъ по Волгѣ и явилась на Камѣ.

Въ Пермскомъ краю между русскими поселенцами находились въ то время богатые промышленники Строгановы. Получивъ отъ царя грамоту на пустыя земли между рр. Камой и Чусовой съ тѣмъ, чтобы заселить эти земли, они завели здѣсь соляныя варницы; а для защиты края отъ сосѣднихъ народцевъ получили право строить крѣпости, имѣть свои пушки и содержать на свой счетъ военные отряды. Послѣдніе составлялись изъ разнаго сброда: изъ русскихъ и татаръ, изъ плѣнныхъ нѣмцевъ и литовцевъ; но ихъ было недостаточно для того, чтобы перенести войну за Уральскій хребетъ. Тамъ существовало особое татарское владѣніе, столицею котораго былъ городъ Искеръ или Сибирь на берегу Иртыша. Сибирскіе ханы брали дань съ туземныхъ финскихъ племенъ (вогуловъ и остяковъ), и, хотя признали свою зависимость отъ московскаго царя (1554 г.), однако не переставали нападать на русскіе восточные предѣлы. Строгановы предложили Ермаку съ товарищами вступить къ нимъ въ службу, и тѣ охотно согласились.

Подкрѣпленный ратными людьми Строгановыхъ, съ отрядомъ въ 840 человѣкъ Ермакъ пошелъ за Каменный Поясъ (т. е. за Уральскій хребетъ), и, плывя по рѣкамъ, углубился въ Сибирскую землю. Много трудностей должны были преодолѣвать казаки на этомъ долгомъ пути, въ борьбѣ съ естественными препятствіями и туземными племенами. Но, благодаря своему необычайному мужеству и огнестрѣльному оружію, неизвѣстному у туземцевъ, они счастливо окончили свое предпріятіе. Ханъ Кучумъ оставилъ имъ свою столицу и бѣжалъ въ степи; а храбрый его родственникъ, татарскій богатырь Магметкулъ, попался въ плѣнъ (1582 г.). Товарищъ Ермака атаманъ Кольцо съ нѣсколькими казаками явился въ Москву и ударилъ челомъ Іоанну всѣмъ Сибирскимъ царствомъ; онъ привезъ и образцы туземныхъ произведеній: драгоцѣнныхъ соболей, черныхъ лисицъ и бобровъ. Царь принялъ его весьма милостиво; послалъ казакамъ подарки и жалованье, а для занятія Сибирской земли отправилъ отрядъ московскаго войска.

Борьба за Ливонію. Подобно своему дѣду Іоаннъ IV старался завязать торговлю съ западными державами и привлекать въ Россію разнаго рода европейскихъ мастеровъ и ремесленниковъ. Но непосредственныя сношенія съ Западною Европою были въ то время затруднительны; сухимъ путемъ — мѣшала постоянно враждебная Польша, а водою—единственно свободный путь представляли Бѣлое море и сѣверный Ледовитый океанъ. Этимъ отдаленнымъ путемъ Московское государство не замедлило вступить въ торговыя связи съ Англичанами.

Торговля эта началась случайно. Три корабля отправились изъ Англіи на сѣверо-востокъ съ тою цѣлью, чтобы мимо береговъ Ледовитаго океана отыскать новый путь въ Китай и Индію. Буря разлучила корабли; два изъ нихъ у Мурманскаго берега замерзли со всѣмъ экипажемъ и съ начальни-

комъ экспедиціи Виллоби. Лапландскіе рыбаки нашли мертваго Виллоби сидящимъ въ палаткѣ за своимъ журналомъ. Между тѣмъ третій корабль, состоявшій подъ начальствомъ капитана Ченслера, вошелъ въ Бѣлое море и присталъ къ устью Сѣверной Двины, гдѣ находился въ то время монастырь св. Николая и гдѣ послѣ былъ основанъ Архангельскъ. Холмогорскій воевода далъ знать Іоанну о прибытіи Англичанъ (1553 г.). Царь пригласилъ Ченслера въ Москву, обласкалъ его, и отпустилъ въ отечество, изъявивъ желаніе завести торговлю съ его единоземцами. Въ Англіи немедленно составилось общество купцовъ для посылки товаровъ въ Россію; а Іоаннъ даровалъ имъ грамоту на свободную, безпошлинную торговлю въ своемъ государствѣ; въ тоже время между московскимъ и англійскимъ дворомъ начались частыя, дружественныя пересылки.

На Балтійскомъ морѣ русскіе хотя и владѣли еще частью береговъ Финскаго залива, но не имѣли значительныхъ гаваней. Къ тому же ихъ сношеніямъ съ Германіей препятствовали Ливонскіе рыцари, которые поняли опасность, грозившую имъ со стороны могущественнаго сосѣда въ томъ случаѣ, когда онъ воспользуется плодами европейскаго образованія. Орденъ старался не пропускать въ Москву иноземныхъ мастеровъ, а въ особенности военные снаряды и тѣхъ людей, которые могли научить москвитянъ военному искусству *.

Іоаннъ ждалъ удобнаго случая отомстить Ливонцамъ за ихъ явное недоброжелательство и сильно желалъ возвратить

* Ливонскій Орденъ очень рѣзко обнаружилъ свою непріязнь къ Москвѣ по слѣдующему поводу. Іоаннъ отправилъ въ Германію Саксонца Шлитте съ порученіемъ набрать въ русскую службу людей, знающихъ разныя искусства и ремесла. Шлитте набралъ болѣе 100 человѣкъ (между ними были: медики, аптекари, цирюльники, архитекторы, каменьщики, литейщики, плотники, часовщики, слесари, толмачи, рудокопы, повара, каретники, типографщикъ, переплетчикъ, портной и пр.). Но въ Любекѣ, гдѣ они хотѣли сѣсть на корабль, начальство города задержало ихъ по проискамъ Ливонцевъ; самого Шлитте посадили въ тюрьму, а спутники его разсѣялись (1547 г.).

Россіи принадлежавшіе ей нѣкогда берега Балтійскаго моря. Поэтому, едва окончилась борьба съ татарами на Волгѣ, какъ царь напомнилъ рыцарямъ о дани, которую они обязались платить по старымъ договорамъ съ русскими великими князьями; когда же требованіе его не было исполнено, онъ началъ войну (1558 г.). Ливонскій орденъ находился въ то время уже въ упадкѣ; толпы крестоносцевъ изъ Западной Европы давно перестали подкрѣплять его, и онъ остался одинъ безъ всякой поддержки посреди своихъ сильныхъ сосѣдей. Къ тому же, внутри его происходили раздоры: лютеране враждовали съ католиками, магистры Ордена съ Рижскимъ архіепископомъ. Русскія войска не встрѣтили большаго сопротивленія, взяли нѣсколько городовъ, въ томъ числѣ Нарву, Деритъ, крѣпкій замокъ Феллинъ, и жестоко опустошили непріятельскія земли. Молодой магистръ Кетлеръ, видя невозможность защищаться однѣми собственными силами, уступилъ Ливонію польскому королю Сигизмунду II, а себѣ взялъ Курляндію и Семигалію съ титуломъ герцога и призналъ свое герцогство въ ленной зависимости отъ Польши (1561 г.). Около того же времени Эстонія поддалась Швеціи, а островъ Эзель заняли Датчане; такимъ образомъ Орденскія владѣнія распались. Іоаннъ вступилъ въ войну съ Поляками, и лично отнялъ у нихъ древній русскій городъ Полоцкъ. Въ 1556 г. въ Москвѣ собрался земскій соборъ: царь спрашивалъ у него совѣта, продолжать ли войну или заключить миръ. Рѣшено было добывать Ливонію оружіемъ.

Между тѣмъ со смертію Сигизмунда II въ Польшѣ прекратилась династія Ягеллоновъ (1572 г.), и престолъ сдѣлался избирательнымъ. Послѣ нѣсколькихъ смутъ и колебаній Поляки избрали своимъ королемъ Трансильванскаго воеводу Стефана Баторія. Стефанъ, бывшій весьма искуснымъ полководцемъ, рѣшился энергически продолжать войну съ русскими,

и лично повелъ на нихъ свои закаленныя въ битвахъ войска, которыя состояли изъ наемной венгерской и нѣмецкой пѣхоты, польской конницы и многочисленной артиллеріи. Нестройныя московскія ополченія, предводимыя неискусными воеводами, начали терпѣть вездѣ неудачи; перевѣсъ склонился на сторону Поляковъ. Въ то время и Шведы открыли военныя дѣйствія; полководецъ ихъ Делагарди оттѣснилъ Русскихъ отъ береговъ Финскаго залива. Баторій отнялъ назадъ Полоцкъ, взялъ нѣсколько русскихъ городовъ и осадилъ Псковъ. Но сильно укрѣпленный и обороняемый мужественнымъ воеводою (кн. Ив. Петр. Шуйскимъ), Псковъ оказалъ неодолимое сопротивленіе и отбилъ всѣ непріятельскіе приступы. Его геройская оборона много способствовала прекращенію войны. Іоаннъ обратился къ посредничеству Римскаго папы, который поэтому случаю прислалъ въ Москву іезуита Антонія Поссевина. Переговоры съ Поляками, производившіеся у Запольскаго яма, окончились десятилѣтнимъ перемиріемъ (1582 г.): Ливонія и Полоцкъ остались за Польшею; а въ слѣдующемъ году заключено перемиріе со Шведами, которымъ уступлены были русскіе города, лежащіе около Финскаго залива (Ямъ, Ивангородъ и Копорье). Такимъ образомъ попытка Іоанна IV утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря окончилась полною неудачею.

Эпоха казней и торжество монархіи. Въ то время, какъ извнѣ Россія вела долгую и трудную Ливонскую войну, внутри ея господствовала мрачная эпоха опалъ и казней. Согласіе между царемъ и его ближайшими совѣтниками, т. е. Сильвестромъ и Адашевымъ, продолжалось недолго: пылкій, властолюбивый Іоаннъ скоро началъ тяготиться вліяніемъ своихъ любимцевъ. Сюда же присоединилось соперничество ихъ съ Захарьиными, родственниками царицы, и нерасположеніе къ нимъ самой Анастасіи.

Начало этого нерасположенія и охлажденія Іоанна къ своимъ совѣтникамъ относятъ къ 1553 г. Вскорѣ послѣ Казанскаго похода царь впалъ въ тяжкую болѣзнь; написалъ духовную, назначилъ наслѣдникомъ своего сына, младенца Димитрія, и требовалъ, чтобы бояре ему присягнули. Тогда во дворцѣ произошли шумъ и брань: одни дали присягу; другіе отказывались на томъ основаніи, что Димитрій еще малъ и вмѣсто него будутъ управлять Захарьины, что лучше быть государемъ человѣку взрослому; при этомъ они указывали на царскаго двоюроднаго брата Владиміра (сынъ Андрея Старицкаго); послѣдній также не хотѣлъ присягать Димитрію. Сильвестръ и отецъ Адашева держали сторону непослушныхъ бояръ. Только послѣ настойчивыхъ убѣжденій царя и вѣрныхъ ему вельможъ противная сторона уступила. Іоаннъ выздоровѣлъ; хотя онъ не показалъ на первое время явныхъ знаковъ неудовольствія, однако не могъ забыть этого случая и подозрительно началъ смотрѣть на людей, его окружавшихъ. Царица также считала себя оскорбленною.

Послѣ выздоровленія Іоаннъ вмѣстѣ съ женою и маленькимъ Димитріемъ по обѣту поѣхалъ на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Сначала царь заѣхалъ въ Троицкую Лавру. Здѣсь—расказываетъ князь Курбскій въ своей Исторіи Іоанна Грознаго — съ нимъ бесѣдовалъ знаменитый Максимъ Грекъ, и уговаривалъ его не предпринимать такого дальняго и труднаго путешествія, а лучше заняться облегченіемъ участи вдовъ и сиротъ, которыя остались послѣ воиновъ, павшихъ подъ стѣнами Казани. Но царь поѣхалъ водою въ Кирилловъ, «слушая болѣе рѣчи монаховъ, ожидавшихъ отъ него богатыхъ даровъ для монастыря». Путешествіе было дѣйствительно несчастливо: Іоаннъ лишился сына. Дорогою въ одномъ монастырѣ онъ видѣлся съ бывшимъ коломенскимъ епископомъ Вассіаномъ, и спрашивалъ его, какъ надобно царствовать, чтобы вельможъ имѣть въ послушаніи. «Если хочешь самодержцемъ быть—отвѣчалъ Вассіанъ,—то не держи

совѣтниковъ умнѣе себя» (намекъ на Сильвестра и Адашева).

Въ 1560 году Анастасія скончалась. Около того же времени Адашевъ и Сильвестръ были удалены отъ двора: первый отправленъ воеводою въ Ливонію, гдѣ онъ вскорѣ умеръ; а второй сосланъ въ Соловецкій монастырь; ихъ родственники и друзья подверглись опаламъ и казнямъ. Нестѣсняемый болѣе присутствіемъ строгихъ совѣтниковъ и любимой супруги, Іоаннъ началъ находить развлеченіе въ шумныхъ пирахъ, порочныхъ забавахъ и давать полную волю своему крутому, необузданному характеру. Съ особенною жестокостію сталъ онъ преслѣдовать боярское сословіе, потому что бояре продолжали отстаивать свои древнія права, которыя могли ограничивать его самодержавіе. Въ этомъ отношеніи царь продолжалъ политику своего отца и дѣда, доводя ее до крайней степени. Еще Иванъ III не хотѣлъ признавать за боярами ихъ старинное право отъѣзда, и тѣхъ, которые переходили въ Литву, объявлялъ государственными измѣнниками. Съ того времени при московскомъ дворѣ вошло въ обычай брать съ ненадежныхъ бояръ крестоцѣловальныя записи въ томъ, что они не измѣнятъ и не отъѣдутъ въ другое государство; подобная запись иногда сопровождалась денежнымъ поручательствомъ со стороны родственниковъ и друзей.

Одинъ изъ лучшихъ московскихъ воеводъ, князь Курбскій, опасаясь царской немилости, бѣжалъ изъ Ливоніи во время войны въ Литву; онъ получилъ отъ Сигизмунда помѣстья, и въ рядахъ непріятельскаго войска началъ сражаться противъ своихъ соотечественниковъ. Между царемъ и Курбскимъ завязалась знаменитая переписка, въ которой первый изложилъ свои понятія о неограниченной царской власти, а второй старался защитить старинныя боярскія права *. Тогда въ Іо-

* Съ первымъ письмомъ Курбскій прислалъ въ Москву вѣрнаго слугу Шибанова. Онъ подалъ письмо царю на Красномъ крыльцѣ. Іоаннъ ударилъ

аннѣ еще сильнѣе развилась подозрительность: его воображенію повсюду представлялись тайныя козни измѣнниковъ и предателей. Въ такомъ настроеніи духа царь неожиданно покинулъ Москву, уѣхалъ съ семействомъ и близкими людьми въ Александровскую Слободу (1564 г.); отсюда онъ написалъ къ митрополиту и народу о своемъ намѣреніи оставить престолъ, потому что не хочетъ сносить болѣе предательства вельможъ, за которыхъ притомъ заступается духовенство. Встревоженный народъ умолялъ его не покидать царства. Іоаннъ согласился, но съ условіемъ, чтобъ ему не мѣшали казнить измѣнниковъ, и учредилъ *опричнину*. Такъ назывался новый дворъ царя, составленный изъ людей вполнѣ ему преданныхъ и большею частію незнатныхъ (преимущественно изъ сословія боярскихъ дѣтей). На содержаніе этого двора онъ отдѣлилъ часть Москвы и доходы съ 20 городовъ. Все остальное государство получило названіе *земщины*, управленіе которою поручено старымъ, *земскимъ* боярамъ; (впослѣдствіи царь поставилъ надъ ними главою крещенаго касимовскаго хана Симеона Бекбулатовича съ титуломъ великаго князя всея Руси). Толпа новыхъ тѣлохранителей сдѣлалась грознымъ и слѣпымъ орудіемъ царской воли; *опричники* безнаказанно буйствовали и обижали мирныхъ гражданъ, почему они скоро навлекли на себя народную ненависть и считались наравнѣ съ разбойниками. Изъ нихъ самые приближенные къ Іоанну были: Малюта Скуратовъ, Басмановы отецъ съ сыномъ и князь Вяземскій.

Съ той поры Іоаннъ жилъ большею частію въ укрѣпленной Александровской Слободѣ, и все остальное время его царствованія не прекращались казни людей, подозрѣваемыхъ въ

его въ ногу желѣзнымъ костылемъ своимъ, и, опершись на костыль, слушалъ чтеніе письма. Шибановъ остался неподвиженъ; а потомъ во время жестокой пытки смѣло говорилъ въ оправданіе своего господина.

измѣнѣ. Соловецкій игуменъ Филиппъ (изъ рода бояръ Колычевыхъ), по желанію Іоанна занявшій престолъ митрополита, не хотѣлъ отказаться отъ священнаго обычая ходатайствовать (*печаловаться*) за опальныхъ; твердый духомъ, онъ смѣло обличалъ недостойное поведеніе царя и буйства его опричниковъ *. Филиппъ былъ отрѣшенъ отъ своего сана и заточенъ въ тверской Отрочъ монастырь, гдѣ его потомъ задушилъ Малюта Скуратовъ (1569 г.). Тогда же погибъ и двоюродный братъ царя Владиміръ Андреевичъ. Въ слѣдующемъ году цѣлый Новгородъ сдѣлался жертвою Іоанновой свирѣпости: Новогородцы все еще не могли забыть своего прежняго вѣчеваго устройства и по всей вѣроятности явно тяготились суровымъ московскимъ владычествомъ; какъ бы то ни было, ихъ обвинили въ намѣреніи поддаться польскому королю. Іоаннъ, сопровождаемый опричниками и стрѣльцами, явился въ Новгородѣ, и тутъ въ теченіе шести недѣль производилъ свою кровавую расправу.

Разгромъ начался съ Тверской области. Пришедши въ Новгородъ, передовой царскій отрядъ устроилъ кругомъ крѣпкія заставы и заперъ окрестные монастыри. Схватили игуменовъ, монаховъ, священниковъ и поставили на правежъ

* Іоаннъ избѣгалъ свиданія съ митрополитомъ, опасаясь печалованій; но нерѣдко долженъ былъ встрѣчаться съ нимъ въ церкви, и здѣсь-то происходили между ними сцены, подобныя слѣдующей:

«Только молчи, одно тебѣ говорю: молчи, отецъ святой!—говорилъ царь, едва сдерживая свой сильный гнѣвъ: молчи и благослови насъ!»

«Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ», отвѣчалъ Филиппъ.

«Ближніе мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла, какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ?»

«Я пастырь стада Христова!»

«Филиппъ! непрекословь державѣ нашей, чтобы не постигъ тебя гнѣвъ мой; или лучше оставь митрополію».

«Я не просилъ, не искалъ черезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для полученія сана, зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни?» и т. д.

(т. е. били палками каждый день, взыскивая съ нихъ деньги); купцевъ и приказныхъ людей заключили подъ стражу. Пріѣхалъ самъ Іоаннъ и велѣлъ игуменовъ и монаховъ, стоявшихъ на правежѣ побить до смерти. Когда онъ отправился къ обѣднѣ въ Софійскій соборъ, на Волховскомъ мосту встрѣтилъ его архіепископъ Пименъ и хотѣлъ осѣнить крестомъ; Іоаннъ не пошелъ ко кресту и назвалъ Пимена измѣнникомъ. Послѣ обѣдни онъ обѣдалъ у архіепископа, и тутъ вдругъ велѣлъ его схватить, а казну и весь дворъ его ограбить. Начались казни новогородцевъ, содержавшихся подъ стражей. Ихъ пытали огнемъ, а потомъ бросали въ Волховъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; чтобы никто немогъ спастись, ратные люди ѣздили въ лодкахъ и кололи тѣхъ, которые всплывали на верхъ. Такъ продолжалось пять недѣль. Далѣе, Іоаннъ велѣлъ грабить дома и лавки въ Новгородѣ и его окрестностяхъ, и послалъ отряды въ новогородскія пятины также съ приказаніемъ вездѣ грабить и опустошать. Наконецъ утомившись казнями, онъ велѣлъ изъ уцѣлѣвшихъ гражданъ привести къ себѣ съ каждой улицы по одному человѣку. Они явились блѣдные какъ мертвецы, дрожа отъ страха въ ожиданіи смерти. Іоаннъ объявилъ, чтобъ они ничего не боялись и молились Богу о царскомъ благоденствіи, а пролитая кровь взыщется на измѣнникахъ Пименѣ и его помощникахъ.

Изъ Новгорода Іоаннъ отправился во Псковъ. Псковитяне, по распоряженію своего воеводы, встрѣтили царя, каждый передъ своимъ домомъ съ женами и дѣтьми, стоя на колѣняхъ съ хлѣбомъ солью въ рукахъ. Эти знаки покорности смягчили царя, и онъ ограничился тѣмъ, что велѣлъ пограбить имѣнье богатыхъ гражданъ. (Преданіе говоритъ, что Іоаннъ посѣтилъ здѣсь юродиваго Николу Салоса, и тотъ, не смотря на время великаго поста, будто предложилъ ему кусокъ сыраго мяса, обличая его такимъ образомъ въ кровожадности). По возвращеніи въ Москву началось слѣдствіе о Новогородской измѣнѣ. Многіе московскіе бояре и дворяне

были обвинены въ соучастіи и казнены. Въ числѣ ихъ погибли прежніе царскіе любимцы, Басмановы и князь Вяземскій.

Такими жестокими мѣрами Іоаннъ *Грозный* уничтожилъ всякое сопротивленіе своей самодержавной власти и сдѣлалъ ее вполнѣ неограниченною; но по справедливости заслужилъ въ исторіи славу тирана.

Іоаннъ умеръ въ 1584 году. Изъ дѣтей Анастасіи достигли совершеннолѣтняго возраста Іоаннъ и Ѳеодоръ; во время войны съ Баторіемъ царь разсердился однажды на старшаго сына за противорѣчіе, и такъ неосторожно ударилъ его своимъ желѣзнымъ костылемъ, что царевичъ черезъ нѣколько дней скончался. Въ живыхъ послѣ того остались только Ѳеодоръ и малолѣтній Димитрій (рожденный отъ седьмой жены Іоанна Маріи Нагой). Престолъ долженъ былъ перейдти къ Ѳеодору.

ѲЕОДОРЪ ІОАННОВИЧЪ 1584—1598.

Тотчасъ послѣ кончины Іоанна, въ Москвѣ составилась партія, которая хотѣла возвести на престолъ юнаго царевича Димитрія. Предводителями этой партіи были Нагіе, родственники царевича, и особенно воспитатель его Богданъ Бѣльскій. Но попытка ихъ не имѣла никакого успѣха; Димитрія съ матерью и братьями ея отправили въ Угличъ, назначенный ему въ удѣлъ отцомъ; а Бѣльскаго послали воеводою въ Нижній-Новгородъ.

Годуновъ-Правитель. Ѳеодоръ былъ человѣкъ кроткій, слабый здоровьемъ и характеромъ, болѣе склонный къ иноческой жизни, нежели къ занятіямъ государственными дѣлами. Время свое онъ проводилъ преимущественно въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ, а заботы правленія возложилъ

на членовъ верховной, боярской думы. Ближе всѣхъ къ царю сталъ хитрый Борисъ Годуновъ, братъ супруги Ѳеодоровой Ирины; онъ происходилъ отъ одного татарскаго мурзы, вступившаго въ московскую службу (въ XIV в.). Но у Бориса были соперники, принадлежавшіе къ знатнѣйшимъ боярскимъ фамиліямъ, которые старались помѣшать его возвышенію. Душою враждебной партіи сдѣлались князья Шуйскіе. Вмѣстѣ съ митрополитомъ Діонисіемъ они отъ лица всего народа составили челобитную грамому къ царю о томъ, чтобъ онъ развелся съ своею бездѣтною супругой и женился на другой. Годуновъ поспѣшилъ предупредить опасность: онъ уговорилъ Діонисія не подавать челобитной; а потомъ устроилъ такъ, что Шуйскіе были обвинены въ измѣнѣ и вмѣстѣ съ своими друзьями отправлены въ дальніе города на заточеніе. Митрополитъ Діонисій вскорѣ низверженъ, и на мѣсто его поставленъ преданный Годунову ростовскій архіепископъ Іовъ. Такимъ образомъ Борисъ удалилъ всѣхъ соперниковъ, и, величаясь саномъ «ближняго великаго боярина», одинъ остался правителемъ государства.

Царствованіе Ѳеодора отличается вообще мирнымъ характеромъ. Осторожный правитель, не имѣя самъ талантовъ полководца, избѣгалъ большихъ войнъ и заботился только о цѣлости русскихъ предѣловъ. При немъ была незначительная война со Шведами, которая окончилась возвращеніемъ отнятыхъ ими городовъ (Яма, Копорья, Ивангорода). Крымскій ханъ Казы-Гирей попытался однажды напасть на Москву врасплохъ, но встрѣтилъ подъ ея стѣнами сильное войско и послѣ неудачной битвы ушелъ назадъ (1591 г.). На южныхъ украйнахъ Борисъ усилилъ оборонительную линію рядомъ новыхъ засѣкъ и крѣпостей (напр. Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки). За Ураломъ въ первый годъ Ѳеодорова царствованія Ермакъ погибъ при нечаянномъ нападеніи Кучума; покоренныя племена воз-

стали, и казаки ушли назадъ въ Россію; но тутъ они соединились съ царскими воеводами, воротились и снова взяли Искеръ. Русскіе потомъ утвердили свое господство въ Сибири построеніемъ нѣсколькихъ крѣпостей (Тобольскъ, Пелымъ, Березовъ и др.). Борисъ старался также поддерживать и распространять сношенія съ европейскими народами, особенно покровительствовалъ торговлѣ съ Англичанами, и для иностранныхъ купеческихъ кораблей заложилъ на Бѣломъ морѣ Архангельскую пристань.

Прикрѣпленіе крестьянъ. Изъ правительственныхъ распоряженій Годунова самою важною мѣрою почитается прикрѣпленіе къ землѣ крестьянскаго сословія. Мы знаемъ, что во времена удѣльно-вѣчевой Россіи крестьяне не сдѣлались поземельными собственниками; по крайней мѣрѣ они оставались сословіемъ вольныхъ земледѣльцевъ, т. е. имѣли право переходить съ одного мѣста на другое и селиться тамъ, гдѣ находили для себя болѣе выгодъ. Уничтоженіе удѣловъ благопріятствовало переходу, потому что границы княжествъ служили для него главнымъ препятствіемъ. Но правительство мало-по-малу начало стѣснять подобные переходы: во-первыхъ, они были ограничены извѣстнымъ срокомъ въ году, именно по Судебнику для этого назначается время около Юрьева осенняго дня (т. е. послѣ уборки хлѣба); во-вторыхъ, монастыри получали иногда право не отпускать крестьянъ изъ нѣкоторыхъ селъ. (Напримѣръ, такое право на одно село пожаловалъ Василій Темный Троицкому монастырю). Вообще землевладѣльцы всѣми средствами (и нерѣдко насиліемъ) старались удерживать поселенцевъ на своихъ земляхъ; богатые же помѣщики и монастыри обыкновенно разными льготами переманивали къ себѣ крестьянъ отъ мелкихъ владѣльцевъ; а мелкіе помѣщики (дѣти боярскіе), составлявшіе главную

военную силу государства и обязанные по первому требованію выступать въ походъ на конѣ съ нѣкоторымъ числомъ вооруженныхъ слугъ, часто жаловались, что не могутъ исправно нести военную службу, потому что земли ихъ остаются безъ крестьянъ. Подати государственныя, которыя раскладывались не по числу душъ, а по количеству земли, принадлежавшей волости, также не могли исправно собираться по причинѣ неосѣдлости крестьянскаго населенія. Московское правительство, не принимая другихъ, болѣе благодѣтельныхъ мѣръ къ уничтоженію этой неосѣдлости, продолжало только стѣснять переходы сельскихъ жителей, и наконецъ рядомъ указовъ, запрещавшихъ эти переходы, прикрѣпило крестьянъ къ тѣмъ землямъ, на которыхъ они находились. Первый изъ такихъ указовъ, дошедшихъ до насъ, относится къ 1597 году *.

Въ царствованіе Ѳеодора глава нашего духовенства перемѣнилъ санъ митрополита на высшій санъ патріарха. Съ тѣхъ поръ какъ Византія была завоевана Турками и сношенія съ греческою церковью сдѣлались весьма затруднительны, зависимость русскаго духовенства отъ Константинопольскаго патріарха прекратилась. Когда патріархъ Іеремія случайно пріѣхалъ въ Москву, ему предложили остаться въ Россіи, быть патріархомъ всероссійскимъ и жить во Владимірѣ. Іеремія отказался и по желанію Годунова посвятилъ въ этотъ санъ московскаго митрополита Іова (1589 г.)

Между тѣмъ царевичъ Димитрій воспитывался въ Угличѣ подъ надзоромъ своей матери Маріи Нагой, и народъ уже привыкъ смотрѣть на него какъ на преемника бездѣт-

* При господствѣ дружиннаго элемента (т. е. военнаго или служилаго сословія) въ государствѣ, при печальномъ состояніи образованности въ то время, правительство еще не могло придти къ мысли уничтожить неосѣдлость крестьянъ улучшеніемъ ихъ быта, т. е. раздачею имъ поземельныхъ участковъ въ полную собственность и расширеніемъ ихъ гражданскихъ правъ.

ному Θеодору. Но вдругъ разнеслась вѣсть, что девятилѣтній царевичъ погибъ отъ руки убійцъ (Битяговскаго, Качалова и Волохова), которые немедленно были растерзаны народомъ, сбѣжавшимся по звуку набатнаго колокола (1591 г.). Для изслѣдованія этого дѣла царь, или собственно Годуновъ, послалъ въ Угличъ крутицкаго митрополита Геласія, князя Василія Ивановича Шуйскаго и окольничаго Клешнина. Слѣдователи воротились и донесли царю, что Димитрій въ припадкѣ падучей болѣзни самъ закололъ себя ножемъ. Тогда жителей Углича жестоко наказали за самоуправство: нѣкоторыхъ казнили и многихъ сослали въ Сибирь; а царицу Марью постригли въ монахини. Немногіе однако повѣрили донесенію слѣдователей, и молва народная приписала смерть царевича Годунову, который по всей вѣроятности сильно желалъ устранить Димитрія отъ престола.

Въ январѣ 1598 года скончался послѣдній царь изъ династіи Рюрика. Расказываютъ, что на вопросъ патріарха и бояръ, кому онъ поручаетъ царство, умирающій Θеодоръ отвѣчалъ: «предоставляю все на волю Божію».

II. СМУТНОЕ ВРЕМЯ.

1598—1613.

Борисъ Годуновъ—царь. По кончинѣ Θеодора Москва немедленно присягнула его супругѣ Иринѣ; но она уѣхала въ Новодѣвичій монастырь и тамъ постриглась въ монахини. Когда же думный дьякъ Щелкаловъ вышелъ къ народу и предложилъ присягнуть на имя боярской думы, народъ не хотѣлъ и слышать о боярскомъ правленіи. Годуновъ вслѣдъ за сестрою также удалился въ Новодѣвичій монастырь; а между тѣмъ многочисленные приверженцы и клевреты усердно дѣйство-

вали въ его пользу. Патріархъ Іовъ, оставшійся тогда главнымъ лицомъ въ государствѣ, прямо указалъ народу на Бориса, какъ на мужа самаго достойнаго занять престолъ; вмѣстѣ съ духовенствомъ, боярами и московскими гражданами онъ отправился къ Годунову и предложилъ ему корону. Но дальновидный Борисъ отказался: вѣроятно онъ ожидалъ выборныхъ людей изъ другихъ городовъ, которые должны были съѣхаться въ столицу для избранія царя. Земскій Соборъ подтвердилъ избраніе патріарха. Послѣ торжественныхъ, неоднократныхъ просьбъ духовенства и народа правитель наконецъ согласился возложить на свою голову вѣнецъ Мономаха.

Когда Годуновъ во второй разъ отказался отъ престола, патріархъ отправился опять въ монастырь уже съ крестнымъ ходомъ въ сопровожденіи огромной толпы народа. Іовъ, высшее духовенство и бояре вошли въ келью царицы-инокини, и долго со слезами и земными поклонами умоляли ее благословить на царство брата; а между тѣмъ толпа, стоявшая около монастыря, плакала, вопила и безпрестанно кланялась въ землю. Впрочемъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, чиновники-клевреты Годунова большею частію насильно пригнали народъ къ монастырю, грозя взыскивать штрафъ съ того, кто не пойдетъ.

Не безъ умысла также преувеличены были слухи объ угрожающемъ нашествіи крымскаго хана. Послѣ своего избранія Борисъ немедленно вооружилъ многочисленное войско и выступилъ къ южнымъ границамъ государства; но вмѣсто татарскихъ полчищъ его встрѣтили послы отъ хана съ мирными предложеніями. Угостивъ войско великолѣпными пирами, новый царь воротился въ Москву, и тогда только совершилъ обрядъ коронованія. Во время этой церемоніи онъ умилился душою, и, обратясь къ патріарху, воскликнулъ: «Богъ свидѣтель, что не будетъ въ моемъ царствѣ нищаго или сираго; послѣднюю рубашку раздѣлю съ народомъ!»

Первые годы Борисова царствованія характеромъ своимъ почти не отличались отъ временъ Ѳеодора, потому что правитель былъ тотъ же самый. Въ отношеніяхъ къ сосѣдямъ онъ выказывалъ большую осторожность и даже нерѣшительность; такъ напримѣръ, не воспользовался раздорами между Швеціею и Польшею, чтобы пріобрѣсти Ливонію и стать твердою ногою на берегахъ Балтійскаго моря. Въ Сибири, гдѣ Русскіе окончательно утвердились послѣ смерти Кучума, московское правительство продолжало строить города, переводить туда ратныхъ людей и земледѣльцевъ; а разныя льготы, объявленныя переселенцамъ, привлекали въ Сибирь купцовъ, ремесленниковъ и другихъ свободныхъ людей. На югѣ, Борисъ умѣлъ предупреждать набѣги крымскихъ Татаръ. Только предпріятіе на Кавказъ окончилось неудачно. Грузинскій царь Александръ, тѣснимый своими мусульманскими сосѣдями, Персами и Турками, отдался подъ покровительство единовѣрной Москвы, и на помощь къ нему отправленъ отрядъ войска, который занялъ нѣкоторые пункты въ Дагестанѣ; но Турки вытѣснили его оттуда, и 7000 русскихъ воиновъ на возвратномъ пути погибли въ сѣчѣ съ горными племенами.

Къ иностранцамъ Борисъ питалъ особенное расположеніе; онъ учредилъ при своемъ дворѣ наемный нѣмецкій отрядъ тѣлохранителей, которымъ давалъ богатое содержаніе; вызывалъ въ Россію художниковъ и ремесленниковъ, думалъ даже вызвать ученыхъ людей и завести школы для обученія иностраннымъ языкамъ; но духовенство этому воспротивилось. Тогда царь отправилъ для образованія за границу 18 молодыхъ людей, которые однако не воротились послѣ въ отечество. Годуновъ сдѣлалъ попытку породниться съ однимъ изъ европейскихъ дворовъ: онъ пригласилъ въ Москву датскаго принца Іоанна и помолвилъ за него свою дочь Ксенію; но принцъ вскорѣ послѣ пріѣзда скончался.

Не смотря на свои неусыпныя правительственныя заботы, Борисъ все болѣе и болѣе терялъ народное расположеніе; главною причиною того были его мелочность и подозрительность. Первою жертвою его подозрительности сдѣлался Богданъ Бѣльскій, нѣкогда воспитатель царевича Димитрія; его обвинили въ злыхъ умыслахъ противъ царя и сослали въ Сибирь. Недостойные любимцы и слуги поспѣшили воспользоваться этою слабостью Бориса, и наступило время доносовъ; хотя явныхъ казней не было, за то свирѣпствовали тайныя убійства, пытки и заточенія. Повсюду распространилось уныніе. Въ числѣ знатныхъ фамилій, подвергшихся преслѣдованію Бориса, находились братья Романовы (племянники царицы Анастасіи): ихъ обвинили въ намѣреніи отравить царя, и заточили по дальнимъ мѣстамъ, при чемъ старшаго изъ братьевъ Ѳеодора Никитича постригли въ монахи (подъ именемъ Филарета).

Между тѣмъ Россію въ продолженіе трехъ лѣтъ терзалъ страшный голодъ, который въ соединеніи съ моровымъ повѣтріемъ истребилъ огромное количество народу. Въ это печальное время Борисъ всѣми силами старался облегчить народныя страданія, затѣвалъ великолѣпныя постройки, чтобы доставить работу бѣднымъ людямъ (колокольня Ивана Великаго въ Кремлѣ); щедро раздавалъ милостыню; но подобная раздача способствовала только умноженію нищихъ и бродягъ. Кромѣ того государство страдало отъ многочисленныхъ разбойничьихъ шаекъ, которыя составлялись изъ бѣглыхъ холопей и крестьянъ, недовольныхъ прикрѣпленіемъ къ землѣ; такихъ шаекъ особенно много появилось на юго-западной или Сѣверской украйнѣ. Смѣлый атаманъ ихъ Хлопка Косолапъ явился даже подъ самою Москвою и вступилъ въ сраженіе съ царскими войсками, но проигралъ битву и казненъ со многими товарищами. Всѣ эти бѣдствія были только началомъ смутной

эпохи. Въ народѣ стала ходить молва о томъ, что царевичъ Димитрій живъ и скоро потребуетъ отъ Бориса отцовское наслѣдіе.

Лжедимитрій I. Человѣкъ, принявшій на себя имя царевича Димитрія, былъ Григорій Отрепьевъ, бѣдный сирота, родомъ изъ галицкихъ служилыхъ людей.

Это былъ юноша даровитый, необыкновенно смѣлый, но легкомысленный и наклонный къ мечтательности. Съ дѣтства онъ велъ скитальческую жизнь, сдѣлался монахомъ, побывалъ въ разныхъ монастыряхъ и нашелъ наконецъ пріютъ въ московской Чудовской обители. Здѣсь своею грамотностію онъ понравился патріарху Іову; но смѣлые намеки о мнимомъ происхожденіи навлекли на него опасность со стороны Бориса; уже отданъ былъ царскій приказъ заточить его въ Бѣлозерскій монастырь; но Отрепьевъ спасся бѣгствомъ въ Литву *. Нѣкоторое время онъ учился въ одной литовской школѣ; побывалъ у казаковъ въ Запорожьѣ, гдѣ привыкъ хорошо владѣть оружіемъ и отличился своею отвагою. Потомъ Отрепьевъ является въ службѣ у знатнаго польскаго пана, князя Адама Вишневецкаго, при удобномъ случаѣ открываетъ князю, будто бы слуга его не кто иной, какъ сынъ Ивана Грознаго, спасшійся отъ клевретовъ Годунова, которые вмѣсто Димитрія убили другаго ребенка. Вишневецкій, его родственники и друзья приняли участіе въ судьбѣ мнимаго царевича. Самую дѣятельную помощь оказалъ ему воевода сендомирскій Юрій Мнишекъ, который обѣщалъ выдать свою дочь, красавицу Марину, за будущаго царя московскаго; этимъ бракомъ старый воевода надѣялся поправить свое разстроенное состояніе. Іезуиты также начали содѣйствовать са-

* Нѣкоторыя извѣстія заставляютъ предполагать, что мысль объявить себя царевичемъ родилась у Отреньева не сама собою и что бояре (въ особенности Шуйскіе) употребили его какъ орудіе для низверженія ненавистнаго Годунова.

мозванцу, надѣясь съ его помощью потомъ подчинить папѣ Русскую церковь; самъ же Отрепьевъ тайнымъ образомъ уже принялъ католицизмъ. Папскій нунцій Рангони доставилъ ему свиданье съ королемъ Сигизмундомъ III. Король призналъ Лжедимитрія истиннымъ царевичемъ, но не хотѣлъ вступить за него въ открытую войну съ Борисомъ; а назначилъ Отрепьеву денежное вспоможеніе, и позволилъ ему набирать армію изъ праздной, воинственной польской шляхты, чтобы отнять московскій престолъ у похитителя.

Подъ знаменами самозванца собралось до 1600 польскихъ шляхтичей, жадныхъ искателей приключеній и золота: къ нимъ присоединилось нѣсколько тысячъ казаковъ, которые также расчитывали на богатую добычу. Въ октябрѣ 1604 года Лжедимитрій перешелъ за Днѣпръ и вступилъ въ русскіе предѣлы. Украинскіе города одинъ за другимъ отворяли ему ворота; сопротивленіе оказалъ только Новгородъ Сѣверскій, въ которомъ начальствовалъ мужественный воевода Петръ Басмановъ. Вслѣдъ за тѣмъ самозванецъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе подъ Сѣвскомъ; но московскіе воеводы не воспользовались своею побѣдою и дали ему время опять усилиться. Вдругъ распространилась вѣсть, что царь Борисъ внезапно скончался (13 апрѣля 1605 года). Народъ присягнулъ юному сыну его Ѳеодору; главнымъ начальникомъ войска Ѳеодоръ назначилъ Басманова. Видя кругомъ себя колебаніе и неохоту сражаться противъ Лжедимитрія, Басмановъ измѣнилъ молодому Годунову и перешелъ на сторону его соперника; примѣру вождя послѣдовало и все войско. Нѣсколько измѣнниковъ отправились въ столицу, возмутили ея жителей и Годуновы были низвержены. Нашлись злодѣи, которые потомъ задушили Ѳеодора Борисовича вмѣстѣ съ матерью. Самозванецъ съ торжествомъ вступилъ въ Москву; мать царевича Димитрія, монахиня Мароа, послѣ тайныхъ переговоровъ

съ клевретами Отрепьева признала его своимъ сыномъ; а на мѣсто низверженнаго патріарха Іова былъ поставленъ грекъ Игнатій, угодникъ самозванца.

Новый царь ознаменовалъ милостями начало своего правленія и возвратилъ изъ заточенія большую часть бояръ, сосланныхъ Годуновымъ. Онъ усердно принялся за государственныя дѣла, при чемъ во многихъ случаяхъ обнаружилъ свою находчивость и добродушіе. Съ свойственною ему живостію самозванецъ составлялъ обширные планы, задумывалъ разныя преобразованія; но его погубила легкомысленная самоувѣренность, презрѣніе къ старымъ русскимъ обычаямъ, дружба съ поляками и іезуитами. Къ великому неудовольствію народа и духовенства царь вступилъ въ бракъ съ католичкою Мариною Мнишекъ, которая пріѣхала въ Москву въ сопровожденіи многочисленной и отлично вооруженной польской свиты; гордые, неосторожные шляхтичи своимъ буйнымъ поведеніемъ не замедлили возбудить противъ себя сильную ненависть въ московскихъ жителяхъ. Бояре между тѣмъ втайнѣ начали распускать слухи о самозванствѣ царя. Противъ него составился обширный заговоръ, во главѣ котораго сталъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, не за долго передъ тѣмъ осужденный Отрепьевымъ на смерть и получившій прощеніе уже на мѣстѣ казни.

Царствованіе перваго Лжедимитрія продолжалось не болѣе одиннадцати мѣсяцевъ. 17 мая 1606 года рано поутру въ Москвѣ зазвонили набатъ, и Шуйскій съ боярами, предводительствуя большою толпою народа, вступилъ въ Кремль. Первою жертвою заговорщиковъ палъ любимецъ царя Петръ Басмановъ; вслѣдъ за тѣмъ иностранные тѣлохранители были обезоружены, а самъ Лжедимитрій, спасаясь отъ своихъ преслѣдователей прыгнулъ изъ окна и сломалъ себѣ ногу. Караульные стрѣльцы окружили его и хотѣли защищать; но, когда бояре

погрозили имъ разорить Стрѣлецкую слободу, они оробѣли; въ то же время одинъ изъ бояръ принесъ извѣстіе, что инокиня Марѳа отрекается отъ самозванца и сознается въ обманѣ. Тогда стрѣльцы разступились; Лжедимитрій былъ немедленно застрѣленъ, и трупъ его подвергся поруганію. Между тѣмъ неразумная чернь бросилась на квартиры поляковъ, и, какъ говорятъ, истребила ихъ въ тотъ день до полутора тысячъ человѣкъ. Царемъ былъ объявленъ Шуйскій; а мѣсто патріарха занялъ казанскій митрополитъ Гермогенъ, ревностный защитникъ православія и мужъ непреклоннаго, суроваго характера.

Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго. Возведенный на престолъ толпою своихъ приверженцевъ, а не великою Земскою думою, Шуйскій сдѣлалъ многіе уступки боярамъ и далъ клятву не предпринимать ничего важнаго безъ ихъ совѣта; это обязательство ограничило его самодержавную власть и произвело въ народѣ неблагопріятное впечатлѣніе. Скупой, неблагообразный старикъ, нерѣшительный и неискусный въ управленіи государствомъ, онъ скоро заслужилъ общее нерасположеніе. Уже въ слѣдующемъ году распространился слухъ, будто бы Лжедимитрій спасся отъ смерти и опять нашелъ убѣжище въ Литвѣ. Василій велѣлъ торжественно перенести изъ Углича въ Москву мощи убитаго царевича; но эта мѣра не подѣйствовала. Народъ, всегда склонный вѣрить всему чудесному, началъ волноваться, и обнаружилъ сильное недовѣріе къ Шуйскому, который уже не разъ кривилъ душою по поводу смерти маленькаго Димитрія.

Первое возстаніе въ пользу мнимо-спасеннаго царевича произошло опять въ Сѣверской украйнѣ, которую на этотъ разъ возмутилъ путивльскій воевода князь Шаховской. Однимъ изъ начальниковъ возстанія явился Иванъ Болотниковъ, человѣкъ отважный и даровитый, бывшій прежде холопомъ, а въ то вре-

мя только что воротившійся изъ татарскаго плѣна. Онъ набралъ войско изъ казаковъ, бѣглыхъ крестьянъ и холопей, разбилъ царскихъ воеводъ и подступилъ къ Москвѣ. Съ нимъ соединились рязанскіе мятежники подъ начальствомъ дворянина Прокопія Ляпунова и воеводы Сунбулова. Но Ляпуновъ и Сунбуловъ скоро помирились съ царемъ и получили награды; а Болотниковъ, побѣжденный царскимъ племянникомъ Михаиломъ Скопинымъ, заперся въ Тулѣ вмѣстѣ съ княземъ Шаховскимъ и однимъ казацкимъ самозванцемъ, который назвалъ себя сыномъ Ѳеодора Іоанновича Петромъ. Шуйскій собралъ многочисленное войско и лично осадилъ Тулу. Осажденные защищались отчаянно. Царь по совѣту одного боярскаго сына велѣлъ запрудить р. Упу; вода затопила окрестности Тулы и проникла въ самый городъ. Угрожаемые голодною смертію, мятежники сдались. Болотниковъ явился въ царскій станъ, положивъ саблю на шею, и сказалъ, что царь, если хочетъ, пусть велитъ отсѣчь ему голову; но что, если онъ получитъ пощаду, то будетъ царю самымъ вѣрнымъ слугою. Болотниковъ и Лжепетръ подверглись казни; а главный зачинщикъ Сѣверскаго возстанія Шаховскій, какъ бояринъ, былъ только сосланъ. Царь послѣ того воротился въ Москву торжествовать свою побѣду. Событія показали, что это торжество было слишкомъ поспѣшное.

Въ Стародубѣ Сѣверскомъ явился человѣкъ, который принялъ на себя имя убитаго Лжедимитрія. Происхожденіе его до сихъ поръ остается загадочнымъ (по нѣкоторымъ извѣстіямъ поповичъ); во всякомъ случаѣ онъ былъ хитрый и смѣлый самозванецъ. Подъ знаменами Лжедимитрія II скоро собрались сѣверскіе мятежники; многіе польско-литовскіе паны явились къ нему на помощь съ своими дружинами; не замедлили придти и казаки. Гетманомъ своимъ, т. е. главнымъ начальникомъ войска, поляки выбрали пана Рожинскаго. Са-

мозванецъ двинулся къ столицѣ и въ 12 верстахъ отъ нея расположился станомъ въ селѣ Тушинѣ, откуда и получилъ прозваніе «Тушинскаго вора». Несчастная Марина Мнишекъ, возвращаясь въ Польшу изъ московскаго плѣна, была перехвачена на дорогѣ, и признала Тушинскаго вора своимъ мужемъ. Между тѣмъ какъ самозванецъ и Рожинскій старались овладѣть Москвою, самые знаменитые изъ литовскихъ наѣздниковъ, Янъ Сапѣга и Лисовскій, занялись осадою Троицкой Лавры въ надеждѣ воспользоваться ея прославленными богатствами; но монахи съ нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ цѣлые 16 мѣсяцевъ оборонялись отъ непріятелей, и успѣли отстоять крѣпкую Лавру. Въ тоже время отряды тушинцевъ разсѣялись по московскимъ областямъ, жгли, грабили ихъ, и города одинъ за другимъ переходили на сторону самозванца. Тушинскій лагерь скоро превратился въ цѣлый городъ; сюда пріѣхали польскіе купцы съ товарами; изъ городовъ, признавшихъ Лжедимитрія, потянулись къ Тушину обозы, и поляки во всемъ имѣли изобиліе. Между тѣмъ въ самой Москвѣ нельзя было положиться на вѣрность ратныхъ людей; здѣсь нашлось много даже такихъ, которые, ради жалованья или высшаго титула, переходили на службу въ Тушинскій лагерь, а потомъ возвращались къ царю Василію съ изъявленіемъ мнимаго раскаянія, и не стыдились по нѣскольку разъ повторять эту измѣну (они получили названіе «перелётовъ»).

Когда въ осажденной Москвѣ обнаружился недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, многіе недовольные изъ служилыхъ людей попытались свергнуть Шуйскаго. Они собрались въ Кремль, вывели изъ Успѣнскаго собора патріарха Гермогена, и начали кричать, что Шуйскій избранъ незаконно, потому что его выбирала одна Москва безъ вѣдома другихъ городовъ. Патріархъ увѣщевалъ ихъ, и сказалъ между прочимъ: «Дотолѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и никакіе города Москвѣ не указывали; а указывала Москва всѣмъ

городамъ». Заговорщики бросились во дворецъ. Но царь, видя, что бояре и московскіе жители остаются спокойны, съ твердостью сказалъ мятежникамъ, что они могутъ его убить, но свести съ престола безъ согласія бояръ и всей земли не могутъ. Тогда заговорщики ушли въ Тушино.

Въ такомъ критическомъ положеніи Шуйскій рѣшился искать иноземной помощи, и послалъ своего племянника Скопина въ Новгородъ для переговоровъ со Шведами. Король шведскій Карлъ IX былъ врагомъ Поляковъ и опасался ихъ владычества въ Россіи; поэтому онъ охотно подалъ помощь Шуйскому. Наемный шведскій отрядъ въ 5000 человѣкъ подъ начальствомъ генерала Делагарди соединился съ Скопинымъ, который повелъ изъ Новгорода ополченіе, набранное въ сѣверо-западныхъ русскихъ областяхъ. Вскорѣ дѣла приняли оборотъ благопріятный для Шуйскаго: отпавшіе города начали опять признавать его царемъ; а попытки тушинцевъ остановить движеніе къ Москвѣ сѣверо-западной рати окончились неудачею; особенно замѣчательно пораженіе, которое Скопинъ нанесъ Сапѣгѣ подъ Колязинымъ монастыремъ. Столица оживилась надеждою на близкое освобожденіе отъ осады; этому освобожденію помогъ самъ польскій король.

Узнавъ о союзѣ Шуйскаго съ Карломъ IX, Сигизмундъ III вторгнулся въ московскіе предѣлы и осадилъ Смоленскъ. Въ Тушино пріѣхали послы отъ Сигизмунда; они пригласили поляковъ оставить самозванца и соединиться съ королевскимъ войскомъ. Въ лагерѣ произошло волненіе; Тушинскій воръ не считая себя безопаснымъ посреди буйныхъ, презрительно обращавшихся съ нимъ шляхтичей, въ крестьянскомъ платьѣ убѣжалъ изъ лагеря, и нашелъ радушный пріемъ въ Калугѣ; вслѣдъ за нимъ ускакала и Марина, переодѣтая гусаромъ. Тогда Рожинскій зажегъ лагерь и удалился съ поляками на западъ, а казаки и часть русскихъ измѣнниковъ опять приста-

ли къ самозванцу. Михаилъ Скопинъ-Шуйскій теперь безпрепятственно вступилъ въ столицу, и москвитяне съ восторгомъ привѣтствовали его какъ своего освободителя.

Въ эту печальную эпоху юноша Скопинъ обнаружилъ многія прекрасныя качества и пріобрѣлъ любовь народа, который нескрывалъ своей надежды видѣть его на престолѣ по смерти бездѣтнаго Василія. Еще во время похода къ Москвѣ пылкій Ляпуновъ съ своими рязанцами предложилъ корону Михаилу; но послѣдній съ негодованіемъ отвергъ такое предложеніе. Недоброжелатели его поспѣшили воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, и дядя началъ подозрительно смотрѣть на племянника. Къ тому же родной братъ царя, Димитрій Шуйскій, возненавидѣлъ Скопина, какъ своего счастливаго соперника, потому что самъ питалъ надежду послѣ Василія наслѣдовать московскій престолъ. Скопинъ началъ готовиться къ новому походу противъ поляковъ, подъ Смоленскъ; другъ его Делагарди совѣтовалъ спѣшить, потому что слышалъ о козняхъ бояръ, враждебныхъ Михаилу. Но приготовленія замедлились, и однажды на крестинномъ пиру у князя Воротынскаго Скопинъ занемогъ кровотеченіемъ изъ носа; а, спустя нѣсколько дней, онъ уже скончался; народъ приписалъ внезапную смерть своего любимца отравленной чашѣ, которую будто бы поднесла ему жена Димитрія Шуйскаго. Царское войско, отправленное къ Смоленску подъ начальствомъ неискуснаго Димитрія, потерпѣло рѣшительное пораженіе отъ гетмана Жолкѣвскаго, при деревнѣ Клушино. Тогда Захарій Ляпуновъ (братъ Прокопія) возмутилъ москвитянъ противъ Василія; его низвели съ престола и насильно постригли въ монахи (1610 г.).

Междуцарствіе. Управленіе государствомъ перешло въ руки верховной думы, состоявшей изъ семи знатнѣйшихъ бояръ (*семибоярщина*), между которыми первое мѣсто зани-

малъ князь Мстиславскій. Немедленно поднялся вопросъ объ избраніи царя; но тутъ обнаружилось сильное разногласіе. Многіе еще держались Тушинскаго вора; патріархъ Гермогенъ требовалъ, чтобы царь былъ выбранъ изъ русскихъ вельможъ; а бояре, составлявшіе думу, пожелали возвести на престолъ Сигизмундова сына Владислава. Когда гетманъ Жолкѣвскій подошелъ къ Москвѣ, партія польскаго принца одержала верхъ: бояре вступили съ гетманомъ въ переговоры и согласились присягнуть Владиславу, однако съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ принялъ православіе, а царская власть была бы ограничена боярскою думою и вліяніемъ высшаго духовенства. Для окончательныхъ переговоровъ отправилось къ Сигизмунду торжественное посольство, во главѣ котораго находились князья Василій Васильевичъ Голицынъ и митрополитъ ростовскій Филаретъ (бывшій бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ). Вслѣдъ затѣмъ, по приглашенію самихъ бояръ, Жолкѣвскій ввелъ въ столицу польское войско. Онъ былъ человѣкъ умный, ловкій, устранялъ враждебныя столкновенія поляковъ съ москвитянами, и даже умѣлъ заслужить довѣренность Гермогена. Но когда гетманъ узналъ, что король не соглашается отпустить сына и желаетъ московской короны для самаго себя, онъ поспѣшилъ уѣхать подъ Смоленскъ, поручивъ начальство надъ польскимъ гарнизономъ въ Москвѣ пану Гонсѣвскому.

Между тѣмъ въ королевскомъ лагерѣ русское посольство вело безполезные переговоры съ польскими панами; послѣдніе прежде всего требовали сдачи Смоленска; но послы отказывались и вообще твердо стояли на своихъ условіяхъ. Наскучивъ непреклонностью пословъ, Сигизмундъ отправилъ ихъ плѣнниками въ Польшу; туда же отвезли и бывшаго царя Василія Шуйскаго съ братьями. Тушинскій Лжедимитрій около того времени палъ отъ руки одного изъ своихъ прибли-

женныхъ (крещенаго татарина Урусова). Смерть его развязала руки тѣмъ противникамъ польской партіи, которые только изъ страха къ самозванцу соглашались признать царемъ Владислава; къ тому же вѣсть о замыслахъ Сигизмунда, извѣстнаго своею приверженностію къ католицизму, возбуждала въ Москвѣ общій ропотъ. Гермогенъ началъ разсылать по городамъ грамоты, призывая народъ вооружиться на защиту православія. Тогда въ областяхъ поднялись служилые люди, и дружины 25 городовъ двинулись къ Москвѣ подъ начальствомъ Прокопія Ляпунова; съ нимъ соединились, бывшіе прежде въ службѣ у Тушинскаго вора, казацкіе отряды, предводимые Трубецкимъ, Заруцкимъ, Просовецкимъ и другими атаманами.

Прежде нежели подоспѣло это ополченіе, москвитяне уже завязали битву и начали тѣснить поляковъ. Непріятели спаслись тѣмъ, что зажгли городъ въ разныхъ мѣстахъ и пожаръ обратилъ въ пепелъ почти всю Москву; уцѣлѣли только Кремль и Китай городъ, въ которыхъ потомъ крѣпко засѣлъ польскій гарнизонъ и мужественно выдерживалъ осаду русскаго ополченія, подступившаго въ числѣ 100,000 человѣкъ. Начальство надъ русскимъ войскомъ и управленіе государственными дѣлами по общему приговору вручено было тремъ вождямъ: князю Димитрію Трубецкому, Ивану Заруцкому и думному дворянину Прокопію Ляпунову. Но между предводителями скоро обнаружилась сильная ненависть и распря. Ляпуновъ, человѣкъ весьма даровитый и энергическій, возбудилъ противъ себя неудовольствіе своею гордостію и неуступчивостію; особенно ненавистенъ сдѣлался онъ казакамъ, которыхъ преслѣдовалъ за буйства и грабежи. Этой ненавистью воспользовался Гонсѣвскій, и переслалъ въ казацкій станъ подложную грамоту, написанную отъ имени Ляпунова и заключавшую въ себѣ приказъ истреблять казаковъ. По своему обычаю казаки со-

брались въ кругъ, призвали Ляпунова, и когда онъ въ суровыхъ выраженіяхъ сталъ отрекаться отъ грамоты, изрубили его саблями.

Со смертію главнаго вождя ополченіе разстроилось: дворяне разъѣхались по домамъ; а казаки хотя и продолжали осаду, но занялись преимущественно грабежемъ сосѣднихъ областей. Между тѣмъ Смоленскъ былъ взятъ Сигизмундомъ, Новгородъ захваченъ шведами *, во Псковѣ явился третій Лжедимитрій (какой-то дьяконъ Исидоръ); а нѣкоторыя области признали царемъ сына Марины Мнишекъ.

Въ смутную эпоху вполнѣ проявилась разрозненность областей, изъ которыхъ составилось Московское государство. Когда Москва была занята поляками, унижена и обезсилена, въ областяхъ — еще помнившихъ о своей самостоятельной жизни и предоставленныхъ теперь самимъ себѣ—пробудилась сильная политическая дѣятельность. Снова обнаружили себя древнія вѣчевыя общины и удѣльныя княжества: Владиміръ, Новгородъ, Псковъ, Рязань, Вятка и др. По всѣмъ главнымъ городамъ открылись шумныя вѣча; горожане и сосѣдніе крестьяне собираются на площадяхъ для земскихъ совѣтовъ; города посылаютъ другъ къ другу гонцовъ съ грамотами, которыя читаются всенародно. Въ этихъ грамотахъ они приглашаютъ другъ друга въ случаѣ опасности дѣйствовать единодушно, просятъ о присылкѣ ратныхъ людей и денегъ. Но единодушія было мало. Тогда вспомнились старая взаимная вражда нѣкоторыхъ областей и непріязнь простыхъ людей

* Одинъ измѣнникъ ночью отворилъ шведамъ новогородскія ворота, и они вошли на Софійскую сторону. Сопротивленіе было оказано очень слабое. Въ одномъ мѣстѣ стрѣлецкій голова Голютинъ, дьякъ Голенищевъ и казачій атаманъ Шаровъ съ 40 казаками защищались, пока не были всѣ изрублены; въ другомъ Софійскій протопопъ Аммосъ заперся въ своемъ дворѣ и долго отбивался отъ шведовъ, пока они не сожгли его вмѣстѣ съ дворомъ. Между тѣмъ воевода Бутурлинъ, стоявшій съ ратными людьми на Торговой сторонѣ, пограбилъ жителей и ушелъ изъ города.

къ высшимъ богатымъ классамъ; вскрылась нелюбовь вѣчевыхъ общинъ къ Москвѣ и ненависть къ московскому боярству. Еще съ большею силою эта нелюбовь выразилась въ восточныхъ областяхъ, составлявшихъ нѣкогда Казанское и Сибирское царства. Восточные инородцы (татары, черемисы, мордва) были раздражены жестокимъ управленіемъ, насильнымъ переселеніемъ во внутреннія области, обращеніемъ въ служилыхъ людей и въ православіе. Во многихъ мѣстахъ они открыто возстали, убивали въ своемъ краю русскихъ переселенцевъ и грабили сосѣднія русскія земли.

Но, когда движеніе рязанскихъ и сѣверскихъ городовъ подъ начальствомъ Ляпунова окончилось неудачею, опасность чужеземнаго польскаго ига и ненависть къ латинской вѣрѣ, угрожавшей вмѣстѣ съ польскимъ игомъ, пробудили въ народѣ потребность болѣе единодушнаго дѣйствія и недопустили до окончательнаго разъединенія. Духовенство и важнѣйшіе монастыри (которые въ тоже время были и крѣпости) явились сильною опорою для поддержанія единства и для спасенія Московскаго государства. Въ особенности Троицкая лавра обнаружила въ это бѣдственное время необыкновенную дѣятельность. Архимандритъ Лавры Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ всѣми силами старались поддержать упавшій духъ народа, и неутомимо разсылали увѣщательныя грамоты по областямъ, призывая ратныхъ людей на защиту православной вѣры и отечества. Грамоты эти передавались изъ города въ городъ и возбуждали въ народѣ сильное религіозное воодушевленіе, особенно въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Россіи, которыя менѣе другихъ пострадали отъ польскихъ и казацкихъ шаекъ. По голосу нижегородскаго гражданина Козьмы Минина тамъ собралось новое ополченіе; начальство надъ нимъ принялъ князь Пожарскій.

Въ октябрѣ 1611 года одна изъ троицкихъ грамотъ явилась въ Нижнемъ Новгородѣ. Когда протопопъ прочелъ ее

въ соборной церкви передъ всѣмъ народомъ, земскій староста Козьма Мининъ Сухорукій (промышлявшій мясною торговлею) началъ уговаривать согражданъ вступиться за православную вѣру и помочь московскому государству. «Не пожалѣемъ ничего—говорилъ онъ: продадимъ дома свои, заложимъ женъ и дѣтей и соберемъ казну на жалованье ратнымъ людямъ». Рѣчи его понравились нижегородцамъ. Но прежде всего надобно было найдти искуснаго воеводу; Мининъ указалъ на князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, который въ то время жилъ въ своемъ помѣстьѣ Суздальскаго уѣзда и лѣчился тамъ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ битвахъ съ поляками. Пожарскій согласился на просьбу нижегородцевъ; но потребовалъ, чтобы они выбрали достойнаго человѣка завѣдывать общественною казною, и въ свою очередь указалъ на Минина, который и былъ дѣйствительно выбранъ.

Какъ скоро разнеслась вѣсть о движеніи въ Нижнемъ Новгородѣ, со всѣхъ сторонъ начали сходиться служилые люди, т. е. дворяне и дѣти боярскіе: многіе города присылали и ратниковъ и деньги; составилось многочисленное ополченіе, которое наконецъ двинулось на освобожденіе столицы. Походъ Пожарскаго встревожилъ находившихся въ Москвѣ поляковъ и русскихъ измѣнниковъ. Послѣдніе потребовали отъ патріарха Гермогена, чтобы онъ уговорилъ нижегородское ополченіе воротиться назадъ. Гермогенъ отвѣчалъ благословеніемъ русской рати и проклятіемъ измѣнниковъ. Тогда озлобленные враги, какъ говорятъ, уморили старца голодомъ. Казаки, оставшіеся подъ Москвою и успѣвшіе уже присягнуть псковскому Лжедимитрію, сдѣлали нѣсколько попытокъ открытою силою помѣшать походу восточнаго ополченія. Когда же эти попытки не удались, Заруцкій подослалъ убійцъ, и въ Ярославлѣ, гдѣ Пожарскій нѣкоторое время промедлилъ съ главнымъ войскомъ, одинъ казакъ хотѣлъ ударить князя ножемъ, но промахнулся и убилъ другаго. Заруцкій послѣ того удалился съ своими шайками на юго-востокъ.

Подъ стѣнами Москвы Пожарскій вступилъ въ битву съ гетманомъ Ходкѣвичемъ, который привелъ значительныя подкрѣпленія польскому гарнизону. Цѣлые три дня возобновлялось упорное сраженіе. Казаки Трубецкаго отказались соединиться съ нижегородскимъ ополченіемъ; но въ рѣшительную минуту келарь, Авраамій Палицынъ, уговорилъ ихъ помочь русскимъ; тогда Ходкѣвичъ былъ отбитъ и ушелъ отъ Москвы. За тѣмъ послѣдовала осада польскаго гарнизона, который заперся въ Кремлѣ подъ начальствомъ полковника Струся. Страшный голодъ заставилъ наконецъ поляковъ сдаться. Король Сигизмундъ, спѣшившій къ нимъ на помощь, дорогою узналъ объ этой сдачѣ, и воротился назадъ.

Итакъ, усиліями сѣверо-восточнаго населенія государство было спасено отъ внѣшнихъ враговъ. Оставалось теперь избраніемъ царя положить конецъ тягостному для всѣхъ безначалію. Въ Москвѣ собрался великій Земскій соборъ, и 21 февраля 1613 года выборъ народа палъ на шестнадцатилѣтняго Михаила Ѳеодоровича Романова. Онъ въ то время жилъ съ своею матерью инокинею Марѳою въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ; между тѣмъ какъ отецъ его (митрополитъ Филаретъ) томился въ плѣну у поляковъ. Въ Кострому прибыли послы изъ столицы и объявили Марѳѣ рѣшеніе Земскаго собора. Мать сначала не соглашалась отпустить сына въ Москву, ссылаясь на его молодость, крайне разстроенное состояніе государства, и на измѣны русскихъ людей своимъ послѣднимъ государямъ. Но послы и духовенство упросили наконецъ Марѳу благословить Михаила на царство.

III. ЗАПАДНАЯ РУСЬ ВЪ XVI И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

Русскія земли, вошедшія въ составъ Польско-литовскаго государства, распадались на слѣдующія области:

На сѣверѣ, въ бассейнѣ верхняго Днѣпра, верхняго Нѣмана и Западной Двины, лежала *Бѣлая Русь* (древнія княжества Полоцкое и Смоленское); южная половина Приднѣпровья получила названіе *Малой Руси* (княжества: Кіевское, Черниговское и часть Сѣверскаго). На западѣ къ нимъ примыкали: *Полѣсье*—узкая полоса вдоль р. Припети, *Волынь*, *Подолія* — по верхнему Бугу; еще далѣе къ западу лежала *Червонная Русь* или Галиція.

Польскіе короли изъ династіи Ягелло много заботились о развитіи торговли, земледѣлія и промышленности въ своемъ государствѣ, и для Польши эпоха Ягеллоновъ была временемъ наибольшаго внутренняго благосостоянія и внѣшняго блеска. Королевское правительство притомъ постоянно стремилось соединить Польшу и Литву съ юго-западной Русью въ одно плотное цѣлое. Внѣшнимъ образомъ это соединеніе окончательно было признано на Люблинскомъ сеймѣ 1569 года; но ему недоставало внутренней, болѣе прочной, основы. Главнымъ препятствіемъ къ тѣсному сближенію обѣихъ народностей, польской и русской, послужило различіе вѣроисповѣданій; католическое духовенство никакъ не хотѣло отказаться отъ попытокъ вытѣснить греческую религію изъ русскихъ областей, что въ послѣднихъ возбуждало неудовольствіе противъ правительства и вообще мѣшало дѣлу соединенія. Въ правленіе Ягеллоновъ попытки эти были довольно слабы, а при послѣднихъ государяхъ этого дома почти прекратились; но въ концѣ XVI вѣка, когда въ Польшѣ утвердились езуиты, вражда между католиками и православными возгорѣлась съ новою силою.

Въ то время религіозное движеніе, возбужденное успѣхами реформаціи, охватило всю западную Европу, и езуитскій орденъ былъ призванъ въ Польшу собственно для борьбы съ протестантизмомъ. Ослабивъ протестантскую партію, езуиты

немедленно обратились противъ греческаго исповѣданія, и употребили свои обыкновенныя средства: они говорили краснорѣчивыя проповѣди, писали ученыя разсужденія, заводили школы (коллегіи), куда привлекали русскую молодежь и воспитывали ее въ духѣ католическаго ученія; а духовенство русское старались унизить, и мѣшали его образованію. Правительство оказывало дѣятельную помощь езуитамъ; съ особенною ревностію помогалъ имъ преемникъ Стефана Баторія недальновидный Сигизмундъ III (изъ шведской династіи Ваза), у котораго преданность католической церкви доходила до фанатизма. Католицизмъ началъ мало-по-малу распространяться въ русскихъ областяхъ, подчиняя себѣ преимущественно высшій классъ населенія. Русскіе вельможи долгое время служили главною опорою православія; но потомки ихъ, усвоивъ нравы и обычаи польской аристократіи, довольно легко оставляли религію своихъ предковъ, такъ что въ концѣ XVI вѣка большинство ихъ исповѣдывало католицизмъ и уже ничѣмъ не отличалось отъ польскихъ магнатовъ (ополячилось); только немногіе изъ русскихъ пановъ во время религіозной борьбы явились усердными защитниками православія, подобно князю Константину Острожскому. За то горожане и низшій классъ населенія упорно держались своей старой религіи.

Значительную помощь греческой церкви въ борьбѣ съ ея врагами оказали *братства*; такъ назывались издавна существовавшія въ Западной Россіи общества, основанныя съ цѣлями благотворительными и религіозными. Они составлялись преимущественно горожанами, и во второй половинѣ XVI вѣка получили опредѣленное устройство; а именно: члены братства выбирали себѣ старшинъ, вносили деньги въ общую казну, собирались въ извѣстное время и пр.; въ церковномъ отношеніи восточные патріархи предоставили имъ многія права и привилегіи (напр. право обличать уклонявшихся отъ уста-

вовъ православія и даже право отлучать отъ церкви). Они заводили на свой счетъ школы для православныхъ дѣтей всякаго званія, госпитали для больныхъ и типографіи для печатанія книгъ на славянскомъ и греческомъ языкахъ. Самыя знаменитыя братства были: Львовское въ Галиціи и Виленское въ Литвѣ.

Недовольные медленными успѣхами католицизма въ русскихъ областяхъ, езуиты для средняго и низшаго класса возобновили мысль объ уніи, т. е. о соединеніи греческой и латинской церкви подъ верховною властью римскаго папы, при чемъ первая сохраняла свои обряды и богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Попытка къ этому соединенію была произведена еще въ XV вѣкѣ (на Флорентинскомъ соборѣ 1438 года), но неимѣла успѣха. Между езуитами съ особенною ревностію начали хлопотать объ уніи Петръ Скарга и знаменитый Антоній Поссевинъ; они нашли себѣ сочувствіе даже въ нѣкоторыхъ православныхъ епископахъ. Послѣдніе уже давно тяготились своимъ невыгоднымъ положеніемъ въ польскомъ государствѣ, и добивались тѣхъ же правъ, которыми пользовалось высшее католическое духовенство (напримѣръ, права засѣдать въ польскомъ сенатѣ на ряду съ свѣтскими магнатами).

Душою уніатской партіи въ Западной Россіи сдѣлался луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій, извѣстный своею ученостію, дѣятельнымъ и честолюбивымъ характеромъ; онъ нашелъ себѣ союзника въ Ипатіѣ Потѣѣ, епископѣ владиміро-волынскомъ. Кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза, недовольный своей зависимостію отъ константинопольскаго патріарха, также склонился на сторону уніи; а Сигизмундъ III съ радостію принялъ ее подъ свое покровительство. Терлецкій съ Потѣемъ отправились въ Римъ, и здѣсь отъ имени всѣхъ епископовъ просили папу принять русскую церковь подъ свою верховную власть (1695 г.). Но между тѣмъ большинство рус-

скаго духовенства и нѣкоторые изъ вельможъ горячо возстали противъ подчиненія папѣ; когда же въ слѣдующемъ году собрался соборъ въ Брестѣ, православная партія, болѣе многочисленная нежели уніатская, объявила митрополита и его главныхъ сообщниковъ лишенными сана. Съ своей стороны Рогоза предалъ проклятію духовенство оставшееся вѣрнымъ православію. Съ тѣхъ поръ въ Западной Руси произошло распаденіе церкви на православную и уніатскую; помогая послѣдней, правительство воздвигло открытое гоненіе на первую. Православная партія вступила въ дѣятельную борьбу съ католиками и уніатами, стараясь дѣйствовать ихъ же оружіемъ, т. е. проповѣдями, богословскими сочиненіями и распространеніемъ школъ для воспитанія юношества въ правилахъ греческой религіи. Изъ такихъ школъ особенно прославилась въ послѣдствіи Кіевская академія, устроенная въ концѣ XVI вѣка братствомъ Богоявленской церкви, по образцу езуитскихъ коллегіумовъ. Самымъ знаменитымъ ректоромъ этой академіи былъ архимандритъ Кіево-печерской лавры Петръ Могила, возведенный потомъ (1632 г.) въ санъ кіевскаго митрополита.

Послѣ религіи, вторая причина вражды русскаго населенія къ полякамъ заключалась въ угнетеніи низшаго класса. Въ древнѣйшую эпоху крестьянское или земледѣльческое сословіе («поспольство») пользовалось личною свободою; но по мѣрѣ того какъ аристократія пріобрѣтала болѣе и болѣе политическихъ правъ и шляхетскіе сеймы забирали въ свои руки судьбу государства, крестьяне теряли прежнія вольности. Въ Польшѣ еще ранѣе, нежели въ Россіи, они лишились права свободнаго перехода; когда же прекратилась династія Ягелло и престолъ сдѣлался избирательнымъ, дворянство окончательно закрѣпило ихъ за собою, и къ концу XVI вѣка крестьянское сословіе (получившее общее названіе «хлоповъ») уже находилось въ состояніи полнаго рабства. Изъ собственной

Польши это рабское состояніе перешло и въ западно-русскія области. Польскіе паны и ополячившіеся русскіе вельможи, если не уѣзжали за границу или въ главные города королевства, то жили въ своихъ помѣстьяхъ и окружали себя чрезвычайною роскошью; каждый изъ нихъ держалъ въ своемъ замкѣ большое количество слугъ и толпу мелкихъ дворянъ или шляхтичей, такъ что свита знатнаго пана походила на королевскій дворъ, въ меньшихъ размѣрахъ. Вся тяжесть огромныхъ панскихъ расходовъ падала на бѣдныхъ хлоповъ, которые были облагаемы множествомъ разнаго рода оброковъ и повинностей. «Крестьяне украинскіе мучились какъ въ чистилищѣ, а помѣщики между тѣмъ блаженствовали какъ въ раю» *. Притомъ же помѣщики обыкновенно не занимались сами управленіемъ своихъ имѣній, а отдавали ихъ въ аренду жидамъ, которые старались выжимать изъ крестьянъ какъ можно болѣе доходовъ и притѣсненіями своими доводили ихъ до того, что цѣлыя села иногда пустѣли отъ побѣговъ; одни изъ хлоповъ переселялись въ сосѣднее Московское государство, другіе приставали къ казакамъ. Притѣсненія эти особенно усилились съ появленіемъ католицизма и уніи, когда между простолюдиномъ и вельможею исчезла религіозная связь и паны стали смотрѣть на своихъ крестьянъ какъ на еретиковъ. Жиды не замедлили воспользоваться уніею для своего обогащенія; они начали брать на откупъ даже церкви православныхъ и облагали пошлинами какъ богослуженіе, такъ и разныя церковныя требы. Къ страшному гнету отъ крѣпостнаго состоянія присоединились еще обиды и насилія отъ буйныхъ жолнеровъ (наемныя польскія войска), которые разставлены были по областямъ и содержались на счетъ мѣстныхъ жителей.

* Это замѣтилъ въ своемъ «Описаніи Украйны» французскій инженеръ Боиланъ, служившій польскимъ королямъ Сигизмунду III и Владиславу IV.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ религіознаго и политическаго угнетенія было чрезвычайное обѣдненіе низшаго класса и упадокъ его нравственныхъ силъ. Но то же угнетеніе вызвало со стороны русскаго народа сильный отпоръ и кровавую месть въ лицѣ малороссійскаго казачества.

Малороссійскіе или украинскіе казаки жили по обѣимъ сторонамъ Днѣпра (и населяли земли, занимаемыя теперь губерніями: кіевскою, полтавскою и южною частью подольской). Польское правительство рано оцѣнило важность этого воинственнаго сословія, которое могло служить государству твердымъ оплотомъ со стороны сосѣднихъ татарскихъ ордъ; уже Сигизмундъ I старался подчинить казаковъ военной дисциплинѣ и дать имъ опредѣленное устройство. Это устройство было окончено Стефаномъ Баторіемъ и послѣ него имѣло слѣдующій видъ: Поселенія казаковъ дѣлились на округи или полки, носившіе названіе по городамъ (переяславскій, черкаскій, миргородскій и др.), числомъ до 20. Начальникъ или *гетманъ* всего казацкаго сословія утверждался въ своемъ санѣ королемъ; знаками его достоинства были: войсковое знамя, бунчукъ, булава и печать. За гетманомъ слѣдовала войсковая *старшина*, состоявшая изъ обознаго, судьи, писаря, эсаула, хорунжаго, полковниковъ, сотниковъ и атамановъ. Стефанъ Баторій однако успѣлъ убѣдиться, что казацкое войско трудно подчинить непосредственной королевской власти и что оно становится опаснымъ для самой Польши; тогда онъ попытался ослабить казачество и задержать его дальнѣйшее развитіе учрежденіемъ особаго сословія «реестровыхъ» казаковъ, которыхъ число было опредѣлено сначала въ 6000 человѣкъ. Реестровые получали отъ правительства жалованье, и составляли отдѣльную дружину, устроенную по образцу венгерской пограничной стражи, называвшейся «гайдуками»; а прочіе казаки по плану короля должны были войти

въ сословіе посполитыхъ, т. е. крестьянъ. Но эта мѣра не принесла желанныхъ результатовъ; число казаковъ все болѣе и болѣе возрастало отъ прилива лучшихъ людей изъ сосѣдняго поспольства, которое не могло помириться съ своимъ рабскимъ состояніемъ; а казацкіе гетманы, признавая верховную власть короля, часто въ важныхъ дѣлахъ обходились безъ его согласія и даже поступали вопреки его повелѣніямъ.

Отъ украинскихъ или «городовыхъ» казаковъ, проводившихъ жизнь осѣдлую и семейную, надобно отличать тѣхъ, которые обитали далѣе къ югу въ низовьяхъ Днѣпра и носили названіе «низовыхъ» или «запорожскихъ». Послѣдніе, хотя и причислялись къ Польскому государству, но въ сущности составляли сословіе совершенно вольное и не подчинялись никакой посторонней власти. Это была колыбель и разсадникъ настоящаго казачества.

Къ югу отъ самарскаго устья, посреди глухихъ степей, Днѣпръ, на пространствѣ нѣсколькихъ десятковъ верстъ, отчасти запруженъ рядами огромныхъ камней (пороговъ), которые скрываются подъ водою или чернѣютъ надъ ея поверхностью, отчасти стѣсненъ въ своемъ теченіи крутыми берегами и множествомъ каменистыхъ островов. Пробившись сквозь каменныя тѣснины, рѣка вступаетъ въ широкое русло съ ровными, отлогими берегами, и плавно, тихо течетъ потомъ до самаго лимана; на этомъ теченіи она усѣяна архипелагомъ низменныхъ островов, покрытыхъ густымъ высокимъ камышомъ. Эти-то косматые, тинистые острова служили для казацкой вольницы самымъ лучшимъ убѣжищемъ; здѣсь не были для нихъ страшны ни турецкія и татарскія полчища, ни отряды регулярныхъ польскихъ войскъ; одни только плоскодонные челны запорожцевъ могли ходить по неглубокимъ протокамъ между островами, гдѣ они скрывали награбленную добычу. Запорожцы мало-помалу образовали родъ военнаго братства, имѣвшаго свои

оригинальные уставы и обычаи. На одномъ изъ островов обыкновенно располагался главный притонъ запорожцевъ или *Сѣчь*; она имѣла видъ укрѣпленнаго лагеря. Верховная власть находилась въ рукахъ казацкаго вѣча или *рады*. Рада избирала главнаго («кошеваго») атамана, который во время похода пользовался неограниченною властью надъ войскомъ. Сѣчь раздѣлялась «на курени», которые выбирали себѣ куренныхъ атамановъ. Запорожцы жили въ шалашахъ («коливахъ»), сплетенныхъ изъ хвороста, и сходились обѣдать за общественные столы. Число запорожскихъ казаковъ не было опредѣлено: въ Сѣчь принимался всякій пришлецъ православной вѣры; онъ оставался здѣсь столько времени, сколько хотѣлъ. Запорожцы вели жизнь холостую, и женщины въ Сѣчь не допускались подъ страхомъ смертной казни.

Запорожье наполнялось обыкновенно людьми самаго безпокойнаго, воинственнаго характера; сюда уходили изъ сосѣднихъ польскихъ и московскихъ областей тѣ, которые не хотѣли сносить угнетеніе въ отечествѣ или отыскивали простора для своей дѣятельности. Запорожцы находились въ тѣсной связи съ донскими и малороссійскими казаками. Вмѣстѣ съ тѣми и другими они нерѣдко на своихъ легкихъ челнахъ («чайкахъ») выплывали на Черное море и грабили турецкіе берега; а въ сосѣднихъ степяхъ происходили постоянныя стычки запорожскихъ отрядовъ съ татарскими наѣздниками *.

* Вотъ какимъ образомъ Бопланъ описываетъ степные походы казаковъ и ихъ встрѣчи съ татарами: «Казаки, зная, какая опасность ожидаетъ ихъ въ степяхъ, переходятъ по нимъ въ таборѣ или въ караванѣ, т. е. между двумя рядами телѣгъ, замыкаемыхъ спереди и сзади 8 или 10 повозками; сами же, съ дротиками, пищалями и косами на длинныхъ ратовищахъ, идутъ посреди табора, а вокругъ его ѣдутъ лучшіе наѣздники. Сверхъ того во всѣ четыре стороны высылаютъ по одному казаку для наблюденія. Какъ скоро покажется непріятель, стражи даютъ сигналъ и таборъ останавливается». «Случалось и мнѣ—прибавляетъ авторъ—съ 50 или 60 казаками переходить степи. Татары нападали на нашъ таборъ, въ числѣ 500 чело-

Польское правительство, побуждаемое угрозами турецкаго султана, старалось силою удерживать казаковъ отъ походовъ въ Черное море и строило крѣпости около пороговъ; но такія мѣры только усиливали духъ неудовольствія въ казацкомъ сословіи. Когда же къ этимъ мѣрамъ присоединились введеніе уніи въ западной Россіи, гоненіе на православіе и угнетеніе народа отъ пановъ, тогда открылся цѣлый рядъ казацкихъ возстаній на Украйнѣ. Изъ вождей казацкихъ (въ эпоху отъ 1594 г. до 1638) особенно прославились борьбою съ поляками: Наливайко, Тарасъ, Павлюкъ и Остраница. Только одинъ изъ малороссійскихъ гетмановъ этой эпохи, Конашевичъ Сагайдачный, оставаясь усерднымъ приверженцемъ православія, умѣлъ пріобрѣсти уваженіе польскаго правительства и ужиться въ мирѣ съ дворянскою партіей. Возстанія казаковъ сопровождались страшною жестокостію съ обѣихъ сторонъ, при чемъ во владѣніяхъ польскихъ пановъ преимущественно свирѣпствовали мелкія шайки такъ называемыхъ *гайдамакъ*. Но мало-по-малу дворянская партія, обыкновенно при помощи наемныхъ регулярныхъ войскъ, брала верхъ надъ толпами мятежниковъ; начальники возстанія подвергались лютымъ казнямъ, и Малороссія подпадала еще болѣе тяжкому гнету, чѣмъ прежде. Такой порядокъ вещей продолжался до тѣхъ поръ, пока во главѣ украинскаго казачества не явился Богданъ Хмельницкій.

IV. ЭПОХА ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ ЦАРЕЙ ИЗЪ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

МИХАИЛЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ 1613—1645.

Очищеніе государства отъ непріятелей. Въ іюлѣ 1613 года совершилось въ Москвѣ царское вѣнчаніе Михаила

вѣкъ, но не въ силахъ были разстроить его; да и мы также мало вредили имъ, потому что татары только издали грозили нападеніемъ, не подъѣзжая однако на ружейный выстрѣлъ, и, пустивъ чрезъ наши головы тучу стрѣлъ, скрывались».

Ѳеодоровича. Во время этого торжества, по обычаю, объявлены разныя милости; князь Пожарскій, бывшій прежде стольникомъ, получилъ санъ боярина, а Козьма Мининъ пожалованъ въ думные дворяне и награжденъ помѣстьемъ. Но правительство не могло наградить жалованьемъ ратныхъ людей или предоставить народу льготы отъ податей, потому что казна была совершенно пуста. Отъ имени царя, духовенства и всего земскаго собора посланы были въ главные города (между прочимъ къ богатымъ купцамъ Строгановымъ) грамоты съ просьбою о присылкѣ въ Москву денегъ, хлѣба и разныхъ запасовъ на жалованье войску. Послѣднему предстояло еще много дѣла, потому что внѣшніе и внутренніе враги продолжали пользоваться разстроеннымъ состояніемъ государства. Новогородская область находилась въ рукахъ шведовъ, смоленскую занимали поляки; псковскую разоряли наѣздники Лисовскаго, на юго-востокѣ господствовалъ атаманъ Заруцкій; а внутри, на всемъ протяженіи государства отъ южныхъ предѣловъ и до самыхъ сѣверныхъ, свирѣпствовали казацкія шайки. Казанскіе, ногайскіе татары и волжскіе черемисы также бунтовали и грабили русскихъ жителей.

Первыя усилія правительства были обращены противъ Заруцкаго, который вмѣстѣ съ Мариною Мнишекъ засѣлъ въ Астрахани и заставлялъ народъ присягать ея маленькому сыну (отъ Лжедимитрія II), объявляя себя правителемъ государства. Онъ созывалъ къ себѣ на службу казаковъ, ногайскихъ татаръ и просилъ помощи у персидскаго шаха. Но еще прежде, нежели подоспѣлъ съ войскомъ князь Одоевскій, отправленный изъ Москвы, астраханскіе жители возстали противъ Заруцкаго, и на помощь къ нимъ явился отрядъ терскихъ казаковъ подъ начальствомъ Хохлова. Заруцкій вышелъ изъ Астрахани, потерпѣлъ пораженіе отъ Хохлова и съ остатками своего войска бѣжалъ на Яикъ (Уралъ); но здѣсь

настигли его стрѣльцы посланные Одоевскимъ, и взяли въ плѣнъ (1614 г.). Заруцкій и сынъ Марины подверглись позорной казни, а сама Марина умерла въ тюрьмѣ. Къ концу того же года и сѣверная часть государства была очищена отъ казацкихъ шаекъ; успѣшнымъ преслѣдованіемъ этихъ шаекъ отличился князь Лыковъ; недалеко отъ Москвы онъ разбилъ главныя толпы казаковъ и взялъ въ плѣнъ наиболѣе свирѣпаго изъ ихъ атамановъ, Баловня.

Между тѣмъ самый знаменитый изъ московскихъ воеводъ, князь Пожарскій, напрягалъ свои силы, чтобы уничтожить хищную дружину Лисовскаго, составленную изъ отчаянныхъ удальцовъ разныхъ націй. Необыкновенно быстрыми переходами Лисовскій долго спасался отъ преслѣдованій князя; когда Пожарскій заболѣлъ, дѣло его продолжали другіе воеводы; но они также не могли настичь неутомимаго наѣздника, который описывалъ круги по всему государству, обозначая свой путь грабежемъ и опустошеніемъ. Наконецъ онъ перешелъ за литовскую границу, и только внезапная смерть избавила Россію отъ ея злѣйшаго непріятеля (1616 г.).

Расказъ одного изъ голландскихъ пословъ (проѣзжавшихъ по сѣверо-западному краю Россіи въ ноябрѣ 1615 г.) даетъ намъ нѣкоторое понятіе о бѣдственномъ состояніи, въ какомъ находились области государства, опустошенныя лисовчиками и казаками. «На пути изъ Ревеля въ Новгородъ голландцы нигдѣ не находили селеній, почти всегда должны были ночевать въ лѣсу, и только изрѣдка попадался имъ гдѣ-нибудь полуразрушенный монастырь. Въ Новгородѣ посольство немного отдохнуло и продолжало путь черезъ Старую Русу; на этомъ пути оно подвергалось самымъ жестокимъ лишеніямъ. Нѣсколько разъ при переѣздѣ черезъ рѣку ломался ледъ, люди и вещи падали въ воду, и путешественники, чтобы просушить платье, должны были зажигать на берегу необитаемыя хижины. Ночевали они въ опустѣлыхъ

деревняхъ, и прежде, нежели войти въ избу, вытаскивали изъ нея трупы жителей, убитыхъ казаками; но скоро невыносимый смрадъ выгонялъ путниковъ изъ избы и заставлялъ ихъ ночевать на морозѣ. Далѣе, голландцы находились въ постоянномъ безпокойствѣ отъ медвѣдей, волковъ и наѣздниковъ Лисовскаго.»

Борьба съ сосѣдями. Одновременно съ очищеніемъ государства отъ казаковъ шла борьба съ двумя западными сосѣдями Россіи, Швеціею и Польшею, которыя не хотѣли ни оставить своихъ притязаній на московскую корону, ни возвратить захваченныя ими русскія области.

Делагарди, завладѣвъ Новгородомъ, взялъ съ жителей обѣщаніе, что они признаютъ московскимъ государемъ одного изъ сыновей Карла IX. Преемникъ Карла, Густавъ Адольфъ, пригласилъ въ Выборгъ уполномоченныхъ отъ Новгорода и всего русскаго государства, предлагая избрать въ цари своего младшаго брата Филиппа. Но въ Москвѣ въ то время уже царствовалъ Михаилъ Ѳеодоровичъ; московскіе послы не явились въ Выборгъ и избраніе Филиппа не состоялось. Тогда шведы принудили новогородцевъ присягнуть на подданство самому королю. Московское войско, отправленное подъ начальствомъ князя Трубецкаго, потерпѣло пораженіе отъ Делагарди подъ Бронницами. Самъ Густавъ Адольфъ явился на мѣстѣ военныхъ дѣйствій и лично осадилъ Псковъ; но псковитяне и на этотъ разъ прославили себя мужественною обороною противъ одного изъ величайшихъ полководцевъ своего времени, чѣмъ и способствовали скорѣйшему прекращенію войны. Переговоры со шведами производились при содѣйствіи Англіи и Голландіи, которыя хлопотали о мирѣ, имѣя въ виду свои торговые интересы. Посредничествомъ англійскаго посла Джона Мерика наконецъ заключенъ былъ миръ въ селѣ Столбовѣ (недалеко отъ Ладоги, 1617 г.): шведы возвратили Москвѣ

Новгородъ, Ладогу и нѣкоторые другіе города; но обязали ее заплатить 20,000 рублей и удержали за собою все захваченное ими прибрежье Финскаго залива. Такимъ образомъ Русскіе были совершенно отрѣзаны отъ Балтійскаго моря *. Впрочемъ московское правительство считало Столбовскій миръ довольно выгоднымъ, потому что оно получало теперь возможность обратить всѣ свои силы противъ врага еще болѣе опаснаго — противъ Польши.

Война съ поляками шла съ перемѣннымъ счастіемъ; русскіе по обыкновенію терпѣли пораженіе въ открытомъ полѣ, но мужественно отстаивали города; попытки отнять у непріятелей Смоленскъ оставались безъ успѣха. Между тѣмъ московскіе и польскіе уполномоченные съѣхались на литовской границѣ и вели долгіе, но безплодные переговоры о мирѣ при посредничествѣ императорскаго посла (Ганделіуса). Наконецъ война приняла рѣшительный оборотъ, когда королевичъ Владиславъ вмѣстѣ съ гетманомъ Ходкѣвичемъ двинулся на самую столицу, чтобы здѣсь возложить на себя московскую корону. Во время его похода города Дорогобужъ и Вязьма измѣнили Михаилу и сдались полякамъ **; но подъ Калугою, гдѣ воеводою былъ князь Пожарскій поляки потерпѣли неудачу. На помощь къ Владиславу пришелъ малороссійскій гетманъ Сагайдачный, и они соединенными силами подступили къ Москвѣ. Въ виду

* Густавъ Адольфъ очень хорошо понималъ важность этого обстоятельства. Въ своей рѣчи къ шведскимъ государственнымъ чинамъ, по поводу Столбовскаго мира, онъ выразилъ удовольствіе, что Россія болѣе неопасный сосѣдъ для шведовъ. «Теперь — замѣтилъ король — насъ отдѣляютъ отъ нея великія озера Ладожское и Пейпусъ, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости. Слава Богу, Россія отрѣзана отъ Балтійскаго моря, и есть надежда, что русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ».

** Малодушные воеводы, бѣжавшіе изъ Вязьмы въ Москву, были строго наказаны: ихъ высѣкли кнутомъ, лишили недвижимаго имущества и сослали въ Сибирь.

такой опасности царь созвалъ соборъ изъ духовенства, бояръ и «всякихъ чиновъ людей»; всѣ они единодушно дали ему обѣтъ крѣпко стоять и биться за православную вѣру и своего государя. Приступы поляковъ къ воротамъ столицы были отбиты; попытка овладѣть Троицкою лаврою также не удалась. Тогда Владиславъ вступилъ въ переговоры, и въ селѣ Деулинѣ (подлѣ Троицы) было заключено перемиріе на 14 лѣтъ и 6 мѣсяцевъ (1618 г.). По этому перемирію Смоленскъ и часть Сѣверской области остались за Польшею. Въ числѣ плѣнныхъ, которыхъ поляки размѣняли на Струся и его товарищей, возвратился въ Россію отецъ государя митрополитъ Филаретъ.

Патріархъ Филаретъ и внутренняя дѣятельность. По смерти Гермогена патріаршій престолъ оставался незанятымъ, потому что въ Москвѣ дожидались отца государева, и, когда митрополитъ воротился изъ плѣна, ему немедленно предложили санъ патріарха. Послѣ обычныхъ отрицаній Филаретъ согласился и былъ посвященъ (1619 г.). Опытный въ дѣлахъ политическихъ, Филаретъ скоро пріобрѣлъ рѣшительное вліяніе на управленіе государствомъ; онъ укрѣпилъ московское самодержавіе, ослабленное въ эпоху смутъ, и до самой смерти своей (1633 г.) оставался полнымъ руководителемъ Михаила, отличавшагося мягкостью характера и великою сыновнею преданностію. Въ государственныхъ грамотахъ писались рядомъ имена отца и сына («Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи и великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всея Русіи»).

Главныя заботы царя и патріарха обратились на приведеніе въ порядокъ хозяйственной части, которая послѣ смутнаго времени находилась въ самомъ печальномъ положеніи. Собраніе податей представляло большія затрудненія, потому что

очень многіе города и села были разорены, а жители ихъ разбѣжались. Изъ дальнихъ областей многіе посадскіе люди, чтобы не платить податей, переѣхали въ Москву и въ ближайшіе города и укрывались здѣсь у своихъ родственниковъ или друзей. Нѣкоторые тяглые люди избавляли себя отъ царскихъ налоговъ тѣмъ, что записывались за боярами, духовенствомъ или монастырями; остальные же, указывая на свое разореніе, безпрестанно просили царя о дарованіи имъ разныхъ льготъ. Кромѣ того со всѣхъ сторонъ присылались въ Москву жалобы на обиды и насилія отъ воеводъ и приказныхъ людей. Для обсужденія мѣръ противъ такой безурядицы государи неоднократно созывали земскую думу. Рѣшено было составить по областямъ точныя росписи (или «писцовыя книги») и распредѣлить подати сообразно съ имуществомъ жителей. Съ этою цѣлью во всѣ города посылались *писцы и дозорщики.* Но они по большей части недобросовѣстно исполняли свое дѣло, и ради посуловъ накладывали подати на кого легче, на кого тяжеле (хотя воеводамъ и приказнымъ людямъ подъ страхомъ жестокаго наказанія запрещалось брать посулы, а жителямъ давать ихъ). Тяглыхъ людей, уклонявшихся отъ налоговъ, велѣно было возвращать на свои мѣста. Замѣчательна также слѣдующая мѣра правительства: приказано было изъ каждаго города взять въ Москву по одному человѣку изъ духовенства, по два изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ и по два изъ посадскихъ людей, которые могли бы сообщить правительству точныя свѣдѣнія о состояніи областей и о способахъ помочь разореннымъ жителямъ. Выборные начальники въ областяхъ по большой части были отмѣнены, и мѣсто ихъ заступили царскіе воеводы.

Съ воцареніемъ Михаила возобновились и прерванныя въ смутную эпоху дружественныя сношенія съ иностранными державами. Такъ во время польской войны персидскій шахъ

Аббасъ и англійскій король Іаковъ I помогли Михаилу деньгами. Но когда посолъ Іакова Джонъ Мерикъ попросилъ для англійскихъ купцовъ свободнаго безпошлиннаго пути по Волгѣ въ Персію, царь, отобравъ мнѣніе московскихъ купцовъ, не согласился дать англичанамъ безпошлинный путь. При Михаилѣ московское правительство въ первый разъ обмѣнялось посольствами съ французскимъ дворомъ.

Смоленскъ и Азовъ. Деулинское перемиріе не прекратило враждебныхъ отношеній между Москвою и Польшею; они скоро возобновились, потому что поляки все еще не хотѣли признать Михаила, а Владиславъ продолжалъ носить титулъ царя и великаго князя московскаго. Къ тому же потеря Смоленска и другихъ русскихъ городовъ была очень чувствительна для московскаго правительства, и оно ожидало только удобнаго случая къ новой войнѣ. Спустя три года послѣ перемирія, турецкій султанъ предложилъ союзъ противъ Польши; царь и патріархъ созвали земскій соборъ, на которомъ рѣшено было принять предложеніе султана. Но турки помирились съ поляками, и Москва отложила войну до болѣе благопріятнаго времени, а между тѣмъ постепенно приготовляла для нея средства. Видя, какъ далеко русскіе уступаютъ западнымъ сосѣдямъ въ военномъ искусствѣ, правительство наняло въ свою службу нѣсколько тысячъ иноземныхъ солдатъ, выписало изъ-за границы большіе запасы огнестрѣльнаго оружія и поручило даже иностраннымъ офицерамъ учить русскихъ ратныхъ людей европейскому строю.

Въ Польшѣ умеръ король Сигизмундъ III (1632 г.). Пока собирался сеймъ, чтобы избрать ему преемника, Москва поспѣшила воспользоваться временемъ междуцарствія и двинула свои войска на западныя границы. Главнымъ воеводою былъ назначенъ бояринъ Шеинъ, прославившій себя въ смут-

ную эпоху защитою Смоленска и вмѣстѣ съ Филаретомъ освобожденный изъ польскаго плѣна. Война началась удачно; болѣе 20 городовъ и мѣстечекъ перешли въ руки москвитянъ; Шеинъ осадилъ Смоленскъ. Городъ едва держался отъ голода, и уже готовъ былъ сдаться, когда на помощь гарнизону пришелъ Владиславъ, избранный сеймомъ на польскій престолъ. Съ приходомъ короля обстоятельства перемѣнились: русскіе, отбитые отъ Смоленска, заперлись въ окопахъ и въ свою очередь были осаждены поляками. Между тѣмъ крымцы сдѣлали набѣгъ на московскую украйну; услыхавъ о томъ, многіе украинскіе помѣщики уѣхали изъ русскаго лагеря. Въ самомъ лагерѣ происходили смуты: иностранные полковники и генералы не скрывали своего презрѣнія къ московскому войску и нерѣдко отказывали въ повиновеніи главному воеводѣ; къ тому же въ лагерѣ начался голодъ и сильная смертность. Наконецъ Шеинъ, оказавшійся неискуснымъ предводителемъ въ открытомъ полѣ, вошелъ въ переговоры, согласился оставить полякамъ весь свой обозъ и артиллерію, и отступилъ, преклонивъ знамена передъ королемъ. По возвращеніи въ столицу несчастные московскіе воеводы были обвинены въ измѣнѣ; Шеину и нѣкоторымъ изъ его товарищей отрубили головы, другихъ сослали въ Сибирь*. По слѣдамъ отступившаго войска король двинулся въ Россію, но подъ стѣнами крѣпости Бѣлой потерпѣлъ неудачу. Угрожаемый въ тоже время со стороны Турціи, онъ предложилъ миръ, который и былъ заключенъ на рѣкѣ Поляновкѣ (1634 г.). Этимъ миромъ подтверждены

* Обвиненіе въ измѣнѣ по всей вѣроятности ложное; бояре ненавидѣли Шеина за его надменность и воспользовались случаемъ ему отомстить. Надменность свою онъ вполнѣ выказалъ передъ смоленскимъ походомъ. Когда государь отпускалъ его въ походъ и давалъ ему цѣловать руку, Шеинъ съ большою гордостью высчитывалъ свои заслуги, и говорилъ, что прежнею службою онъ выше всей своей братьи-бояръ; что въ то время, какъ онъ служилъ, многіе бояре «по запечью сидѣли и сыскать ихъ было нельзя».

были статьи Деулинскаго договора; кромѣ того русскіе заплатили 20,000 рублей, а Владиславъ отказался отъ своихъ правъ на московскій престолъ.

Въ концѣ Михаилова царствованія Россія едва не вступила въ борьбу съ турками. Поводомъ къ непріязненнымъ отношеніямъ служили съ одной стороны безпрерывные набѣги крымскихъ татаръ на московскія украйны, откуда они уводили множество плѣнныхъ и продавали ихъ потомъ на азіатскихъ рынкахъ. Напрасно московское правительство старалось удержать крымцевъ подарками («поминками»), которые почти ежегодно посылало хану и его главнымъ мурзамъ; тщетно просило оно и турецкаго султана, чтобъ онъ запретилъ татарамъ набѣги. Съ другой стороны и султанъ также тщетно требовалъ отъ московскаго правительства, что бъ оно не допускало донскихъ казаковъ выходить въ Черное море и грабить турецкіе берега.

Недовольствуясь одною мелкою войною, казаки взяли сильную турецкую крѣпость Азовъ и геройски отразили войска, пришедшія на выручку крѣпости. Предвидя, что непріятель возвратится еще съ большими силами и что имъ однимъ невозможно будетъ бороться долгое время, казаки отправили посольство въ Москву бить челомъ государю, чтобъ онъ принялъ Азовъ «подъ свою высокую руку» и прислалъ бы имъ помощь. Москва понимала, что, владѣя Азовомъ, она легче могла удерживать татаръ, отъ набѣговъ; но занятіе этого города вело за собою неизбѣжную и трудную войну съ могущественнымъ турецкимъ султаномъ, для чего потребны были большія военныя силы и огромныя издержки. Чтобы рѣшить этотъ важный вопросъ, царь созвалъ великую земскую думу (1642 г.).

Великая земская дума состояла изъ высшаго духовенства, думныхъ людей и выборныхъ отъ разныхъ сословій государ-

ства; число выборныхъ на этотъ разъ простиралось до 192 (тутъ были: стольники, московскіе дворяне, дьяки, стрѣлецкіе головы, жильцы, дворяне и дѣти боярскіе изъ 42 провинціальныхъ городовъ, торговыя сотни и посадскіе люди). 3 января они собрались въ «Столовой избѣ», и здѣсь думный дьякъ Лихачевъ отъ имени царя предложилъ имъ на обсужденіе азовскій вопросъ, раздѣленный на два пункта: 1) принять ли Азовъ отъ казаковъ? и 2) если принять, будетъ война съ Турками, въ такомъ случаѣ, гдѣ взять для нея запасовъ и денегъ? На этотъ вопросъ потомъ каждое сословіе отдѣльно давало письменные отвѣты. Предоставляя рѣшеніе дѣла на государеву волю, всѣ сословія изъявили готовность по мѣрѣ своихъ средствъ жертвовать на военныя издержки. Служилые люди охотно вызывались идти противъ «нечестивыхъ бусурманъ», и предлагали государю сдѣлать чрезвычайный сборъ денегъ съ духовенства, монастырскихъ вотчинъ, съ торговыхъ и приказныхъ людей; но въ тоже время они жаловались на свою бѣдность и на разные государственные безпорядки. Такъ дворяне и дѣти боярскіе сѣверныхъ городовъ указывали на лихоимство дьяковъ и подъячихъ: по ихъ словамъ, приказные люди, разбогатѣвъ взятками, накупили себѣ много вотчинъ, и построили прекрасные каменные дома («палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя»), которыхъ въ прежнее время и у знатныхъ людей не было. Дворяне и дѣти боярскіе южныхъ городовъ жаловались, что они, хуже нежели отъ турецкихъ и крымскихъ бусурманъ, разорены отъ московскихъ несправедливыхъ судовъ (отъ «московской волокиты»). Торговые люди указывали на свое разореніе, причиненное многочисленными поборами въ прежнее военное время, соперничествомъ (въ торговлѣ) нѣмцевъ и персіанъ и воеводскими притѣсненіями. Сотскіе и старосты черныхъ сотенъ и слободъ говорили, что тяглые люди «обнищали» отъ великихъ пожаровъ, отъ царской службы (въ цѣловальникахъ), отъ тяжкихъ податей и повинностей.

Изъ отвѣтовъ выборныхъ людей ясно было, что государство все еще находится въ разстроенномъ состояніи и имѣетъ слишкомъ мало средствъ для борьбы съ турками; притомъ же посланные осматривать Азовъ донесли, что укрѣпленія его всѣ разбиты. Тогда царь велѣлъ казакамъ его оставить; казаки послушались, и, уходя, окончательно разорили городъ.

Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ женатъ два раза, и отъ второй его супруги Евдокіи Стрѣшневой онъ имѣлъ сына Алексѣя. 12 іюня 1645 года государь скончался; одинъ приближенный бояринъ (Никита Ивановичъ Романовъ), вышедъ изъ царской спальни, возвѣстилъ о его кончинѣ, и первый присягнулъ шестнадцатилѣтнему царевичу Алексѣю; примѣру боярина послѣдовали всѣ придворные чины, потомъ присягнула Москва, за нею вся Россія.

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ 1645—1676 г.

Морозовъ и внутреннія смуты. Характеромъ своимъ молодой государь во многомъ напоминалъ добродушнаго отца и подобно ему почти всегда нуждался въ руководителяхъ. Воспитатель Алексѣя, бояринъ Морозовъ, пользуясь привязанностію и полною довѣренностію своего воспитанника не замедлилъ пріобрѣсти исключительное вліяніе на управленіе государствомъ. Спустя три года послѣ своего воцаренія, Алексѣй вступилъ въ бракъ съ дочерью стольника Милославскаго, а Морозовъ вслѣдъ затѣмъ женился на ея сестрѣ *.

* Выборъ царской невѣсты между дочерьми боярскими и дворянскими былъ всегда важнымъ вопросомъ при московскомъ дворѣ, потому что вмѣстѣ съ невѣстою приближался къ престолу и весь ея родъ, часто весьма незначительный до того времени. Поэтому женитьба царя рѣдко обходилась безъ разныхъ происковъ и хитростей. Такъ, первая невѣста Михаила Ѳеодоровича, дѣвица Хлопова, будучи уже взята во дворецъ, вдругъ, послѣ одного желудочнаго припадка, объявлена неизлечимо больною, за что ее вмѣ-

Внутреннее состояніе московскаго государства все еще носило на себѣ слѣды смутной эпохи, и бѣдствія, на которыя жаловались выборные люди 1642 года, продолжались: народъ страдалъ подъ тяжестью налоговъ и повинностей, все болѣе и болѣе возраставшихъ; такъ между прочимъ наложена была новая пошлина на соль — одинъ изъ предметовъ первой необходимости. Налоги эти вмѣстѣ съ притѣсненіями приказныхъ людей произвели сильное народное неудовольствіе, которое разрѣшилось наконецъ открытымъ мятежемъ московской черни (лѣтомъ 1648 года).

Царскій тесть Милославскій, опираясь на расположеніе Морозова, спѣшилъ замѣстить важнѣйшія государственныя должности своими корыстолюбивыми родственниками. Между послѣдними особенную ненависть народа навлекли на себя непомѣрнымъ лихоимствомъ окольничіе Плещеевъ и Траханіотовъ; первый начальствовалъ въ Земскомъ приказѣ, второй въ Пушкарскомъ. Обиженные нѣсколько разъ подавали боярамъ жалобы для передачи царю; но жалобы ихъ до царя не достигали. Выведенный изъ терпѣнія, народъ поднялъ мятежъ, умертвилъ Плещеева, думнаго дьяка Чистаго, разграбилъ домъ правителя Морозова и нѣкоторыхъ другихъ вельможъ. На другой день въ Москвѣ вспыхнулъ страшный пожаръ; за нимъ послѣдовало опять возмущеніе. Мятежники потребовали выдачи Траханіотова и самого правителя, который скрылся во дворцѣ. Пришелъ наемный нѣмецкій отрядъ и расположился стражею вокругъ дворца; тогда на площадь выѣхалъ двоюродный царскій дядя Никита Ивановичъ Рома-

---

стѣ съ родными сослали въ Сибирь. Въ послѣдствіи патріархъ Филаретъ изслѣдовалъ это дѣло, и тутъ обнаружились происки приближенныхъ къ царю бояръ Салтыковыхъ. Тоже несчастіе случилось и съ первою невѣстою Алексѣя: изъ 200 дѣвицъ выборъ его палъ на дочь дворянина Всеволожскаго; узнавъ о своемъ счастіи, дѣвушка отъ сильнаго волненія упала въ обморокъ; ее обвинили въ падучей болѣзни и вмѣстѣ съ родными отправили въ Сибирь. По другому извѣстію Всеволожскую испортили изъ зависти жившія во дворцѣ боярыни.

новъ, болѣе другихъ вельможъ любимый народомъ; держа въ рукахъ свою боярскую шапку, онъ уговаривалъ толпу разойтись, обѣщая отъ имени царя исполненіе народныхъ желаній. Толпа послушалась. Траханіотовъ дѣйствительно былъ казненъ; но Морозова царь поспѣшилъ спасти, отославъ его тайно на сохраненіе въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь.

Когда волненіе успокоилось и мѣста ненавистныхъ чиновниковъ заняли люди, слывшіе добрыми и угодными народу, царь однажды во время крестнаго хода, обратился къ толпѣ съ рѣчью. Онъ изъявилъ сожалѣніе о притѣсненіяхъ, которыя дѣлались его именемъ, но безъ его вѣдома; обѣщалъ понизить цѣну на соль, уничтожить монополіи, и въ заключеніе, со слезами на глазахъ просилъ не требовать выдачи Морозова, его воспитателя и втораго отца. Умиленный народъ отвѣчалъ восклицаніями: «да здравствуетъ государь на многія лѣта! да будетъ воля Божія и государева!» Морозовъ воротился въ Москву; не занимая болѣе мѣсто правителя, онъ продолжалъ еще нѣкоторое время быть главнымъ совѣтникомъ Алексѣя, и, говорятъ, успѣлъ даже заслужить народное расположеніе.

Въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ городахъ (Сольвычегодскѣ и Устюгѣ) около того же времени произошло возмущеніе противъ нелюбимыхъ чиновниковъ; а спустя два года послѣ московскихъ событій, вспыхнулъ мятежъ въ древнихъ вѣчевыхъ городахъ Новгородѣ и Псковѣ. Новогородцы бросились на нѣмецкихъ купцовъ, ограбили ихъ и заключили въ тюрьму; однако здѣсь мятежъ скоро былъ укрощенъ твердостію митрополита Никона. Митрополитъ при этомъ случаѣ подвергся даже побоямъ и поруганію; но до тѣхъ поръ не переставалъ уговаривать мятежниковъ, пока они не смирились и не выдали главныхъ зачинщиковъ. Возмущеніе во Псковѣ продолжалось долѣе, и было усмирено только при помощи военной силы *:

* Во Псковѣ поводомъ къ мятежу послужило слѣдующее обстоятельство. Москва обязалась заплатить шведамъ значительную сумму денегъ (191,000

Законодательство, экономическія мѣры и финансовыя затрудненія. Когда затихъ мятежъ московской черни, вызванный дурнымъ управленіемъ Морозова и притѣсненіями приказныхъ людей, государь по совѣту съ высшимъ духовенствомъ и думными людьми приступилъ къ слѣдующей законодательной мѣрѣ. Онъ велѣлъ выписать разныя статьи изъ отцевъ церкви, законовъ греческихъ царей и изъ Литовскаго Статута; потомъ собрать указы русскихъ государей и боярскіе приговоры, и, свѣривъ съ ними прежніе судебники, исправить ихъ и дополнить недостающими статьями. Новый сводъ статей названъ *Соборнымъ Уложеніемъ*: для утвержденія его былъ созванъ царемъ земскій соборъ изъ выборныхъ людей отъ разныхъ сословій. Выборные люди собрались въ «Отвѣтной палатѣ» подъ предсѣдательствомъ князя Юрія Долгорукаго. Здѣсь имъ прочли Уложеніе, составленное московскими боярами и дьяками, и дали всѣмъ подписать (1649 г.)*.

руб.) за тѣхъ переселенцевъ, которые перешли въ Россію изъ областей, уступленныхъ Швеціи по Столбовскому миру. Часть суммы положено было уплатить хлѣбомъ, и, когда правительство велѣло отпустить шведамъ 11,000 четвертей хлѣба изъ псковскихъ житницъ, граждане возмутились и умертвили многихъ нелюбимыхъ чиновниковъ.

* Составленіе этого свода поручено было тремъ боярамъ (князьямъ: Одоевскому, Прозоровскому, Волконскому) и двумъ дьякамъ (Леонтьеву и Грибоѣдову). Подлинный списокъ Уложенія подписанъ 315 членами собора. Оно раздѣлено на 25 главъ и на 967 статей. Вотъ нѣкоторыя заглавія: о богохульникахъ и о церковныхъ мятежникахъ, о государской чести и какъ его государское здравіе оберегати, о службѣ всякихъ ратныхъ людей, судѣ, о помѣстныхъ земляхъ, о вотчинахъ и т. д.

Уложеніе сравнительно съ судебниками представляетъ дальнѣйшее развитіе московскаго самодержавія и государственнаго значенія греческой церкви. Здѣсь также отразилась современная грубость и жестокость нравовъ: въ судопроизводствѣ господствуютъ лютыя казни, пытки и безпощадныя батоги (палки). Самыя тяжкія наказанія назначены за оскорбленіе церкви, за оскорбленіе царскаго имени или за умыселъ противъ государя («государево слово и дѣло»). Смертной казни подвергается и тотъ, кто зная объ умыслѣ, недонесетъ.

Впрочемъ законодательная дѣятельность Алексѣя Михайловича не ограничилась однимъ уложеніемъ; впослѣдствіи имъ изданы были еще многіе указы (напр. о татебныхъ дѣлахъ, о разбойныхъ, о фальшивой монетѣ) и уставы (ратный, торговый, писцовый и др.).

Въ одинъ годъ съ изданіемъ Уложенія совершилась важная мѣра относительно внѣшней торговли. Еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ русскіе купцы жаловались на привилегіи, данныя англичанамъ: послѣдніе, владѣя правомъ безпошлинной торговли и огромными капиталами, захватили въ свои руки почти всѣ главные коммерческіе обороты, такъ что русскимъ купцамъ оставалась только мелочная торговля. Алексѣй Михайловичъ наконецъ внялъ этимъ жалобамъ; онъ воспользовался смутнымъ временемъ въ Англіи (гдѣ происходила тогда революція), и выдалъ указъ, по которому англійскіе купцы высылались изъ внутреннихъ областей государства; имъ позволено было приставать только въ Архангельскѣ и тамъ производить торговлю съ платою обыкновенной пошлины. Въ числѣ причинъ, побудившихъ къ такому указу, упомянуты слѣдующія злоупотребленія: тайный привозъ въ Россію табаку и другихъ запрещенныхъ товаровъ, равно вывозъ изъ Россіи заповѣдныхъ товаровъ (напр. шолку сырцу), и наконецъ уголовное преступленіе всѣхъ англичанъ, которые «учинили большое злое дѣло: короля своего Карлуса убили до смерти».

Этотъ указъ не остался безъ нѣкотораго вліянія на послѣдующія за тѣмъ финансовыя затрудненія. Съ удаленіемъ англичанъ изъ внутреннихъ городовъ приливъ иностраннаго серебра въ Россіи значительно уменьшился; а начавшіяся вскорѣ войны съ Польшею потребовали большихъ усилій и огромныхъ издержекъ со стороны государства *. Когда недостатокъ серебря-

* Московское государство почти не имѣло собственныхъ драгоцѣнныхъ металловъ, потому что не было людей, которые умѣли бы отыскивать и

ной монеты сдѣлался весьма ощутителенъ, царь, по совѣту окольничаго Ртищева, приказалъ чеканить мѣдныя копейки, которыя должны были ходить въ равной цѣнѣ съ серебряными (1655 г.). Сначала эта мѣра удалась; мѣдная и серебряная монета ходила въ равной цѣнѣ, потому что обмѣнъ одной на другую совершался безпрепятственно. Но монетнымъ дѣломъ завѣдывали люди невѣжественные и корыстолюбивые, именно тесть царя Милославскій съ своими родственниками; они начали собирать всѣ серебряныя деньги въ казну, а въ выпускѣ мѣдныхъ не соблюдали никакой умѣренности; сюда незамедлило присоединиться и огромное количество поддѣльной монеты. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такихъ безпорядковъ было весьма быстрое пониженіе въ цѣнѣ мѣдныхъ копеекъ сравнительно съ серебряными, такъ что въ теченіи пяти лѣтъ первыя сдѣлались въ пятнадцать разъ дешевле послѣднихъ. Зло не прекращалось, не смотря на строгія наказанія фальшивыхъ монетчиковъ (имъ заливали горло растопленнымъ металломъ); притомъ же главные виновники зла оставались безнаказанными, потому что давали взятки начальникамъ монетнаго дѣла. Необходимые припасы и всѣ товары сдѣлались страшно дороги; отъ этой дороговизны болѣе всего терпѣли люди служилые, которые получали жалованье монетою по ея номинальной цѣнѣ; государству угрожало всеобщее разореніе. Въ народѣ поднялся сильный ропотъ, который перешелъ наконецъ въ открытый мятежъ. Московская чернь бросилась въ село

разработывать руды; главный матеріалъ для выпуска звонкой монеты доставляла торговля съ иностранцами. Иноземные купцы (англійскіе, голландскіе, ганзейскіе) вмѣстѣ съ товарами обязывались привозить и серебро въ разныхъ видахъ, т. е. монетою и слитками; пошлина съ товаровъ собиралась также серебряными деньгами. Все это серебро московское правительство перечеканивало въ русскую монету съ значительною для себя выгодою: напримѣръ, голландскій ефимокъ принимался въ казну за 42 копейки; а перечеканенный онъ ходилъ 64 копейки.

Коломенское (любимое лѣтнее мѣстопребываніе Алексѣя Михайловича), и потребовало отъ царя выдачи нѣкоторыхъ ненавистныхъ бояръ (Милославскихъ, Ртищева и др.). Царь велѣлъ окружавшимъ его стольникамъ, дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ и подоспѣвшему отряду стрѣльцовъ ударить на толпы мятежниковъ; часть ихъ была избита или захвачена, остальные разсѣялись въ бѣгствѣ (1662 г.). Вслѣдъ за тѣмъ вышелъ указъ, которымъ мѣдныя деньги отмѣнялись, и всѣ уплаты приказано производить прежнею серебряною монетою. Но государство нескоро могло оправиться отъ сильнаго финансоваго разстройства; множество людей погибло въ это несчастное время отъ казней и ссылокъ; многія семейства подверглись совершенному разоренію.

Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малой Россіи. Въ первые годы царствованія Алексѣя Михайловича произошло новое и самое знаменитое возстаніе украинскихъ казаковъ противъ польской аристократіи, которое окончилось отложеніемъ Малой Россіи отъ Польши и присоединеніемъ къ Москвѣ. Вождемъ этого возстанія явился Богданъ Хмельницкій, вызванный на отчаянную борьбу съ поляками жаждою личной мести.

Зиновій Хмельницкій (извѣстный болѣе подъ именемъ Богдана) былъ сынъ казацкаго сотника, получилъ отличное, по тому времени образованіе, и рано началъ выдвигаться изъ среды товарищей, городовыхъ казаковъ, своею храбростію и даровитостію. Онъ отличился въ битвахъ съ татарами, турками, москвитянами и занялъ мѣсто войсковаго писаря. Хотя Хмельницкій по наружности оказывалъ полную преданность Рѣчи Посполитой, однако нѣкоторые изъ пановъ, угнетавшихъ Украйну, наученные опытами прежнихъ казацкихъ мятежей, стали подозрительно смотрѣть на умнаго писаря; особенно возненавидѣлъ его чигиринскій подстароста Чап-

линскій. Недалеко отъ Чигирина у Хмѣльницкаго былъ хуторъ Суботово, на который подстароста объявилъ свои притязанія. Однажды Чаплинскій съ толпою своихъ слугъ напалъ на хуторъ, пожегъ на гумнѣ хлѣбъ, завладѣлъ женою Богдана и такъ жестоко высѣкъ его сына, что тотъ вскорѣ умеръ. Хмельницкій принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Онъ обратился съ жалобою къ чигиринскому старостѣ (Конецпольскому), и, не получивъ отъ него никакой защиты, поѣхалъ въ Варшаву искать правосудія у польскаго сената; но судьи въ тяжбѣ шляхтича съ казакомъ по обыкновенію приняли сторону перваго. Хмельницкій обратился къ королю, который лично зналъ Богдана, и покровительствовалъ ему *. Сознавая свое безсиліе передъ сеймомъ, Владиславъ отказался отъ участія въ этомъ дѣлѣ; а на жалобы Хмельницкаго противъ утѣсненія Украйны, какъ говорятъ, замѣтилъ, что у казаковъ есть сабли. Тогда Хмельницкій ушелъ на Запорожье, подготовилъ тамъ возстаніе и получилъ помощь отъ крымскаго хана. Казацкая рада выбрала Хмельницкаго гетманомъ и рѣшила объявить войну полякамъ. По всей Украйнѣ началось сильное волненіе народа, который ждалъ только удобнаго случая, чтобы снова поднять оружіе противъ своихъ притѣснителей.

Первыя битвы Хмельницкаго съ польскими войсками (при Желтыхъ водахъ и при Корсунѣ, 1648 г.) окончились полнымъ пораженіемъ поляковъ. Этотъ успѣхъ поднялъ всю Украйну; хлопы, составивъ множество гайдамацкихъ отрядовъ («загоновъ»), бросились грабить и разрушать господскіе замки,

* По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Владиславъ IV замышлялъ произвести въ Польшѣ политическій переворотъ въ пользу королевской власти; въ борьбѣ съ аристократіею онъ думалъ опереться на малороссійское войско, почему и вступилъ въ тайныя сношенія съ нѣкоторыми казацкими старшинами, между прочимъ и съ Хмельницкимъ. Но Владиславъ не отличался твердымъ рѣшительнымъ характеромъ, и сеймъ успѣлъ принять свои мѣры противъ его замысловъ. Притомъ онъ скоро умеръ.

жечь католическія церкви и предавать мучительной смерти жидовъ-арендаторовъ. Паны принуждены были бѣгствомъ спасаться отъ ярости черни, а наиболѣе сильные и храбрые изъ нихъ, собравъ вокругъ себя вооруженные отряды, били нестройныя толпы хлоповъ и въ свою очередь лютыми казнями отплачивали за ихъ неистовства. (Между такими вождями особенно прославился воинственный князь Іеремія Вишневецкій. одинъ изъ ополячившихся русскихъ вельможъ). Въ это время скончался король Владиславъ, и наступившія смуты междуцарствія еще болѣе способствовали успѣхамъ возстанія. Когда же на престолъ былъ избранъ братъ покойнаго короля Янъ Казиміръ, онъ лично принялъ начальство надъ войскомъ; но подъ Зборовымъ (въ Галиціи) поляки со всѣхъ сторонъ были окружены казаками и татарами; тогда король согласился на миръ, по которому возвращались казакамъ ихъ старыя права и дарованы нѣкоторыя новыя привилегіи.

Непрочность Зборовскаго трактата скоро обнаружилась. По трактату число реестровыхъ казаковъ ограничено въ 40,000, всѣ же остальные хлопы, приставшіе къ войску должны были воротиться въ крѣпостное состояніе, и опять работать на тѣхъ самыхъ пановъ, которыхъ они только что прогнали изъ своей земли. Когда гетманъ попытался строгими мѣрами привести въ исполненіе эту статью, на Украйнѣ обнаружилось противъ него сильное неудовольствіе черни, и онъ принужденъ былъ отказаться отъ своей попытки. Съ другой стороны и поляки не исполнили нѣкоторыхъ условій договора; такъ, напримѣръ, они не дали кіевскому митрополиту мѣста въ сенатѣ. Хмельницкій опять призвалъ на помощь крымскаго хана и началъ новую войну; на этотъ разъ она была для него неудачна. Янъ Казиміръ собралъ поголовное шляхетское ополченіе («посполитое рушенье»), и въ сраженіи подъ Берестечкомъ, казаки, внезапно оставленные ханомъ, потерпѣли совершенное

пораженіе. При Бѣлой Церкви заключенъ былъ новый миръ, по которому число реестровыхъ казаковъ уменьшено до 20,000. Положеніе Малой Россіи опять сдѣлалось такое же, какое оно было до возстанія. Казаки и въ особенности крестьяне цѣлыми толпами устремились въ сосѣднюю московскую украйну, гдѣ пустынныя дотолѣ пространства въ скоромъ времени заселены были малороссійскими колоніями или слободами, каковы: Ахтырка, Сумы, Изюмъ, Харьковъ и др. (Слободская Украйна).

Видя невозможность одними собственными силами бороться съ Польшею, Хмельницкій еще въ началѣ возстанія вошелъ въ переговоры съ московскимъ дворомъ и просилъ царя принять Малороссію подъ свое покровительство. Послѣ Бѣлоцерковскаго трактата онъ съ большею настойчивостію возобновилъ свои просьбы, говоря, что въ крайнемъ случаѣ готовъ даже поддаться турецкому султану. Московское правительство сначала приняло на себя роль посредника между казаками и Польшею и потребовало подтвержденія Зборовскаго договора; но поляки отвергли это требованіе. Кромѣ того, постояннымъ поводомъ къ неудовольствію между Москвою и Польшею служило «умаленіе» царскаго титула со стороны польскихъ пограничныхъ начальниковъ. Для обсужденія польскаго и малороссійскаго вопроса Алексѣй Михайловичъ собралъ земскую думу (1653 г.). На соборѣ рѣшено было принять предложеніе Хмельницкаго и объявить войну Польшѣ. Въ слѣдующемъ году торжественное московское посольство, во главѣ котораго стоялъ бояринъ Бутурлинъ, пріѣхало въ Переяславль; здѣсь собралась общая казацкая рада и по предложенію своего гетмана присягнула на подданство московскому царю (8 января). Вслѣдъ затѣмъ московскіе чиновники отправились по украинскимъ городамъ и привели къ присягѣ всѣ малороссійскіе полки на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Главныя условія присоединенія были слѣдующія: число постояннаго войска назна-

чено въ 60,000; казаки сами выбираютъ себѣ гетмана, который имѣетъ право принимать иностранныхъ пословъ; права городовъ и шляхты остаются прежнія; въ городахъ правители должны быть изъ малороссіянъ, они же и собираютъ доходы, и проч.

Борьба съ сосѣдями за Малороссію. Открывшаяся война съ Польшею была весьма удачна для москвитянъ. Алексѣй Михайловичъ выступилъ въ походъ съ многочисленнымъ войскомъ, лично осадилъ Смоленскъ и принудилъ его къ сдачѣ. Изъ Бѣлоруссіи москвитяне перешли въ Литву, взяли Вильно, Ковно и Гродно; въ тоже время Хмельницкій, подкрѣпленный царскими воеводами, напалъ на поляковъ съ юго-востока и дошелъ до Вислы. Къ довершенію своихъ бѣдствій Польша подверглась еще нападенію съ сѣвера, со стороны воинственнаго шведскаго короля Карла X, который завладѣлъ Познанью, взялъ самую Варшаву и Краковъ. Въ такомъ критическомъ положеніи Польша была спасена заступленіемъ австрійскаго двора и соперничествомъ, которое возникло между русскими и шведами. Послы императора (Фердинанда III) подали Алексѣю Михайловичу надежду, что поляки по смерти бездѣтнаго Казиміра изберутъ московскаго царя на свой престолъ, и тогда Польша мирнымъ образомъ соединится съ Москвою. Царь согласился на перемиріе, удержавъ за собою Малую и Бѣлую Россію (1656 г.). Теперь онъ обратилъ свое оружіе на шведовъ, которые становились болѣе сильными и опасными сосѣдями, нежели поляки.

Думая, что настало время пробиться къ берегамъ Балтійскаго моря, Алексѣй Михайловичъ вступилъ въ Ливонію, завоевалъ нѣсколько городовъ и осадилъ Ригу; но здѣсь русскіе потерпѣли неудачу. Война продолжалась потомъ съ перемѣннымъ счастіемъ. Между тѣмъ завязались переговоры; они

окончились миромъ въ Кардисѣ (1661 г.), по которому русскіе возвратили шведамъ всѣ завоеванные города. Къ такой уступкѣ принудили Москву смуты въ Малороссіи и возобновившаяся польская война.

Богданъ Хмельницкій съ неудовольствіемъ узналъ о прекращеніи войны между Москвою и Польшею; онъ скончался, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ перемирія. Въ Малороссіи немедленно наступили смуты. Главнымъ поводомъ для нихъ служило гетманское достоинство, которое зависѣло отъ свободнаго выбора казаковъ, и на которое всегда являлось нѣсколько претендентовъ, каждый съ своею партіею. Да и самое соединеніе Малой Россіи съ Великою было еще непрочно: между тѣмъ какъ простые казаки и чернь тянули къ единодержавной Москвѣ, старшины казацкіе и вообще люди чиновные оказывали предпочтеніе аристократической Польшѣ.

Еще при жизни Богдана казаки выбрали ему преемникомъ молодаго сына его Юрія; но вскорѣ послѣ кончины стараго гетмана генеральный писарь Виговскій родомъ полякъ, съ помощію преданныхъ себѣ полковниковъ захватилъ въ свои руки гетманскую булаву, и тайнымъ договоромъ съ Польшею обязался возвратить ей Малую Россію. Противъ Виговскаго возстала значительная часть казаковъ, которые соединились съ московскими воеводами; гетманъ съ помощью крымскаго хана разбилъ своихъ противниковъ подъ Конотопомъ (1659); но потомъ, оставленный ханомъ, принужденъ былъ бѣжать въ Польшу. Послѣ него гетманы быстро смѣняли одинъ другаго (Юрій Хмельницкій, Тетеря и Брюховецкій), при чемъ ясно обнаружилось раздвоеніе Малой Россіи на лѣвую и правую сторону Днѣпра; въ первой брали верхъ приверженцы Москвы, вторая тянула къ Польшѣ.

Между тѣмъ вторая война Алексѣя Михайловича съ поляками была для него неудачна; большая часть завоеваній въ

Литвѣ и Бѣлоруссіи перешла опять въ руки непріятелей. Утомленныя долговременною борьбою, оба государства вступили въ переговоры, и наконецъ бояринъ Ордынъ-Нащокинъ, знаменитый московскій дипломатъ заключилъ съ Польшею перемиріе въ деревнѣ Андрусовѣ (около Смоленска) на 13 лѣтъ (1667 г.). По этому перемирію за Москвою остались Смоленскъ, лѣвый берегъ Днѣпра въ Малороссіи, и кромѣ того городъ Кіевъ — на два года (но онъ послѣ не былъ возвращенъ); западная часть украйны снова отошла къ полякамъ.

Съ окончаніемъ польской войны малороссійскія смуты не прекратились. Гетманъ западной стороны, смѣлый и честолюбивый Дорошенко, захвативъ въ свои руки и восточную сторону (гдѣ жители были недовольны новыми московскими налогами), задумалъ изъ Малой Россіи составить особенное владѣніе, и отдался подъ покровительство турецкаго султана. Впрочемъ на лѣвомъ берегу приверженцы Москвы вскорѣ опять взяли верхъ; они выбрали своимъ гетманомъ Самойловича; а общая опасность со стороны Турціи заставила московское и польское правительство сблизиться между собою и заключить оборонительный союзъ противъ сильнаго непріятеля. Западная сторона Днѣпра, куда султанъ два раза приходилъ съ большими силами, подверглась страшному опустошенію; только побѣды польскаго полководца Яна Собѣскаго (избраннаго на престолъ въ 1673 г.) спасли Польшу отъ совершеннаго униженія. Борьба съ турками и малороссійскій вопросъ еще не были рѣшены въ то время, когда скончался Алексѣй Михайловичъ.

Разинъ, казацкое и крестьянское движеніе. Царствованіе Алексѣя Михайловича кромѣ внѣшнихъ войнъ весьма обильно разными мятежами внутри государства. Правительство легко усмиряло отдѣльныя попытки нѣкоторыхъ

городовъ; побѣда же надъ казацкимъ движеніемъ требовала значительныхъ усилій *.

Въ XVII столѣтіи казачество охватило уже всю юго-восточную полосу Россіи отъ береговъ южнаго Буга до Яика, перешло за Яикъ и проникло въ отдаленную Сибирь; центромъ его въ Московской Руси была равнина рѣки Дона. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича Донскіе казаки окончательно признали надъ собою власть Москвы, обѣщая прекратить свои разбои и нападенія на сосѣдей; но подобныя обѣщанія исполнялись весьма рѣдко. На Дону, какъ и въ Малой Россіи, казацкое сословіе распадалось на двѣ главныя партіи: казаковъ зажиточныхъ или «домовитыхъ» и бѣдныхъ или «голутвенныхъ» (голь). Между тѣмъ, какъ первые были наклонны болѣе къ сохраненію порядка и къ повиновенію московскому правительству, вторые составляли толпу людей безпокойныхъ, всегда искавшихъ случая погулять на чужой счетъ («добыть себѣ зипуновъ», какъ они выражались). Число голутвенныхъ постоянно увеличивалось отъ прилива бѣглыхъ холопей, крестьянъ и посадскихъ людей изъ Московскаго государства. Донъ не выдавалъ назадъ подобныхъ бѣглецовъ, и, приставши къ какой-нибудь станицѣ, они считались уже вольными казаками. Вся эта голутвенная вольница ожидала только достойнаго предводителя, чтобы собраться вокругъ него для разбоя и для войны съ государствомъ. Такой предводитель явился въ лицѣ простаго казака Степана Разина.

Говорятъ, ненависть къ московскому правительству и жажда мести зародились въ душѣ Разина во время второй поль-

* Мятежи XVII столѣтія считаются нѣкоторыми за отголосокъ смутной эпохи; но въ сущности они были продолженіемъ борьбы между старыми удѣльно-вѣчевыми обычаями и московскимъ государственнымъ порядкомъ, который все болѣе и болѣе проникалъ въ народную жизнь и закрѣплялъ за собою народныя силы. Казачество въ это время явилось самымъ сильнымъ бойцомъ за общинное, вѣчевое устройство.

ской войны, когда старшій его братъ за нарушеніе военной дисциплины погибъ на висилицѣ по приказанію воеводы Долгорукаго. Своею дикою, неукротимою энергіею и физическою силою Стенька Разинъ рѣзко выдавался изъ толпы товарищей, и ему нетрудно было собрать шайку изъ нѣсколькихъ сотъ подобныхъ себѣ удальцовъ. Онъ бросился на Волгу, разграбилъ караванъ судовъ, плывшихъ въ Астрахань съ разными припасами и товарами, и пробрался на Яикъ, гдѣ шайка его быстро увеличилась новыми охотниками (1667 г.). Отсюда казаки Каспійскимъ моремъ поплыли на югъ, разгромили берега Персіи и съ богатою добычею пришли къ устью Волги. Астраханскій воевода объявилъ атаману, что государь прощаетъ казаковъ и позволяетъ имъ спокойно воротиться назадъ, если они выдадутъ персидскихъ плѣнниковъ вмѣстѣ съ служилыми людьми и пушками, захваченными по городамъ и царскимъ судамъ. Разинъ принялъ это предложеніе и принесъ повинную; впрочемъ далеко не выполнилъ всѣхъ условій. Когда же онъ воротился на Донъ, слава о его подвигахъ и богатствахъ, награбленныхъ казаками, со всѣхъ сторонъ привлекала къ нему голутвенныхъ людей; въ числѣ другихъ явились и многіе запорожцы. Своимъ привѣтливымъ обращеніемъ атаманъ умѣлъ снискать чрезвычайное расположеніе толпы, и скоро увидалъ себѣ во главѣ значительнаго войска.

Разглашая повсюду, что идетъ противъ ненавистныхъ московскихъ бояръ, Разинъ лѣтомъ 1670 года опять появился на Волгѣ, взялъ Царицынъ и двинулся на Астрахань. Здѣсь стрѣльцы и чернь перешли на сторону казаковъ, такъ что этотъ важный городъ былъ взятъ почти безъ бою. Начальники и лучшіе люди большею частію перебиты, имущество ихъ и купеческія лавки разграблены; а жители астраханскіе присоединились къ войску Разина и получили казацкое устройство. Отсюда атаманъ двинулся вверхъ по Волгѣ, взялъ Саратовъ, Самару, и пошелъ далѣе, распуская слухъ, будто при немъ

находится царевичъ Алексѣй (незадолго умершій) и патріархъ Никонъ (лишенный сана). Приверженцы Разина разсѣялись по областямъ Московскаго государства и подстрекали простой народъ къ возстанію противъ бояръ и приказныхъ людей, обѣщая всѣмъ казацкую вольность. Мятежъ быстро охватилъ все пространство между Окою и Волгою; крестьяне убивали помѣщиковъ, въ городахъ чернь свирѣпствовала противъ лучшихъ людей; возмутились и приволжскіе инородцы (черемисы, чуваши, мордва, татары). Силы Разина достигли огромныхъ размѣровъ. Но достаточно было одной неудачи, чтобы исчезло довѣріе народа къ дѣлу казаковъ, чтобы обнаружилась для нихъ вся невозможность побѣдить окрѣпшій государственный порядокъ. Подъ Симбирскомъ Стенька потерпѣлъ пораженіе отъ князя Борятинскаго, у котораго часть войска была обучена европейскому строю; тогда Разинъ, оставивъ крестьянъ на жертву воеводамъ, бѣжалъ съ казаками на родину, и попытался поднять весь Донъ. Но здѣсь главный атаманъ донскаго войска Яковлевъ, съ помощью домовитыхъ казаковъ, схватилъ Разина и отослалъ его въ Москву для казни (1671 г.).

Между тѣмъ царскіе воеводы послѣ нѣсколькихъ рѣшительныхъ побѣдъ надъ толпами крестьянъ и инородцевъ успѣли подавить возстаніе внутри государства. Только въ Астрахани нѣкоторое время еще свирѣпствовала казацкая шайка подъ начальствомъ атамана Васьки Уса, который, въ числѣ другихъ злодѣйствъ, подвергъ пыткѣ астраханскаго митрополита Іосифа и велѣлъ сбросить его съ колокольни. Но вскорѣ Астрахань также сдалась московскимъ воеводамъ, и главные мятежники были казнены. Во время мятежа, произведеннаго Разинымъ, какъ говорятъ, погибло до 100,000 человѣкъ. Атаманъ и его удалые товарищи сдѣлались героями многочисленныхъ пѣсенъ, и воспоминаніе о Разинѣ до сихъ поръ еще живетъ въ русскомъ народѣ.

Патріархъ Никонъ и дѣла церковныя. Никонъ, въ міру Никита, былъ сынъ одного крестьянина Нижегородской области и родился въ началѣ смутнаго времени. Съ дѣтства онъ уже показывалъ присутствіе сильной воли, необыкновенныя способности и наклонность къ монашеской жизни. Мальчикъ выучился грамотѣ, что было рѣдкостью въ крестьянскомъ быту; но гоненія, которыя онъ терпѣлъ въ своей семьѣ отъ мачихи, не остались безъ дурнаго вліянія на его характеръ. По просьбѣ родственниковъ Никита женился, а грамотность доставила ему мѣсто священника. Проживъ 10 лѣтъ съ женою и потерявъ всѣхъ дѣтей, Никита убѣдилъ жену вступить въ монастырь, а самъ ушелъ въ скиты на Бѣлое море и тамъ постригся. Слава о его умѣ и строгой иноческой жизни скоро достигла Москвы; набожный Алексѣй Михайловичъ перевелъ Никона архимандритомъ въ одинъ изъ московскихъ монастырей, часто призывалъ его во дворецъ для бесѣды и вообще началъ оказывать ему большое довѣріе. Скоро Никонъ былъ посвященъ митрополитомъ въ Новгородъ, гдѣ неограничился церковнымъ управленіемъ, но пріобрѣлъ вліяніе и на дѣла гражданскія; а уваженіе къ нему царя еще болѣе усилилось послѣ извѣстнаго новогородскаго мятежа, который былъ усмиренъ твердостію митрополита. Когда же въ Москвѣ скончался патріархъ Іосифъ, престолъ патріаршій предложили Никону; онъ отвѣчалъ отказомъ на это предложеніе. Въ Успенскомъ соборѣ царь и окружавшіе его со слезами умоляли митрополита не отказываться. Послѣдній, обратясь къ боярамъ и народу, спросилъ: «будутъ ли почитать его какъ архипастыря и отца и дадутъ ли ему устроить церковь?» Всѣ клялись, что будутъ и дадутъ. Тогда Никонъ согласился, и былъ посвященъ (1652 г.).

Царь вполнѣ подчинился вліянію новаго патріарха, оказывалъ ему неограниченное довѣріе, а во время своихъ отлу-

чекъ поручалъ управленіе почти всѣмъ государствомъ. Подобно отцу Михаила Ѳеодоровича, Никонъ въ грамотахъ сталъ писаться «великимъ государемъ». Изъ церковныхъ его дѣлъ самое важное по своимъ послѣдствіямъ было исправленіе богослужебныхъ книгъ.

Съ теченіемъ времени отъ невѣжественныхъ переписчиковъ въ церковныя рукописи вкралось множество ошибокъ. Когда же въ Московскомъ государствѣ появилось книгопечатаніе, то ошибки рукописей перешли и въ печатныя книги; а вмѣстѣ съ ошибками вкрались въ нихъ и разныя мнѣнія, несогласныя съ церковными уставами *. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича приступили къ исправленію ошибокъ и поручили его сначала Діонисію, знаменитому архимандриту Троицкой лавры, съ нѣсколькими монахами. Но за свои исправленія онъ былъ обвиненъ въ ереси, подвергнутъ истязаніямъ вмѣстѣ съ товарищами и заточенъ. А дѣло исправленія перешло въ руки другихъ людей, которые сами держались упомянутыхъ мнѣній и вносили ихъ въ новыя печатныя изданія. Для обсужденія этого вопроса Никонъ созвалъ духовный соборъ (1654 г.). Рѣшено было исправить книги по старымъ русскимъ и по греческимъ рукописямъ, которыя для этой цѣли въ большомъ количествѣ были собраны въ Москвѣ. Исправленныя и вновь изданныя богослужебныя книги разсылались

---

* Напримѣръ: Іисусъ надобно писать Ісусъ; служить обѣдню на семи просфорахъ, а не на пяти; складывать два пальца, а не три при крестномъ знаменіи; не брить бороды и усовъ, и т. п. Впрочемъ эти мелкія несогласія для многихъ служили не главною цѣлью, а только поводомъ выразить свое недовольство противъ московской духовной іерархіи.

Начало книгопечатанія въ Московскомъ государствѣ относится къ царствованію Іоанна IV. Именно, два мастера изъ западной Россіи, Иванъ Ѳедоровъ и Мстиславцевъ, завели въ Москвѣ первую типографію въ 1553 г., и первая книга, которую они напечатали, была «Дѣянія апостольскія». Въ 1565 г. Ѳедоровъ и Мстиславцевъ, обвиненные въ ереси, должны были спасаться бѣгствомъ въ Литву; но книгопечатаніе уже успѣло утвердиться въ Москвѣ.

по церквамъ; а книги прежнихъ изданій Никонъ приказывалъ вездѣ отбирать. Противъ этой мѣры возстала часть духовенства, нелюбившаго Никона за его непомѣрную строгость, и начала смущать народъ расказами о томъ, будто бы патріархъ вводитъ разныя еретическія новости и нарушаетъ вѣру. Люди, приверженные къ буквѣ устава, къ внѣшнимъ обрядамъ, стали сильно роптать на патріарха; а жестокія наказанія, которымъ суровый, вспыльчивый Никонъ подвергалъ непослушныхъ ему священнослужителей, дѣлали ихъ мучениками въ глазахъ толпы. Съ того времени книги, напечатанныя при патріархѣ Іосифѣ или *старыя*, получили священное значеніе для людей, недовольныхъ исправленіемъ (они тщательно сохраняли эти книги, и думали, что только по нимъ надобно молиться, а Никона уподобляли антихристу). Такіе люди получили названіе *старовѣровъ* или *раскольниковъ*. Главными двигателями раскола были: попы Лазарь и Никита Пустосвятъ, дьяконъ Ѳедоръ и въ особенности протопопъ Аввакумъ, отличавшійся большою начитанностію и смѣлымъ, энергическимъ характеромъ. Его многочисленныя сочиненія, написанныя живымъ, сильнымъ языкомъ, имѣли большой успѣхъ въ народѣ.

Вооружая противъ себя многочисленную партію въ духовенствѣ и народѣ, патріархъ скоро возбудилъ къ себѣ вражду и въ боярскомъ сословіи. Онъ слишкомъ неумѣренно пользовался вліяніемъ на царя, и хотѣлъ обратить въ свое неотъемлемое право то государственное значеніе, которымъ былъ обязанъ только личному расположенію Алексѣя Михайловича; онъ стремился, повидимому, самую свѣтскую власть поставить въ зависимость отъ духовной. Но такое стремленіе немогло имѣть успѣха въ Московскомъ государствѣ при полномъ развитіи царскаго самодержавія. Раздраженные высокомѣрнымъ обращеніемъ и требованіемъ совершенной покорно-

сти многіе бояре возненавидѣли Никона, и старались ослабить расположеніе къ нему царя. Усилія бояръ увѣнчались успѣхомъ тѣмъ скорѣе, что Никонъ пренебрегалъ ихъ мелкими интригами; а главное, царь самъ началъ уже тяготиться своею зависимостію отъ неуступчиваго патріарха. Въ отношеніяхъ Алексѣя Михайловича къ Никону незамедлило обнаружиться охлажденіе; за нимъ послѣдовалъ открытый разрывъ, вслѣдствіе котораго патріархъ самовольно оставилъ свою паству.

Однажды при дворѣ угощали грузинскаго царя Теймураза, и противъ обыкновенія не пригласили Никона (1658 г.). Послѣдній послалъ спросить о причинѣ; бояринъ Хитрово выгналъ посланнаго изъ дворца и ударилъ его палкою. Раздраженный патріархъ сначала письменно потребовалъ удовлетворенія, но немогъ добиться никакого положительнаго отвѣта. Онъ хотѣлъ лично объясниться съ царемъ во время выхода къ обѣднѣ; но пришелъ бояринъ Ромодановскій и объявилъ, что государь не будетъ; при этомъ случаѣ патріархъ побранился съ бояриномъ, который упрекнулъ его въ гордости. Тогда Никонъ далъ полную волю своему гнѣву Послѣ обѣдни онъ громко объявилъ народу, что больше не патріархъ московскій; поставилъ свой посохъ къ иконѣ Владимірской Богоматери, надѣлъ простое монашеское платье и тутъ же, въ ризницѣ, написалъ къ царю письмо, въ которомъ просилъ назначить ему келію для жительства. Въ ожиданіи отвѣта онъ сѣлъ на ступени амвона. Два раза приходилъ отъ царя бояринъ Трубецкой увѣщевать патріарха, но напрасно; бояринъ пришелъ въ третій разъ, и объявилъ Никону, что государь предоставляетъ на его собственную волю избрать себѣ мѣсто для жительства. Никонъ, повидимому, надѣялся, что Алексѣй Михайловичъ самъ придетъ уговаривать своего друга, и никакъ не ожидалъ подобнаго отвѣта. Въ сопровожденіи большой толпы народа, онъ

отправился пѣшкомъ изъ собора на Воскресенское подворье, а оттуда уѣхалъ немедленно въ свой любимый монастырь, извѣстный подъ именемъ Новаго Іерусалима.

Государь однако нескоро рѣшился покончить съ своимъ бывшимъ другомъ, и нѣсколько лѣтъ еще продолжалась ихъ распря, которую бояре усердно старались поддерживать; а Никонъ имъ помогалъ своимъ упрямствомъ. Наконецъ состоялся духовный соборъ подъ предсѣдательствомъ двухъ восточныхъ патріарховъ (александрійскаго и антіохійскаго): Никонъ былъ осужденъ, его лишили сана и сослали на заточеніе въ Бѣлозерскій Ѳерапонтовъ монастырь (1666 г.). Послѣ своего паденія онъ однако не смирился духомъ, и до самой смерти остался вѣренъ своему характеру.

Книги, исправленныя Никономъ, были одобрены на томъ же соборѣ, который низложилъ его съ патріаршаго престола. Тѣмъ не менѣе во многихъ мѣстахъ священники и монахи не хотѣли принимать этихъ книгъ; а въ Соловецкомъ монастырѣ дѣло дошло до явнаго возмущенія. Противъ мятежныхъ монаховъ отправленъ былъ отрядъ стрѣльцовъ; но правительство, занятое въ то время на югѣ борьбою съ Разинымъ, не могло употребить большія силы на сѣверѣ; благодаря своимъ крѣпкимъ стѣнамъ, раскольники цѣлыя восемь лѣтъ выдерживали осаду. Только въ 1676 г. воевода Мещериновъ взялъ монастырь приступомъ и перевѣшалъ мятежниковъ.

Въ послѣдніе годы Алексѣя Михайловича, личнымъ расположеніемъ царя и наибольшимъ вліяніемъ при дворѣ пользовался бояринъ Артамонъ Матвѣевъ, отличавшійся своимъ образованіемъ и приверженностію къ европейскимъ обычаямъ, которые тогда понемногу начали проникать въ высшее русское общество; послѣ Ордына-Нащокина онъ завѣдывалъ посольскимъ приказомъ. Его значеніе еще болѣе увеличилось съ того времени, когда царь, потерявъ первую супругу, же-

нился на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, которая была родственница Матвѣеву и воспиталась въ его домѣ.

Умирая, Алексѣй Михайловичъ оставлялъ послѣ себя довольно многочисленное семейство; отъ первой супруги (Милославской) у него были два сына, Ѳеодоръ и Іоаннъ, и нѣсколько дочерей; отъ второй — маленькій царевичъ Петръ, родившійся въ маѣ 1672 года.

ѲЕОДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ 1676—1682 г.

Новый царь былъ воспитанникъ Симеона Полоцкаго, монаха, извѣстнаго своею ученостію и своими стихотворными сочиненіями или виршами. При вступленіи на престолъ Ѳеодоръ имѣлъ только 14 лѣтъ отъ роду; онъ отличался весьма слабымъ здоровьемъ, и скоро подпалъ вліянію людей приближенныхъ. Родственники царя Милославскіе спѣшили воспользоваться своею силою при дворѣ, чтобы погубить Матвѣева: за приверженность къ западной наукѣ онъ былъ обвиненъ въ чернокнижіи, лишенъ имѣнія, боярскаго сана и сосланъ въ Пустозерскій острогъ. Впрочемъ главное вліяніе на государственныя дѣла изъ рукъ Милославскихъ скоро перешло къ любимцу царя боярину Языкову.

Изъ политическихъ событій этого кратковременнаго царствованія самыя важныя: окончаніе малороссійскаго вопроса и приговоръ о мѣстничествѣ.

Въ южной части Малой Россіи продолжалъ еще держаться Дорошенко. Противъ него выступили московскій воевода князь Ромодановскій и гетманъ Самойловичъ, они такъ стѣснили Дорошенко, что онъ сдалъ Чигиринъ русскимъ и оставилъ свои притязанія на гетманское достоинство. Турецкій султанъ однако не хотѣлъ отказаться отъ Украйны, и войска его вмѣстѣ съ крымскими татарами два раза приходили подъ Чи-

гиринъ. Въ первый разъ турки были отбиты Ромодановскимъ и воротились безъ успѣха, въ слѣдующій походъ они овладѣли Чигириномъ, но немогли здѣсь утвердиться. Наконецъ султанъ заключилъ въ Бахчисараѣ двадцатилѣтнее перемиріе, вслѣдствіе котораго Украйна и Запорожье навсегда утверждались за Москвою (1681 г.).

Немедленно послѣ турецкой войны при московскомъ дворѣ поднятъ былъ вопросъ о вредномъ обычаѣ воеводъ считаться между собою знатностію рода. Напрасно московскіе цари со временъ Іоанна IV старались ограничить мѣстничество, и, отправляя войска въ походъ, строго запрещали начальникамъ входить въ родовые счеты; такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ почти всѣ походы были объявлены «безъ мѣстъ». Подобныя запрещенія мало приносили пользы, потому что зло укоренилось слишкомъ глубоко.

При Московскомъ дворѣ счетъ мѣстами подавалъ поводъ къ частымъ спорамъ. Напримѣръ, когда у царя давался обѣдъ думнымъ людямъ, то они разсаживались по степени своей знатности. Но тутъ иногда кто-либо изъ бояръ не захочетъ садиться ниже другаго, и начнетъ о томъ бить челомъ царю. Царь прикажетъ посадить его насильно; бояринъ бранитъ своего соперника, и кричитъ, что «хотя царь ему велитъ голову отсѣчь, а подъ такимъ-то онъ сидѣть не станетъ», и спустится подъ столъ. Тогда царь приказываетъ его взять и отвести въ тюрьму. Кромѣ тюрьмы за такую вину бывало наказаніе батогами или кнутомъ, или спорившій бояринъ по приговору царской думы выдавался своему сопернику головою. Обрядъ выдачи головою состоялъ въ слѣдующемъ. Приставы брали подъ руки осужденнаго за неправое мѣстничество, отводили его на дворъ счастливаго соперника въ сопровожденіи дьяка или подъячаго, и ставили тамъ у нижняго крыльца. Когда хозяинъ выходилъ на крыльцо, то дьякъ или подъячій говорилъ, что великій государь ука-

залъ, а бояре приговорили такого-то выдать ему головою. Хозяинъ благодарилъ за царскую милость и отпускалъ униженнаго соперника; дьяку или подъячему давалъ при этомъ подарки; а на другой день ѣздилъ къ царю бить челомъ за его милость. Такъ, во время Михаила Θеодоровича знаменитый князь Пожарскій былъ выданъ головою за мѣстничество боярину Салтыкову. Въ дѣлѣ мѣстническихъ счетовъ бояре отличались особымъ упорствомъ потому, что это не было только ихъ личное дѣло: уступая высшее мѣсто другому лицу, бояринъ тѣмъ уже цѣлый свой родъ ставилъ ниже рода своего соперника.

Θеодоръ Алексѣевичъ поручилъ выборнымъ людямъ изъ военныхъ чиновъ, подъ предсѣдательствомъ князя Голицына, обсудить, какія мѣры надобно принять для улучшенія военнаго дѣла въ Россіи. Выборные люди въ числѣ другихъ преобразованій указали на необходимость уничтожить мѣстничество. Государь созвалъ соборъ изъ высшаго духовенства и членовъ боярской думы, объявилъ ему мнѣніе выборныхъ людей и предложилъ вопросъ: «отмѣнить ли мѣстничество или оставить его по прежнему?» Соборъ единогласно приговорилъ, что мѣстничество, какъ источникъ многихъ золъ, должно быть отмѣнено. Государь велѣлъ принести тяжебныя дѣла по мѣстничеству и предать ихъ огню въ присутствіи духовенства и бояръ. Виновнымъ противъ соборнаго приговора назначено лишеніе званія и имущества.

V. ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Во главѣ государства находился царь, самодержавный и неограниченный властитель надъ своими подданными. Московское самодержавіе имѣетъ важное историческое значеніе: оно сообщило политическое единство раздробленнымъ дотолѣ рус-

скимъ областямъ и связало въ одну плотную массу племена, разсѣянныя на равнинахъ Восточной Европы; оно дало русскому народу государственное устройство, которое помогло ему выдти побѣдителемъ изъ долгой борьбы съ восточными и западными сосѣдями, поработившими Русь удѣльно-вѣчевую. Замѣнивъ собою древнія вѣчевыя начала и развитіе областной самостоятельной жизни, это устройство направило народныя силы на служеніе одной цѣли — *государству*.

Вотъ какимъ образомъ иностранцы, посѣщавшіе Россію, (напримѣръ Герберштейнъ и Антоній Поссевинъ) описываютъ неограниченную власть московскаго государя: «Русскіе увѣрены, что онъ исполнитель небесной воли; такъ угодно Богу и государю, вѣдаетъ Богъ и государь, говорятъ они. Царь считаетъ своею собственностію не только области, но и все что въ нихъ находится; онъ даже хочетъ быть властителемъ надъ мыслями своихъ подданныхъ» и т. п. Послѣ Ивана Грознаго бояре и высшее духовенство хотѣли воспользоваться смутнымъ временемъ, чтобы ограничить въ свою пользу царскую власть; они руководили Василіемъ Шуйскимъ, и предписали условія при избраніи польскаго королевича Владислава. По нѣкоторымъ несовсѣмъ достовѣрнымъ извѣстіямъ (напримѣръ Кошихина), Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ также выбранъ на условіяхъ и ничего не дѣлалъ безъ боярскаго совѣта; но во время управленія отца его патріарха Филарета условія эти пришли въ забвеніе. (Вслѣдствіе нелюбви народа къ боярской аристократіи и предпочтенія монархическаго начала). Алексѣй Михайловичъ правилъ уже неограниченно; онъ писался царемъ и самодержцемъ «всея великія и малыя и бѣлыя Руси». Въ сношеніяхъ съ иностранными государями московское правительство усердно заботилось о томъ, чтобы въ переговорахъ и грамотахъ вполнѣ наблюдался царскій титулъ съ подробнымъ перечисленіемъ областей. Отсюда происходили частые и долгіе споры пословъ, особенно въ сношеніяхъ съ Польшею.

Московскаго царя окружалъ многочисленный дворъ, составленный изъ людей высшихъ классовъ, которыхъ *чинъ* и *честь* зависѣли отъ большей или меньшей близости къ царской особѣ. Дворъ этотъ отличался восточною пышностію и строгимъ исполненіемъ разныхъ обрядовъ и церемоній.

Сословія. Раздробленіе народа на сословія и ихъ подраздѣленія, уже довольно значительное въ эпоху удѣльно-вѣчевую, при Московскомъ владычествѣ увеличилось еще болѣе. Господствующее сословіе въ государствѣ было *служилое*, которое образовалось изъ прежней княжеской дружины и раздѣлялось на разныя ступени. Верхнюю ступень составляла родовая *боярская* аристократія, сильная своимъ числомъ и значеніемъ. Въ составъ ея, кромѣ древнихъ боярскихъ родовъ, вошли потомки удѣльныхъ князей, вступившихъ въ службу московскихъ государей; они сохранили свой княжескій титулъ. Далѣе, значительная часть нашихъ боярскихъ фамилій вела свое происхожденіе отъ иноземныхъ выходцевъ, именно: литовскихъ, нѣмецкихъ и болѣе всего отъ татарскихъ мурзъ и царевичей. Въ XVI и XVII вв. эта аристократія представляетъ довольно замкнутое сословіе или касту почти недоступную для людей низшихъ классовъ. По своей знатности боярскіе роды раздѣлялись на нѣсколько «статей»; сообразно съ такимъ дѣленіемъ они занимали разныя должности при дворѣ, въ гражданскомъ управленіи и въ войскѣ *. Бояре, незанятые войною или службою въ городахъ,

* «Бояринъ» (въ тѣсномъ смыслѣ) означалъ высшій придворный чинъ; за нимъ слѣдовалъ «окольничій», потомъ «думный дворянинъ». Эти три статьи засѣдали въ царской думѣ. Далѣе слѣдовали чиновники отправлявшіе службу при царской особѣ, именно: спальники, столькики, стряпчіе, жильцы и пр. Въ такія должности обыкновенно поступали дѣти знатныхъ людей, пока не переходили на высшую степень. Происхожденіе московскихъ придворныхъ чиновъ большею частію относится къ удѣльному, княжескому періоду.

постоянно жили въ Москвѣ, и каждый день съѣзжались во дворецъ на поклонъ къ государю. Въ грамотахъ писались они государевыми «холопами» и называли себя уменьшительными именами.

Среднюю ступень служилаго сословія составляли *дворяне*, а низшую многочисленный классъ *боярскихъ дѣтей*. И тѣ и другіе въ свою очередь подраздѣлялись на разныя статьи.

Всѣ эти люди должны были служить всю жизнь тамъ, гдѣ укажетъ государь; главною же ихъ обязанностію по прежнему оставалась военная служба. За свою службу, кромѣ денежнаго и хлѣбнаго жалованья они получали *помѣстья* и *вотчины*. Первыя давались въ пожизненное владѣніе, вторыя составляли полную, наслѣдственную собственность; различіе это потомъ уничтожилось, и помѣстья сравнялись съ вотчинами. Между тѣмъ какъ дѣти боярскіе образовали классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, бояре и нѣкоторыя изъ дворянскихъ фамилій сосредоточили въ своихъ рукахъ обширныя поземельныя владѣнія и имѣли по нѣскольку тысячъ крѣпостныхъ людей.

Сословіе людей «тягловыхъ» или податныхъ (*земщину*) составляли посадскіе и крестьяне. Подъ именемъ *посадскихъ* разумѣлось вообще городское и пригородное населеніе, занимавшееся торговлею, промыслами и платившее подати въ царскую казну. Въ видахъ постояннаго исправнаго сбора государственныхъ доходовъ, посадскіе люди были прикрѣплены къ своимъ посадамъ, какъ крестьяне къ землѣ. Болѣе зажиточные изъ посадскихъ носили древнее названіе «лучшихъ людей», остальные назывались «меньшими»; въ правительственномъ отношеніи они раздѣлены были по сотнямъ и слободамъ *. Кромѣ податей посадскіе люди обязаны были от-

* Въ столицѣ существовали особые, высшіе разряды торговыхъ людей, именно: *гости*, *гостинная* сотня и *суконная* сотня; изъ нихъ назнача-

правлять царскую службу въ качествѣ разнаго рода приставовъ или цѣловальниковъ.

Крестьяне, по отношенію къ землѣ, распадались на три главные разряда: во-первыхъ тѣ, которые жили на земляхъ, принадлежавшихъ государю; во-вторыхъ, поселенные въ помѣстьяхъ и вотчинахъ служилыхъ людей; въ-третьихъ, жившіе на земляхъ монастырскихъ и вообще духовенства. Первый разрядъ подраздѣлялся на двѣ части, именно: *дворцовые*, доходы съ которыхъ исключительно шли на содержаніе двора, и крестьяне черныхъ волостей или *черносошные*, платившіе подати въ государственную казну.

Въ концѣ XVI вѣка, какъ извѣстно, крестьяне лишились права свободнаго перехода и были прикрѣплены къ землѣ. Но они не скоро могли примириться съ этимъ лишеніемъ, и въ дѣйствительности переходы еще долго продолжались. Самое прикрѣпленіе не было полное и безусловное; въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣдующими указами переходъ дозволялся (напр. отъ мелкаго владѣльца къ мелкому). Для бѣглыхъ сначала была назначена пятилѣтняя давность, т. е. спустя пять лѣтъ послѣ ухода крестьянина, землевладѣлецъ не имѣлъ права отыскивать его и возвращать на свою землю. Потомъ крѣпостное право получило дальнѣйшее развитіе: Михаилъ Ѳеодоровичъ вмѣсто пятилѣтняго назначилъ десятилѣтній срокъ для возвращенія бѣглыхъ крестьянъ къ прежнему владѣльцу; а уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича срокъ совершенно отмѣненъ, и крестьяне съ своими семействами

лись смотрители («головы») при разныхъ казенныхъ сборахъ, напр. при таможняхъ, питейныхъ домахъ, при соболиной казнѣ и пр. Въ случаѣ убытковъ или недоборовъ они отвѣчали собственнымъ имуществомъ; поэтому служба ихъ иногда была разорительна; за то имъ предоставлялись нѣкоторыя права и привиллегіи, напр. гости могли владѣть населенною землею. Эти высшіе торговые разряды пополнялись самыми богатыми людьми изъ *черныхъ* сотенъ, московскихъ и иногородныхъ.

и со всѣмъ потомствомъ должны были принадлежать къ той землѣ, за которою они записаны въ писцовыхъ книгахъ 1626 года.

Крестьяне повидимому лишены были только права перехода и сдѣлались *крѣпкими землѣ*, а сами они не составляли такой же собственности землевладѣльца, какъ его холопы или рабы. Но помѣщики не замедлили распространить свою власть и на личность крестьянина, которому трудно было отыскивать управу на обиды и насилія отъ помѣщиковъ. Во второй половинѣ XVII вѣка дворяне уже продаютъ крестьянъ и отдаютъ ихъ въ приданое, безъ земли; а къ концу того же вѣка крестьяне въ своихъ отношеніяхъ къ помѣщику весьма мало отличались отъ его холопей. Впрочемъ и сами они иногда давали на себя *кабалу*, т. е. шли въ холопы, чтобы избавиться отъ казенныхъ податей и повинностей (такъ какъ съ холоповъ подати въ государственную казну не собирались).

Безпрерывные побѣги, при малолюдномъ населеніи, были весьма чувствительнымъ зломъ для Московскаго государства. Бѣглые крестьяне, холопы и посадскіе отчасти уходили на Донъ или въ Запорожье, отчасти укрывались въ лѣсахъ и составляли разбойничьи шайки. Въ теченіе всего XVII вѣка правительство должно было вести неутомимую борьбу съ этимъ явленіемъ; оно отправляло во всѣ стороны отряды сыщиковъ, которые отыскивали бѣглыхъ и возвращали ихъ на прежнія мѣста, ловили и вѣшали разбойниковъ. Но подобное средство мало способствовало уничтоженію зла, корень котораго заключался въ тяжеломъ положеніи чернаго народа.

Управленіе. Высшимъ правительственнымъ и судебнымъ учрежденіемъ была *боярская дума*, которая вела свое происхожденіе отъ древняго обычая князей совѣтоваться о дѣлахъ съ старшею дружиною. Когда усилилась въ Москов-

скомъ государствѣ боярская аристократія, то дума не разъ дѣлала попытки ограничить самодержавіе и пріобрѣсти бо́льшую самостоятельность. Но это удавалось ей только или въ малолѣтство государя, или при царяхъ слабыхъ характеромъ. Въ думѣ обсуждались мѣры, касавшіяся всего государства, рѣшались вопросы внѣшней политики и тѣ дѣла, которыя немогли быть рѣшены низшими учрежденіями. Въ отношеніи къ царю дума имѣла только совѣщательное значеніе, хотя на грамотахъ ея обыкновенно писалось: «царь указалъ и бояре приговорили». Въ ней засѣдали бояре, окольничіе и думные дворяне; иногда призывались патріархъ и другіе архіереи.

Московскій подъячій въ XVII вѣкѣ Кошихинъ слѣдующимъ образомъ описываетъ засѣданіе думы:

Когда случится царю сидѣть съ боярами и думными людьми и разсуждать о своихъ или иноземныхъ дѣлахъ, то думные люди садятся поодоль отъ царя, на лавкахъ; размѣщаются они по степени своей знатности: сначала бояре, потомъ окольничіе, потомъ думные дворяне; а думные дьяки стоятъ, иногда впрочемъ царь приказываетъ имъ сидѣть. Когда государь объявитъ свою мысль и спрашиваетъ совѣта у думныхъ людей, тогда кто изъ нихъ поумнѣе говоритъ свое мнѣніе; «а иные бояре, *брады своя уставя*, ничего не отвѣчаютъ, потому что царь многихъ жалуетъ въ бояре не по разуму ихъ, а по великой породѣ, и многіе изъ нихъ грамотѣ неученые». Когда же дѣло послѣ обсужденія бываетъ рѣшено, царь приказываетъ думнымъ дьякамъ записать приговоръ.

Кромѣ боярской думы, въ XVI и XVII вв. московскіе цари въ самыхъ важныхъ дѣлахъ имѣли обыкновеніе созывать выборныхъ отъ всѣхъ свободныхъ сословій своего государства, что называлось «земскимъ соборомъ» или «великою земскою думою». Это было также продолженіемъ древняго обычая князей собирать иногда на совѣтъ не одну дружину, но и луч-

шихъ людей города; когда же Русь объединилась, то лучшіе люди собирались уже со всей земли. Первые соборы упоминаются при Иванѣ IV; значеніе ихъ поднялось въ смутное время, особенно въ эпоху междуцарствія. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда отъ народа требовались большія жертвы для устроенія государства, мы видѣли частые земскіе соборы; они встрѣчаются и при Алексѣѣ Михайловичѣ; но послѣ него уже выходятъ изъ употребленія. На соборѣ мнѣнія выборныхъ людей отбирались не поголовно, а по сословіямъ (дворяне, дѣти боярскіе, гости, торговые и посадскіе люди).

Далѣе, изъ постоянныхъ правительственныхъ учрежденій въ Московскомъ государствѣ слѣдуютъ *приказы*. Происхожденіе приказовъ относится еще ко временамъ удѣльнымъ; они развились преимущественно изъ домашняго или хозяйственнаго княжескаго управленія; когда же удѣлы были уничтожены, всѣ приказы сосредоточились въ Москвѣ, и здѣсь подраздѣлились на многія отрасли, такъ что въ XVII в. число ихъ простиралось до 40 *. Письменная часть въ приказахъ находилась въ рукахъ дьяковъ и подъячихъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «приказныхъ людей»; они назначались изъ

* Важнѣйшіе изъ нихъ были слѣдующіе: 1) приказъ большаго дворца, который завѣдывалъ приходами и расходами царскаго двора; 2) приказъ большой казны—вообще государственными доходами; 3) помѣстный—дѣлами о помѣстьяхъ и вотчинахъ; 4) посольскій — сношеніями съ иностранцами, стрѣлецкій, пушкарскій, судный, разбойный и т. д. Вѣдомости приказовъ вообще не были строго опредѣлены и разграничены между собою; иногда дѣла одного рода производились въ разныхъ приказахъ, и наоборотъ. Для разныхъ областей существовали особые приказы, напримѣръ: Новгородская четверть, Казанскаго дворца, Сибирскій, Малыя Россіи, и др. Приказы, смотря по ихъ важности, поручались боярину или дьяку, иногда съ товарищами; иногда одинъ и тотъ же бояринъ или дьякъ завѣдывалъ нѣсколькими приказами. Для наблюденія за управленіемъ вообще и за точнымъ исполненіемъ царскихъ повелѣній Алексѣй Михайловичъ учредилъ еще «приказъ тайныхъ дѣлъ», гдѣ засѣдалъ дьякъ съ подъячими и куда бояре не допускались.

грамотныхъ людей разныхъ сословій, преимущественно изъ духовнаго званія.

Въ отношеніи областнаго управленія земли Московскаго государства главнымъ образомъ дѣлились на *уѣзды*. Величина уѣздовъ была весьма неравная; она опредѣлялась историческими условіями: обыкновенно древніе удѣлы или части удѣловъ, по мѣрѣ того какъ присоединялись къ Московскому государству, составляли особый уѣздъ. Подраздѣленіе уѣздовъ составляли: *станы*, *погосты*, *губы*; а наиболѣе распространенною единицею дѣленія служили *волости*, которыя, также какъ уѣзды, по объему своему были весьма различны.

Областные правители, перешедшіе въ Московское государство изъ удѣльно-вѣчевой Руси, т. е. великокняжескіе намѣстники и волостели, въ XVI столѣтіи были замѣнены отчасти другими лицами. При Іоаннѣ IV мы встрѣчаемъ правителей, выбираемыхъ изъ служилаго сословія самими общинами, какъ-то: губныхъ старостъ, излюбленныхъ головъ и пр. Въ XVII вѣкѣ выборныя власти опять уступаютъ мѣсто лицамъ, назначеннымъ отъ правительства; во главѣ областнаго управленія становятся *воеводы*. Прежде воеводы встрѣчались только въ пограничныхъ городахъ; но при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ они являются почти повсюду, и только въ нѣкоторыхъ областяхъ потомъ упоминаются губные старосты въ значеніи правителей *. Воеводы смѣнялись весьма часто, такъ что рѣдко оставались въ одномъ городѣ болѣе 3 лѣтъ. Кругъ воеводской дѣятельности не былъ строго опредѣленъ; большею частію въ рукахъ воеводъ сосредоточивалась власть военная,

* Вѣдомство губныхъ старостъ въ тѣсномъ смыслѣ простиралось только на дѣла *губныя* или уголовныя, т. е. душегубство, разбой и воровство съ поличнымъ. Имъ предоставлена была поимка и судъ разбойниковъ и воровъ. Губные старосты вели себя не лучше другихъ чиновниковъ, и притѣсняли жителей, такъ что послѣдніе иногда просили царя поручить губныя дѣла воеводамъ.

гражданская и судебная. Воеводство давалось какъ награда за военную службу, потому что оно представляло служилому человѣку возможность увеличить свое состояніе («покормиться»).

Хотя взятки были запрещены; но кромѣ царскаго жалованья воевода могъ получать отъ жителей добровольныя приношенія, которыя тогда не считались взятками въ строгомъ смыслѣ этого слова. Напримѣръ: «Одинъ дворянинъ просилъ царя Алексѣя Михайловича о воеводствѣ. Царь послалъ справиться въ Разрядъ (вѣдавшій назначеніемъ областныхъ правителей), есть ли свободный городъ, въ которомъ можно нажить пять или шесть сотъ рублей. Такой городъ нашелся, именно Кострома. Царь назначилъ туда челобитчика, и велѣлъ ему, наживъ деньги, купить себѣ деревню. Отслуживъ урочные годы, воевода донесъ государю, что нажилъ только 400 рублей. Алексѣй Михайловичъ велѣлъ тайно развѣдать, правду ли сказалъ воевода; оказалось, что дѣйствительно онъ бралъ только то, что ему приносили; тогда царь приказалъ этому доброму человѣку дать другой болѣе нажиточный городъ». Но подобные воеводы были рѣдки, и правители обыкновенно не ограничивались добровольными приношеніями. Отъ воеводскихъ притѣсненій особенно страдали жители областей отдаленныхъ отъ столицы, напримѣръ въ Сибири, гдѣ имъ предоставлялась власть еще болѣе обширная, нежели въ областяхъ ближайшихъ въ Москвѣ.

Дѣла, подлежавшія воеводскому управленію, производились въ такъ называемой *съѣзжей* или *приказной избѣ*. Въ Московскомъ государствѣ кромѣ того существовали многія земскія должности, на которыя посадскіе и крестьяне выбирали людей изъ своей среды. Таковы *земскіе старосты*, которые завѣдывали раскладкою податей и городскимъ хозяйствомъ; они засѣдали въ *земской избѣ*. Потомъ слѣдуютъ разнаго рода *головы* и *цѣловальники*; имъ поручались сборы въ каз-

ну пошлинъ торговыхъ, питейныхъ, судныхъ и др. Выборы въ головы и цѣловальники производились ежегодно. Эта земская служба была вообще обременительна для выборныхъ людей; за убытки и недоимки они отвѣчали собственнымъ имуществомъ. Низшіе чиновники назывались: приставы, недѣльщики, доводчики и др.

Судопроизводство и доходы. Формы судопроизводства первоначально были довольно просты и несложны. Въ XV и XVI вв. на судѣ намѣстниковъ и волостей встрѣчаются «старосты и цѣловальники», выборные отъ городскихъ и сельскихъ общинъ и извѣстные подъ общимъ именемъ «судныхъ мужей». При Иванѣ Грозномъ многія общины даже получили право собственнаго суда, т. е. судились только своими выборными людьми; но послѣ онѣ теряютъ это право, и судъ сосредоточивается въ рукахъ областныхъ начальниковъ. Судопроизводство было по преимуществу словесное. Главными доказательствами на судѣ служили: письменные акты, свидѣтели и присяга. Въ уголовныхъ дѣлахъ употреблялся повальный обыскъ, т. е. допросъ мѣстныхъ жителей о самомъ преступленіи или о поведеніи заподозрѣннаго человѣка. Древній обычай испытанія водою и желѣзомъ уже не встрѣчается; мѣсто его при изслѣдованіи дѣла заступилъ жестокій обычай судебной *пытки* *. По судебникамъ царей Ивана III и Ивана IV, въ случаяхъ тяжбы, между истцомъ и отвѣтчикомъ допускали *поле*; но къ концу XVI вѣка поле уже выходитъ изъ употребленія.

Съ теченіемъ времени судебный процессъ болѣе и болѣе усложняется, письменное судопроизводство беретъ перевѣсъ

* Вотъ нѣкоторые способы пытки: обвиненному вбивали за ногти желѣзныя иглы, вѣшали надъ зажженнымъ костромъ, били по обнаженной спинѣ плетью, капали холодную воду на бритую голову, и пр.

надъ словеснымъ, число инстанцій увеличивается; а вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ медленность въ рѣшеніяхъ и издержки подсудимыхъ. Тѣ дѣла, которыя почему-либо не могли быть рѣшены простыми судьями, переносились въ высшія инстанціи: т. е. сначала къ намѣстнику или воеводѣ главнаго города, потомъ въ одинъ изъ приказовъ, наконецъ подавался *докладъ* царю, который или самъ рѣшалъ дѣло или поручалъ его боярской думѣ. По окончаніи тяжбы тому, кто ее выигрывалъ, выдавалась *правая* грамота. Право суда надъ крѣпостными людьми, за исключеніемъ уголовныхъ преступленій, принадлежало самому владѣльцу. Въ пыткахъ и казняхъ того времени вполнѣ выражается грубость и жестокость нравовъ; наиболѣе употребительныя казни были: висѣлица, четвертованіе, колесованіе и сажаніе на колъ; а самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ за проступки служили плети и палки, отъ которыхъ не было изъято и боярское сословіе. Несостоятельнаго должника заимодавецъ имѣлъ право поставить на *правежъ*, который состоялъ въ томъ, что несчастнаго должника ежедневно по нѣскольку часовъ били палками по ногамъ, пока онъ не заплатитъ долга. (Помѣщики обыкновенно ставили вмѣсто себя на правежъ крѣпостныхъ людей).

Главнымъ источникомъ казенныхъ доходовъ въ Московскомъ государствѣ были подати (тягло); онѣ налагались не на отдѣльныя лица, а на цѣлыя общины, которыя уже сами раскладывали ихъ между своими членами. Крестьянскія общины облагались податями по количеству *сохъ*, т. е. извѣстныхъ участковъ земли, которою они владѣли; а посадскія по количеству тягловыхъ дворовъ, означенныхъ въ писцовыхъ книгахъ за каждымъ посадомъ. Почти всѣ ремесла и торговыя статьи были обложены пошлиной. Кромѣ обыкновенныхъ податей существовали еще постоянные сборы на нѣкоторыя потребности государства, напримѣръ *полоняничныя*

деньги—для выкупа плѣнныхъ у татаръ; по временамъ производились и чрезвычайные сборы на военныя издержки. Изъ повинностей наиболѣе значительныя были: ратная (поставка ратныхъ людей и продовольствія во время войны), ямская гоньба (для провоза пословъ и царскихъ чиновниковъ), постройка казенныхъ зданій, мостовъ и пр. Вообще фанансовая система въ Московскомъ государствѣ представляла много запутанности, и тяжесть налоговъ падала весьма неравномѣрно на разныя сословія и на разныя мѣстности государства *.

Естественныя произведенія, торговля и промышленность. Европейскіе путешественники XV, XVI и XVII вѣковъ изображаютъ Московское государство обширною равниною, которую покрываютъ огромные сосновые и березовые лѣса, и во всѣхъ направленіяхъ пересѣкаютъ большія судоходныя рѣки. Почва этой страны мѣстами песчана, но вообще плодородна, и въ изобиліи производитъ растенія свойственныя умѣренному поясу. Климатъ Московіи по ея большому протяженію неодинаковъ; области, прилегающія къ столицѣ государства, отличаются чистымъ и здоровымъ воздухомъ. Что особенно поражало вниманіе иностранцевъ, это рѣзкая противоположность между зимнею и лѣтнею природою. Зимою господствуетъ страшный холодъ и вся страна задернута сплошной пеленою снѣга; напротивъ лѣтомъ, послѣ разлитія водъ, лѣса, луга, нивы оживаютъ и быстро покрываются роскошною зе-

* Закладываясь за частными владѣльцами, или переходя въ стрѣльцы и казаки, многіе посадскіе и черносошные крестьяне уклонялись отъ государственныхъ податей; а между тѣмъ городскія и сельскія общины должны были платить и за этихъ «выбылыхъ» людей, отъ чего онѣ разорялись еще болѣе, и казенныя недоимки возрастали. Съ другой стороны, вслѣдствіе древняго обычая великихъ князей давать монастырямъ и частнымъ владѣльцамъ разныя льготныя грамоты (тарханныя, обѣльныя и др.), многія деревни и села были изъяты отъ нѣкоторыхъ казенныхъ сборовъ и повинностей, что еще болѣе увеличивало неравномѣрность податнаго бремени.

ленью; а лѣтніе жары бываютъ также сильны какъ и зимніе морозы.

Главныя произведенія страны слѣдующія. Земледѣліе доставляетъ разнаго рода хлѣбныя растенія, какъ-то: рожь, пшеницу, овесъ, ячмень и др.; пчеловодство, весьма распространенное въ лѣсистой Московіи, доставляло значительное количество меду и воску; рѣки изобиловали рыбою, особенно волжская система (бѣлуга, осетръ, стерлядь); въ лѣсахъ водилось множество дичи. Звѣроловный промыселъ занималъ важное мѣсто въ народномъ хозяйствѣ по количеству ежегодно добываемыхъ мѣховъ (чернобурыя и другія лисицы, соболи, горностаи, бобры, бѣлки); лучшіе мѣха привозились изъ Сибири, Печерской и Пермской области. Но все это богатство естественныхъ произведеній оставалось весьма мало разработаннымъ и едва доставляло народу предметы первой необходимости. Земледѣльческая промышленность находилась на довольно низкой ступени развитія; успѣхамъ ея препятствовали отчасти рѣдкость населенія, а главнымъ образомъ утвержденіе крѣпостнаго права, уничтожившаго свободу крестьянскаго труда. Цѣны на хлѣбъ, по замѣчанію иностранцевъ, хотя были низки, но непостоянны; по безпечности сельскихъ хозяевъ, въ неурожайные годы происходилъ голодъ, и богатые люди, имѣвшіе большіе запасы, обыкновенно пользовались этимъ временемъ, чтобы продавать хлѣбъ какъ можно дороже.

Средоточіемъ торговой дѣятельности въ Московскомъ государствѣ была столица, которая по самой наружности своей отличалась весьма промышленнымъ характеромъ: она была наполнена рынками, гостинными дворами, рядами и лавками; здѣсь всегда можно было встрѣтить купцовъ и ремесленниковъ многихъ европейскихъ и азіатскихъ націй. Самъ царь принималъ непосредственное участіе въ торговлѣ. Изъ Москвы торговое движеніе распространялось въ разныя стороны, пре-

имущественно: по Волгѣ, въ Литву, къ Новгороду и къ Бѣлому морю.

На востокъ по Окѣ и Волгѣ шелъ путь въ Астрахань, гдѣ постоянно жили купцы персидскіе, бухарскіе и армянскіе, торговавшіе преимущественно шелковымъ товаромъ и бумажными тканями. На этомъ пути лежали важныя пристани Нижній и Казань. Отъ Нижняго до Астрахани ежегодно весною и осенью ходили караваны казенныхъ и купеческихъ судовъ. Но плаваніе ихъ было небезопасно: все нижнее теченіе Волги представляло пустынную страну, въ которой караваны часто подвергались нападенію разбойничьихъ шаекъ, и дѣлались ихъ добычею, не смотря на конвойные стрѣлецкіе отряды. Отъ Волги вверхъ по Камѣ отдѣлялась главная сибирская дорога. По ней отвозили въ Сибирь хлѣбные и военные запасы для служилыхъ людей, а изъ Сибири привозили драгоцѣнные мѣха. Главными торговыми пунктами въ Западной Сибири были Верхотурье и Тобольскъ. Во второй половинѣ XVII вѣка служилые люди вмѣстѣ съ русскими промышленниками углублялись все далѣе и далѣе на востокъ; налагая дань (ясакъ) на мелкія туземныя племена и мѣстами воздвигая свои острожки, они расширили московскіе предѣлы до береговъ Восточнаго океана и нижняго теченія Амура. Тогда завязалась торговля съ Китаемъ, и Нерчинскъ сдѣлался важнымъ пунктомъ этой торговли.

На западъ отъ Москвы, въ Литву и Польшу главная дорога шла черезъ Смоленскъ. Изъ Польши приводились лучшія лошади для царскихъ конюшенъ. Съ юго-запада, изъ турецкихъ владѣній, иногда пріѣзжали въ Москву греческіе купцы съ женскими украшеніями, конскимъ приборомъ, жемчугомъ и пр. Прямой путь въ Москву былъ для нихъ небезопасенъ отъ запорожскихъ казаковъ; поэтому купцы объѣзжали другою дорогою, черезъ польскія владѣнія. Самые торговые города на юго-западной украйнѣ были Кіевъ и Путивль. Южные кочевые народы, особенно ногайскіе та-

тары, пригоняли въ Московское государство огромные конскіе табуны, которые покупались большею частію для царской конницы.

На сѣверо-западѣ пролегала дорога къ Новгороду и Пскову. Торговля Новгорода съ ганзейскими городами при Иванѣ III почти прекратилась; она возобновилась при Василіѣ III, но уже не въ такихъ размѣрахъ, какъ прежде. Открытіе Бѣломорскаго пути англичанами, погромъ Ивана Грознаго, смутное время, потеря балтійскихъ береговъ — одно за другимъ подрывали благосостояніе Новгорода; однако въ XVII вѣкѣ Новгородъ и Псковъ все еще были въ числѣ самыхъ промышленныхъ и богатыхъ русскихъ городовъ. Сюда пріѣзжали преимущественно шведы и нѣмцы; отсюда шли пути за границу: къ Нарвской пристани и къ Ригѣ.

Самый важный путь, Бѣломорскій, шелъ отъ Москвы на торговые города Ярославль и Вологду, потомъ р. Сухоною на Устюгъ, и далѣе Сѣверною Двиною до Архангельской пристани. Къ этой пристани со второй половины XVI вѣка каждое лѣто пріѣзжали европейскіе корабли съ товарами. Сначала исключительными привилегіями пользовались англичане, которые завели свои факторіи во многихъ внутреннихъ городахъ Россіи; но мало-по-малу ихъ соперниками на этомъ пути явились и другіе купцы, именно голландскіе, нѣмецкіе и французскіе; а въ царствованіе Алексѣя Михайловича, какъ извѣстно, англичане лишились правъ на повсемѣстную, безпошлинную торговлю и ограничены однимъ Архангельскомъ.

Изъ Западной Европы въ Россію привозились: металлическія издѣлія, сукна, полотна, вина, сельди, сахаръ, бумага, огнестрѣльные снаряды, золотая и серебрянная монета, разныя пряности и пр. Таможенные чиновники обыкновенно отбирали самые лучшіе товары и покупали ихъ для государя; (товары эти шли отчасти на потребности царскаго двора, отчасти назначались въ продажу). Изъ Россіи иностранцы

вывозили сырыя произведенія; самую важную статью отпуска составляли мѣха; потомъ слѣдовали: воскъ, медъ, кожи, сало, икра, ленъ, пенька и отчасти хлѣбъ. Русскіе торговые люди почти неѣздили съ своими товарами въ Западную Европу; на такія поѣздки неблагопріятно смотрѣли какъ самое московское правительство, такъ и иностранные купцы *.

Торговля съ иностранцами составляла незначительную часть всей промышленной дѣятельности народа, и подвержена была многимъ случайностямъ. Она доставляла преимущественно предметы роскоши, которые были доступны только высшимъ сословіямъ; между тѣмъ какъ первымъ и повседневнымъ потребностямъ народной жизни удовлетворяла постоянная торговая и промышленная дѣятельность внутри государства. Почти каждый посадъ служилъ рынкомъ для своихъ окрестностей; посадскіе жители, хотя во многихъ мѣстахъ занимались обработкою полей, но по преимуществу были люди промышленные. Въ извѣстные дни недѣли въ городъ съѣзжались крестьяне изъ сосѣднихъ деревень, и обмѣнивали произведенія сельскаго хозяйства (хлѣбъ, сѣно, дрова) на посуду, платье, земледѣльческія орудія и другіе товары. Большія разстоянія между городами и неудобство путей сообщенія условливали обычай торговцевъ ежегодно въ извѣстное время собираться въ опредѣленномъ мѣстѣ; такимъ образомъ произошли ярмарки. Онѣ соединялись обыкновенно съ храмовыми праздниками и помѣщались около церкви. Особенно замѣчательны ярмарки въ монастырскихъ имѣніяхъ; сюда купцы съѣзжались охотнѣе, потому

---

* Одинъ ярославецъ поѣхалъ съ пушнымъ товаромъ въ Амстердамъ; но голландскіе купцы, сговорились между собою, ничего не купили у русскаго, такъ что онъ съ своимъ грузомъ долженъ былъ воротиться въ Архангельскъ. Здѣсь тѣ же самые купцы разобрали у него весь товаръ по высокой цѣнѣ; они поступили такъ, по собственному признанію, съ тою цѣлью, чтобы русскіе торговцы не ѣздили за границу.

что крестьяне монастырскихъ земель были болѣе зажиточны, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и самые торги менѣе стѣснялись вмѣшательствомъ таможенныхъ чиновниковъ. Изъ такихъ ярмарокъ наиболѣе знаменитая Макарьевская, около монастыря св. Макарія Желтоводскаго *.

Иностранцы, посѣщавшіе Россію, отзываются о ея жителяхъ какъ о народѣ весьма склонномъ къ торговой и промышленной дѣятельности. Они удивлялись изворотливости и смѣтливости русскихъ купцовъ; но замѣтили и другую черту, которая приносила большой вредъ торговлѣ — это отсутствіе честности. Обычай запрашивать въ нѣсколько кратъ дороже настоящей цѣны, горячо божиться и въ тоже время обманывать покупателя былъ весьма распространенъ между московскими торговцами. Подобная черта является прямымъ слѣдствіемъ необразованности и порчи народнаго характера.

Далѣе, на торговлю имѣли неблагопріятное вліяніе слѣдующія обстоятельства. На всѣхъ главныхъ рынкахъ русскій купецъ встрѣчалъ подрывъ со стороны царскихъ товаровъ; напримѣръ, являясь на ярмарку въ Архангельскъ, онъ не смѣлъ торговать прежде, нежели окончится торговля царская, для которой отбирались всегда лучшіе товары. Нѣкоторыя вѣтви торговли находились исключительно въ рукахъ казны; напр: дорогіе мѣха, продажа хлѣбнаго вина и пр. Вообще, по малому развитію здравыхъ экономическихъ понятій, торговая дѣятельность въ Московскомъ государствѣ пользовалась весьма ограниченною свободою; товары при всякомъ движеніи подвер-

* Между русскими торговыми людьми въ XVII в. встрѣчаются уже товарищества или компаніи, т. е. нѣсколько человѣкъ складывали свои капиталы для торговыхъ предпріятій; на такія складчины по преимуществу велась торговля въ Сибири. Мелкіе торговцы и промышленные крестьяне изъ уѣздовъ Суздальскаго, Шуйскаго и другихъ, прилегающихъ къ р. Клязьмѣ, составляли пѣшеходныя компаніи для разноски товаровъ; напримѣръ, они отправляли своихъ *ходебщиковъ* въ украинскіе города съ иконами.

гались подробной оцѣнкѣ и должны были оплачиваться многочисленными пошлинами. Сюда же присоединялись обиды отъ воеводъ и приказныхъ людей; таможенные головы и цѣловальники, хотя назначались изъ торговыхъ сотенъ, однако притѣсняли и брали взятки неменѣе приказныхъ *. Пути сообщенія—необходимое условіе для торговой дѣятельности—находились еще въ первобытномъ состояніи. Самое обычное время для путешествія была зима; тогда на дорогѣ между главными торговыми пунктами тянулись огромные обозы съ товарами (такъ между Москвою и Ярославлемъ можно было встрѣтить обозы въ 700 и 800 саней). Лѣтомъ главнымъ средствомъ сообщенія служили рѣки; но плаваніе по нимъ было соединено съ препятствіями отъ мелководія и волоковъ, которые требовали довольно частой перегрузки; а каналы въ то время еще не были извѣстны въ Россіи. Наконецъ, торговля и вообще народное благосостояніе много страдали отъ разбоевъ.

Что касается до заводской и фабричной промышленности, то она была еще весьма мало распространена въ Московскомъ государствѣ и находилась большею частію въ рукахъ иностранцевъ. Первые желѣзоплавильные заводы устроены въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича голландскимъ купцомъ Виніусомъ около Тулы. Вслѣдъ за нимъ гамбургскій купецъ Марселіусъ устроилъ заводы на рр. Костромѣ, Шекснѣ и Вагѣ; а въ царствованіе Алексѣя Михайловича основаны Олонецкіе

* «Русскій купецъ, раскладывая свои товары, боязливо осматривается на всѣ стороны: не идетъ ли къ нему царскій чиновникъ, чтобы взять у него что получше, и притомъ даромъ». (Слова эти принадлежатъ Флетчеру, англійскому послу при дворѣ Ѳеодора Іоанновича).

Пошлинные сборы были слѣдующіе: мытъ, мостовщина, привальное, свальное, грузовое, амбарное, отъѣзжее и пр. Въ царствованіе, Алексѣя Михайловича эти мелкіе сборы частію были уничтожены, частію замѣнены другими.

желѣзные заводы. На этихъ заводахъ отливали для правительства пушки, ядра, дѣлали ружья и другія желѣзныя вещи; мастерами были иностранцы; заводчики однако обязывались научать своему мастерству присылаемыхъ къ нимъ русскихъ работниковъ. Кромѣ того въ XVII в. встрѣчаются нѣкоторыя суконныя и полотняныя фабрики, впрочемъ назначенныя только для царскаго двора.

Искусства и домашній бытъ. Художественная дѣятельность въ Россіи по прежнему сосредоточивалась главнымъ образомъ на строеніи и украшеніи храмовъ. Почти всѣ важныя постройки совершались подъ руководствомъ иностранныхъ художниковъ, которые со временъ Ивана III постоянно выписывались изъ Италіи и Германіи. Въ столицѣ уже находилось много разнаго рода мастеровъ, своихъ и иностранныхъ. Псковъ славился каменьщиками, Новгородъ рѣщиками и живописцами; одного этого было недостаточно: Иванъ IV даже запрещалъ продавать въ Литву ливонскихъ плѣнниковъ, знающихъ какое-либо мастерство и велѣлъ присылать ихъ въ Москву. Относительно архитектурнаго искусства вліяніе византійское въ XV вѣкѣ замѣнилось вліяніемъ западно-европейскимъ. Но въ живописи византійскіе образцы или «подлинники» удержались гораздо долѣе; памятниками ея кромѣ иконъ служатъ еще миньятюрные рисунки въ рукописныхъ житіяхъ святыхъ, которыя переписывались и раскрашивались монахами въ монастыряхъ. Изъ русскихъ иконописцевъ XV вѣка особенно извѣстенъ монахъ Андрей Рублевъ. Въ XVI вѣкѣ лучшіе живописцы были въ Новгородѣ, куда проникало отчасти вліяніе итальянской живописи *.

* Раскольники старой вѣры, вмѣстѣ съ «новыми» или исправленными книгами, отвергли и «новыя» иконы, т. е. писанныя не по старымъ образцамъ. Точно также при своемъ богослуженіи они не хотѣли подражать обычному церковному пѣнію, которое было заимствовано изъ Греціи (осьмигласс-

Вообще русское искусство находилось далеко не въ цвѣтущемъ состояніи. Русскіе люди, поступавшіе въ ученье къ иностранцамъ, никогда почти не достигали званія настоящихъ мастеровъ и оставались на степени ремесленниковъ. Виновниками этого явленія отчасти были сами иностранцы, которые съ намѣреніемъ не открывали всѣхъ тайнъ своего мастерства, чтобы удержать за собою монополію искусства въ Россіи. Главная же причина, неблагопріятная развитію художественной дѣятельности, заключалась въ печальномъ состояніи образованности и въ бѣдности государства. Роскошь и великолѣпіе встрѣчались только въ столицѣ, особенно при царскомъ дворѣ, куда собиралось все лучшее изъ иностранныхъ и туземныхъ произведеній. Между тѣмъ какъ столичные храмы и царскія палаты изобиловали золотою и серебряною утварью съ драгоцѣнными каменьями, въ простыхъ сельскихъ храмахъ церковные сосуды были отчасти оловянные, отчасти сдѣланные изъ дерева.

Русскій городъ раздѣлялся обыкновенно на три части: внутри лежалъ зàмокъ или *кремль;* поселеніе около кремля называлось *посадомъ*, который иногда былъ также окруженъ стѣнами или валомъ; къ посаду примыкали еще *слободы* (названныя такъ по льготамъ, которыми онѣ пользовались сравнительно съ простыми селами). Слободы носили имена по занятіямъ своихъ жителей, напр. рыбная, ямская, стрѣлецкая, казацкая и пр. Городскія стѣны были деревянныя и только въ самыхъ значительныхъ городахъ каменныя съ высокими зубцами; по стѣнамъ возвышались двухъ или трехъярусныя башни съ отверстіями для стрѣльбы изъ пушекъ и пищалей. Кругомъ стѣнъ иногда ставились двойными или

ное), но потомъ подверглось перемѣнамъ. Раскольники приняли монотонное пѣніе съ носовыми звуками, считая его за старое греческое и называя «демественнымъ».

тройными рядами столбы изъ толстыхъ бревенъ *(надолбы)*, которые должны были затруднять подступы къ городу. Кромѣ того, на южныхъ границахъ, постоянно угрожаемыхъ татарами, окрестности городовъ и «остроговъ» были въ разныхъ направленіяхъ изрѣзаны земляными валами и плетнями со множествомъ лѣсныхъ засѣкъ и заваловъ. Въ той сторонѣ встрѣчались почти однѣ крѣпости; простыя же селенія были весьма рѣдки.

Внутренность города прежде всего занималась казенными зданіями, каковы: приказная изба, воеводскій дворъ, государева житница съ хлѣбными запасами для служилыхъ людей, тюрьма и пр. Тутъ же находились «осадные дворы» сосѣднихъ помѣщиковъ, которые во время непріятельскаго нашествія собирались въ городъ. Посады были наполнены по преимуществу домами торговцевъ и ремесленниковъ.

Каждый дворъ огораживался заборомъ или острымъ тыномъ, домъ располагался большею частію по срединѣ двора и состоялъ изъ нѣсколькихъ жилыхъ строеній, соединенныхъ между собою сѣнями или крытыми переходами. У зажиточныхъ людей дома имѣли нижній этажъ («подклѣть»), назначенный для прислуги или для амбаровъ, а наверху дѣлалась еще надстройка («теремъ»). У боярина весь дворъ былъ застроенъ избами для его многочисленной «дворни» и разныхъ хозяйственныхъ заведеній: такъ какъ богатые помѣщики того времени почти все нужное для домашняго обихода приготовляли у себя дома своими слугами. Позади главнаго двора находился еще дворъ, гдѣ помѣщались экипажи, домашнія птицы, скотъ, разныя житницы и пр. Садъ и баня («мыльня») составляли необходимую принадлежность всякаго порядочнаго дома.

Внѣшняя отдѣлка и внутреннее убранство частныхъ жилищъ не отличались богатствомъ или разнообразіемъ. Ворота, ставни, перила и другія наружныя части дома обыкновенно украшались узорчатою рѣзьбою или кувшинообразными ко-

лонками. Внутри покоевъ главное мѣсто занимали образа святыхъ и Богородицы, иногда съ серебряными окладами въ створчатыхъ кіотахъ; иконы наполняли весь передній уголъ; передъ ними висѣла лампада. Для стѣнъ самымъ обыкновеннымъ украшеніемъ служили такъ называемыя *лубочныя* картины, которыхъ грубыя, уродливыя изображенія вполнѣ удовлетворяли неприхотливому вкусу нашихъ предковъ *. Окна въ бѣдныхъ домахъ были малы и затягивались кожею или пузыремъ; а у зажиточныхъ людей въ нихъ вставлялись пластинки слюды, иногда расписанныя разными красками и фигурами.

Предки наши въ торжественные дни, особенно въ большіе праздники, любили блеснуть роскошнымъ угощеніемъ, богатыми нарядами и другими дорогими вещами; но вообще они отличались бережливостью, и потребности ихъ были весьма ограничены. У самыхъ бояръ дорогія платья, оружіе, серебряная посуда и прочіе предметы роскоши употреблялись рѣдко, хранились весьма тщательно и переходили по наслѣдству нѣсколько поколѣній.

Общею и необходимою частью русской одежды была «рубаха», которая носилась сверхъ исподняго платья и низко подпоясывалась; у богатыхъ края и грудь вышивались разноцвѣтными шелками и золотомъ, а воротъ иногда былъ унизанъ жемчугомъ. На рубаху надѣвался узкій кафтанъ до колѣнъ, подпоясанный кушакомъ; когда же выходили изъ дому, то надѣвали сверху «ферязь» — широкое длинное платье съ рукавами почти до земли; зимою носили мѣховую шубу. Эти

* Содержаніе лубочныхъ картинъ было: или религіозное (напр. изображеніе страшнаго суда съ разнообразными муками въ аду, и сцены, взятыя изъ священной исторіи), или заимствованное изъ любимыхъ повѣстей и сказокъ или сатирическое. На картинахъ послѣдняго содержанія высказывался народный юморъ въ своихъ грубыхъ, безыскусственныхъ формахъ; напримѣръ извѣстная картина «мыши кота погребаютъ», изображеніе различныхъ послѣдствій пьянства и пр.

одежды дѣлались изъ выбойки, сукна или разноцвѣтныхъ шелковыхъ матерій (каковы: тафта, камка, бархатъ, объярь и пр.); самый любимый цвѣтъ былъ красный. Отличительнымъ знакомъ князей и бояръ служила высокая «горлатная» шапка, сдѣланная изъ драгоцѣннаго мѣха съ широкимъ бархатнымъ верхомъ. Высшіе классы, по восточному обычаю, плотно закутывали голову, а волосы подстригали довольно коротко; между тѣмъ какъ борода, чѣмъ была длиннѣе, тѣмъ считалась почетнѣе. Попытка великаго князя Василія Ивановича собственнымъ примѣромъ поощрить бритье бороды не имѣла успѣха, потому что противъ этого нововведенія сильно возстало духовенство.

Обыкновенную женскую одежду составлялъ «лѣтникъ», имѣвшій длинные широкіе рукава и напереди разрѣзъ, который застегивался до самаго горла. Верхняя женская одежда (опашень, тѣлогрѣя, шуба) походила на мужскую. У замужнихъ женщинъ голова была всегда покрыта «волосникомъ» или «кикою»; дѣвушки лѣтомъ носили повязки, а зимою бобровыя и собольи шапки, изъ-подъ которыхъ падали на спину волосы, заплетенные въ одну или въ двѣ косы съ красными лентами. Женская одежда вообще отличалась пестротою и обиліемъ мелкихъ украшеній. Дородность тѣла, по понятіямъ того времени, считалась принадлежностію красоты у обоихъ половъ. По отзыву иностранцевъ, русскія женщины довольно стройны и красивы; но въ городахъ между ними былъ чрезвычайно распространенъ обычай бѣлиться и румяниться *.

---

* Въ высшемъ сословіи неисполненіе этого обычая навлекало жестокое преслѣдованіе. Вотъ что расказываетъ между прочимъ голштинскій посолъ Олеарій, посѣтившій Московію въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича. «Когда жена знатнаго вельможи князя Ивана Борисовича Черкасскаго, женщина очень красивой наружности, не хотѣла сначала румяниться, прочія жены боярскія тотчасъ обвинили ее въ томъ, что она презираетъ обычаи своей земли и хочетъ опозорить другихъ, ей равныхъ. Посредствомъ своихъ мужей онѣ добились наконецъ, что и эта, отъ природы прекрасная женщина,

Войско. Главную основу московскаго войска составлялъ многочисленный классъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, т. е. сословіе помѣщиковъ и вотчинниковъ. Они отправляли собственно конную службу, и, смотря по количеству отведенной имъ земли, выводили съ собою въ поле нѣсколько вооруженныхъ слугъ. Изъ дворянъ, приписанныхъ къ московскому уѣзду, собирался такъ называемый «царскій полкъ». Кромѣ того всѣ придворные чины (стольники, стряпчіе, жильцы и пр.) были въ тоже время люди военные и составляли конный отрядъ царскихъ тѣлохранителей; они являлись на смотръ въ богатомъ вооруженіи, въ блестящихъ панцыряхъ и шлемахъ, съ дорогими саблями, сидя на красивыхъ и рѣзвыхъ аргамакахъ, убранныхъ дорогою сбруею; ихъ сопровождало значительное количество вооруженныхъ слугъ. Придворнымъ чинамъ подражали простые дворяне и дѣти боярскіе, кто побогаче; тѣ же, которые были побѣднѣе, т. е. большая часть, рѣдко имѣли исправное и полное вооруженіе.

Пѣшее войско набиралось отчасти изъ городовыхъ казаковъ и вольныхъ или «охочихъ» людей, а главнымъ образомъ изъ «даточныхъ», которыхъ въ случаѣ войны выставляли по человѣку съ извѣстнаго числа тяглыхъ дворовъ. Постоянную и хорошо вооруженную пѣхоту представляли только «стрѣльцы», изъ Москвы мало-по-малу распространенные по всѣмъ главнымъ городамъ; въ столицѣ они служили какъ пѣшая царская гвардія и занимали караулы. Стрѣльцы пользовались нѣкоторыми привилегіями, получали жалованье, могли свободно заниматься торговлею и разными промыслами. Вооруженіе ихъ состояло изъ тяжелаго ружья, бердыша, сабли и копья; они дѣлились на полки и сотни. За стрѣльцами слѣдуютъ «пушкари»,

---

должна была румяниться, и, такъ сказать, уподобиться свѣчкѣ, зажженной при свѣтломъ солнечномъ сіяніи».

казаки и прочіе военные люди, жившіе обыкновенно по городамъ въ особыхъ слободахъ. Къ московскимъ ратнымъ людямъ въ случаѣ нужды присоединялись еще украинскіе казаки и толпы легкой татарской конницы; а также отряды изъ черемисовъ, мордвы, калмыковъ и другихъ инородцевъ вооруженные по большой части только стрѣлами. Во время значительныхъ походовъ войско раздѣлялось на пять частей: большой полкъ, правая и лѣвая рука, полки передовой и сторожевой; кромѣ того для разъѣздовъ отдѣлялся легкій конный отрядъ, извѣстный подъ именемъ «яртаула». Московская артиллерія («нарядъ») состояла изъ пушекъ и пищалей и была довольно многочисленна. Въ сраженіяхъ съ татарами употреблялось подвижное укрѣпленіе изъ досокъ или такъ называемый «гуляй-городъ».

Войны съ поляками и шведами доказали, что москвитяне только въ укрѣпленіяхъ защищались съ успѣхомъ; а въ открытомъ полѣ, не смотря на свою многочисленность, они не могли стоять противъ регулярныхъ европейскихъ армій. Вообще въ военномъ искусствѣ со временъ татарскаго ига русскіе далеко отстали отъ своихъ западныхъ сосѣдей и приблизились болѣе къ азіатскому образу веденія войны; такъ они съ шумомъ и крикомъ, въ безпорядкѣ, нападали на непріятеля и старались подавить его своею массою. Правительство мало-по-малу убѣдилось въ необходимости завести войска, устроенныя по образцу европейскихъ армій. Уже Борисъ Годуновъ имѣлъ отрядъ тѣлохранителей въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, набранный изъ ливонцевъ, поляковъ, шотландцевъ и пр. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ для второй польской войны нанято было въ Германіи нѣсколько полковъ въ русскую службу; но они мало принесли пользы и были потомъ распущены. Съ тѣхъ поръ московское правительство старалось привлекать въ Россію значительное число иностранныхъ офицеровъ, давало имъ

жалованье, помѣстья и поручало обучать русскихъ ратныхъ людей «иноземному строю». При Алексѣѣ Михайловичѣ являются у насъ многіе конные и пѣшіе полки съ иностранными названіями: рейтаръ, гусаръ, драгунъ и солдатъ, подъ командою иноземныхъ полковниковъ, ротмистровъ и капитановъ. Но европейское военное искусство и дисциплина весьма слабо прививались къ русскимъ ратнымъ людямъ, и войска наши по прежнему представляли пестрыя, нестройныя и плохо вооруженныя толпы ратниковъ. Даже не всѣ дворяне являлись на службу съ огнестрѣльнымъ оружіемъ (съ «огненнымъ боемъ»); еще многіе изъ нихъ по древнему обычаю выѣзжали на войну съ лукомъ и стрѣлами (съ «лучнымъ боемъ»). Ѳеодоръ Алексѣевичъ оставилъ своимъ преемникамъ войско, простиравшееся до 200,000 человѣкъ *.

Церковь. Внѣшнее устройство греко-россійской церкви или іерархія оставалась почти та же самая какъ и въ періодъ удѣльно-вѣчевой. Московское государство въ церковномъ отношеніи дѣлилось на эпархіи, управляемыя архіереями. Назначеніемъ патріарха и епископовъ по большой части завѣдывалъ самъ царь, выбирая ихъ изъ архимандритовъ и игумновъ знаменитѣйшихъ монастырей. Высшее духовенство нерѣдко засѣдало въ боярской думѣ, пользовалось правомъ ходатайствовать за опальныхъ и подсудимыхъ, и вообще имѣло значительное вліяніе на государственныя дѣла; но въ свою очередь оно было вполнѣ подчинено царской власти, и учрежденіемъ па-

* При Алексѣѣ Михайловичѣ сдѣлана попытка завести военный флотъ изъ судовъ, построенныхъ по иностраннымъ образцамъ. Именно, на Окѣ были сооружены голландскими мастерами трехмачтовый корабль «Орелъ» и нѣсколько мелкихъ судовъ; ихъ спустили по Волгѣ въ Каспійское море для охраненія русской торговли отъ морскихъ разбойниковъ. Но Орелъ скоро былъ сожженъ Стенькою Разинымъ, и такимъ образомъ попытка завести флотъ не имѣла успѣха.

тріаршества почти не измѣнились ихъ взаимныя отношенія. Епископы имѣли у себя на службѣ довольно значительное число свѣтскихъ чиновниковъ, т. е. бояръ, дѣтей боярскихъ, дьяковъ и пр.

Эпархіи дѣлились на округи или «десятины», которыми завѣдывали «десятинники». Послѣдніе объѣзжали свои округи, собирали епископскіе доходы, производили судъ между духовными лицами и крестьянами, принадлежавшими духовенству (за исключеніемъ уголовныхъ дѣлъ, которыя подлежали всегда свѣтскому суду). Священники или назначались епископомъ, или выбирались прихожанами изъ грамотныхъ людей разныхъ сословій. При Иванѣ IV бѣлое духовенство получило право выбирать изъ своей среды десятскихъ и сотскихъ священниковъ или «поповскихъ старостъ».

Монашество съ теченіемъ времени образовало въ древней Россіи многочисленное и важное по своему значенію сословіе. Въ отдаленныхъ и глухихъ краяхъ государства оно по прежнему способствовало заселенію и обработкѣ безлюдныхъ, лѣсныхъ пространствъ, потому что крестьяне, привлекаемые многими льготами, охотно селились на монастырскихъ земляхъ, расчищали почву и едва проходимыя дотолѣ дебри обращали въ плодоносныя нивы. Большіе монастыри были въ тоже время и крѣпости, которыя особенно въ смутное время оказали многія услуги государству. Въ удѣльно-вѣчевой Руси монахи сами выбирали себѣ игумна; въ Московскомъ же государствѣ игумны назначались иногда епископомъ, а въ знаменитѣйшіе монастыри самимъ царемъ. Первостепенныя обители (лавры) обыкновенно были изъяты изъ епископскаго суда и подчинены прямо суду патріарха.

Весьма частыя пожертвованія благочестивыхъ людей въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ сосредоточили въ рукахъ

монастырей огромныя поземельныя владѣнія *. Правительство отъ этого лишалось многихъ земель, которыя были ему нужны для раздачи ратнымъ людямъ; а вслѣдствіе монастырскихъ привилегій оно теряло и значительную часть своихъ финансовыхъ доходовъ. Съ другой стороны, владѣніе населенными землями отвлекало монастырское начальство отъ религіозныхъ интересовъ къ заботамъ чисто хозяйственнымъ; а богатства, скопившіяся въ стѣнахъ обители, привлекали туда многихъ тунеядцевъ и способствовали порчѣ монастырскихъ нравовъ. При Иванѣ III знаменитый отшельникъ Нилъ Сорскій на духовномъ соборѣ 1504 года поднялъ вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли владѣть селами инокамъ, которые, отрекшись отъ міра, не должны заниматься ничѣмъ мірскимъ и должны кормиться своими трудами. Его поддерживали бѣлозерскіе пустынники; но митрополитъ, епископы и краснорѣчивый Іосифъ Санинъ на этотъ разъ отстояли привилегіи монастырей. Вопросъ возобновился потомъ при Василіѣ III: мнѣніе Нила Сорскаго развивали два извѣстные монаха, Вассіанъ Косой и ученый Максимъ Грекъ; они сильно вооружались противъ роскоши, лѣности и другихъ пороковъ, которыми страдало русское монашество (особенно противъ пьянства). Рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ поступилъ Иванъ IV. При немъ на Стоглавомъ соборѣ архіереи и монастыри лишены были права покупать вотчины безъ царскаго позволенія; а на послѣдующихъ соборахъ владѣльцамъ запрещено отказывать свои вотчины въ монастырь на поминъ души.

* Не одно благочестіе заставляло иногда частныхъ владѣльцевъ отказывать земли въ монастырь «по душѣ» (т. е. на поминъ души). Такъ какъ монастырскія земли пользовались льготами относительно государственныхъ повинностей, то нѣкоторые вотчинники, желая обезпечить себѣ спокойное пожизненное пользованіе своимъ имуществомъ, дарили его монастырю на извѣстныхъ условіяхъ.

Вообще образованіе и нравственность русскаго духовенства часто не соотвѣтствовали его высокой цѣли; приходскіе священники въ областяхъ были люди малограмотные, которые заботились болѣе о насущномъ хлѣбѣ, нежели о наставленіи и поученіи своихъ прихожанъ. Противъ пороковъ духовенства не разъ въ самой церкви поднимались голоса благомыслящихъ людей, на соборахъ обсуживались мѣры къ исправленію нравственности и къ лучшему образованію священнослужителей; но дѣло исправленія весьма медленно подвигалось впередъ. Въ понятіяхъ народныхъ между тѣмъ продолжали господствовать преданія и вѣрованія чисто-языческія, чему доказательствомъ служитъ множество всякаго рода суевѣрій (примѣты, чары, заклинанія и пр.); во многихъ мѣстахъ еще свято сохранялись языческія празднества и жертвоприношенія.

До какой степени язычество было еще сильно въ народѣ (особенно тамъ, гдѣ преобладало финское населеніе) показываетъ грамота новгородскаго архіепископа Макарія къ духовенству Воцкой пятины, въ 1534 году. «Мнѣ сказывали — пишетъ архіепископъ,—что въ вашихъ мѣстахъ многіе христіане отстали отъ истинной вѣры, въ церкви не ходятъ, духовныхъ отцовъ своихъ не посѣщаютъ, а молятся деревьямъ и камнямъ; многіе ѣдятъ скоромное въ Петровъ постъ, приносятъ жертвы мерзкимъ бѣсамъ и призываютъ для совершенія молитвы отступниковъ чудскихъ арбуевъ (волхвовъ). Мертвыхъ не возятъ хоронить къ церквамъ на погосты, а кладутъ въ селахъ по курганамъ въ присутствіи тѣхъ же арбуевъ; послѣднихъ призываютъ также, когда родится дитя, чтобы дать ему имя, и когда поминаютъ покойниковъ, чтобы принести жертву скверным бѣсамъ», и т. д. Спустя 13 лѣтъ, преемникъ Макарія архіепископъ Ѳеодосій обращается къ тому же духовенству и говоритъ о тѣхъ же самыхъ обычаяхъ.

Стоглавый соборъ 1551 г. между прочими безпорядками указываетъ на слѣдующія явленія въ русскомъ простонаро-

дьѣ. Нѣсколько разъ въ году (именно: въ Ивановъ день, Троицкую субботу, Великій четвергъ и др.) мужчины и женщины сходились вмѣстѣ и предавались необузданнымъ играмъ, или громко выли надъ могилами покойниковъ и вообще совершали разные языческіе обряды. По селамъ ходили ложные пророки обоего пола нагіе и босые съ распущенными волосами: они кривлялись, били себя въ грудь, расказывали о видѣніяхъ св. Пятницы и св. Анастасіи, запрещали христіанамъ работать въ среду и пятницу, и пр.

Послѣ дѣла о жидовской ереси Русскую церковь не разъ тревожили и другія ученія, для борьбы съ которыми созывались обыкновенно духовные соборы; такъ въ XVI вѣкѣ замѣчательны ереси Матвѣя Башкина и Ѳеодосія Косаго, которые оспоривали церковные догматы о Іисусѣ Христѣ. Низшее духовенство и простой народъ, по излишней приверженности къ внѣшнимъ обрядамъ, къ буквѣ писаннаго закона, съ недовѣріемъ встрѣчали всякую попытку къ измѣненію и исправленію. Во время Никона исправленіе церковныхъ книгъ обнаружило существованіе раскольничьихъ сектъ, число которыхъ къ концу XVII вѣка быстро возрастаетъ.

Что касается до инородцевъ принадлежавшихъ къ Московскому государству, то въ XVI и XVII вв. еще большая часть финскихъ племенъ на сѣверѣ и востокѣ Россіи были идолопоклонники; а татарскія области оставались вѣрны исламу. Впрочемъ, благодаря трудамъ нѣкоторыхъ ревностныхъ проповѣдниковъ, христіанство продолжало мало-по-малу распространяться между этими племенами; вмѣстѣ съ русскими завоеваніями оно проникло и въ отдаленную Сибирь.

Образованность. Многіе иностранцы, посѣтившіе Россію въ XVI и XVII вв., отдаютъ должную справедливость природному разсудку русскаго народа и его способности къ умственному развитію; но вслѣдствіе неблагопріятныхъ исто-

рическихъ обстоятельствъ уровень образованности въ Московскомъ государствѣ находился на довольно низкой ступени. Съ XIII столѣтія, т. е. со временъ татарскаго ига, началось быстрое отчужденіе Россіи отъ Европы и русскій народъ вступилъ въ близкія отношенія къ дикимъ азіатскимъ сосѣдямъ, которые оставили глубокій слѣдъ на государственномъ устройствѣ и на обычаяхъ нашихъ предковъ. Кромѣ азіатскаго вліянія, на характерѣ Московскаго государства отразилось вліяніе византійскихъ преданій, проводникомъ которыхъ служила церковь, литература и законодательство; преданія эти относились къ позднѣйшимъ временамъ византійской образованности, т. е. временамъ упадка.

Хотя со второй половины XV вѣка Московское государство и начинаетъ входить въ связь съ европейскими державами; но связь эта долгое время ограничивалась дипломатическими сношеніями и призывомъ иностранныхъ мастеровъ на службу правительства. Русскіе же люди не отпускались за границу для образованія, и европейская наука не пользовалась въ Россіи покровительствомъ высшихъ классовъ. Указывая на опасность, постоянно грозившую со стороны иноземныхъ ересей, московское духовенство заботливо охраняло народъ отъ вліянія западно-европейскихъ идей и крѣпко держало въ своихъ рукахъ народное образованіе. Оно даже недружелюбно смотрѣло на западно-русскія школы и ученыхъ, считая ихъ нечуждыми многихъ западныхъ идей. Съ цѣлію оградить русское православіе отъ западныхъ ересей и подкрѣпить его связь съ восточною церковью, при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ учреждено было въ Москвѣ высшее училище подъ названіемъ «Славяно-греко-латинской академіи». Первыми учителями академіи были знаменитые греческіе ученые, братья Лихуды; воспитанники изучали преимущественно греческій и латинскій языки, христіанскую философію и богословіе. При отсутствіи

свѣтскихъ школъ, монахи и церковнослужители въ тѣ времена были почти единственными учителями грамотности. Боярское же и дворянское сословіе по своему умственному развитію весьма мало возвышалось надъ массою простолюдиновъ; все воспитаніе его ограничивалось обученіемъ чтенію и письму, но и до этого искусства достигали не всѣ бояре. Вся система воспитанія того времени основывалась на страхѣ и наказаніи; розга считалась необходимою принадлежностію ученія.

Печальное состояніе образованности и восточное вліяніе на русскіе нравы ярко отразились въ домашнемъ деспотизмѣ главы семейства и въ рабскомъ положеніи женщинъ. Въ удѣльно-вѣчевой Руси женщина пользовалась нѣкоторою свободою и значительными правами въ обществѣ; но съ XIII в. ея положеніе измѣняется. Между тѣмъ какъ въ низшихъ классахъ женщины находились подъ гнетомъ тяжелыхъ домашнихъ работъ, въ высшемъ сословіи онѣ были удалены изъ общества мужчинъ и заключены въ терема, гдѣ проводили жизнь, обреченную праздности и скукѣ. Пряденіе, вышиваніе золотомъ, жемчугомъ или бисеромъ (особенно церковныхъ ризъ и покрововъ), въ обществѣ сѣнныхъ дѣвушекъ, и однообразныя забавы, въ родѣ качелей, наполняли время боярскихъ женъ и дочерей; изъ дому онѣ выѣзжали не иначе какъ въ закрытыхъ колымагахъ, окруженныя толпою холоповъ. Бракъ съ обѣихъ сторонъ устроивался родителями, при чемъ о согласіи молодыхъ людей не спрашивали. Женихъ обыкновенно до самаго окончанія свадьбы не могъ видѣть своей невѣсты, отъ чего между боярами случались иногда обманы: напримѣръ, вмѣсто той дочери, за которую сватались, выдавали другую, отличавшуюся какимъ-нибудь недостаткомъ; или, когда родственница жениха пріѣзжала смотрѣть невѣсту, показывали ей вмѣсто дочери красивую служанку. При такихъ условіяхъ естественно

браки были рѣдко счастливы; мужъ весьма часто пользовался своимъ варварскимъ правомъ: *учить* жену плетью, а жены по большей части не отличались строгою нравственностію *.

Только христіанскія понятія о бракѣ смягчали иногда это рабское положеніе женщины и возвышали ее на степень подруги. Русскіе книжники XVI вѣка такими чертами изображаютъ намъ идеалъ женщины: она безропотно покоряется старшимъ (т. е. мужу и его родителямъ), усердно занимается хозяйствомъ, облегчаетъ въ своемъ домѣ тяжелое положеніе рабовъ, и совершаетъ другіе подвиги христіанскаго милосердія (постъ, милостыню, молитву). Вообще направленіе этихъ идеальныхъ женщинъ аскетическое: проникнутыя глубокою вѣрою, онѣ отказываютъ себѣ въ удовольствіяхъ жизни и ведутъ постоянную борьбу съ своими страстями (которыя олицетворялись обыкновенно въ образѣ дьявола).

Наиболѣе образованныя области Московскаго государства лежали на западѣ, т. е. по сосѣдству съ Европою. Новгородъ, благодаря своей торговлѣ, долгое время служилъ для Москвы главнымъ проводникомъ европейской цивилизаціи; но въ концѣ XVI вѣка онъ приходитъ въ упадокъ. Въ XVII в. его мѣсто въ отношеніи къ Москвѣ заступаетъ Малороссія

---

* Какимъ образомъ наши предки смотрѣли на отношенія жены къ мужу и вообще на отношеніе семейства къ своему главѣ, ясное понятіе даетъ книга *Домострой;* она написана священникомъ Благовѣщенской церкви Сильвестромъ—тѣмъ самымъ, который игралъ важную роль въ царствованіе Ивана IV. Въ этой книгѣ Сильвестръ поучаетъ сына Анѳима, какъ ему устроить свое хозяйство, обращаться съ женою и воспитывать дѣтей. Между прочимъ онъ совѣтуетъ: если жена, сынъ или дочь не слушаетъ мужа или отца или мать, то наединѣ «постегать плетью», а кулакомъ и палкою не бить, чтобы не изуродовать человѣка или не разстроить его здоровье. «А только велика вина и кручиновато дѣло—прибавляетъ авторъ Домостроя,—и за великое и за страшное ослушаніе и небреженіе, *плеткою вѣжливенько побить, за руки держа*, по винѣ смотря: да поучивъ примолвити; а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не видѣли и не слыхали; жалоба бы о томъ не была».

съ своими школами, типографіями, съ своими духовными писателями и учеными, которые образовались во время борьбы противъ уніи и католицизма (Смотрицкій, Копыстенскій, Могила, Гизель и др.). Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается въ Московской Руси вліяніе польской гражданственности и польской литературы. Постоянный приливъ европейскихъ ремесленниковъ, торговцевъ, офицеровъ и пословъ также не могъ остаться безъ нѣкотораго вліянія на русскій бытъ. Въ XVII вѣкѣ западные европейскіе обычаи хотя слабо, но уже замѣтно проникаютъ въ высшее московское общество. Когда Ордынъ-Нащокинъ управлялъ посольскимъ приказомъ, въ Москвѣ появились первыя русскія газеты или *куранты* (рукописныя), впрочемъ исключительно назначенныя для двора; въ нихъ помѣщались переведенныя изъ иностранныхъ газетъ извѣстія о европейскихъ событіяхъ. Между приверженцами западныхъ обычаевъ изъ русскихъ бояръ первое мѣсто занимаетъ Матвѣевъ, подъ вліяніемъ котораго при московскомъ дворѣ положено было начало театру.

Театральныя представленія у насъ, какъ и на западѣ, имѣли сначала религіозный характеръ. Въ Малороссію перешли изъ Польши «мистеріи» или драмы, содержаніе которыхъ заимствовалось изъ священной исторіи; они разыгрывались обыкновенно при духовныхъ школахъ воспитанниками или *бурсаками*. Бурсаки ходили часто по домамъ богатыхъ гражданъ и пѣли подъ ихъ окнами духовныя *канты* и *вирши*, за что получали деньги и съѣстные припасы; а во время святокъ носили съ собой *вертепы* (двухъ или трехъ-этажные ящики), въ которыхъ показывали Христа въ ясляхъ и окружавшія его лица. Къ этимъ вертепнымъ представленіямъ начали присоединяться потомъ и разныя драматическія сцены изъ народной жизни; здѣсь главными дѣйствующими лицами являлись: бѣднякъ цыганъ, трусливый еврей, хвастливый полякъ и удалой запорожецъ. Это были куклы, двигающіяся

на проволокахъ; а разговоры или «діалоги» велъ за нихъ человѣкъ, скрытый за сценою (театръ марьонетокъ. Въ Московскомъ государствѣ встрѣчается драматическій обрядъ «пещнаго дѣйствія»: передъ Рождествомъ Христовымъ въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, въ соборномъ храмѣ, во время заутрени церковнослужители, распѣвая священные гимны, представляли трехъ библейскихъ отроковъ, вверженныхъ въ пылающую печь и спасенныхъ ангеломъ. Эта печь состояла изъ деревянной круглой башенки и озарялась удобовоспламеняемою травою *.

При Алексѣѣ Михайловичѣ къ московскому двору была вызвана труппа нѣмецкихъ музыкантовъ и танцовщиковъ. Они просили у царя дозволенія забавлять его театромъ. Царь обратился за совѣтомъ къ своему духовнику; тотъ отвѣчалъ, что можно нѣмцамъ играть во дворцѣ, потому что византійскіе императоры допускали при своемъ дворѣ подобныя увеселенія. Въ присутствіи царскаго семейства и придворныхъ нѣмцы разыграли нѣсколько мистерій («какъ Юдифь отсѣкла голову Олоферну», «какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана» и др.). Музыкальный оркестръ при этомъ состоялъ изъ дворовыхъ людей Матвѣева, обученныхъ нѣмцами. Представленія очень понравились царю; онъ поручилъ Матвѣеву устроить постоянный театръ, отдать въ ученье къ нѣмцамъ нѣсколько русскихъ и выписать изъ Германіи новыхъ актеровъ. Лучшія русскія мистеріи въ концѣ XVII вѣка принадлежали Симеону Полоцкому и Димитрію Ростовскому.

---

* Къ религіознымъ представленіямъ можно отнести и величественную процессію Вербнаго воскресенія въ Москвѣ, заимствованную изъ Византіи: патріархъ, сидя на конѣ, напоминалъ Христа, вступавшаго торжественно въ Іерусалимъ на ослѣ; царь держалъ за поводъ его коня, а впереди ѣхала нарядная верба, около которой стояли мальчики въ бѣлыхъ одеждахъ и пѣли стихиры.

Начало собственно народнаго театра надобно искать въ тѣхъ языческихъ играхъ и обрядахъ, противъ которыхъ такъ сильно вооружалось духовенство; особенно драматическимъ характеромъ отличались свадебные обряды. Въ Московской Руси также встрѣчаются уличныя представленія куколъ или марьонетокъ, вмѣстѣ съ учеными медвѣдями.

Литература и народная поэзія. Книжная словесность древней Руси заключалась по преимуществу въ разнаго рода рукописныхъ сборникахъ, которые въ большомъ количествѣ дошли до насъ. Главное мѣсто занимаютъ книги религіознаго содержанія. Въ нихъ входили: во-первыхъ, поученія отцовъ церкви, распредѣленныя для чтенія на каждый день; во вторыхъ, житія святыхъ русской церкви и греческой вообще. Перваго рода сборники извѣстны подъ именами: *златоструевъ*, *златоустовъ*, *измарагдовъ* и пр.; а вторые назывались *четьи-минеи*, *прологи* и *патерики*; замѣчательны Великія Четьи-минеи, собранныя митрополитомъ Макаріемъ, современникомъ Ивана Грознаго, и Патерикъ Печерскій, составленный въ Кіевѣ въ XV в. Потомъ слѣдуютъ сборники библейскихъ сказаній, преимущественно «отреченныхъ» (т. е. непризнаваемыхъ церковью), которые назывались *палеи*. Сборники, извѣстные подъ именемъ *Пчелы*, составляютъ переходъ отъ духовной литературы къ свѣтской; они раздѣлены обыкновенно на главы нравственнаго содержанія (о богатствѣ и убожествѣ, о добродѣтели и злобѣ, о правдѣ; и т. п.).

Для распространенія свѣдѣній по всемірной исторіи служили *хронографы*, заимствованные по большей части изъ греческихъ лѣтописцевъ: здѣсь описывались событія отъ сотворенія міра и притомъ въ особенности событія византійскія. Для распространенія же историческихъ свѣдѣній о древней Россіи служили многочисленные лѣтописные сборники. Иногда изъ лѣтописей дѣлались выписки по княженіямъ и царствованіямъ («степенныя книги»), или составлялись лѣтописные своды; замѣчателенъ особенно сводъ лѣтописей, составленный по приказанію Никона. Въ XV в. московская лѣтопись получаетъ по преимуществу государственный (оффиціальный) характеръ и ведется при дворѣ великихъ князей; въ XVI ее начинаютъ замѣнять «разрядныя записки», куда дьяки вносили главныя

придворныя событія и служебную дѣятельность бояръ. Въ томъ же вѣкѣ появляются историческія записки современниковъ; таково сочиненіе князя Курбскаго о царствованіи Іоанна Грознаго. Въ XVII вѣкѣ лѣтописная дѣятельность почти прекращается, и записки выступаютъ на первый планъ; самыя замѣчательныя это: Авраамія Палицына «Сказаніе объ осадѣ Троицкаго монастыря и о бывшихъ потомъ въ Россіи мятежахъ», и любопытное сочиненіе «о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича», принадлежащее подъячему посольскаго приказа Кошихину; оно писано въ Швеціи, куда Кошихинъ убѣжалъ изъ Московскаго государства (около 1654 г.) *.

Въ XVII вѣкѣ обнаружилась потребность въ обзорѣ цѣлой Русской исторіи; потребность эта сознается сначала въ Малороссіи. Въ Кіевѣ былъ напечатанъ сборникъ лѣтописныхъ и другихъ сказаній изъ Русской исторіи, доведенныхъ до временъ Ѳеодора Алексѣевича. Сборникъ названъ «Синопсисъ» (сокращеніе); онъ приписывается архимандриту Кіевопечерской лавры Иннокентію Гизелю, и долго (до временъ Ломоносова) былъ единственнымъ учебникомъ для Русской исторіи. Вслѣдствіе малаго пониманія исторической

* Памятниками письменности въ древней Россіи и вмѣстѣ важнымъ матеріаломъ для ея исторіи служатъ также многочисленныя грамоты: уставныя, договорныя, жалованныя, духовныя, правыя и др. Самое богатое собраніе такихъ грамотъ и актовъ заключается въ изданіяхъ *Археографической коммиссіи*, которая была учреждена въ 1834 г. для печатанія русскихъ историческихъ матеріаловъ.

Драгоцѣнный источникъ для исторіи до-Петровской Россіи, для знакомства съ ея нравами и обычаями представляютъ еще записки иностранцевъ, довольно многочисленныя въ XVI и XVII вв. Составители этихъ записокъ отчасти посѣщали Россію въ качествѣ пословъ и путешественниковъ, каковы: баронъ Герберштейнъ, Поссевинъ, Флетчеръ, Олеарій, баронъ Мейербергъ (австрійскій посолъ при Алексѣѣ Михайловичѣ); отчасти находились въ московской или польской службѣ, каковы: Маржеретъ (французскій офицеръ въ гвардіи Бориса Годунова и Лжедимитрія I), Бопланъ, Коллинсъ (англійскій врачъ при дворѣ Алексѣя Михайловича), ученый сербъ Крижаничъ, и др.

науки въ то время и сообразно съ наклонностью къ реторическимъ прикрасамъ всего отечественнаго, Синопсисъ наполненъ разглагольствіями о могуществѣ и процвѣтаніи древнихъ Славянъ, о великихъ подвигахъ князей и т. д.

Собственно свѣтская или легкая литература того времени состояла изъ большаго количества сказокъ и повѣстей, которыя служили любимымъ предметомъ чтенія или изустнаго расказа, и на ряду съ другими сочиненіями входили въ составъ рукописныхъ сборниковъ. Многія изъ этихъ повѣстей очевидно иноземнаго происхожденія, частію занесенныя съ востока (напр. «о Синагриппѣ царѣ и Акирѣ премудромъ», взятая изъ арабскихъ сказокъ «Тысяча и одна ночь»), частію съ запада, посредствомъ Польши (напр. «Бова королевичъ»— изъ итальянскихъ рыцарскихъ романовъ); но онѣ обыкновенно передѣлывались на русскій ладъ. Форму повѣстей принимали также многочисленныя легенды назидательнаго содержанія (напр. Муромская легенда о князѣ Петрѣ и княгинѣ Февроніи) и сатирическіе расказы, въ которыхъ народное остроуміе выставляло на видъ дурныя стороны своего общественнаго быта; образецъ такихъ расказовъ представляетъ «Шемякинъ судъ» — сатира на неправедныхъ, корыстолюбивыхъ судей.

Вотъ его содержаніе: Къ судьѣ Шемякѣ пришли три истца и жаловались ему на одного бѣднаго человѣка: у перваго истца этотъ бѣднякъ взялъ на время лошадь и возвратилъ ее безъ хвоста; у другаго, зайдя на ночлегъ, онъ сорвался съ палатей на зыбку, въ которой лежалъ сынъ хозяина, и причинилъ смерть ребенку; у третьяго онъ убилъ отца, упавши на него съ моста. Отвѣтчикъ, идя на судъ, взялъ камень, завернулъ его въ платокъ и положилъ въ шапку; ставъ передъ судьей, онъ на его вопросы только кланялся и показывалъ платокъ. Шемяка рѣшилъ дѣло такимъ образомъ, что каждый изъ истцовъ потомъ заплатилъ деньги от-

вѣтчику, чтобы избавиться отъ исполненія судейскаго рѣшенія (напр. третьему истцу присуждено было стать на мостъ и упасть на отвѣтчика точно также, какъ тотъ упалъ на его отца). Когда же Шемяка велѣлъ бѣдняку показать, что у него завернуто въ платкѣ, тотъ кинулъ камень, и объяснилъ, что этимъ камнемъ онъ хотѣлъ убить судью, еслибы послѣдній рѣшилъ дѣло не въ его пользу. Судья былъ очень доволенъ своимъ рѣшеніемъ, которое сохранило ему жизнь.

Между тѣмъ какъ книги составляли умственную пищу грамотныхъ людей и по рѣдкости своей были доступны только зажиточному классу, художественныя потребности простаго народа находили себѣ удовлетвореніе въ разнообразныхъ и многочисленныхъ пѣсняхъ, т. е. въ произведеніяхъ народной фантазіи и народнаго чувства. Между ними первое мѣсто занимаютъ «былины», т. е. пѣсни съ эпическимъ характеромъ. Героями этихъ былинъ являются богатыри; они олицетворяютъ собою княжескую дружину въ борьбѣ съ враждебными сосѣдями, преимущественно съ азіатскими племенами, которыя то выступаютъ въ видѣ несмѣтнаго войска, то представляются въ чудовищномъ образѣ Змѣя Горыныча и другихъ фантастическихъ существъ. Богатыри русскіе обыкновенно собираются около великаго князя Владиміра «Красное Солнышко», который задаетъ имъ великолѣпные пиры и посылаетъ ихъ совершать баснословные подвиги *. Наибольшею славою въ народѣ изъ такихъ идеальныхъ героевъ пользовались: Илья Муромецъ (богатырь-крестьянинъ), Добрыня Никитичъ (богатырь-бояринъ) и Алеша Поповичъ.

---

* На княжескомъ пиру богатырь ѣстъ и пьетъ, сообразно съ своей непомѣрною силою. Ему наливаютъ:

«Чару зелена вина въ полтора ведра
И турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра».

А богатырь:

«Принимаетъ чару единой рукой,
Выпиваетъ ее единымъ духомъ».

Кромѣ этого княжескаго цикла (т. е. круга) эпическихъ пѣсенъ, получившихъ начало преимущественно въ южной Россіи, былъ еще другой циклъ пѣсенъ, принадлежавшихъ сѣверной или новогородской Руси. Здѣсь вмѣсто княжескаго двора или дружины на заднемъ планѣ рисуется община и вѣче; а героями пѣсенъ являются предпріимчивые гости и повольники новогородскіе. Таковы пѣсни: «Василій Буслаевъ» и «Садко богатый гость». И тотъ и другой циклъ по происхожденію своему относится къ удѣльно-вѣчевой Руси, т. е. къ періоду борьбы между княземъ и вѣчемъ; но пѣсни эти сохранились въ устахъ народа до позднѣйшихъ временъ.

Въ XVI и XVII вв. составляется въ Московской Руси циклъ собственно царскій; такъ, слагаются пѣсни объ Иванѣ Грозномъ, о его завоеваніяхъ, пирахъ и боярахъ, о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и т. д. Между тѣмъ въ Малой Россіи образуется обширный историческій эпосъ изъ казацкихъ песенъ или «думъ»; содержаніемъ ихъ служатъ подвиги казацкихъ героевъ, преимущественно любимыхъ гетмановъ. Эти думы слагали и пѣли народные малороссійскіе поэты («кобзари» или бандуристы). Въ тоже время являются разбойничьи пѣсни, напримѣръ о Стенькѣ Разинѣ и другихъ знаменитыхъ атаманахъ.

Къ разряду эпическихъ произведеній можно отнести и такъ называемые «стихи» религіознаго содержанія, каковы «о Голубиной книгѣ» и «о Страшномъ судѣ». Въ нихъ особенно ярко отразилась смѣсь языческихъ понятій съ христіанскими вѣрованіями *.

---

* Напримѣръ, вотъ какимъ образомъ Голубиная книга расказываетъ о происхожденіи міра:

«У насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа,
Солнце красное отъ лица божьяго,
Свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей божіихъ,
Звѣзды свѣтлыя отъ ризъ божіихъ,
Ночи темныя отъ думъ господнихъ» и т. д.

Что же касается до русскихъ лирическихъ пѣсенъ, то въ нихъ вполнѣ высказался внутренній міръ народа, т. е. сторона сердца или чувства, которое у славянскихъ племенъ по большей части преобладаетъ надъ другими силами души. На этихъ пѣсняхъ лежитъ общій отпечатокъ задушевности; а господствующій въ нихъ тонъ—*заунывный,* который есть слѣдствіе многочисленныхъ страданій, перенесенныхъ русскимъ народомъ въ теченіе его долгой исторической жизни. Въ особенности меланхолическимъ настроеніемъ и нѣжнымъ сосредоточеннымъ чувствомъ отличаются пѣсни малороссійскія; тогда какъ великорусскія пѣсни иногда переходятъ къ необузданному веселью, и вообще отражаютъ болѣе широкую натуру, способную и къ кипучей дѣятельности и къ беззаботному разгулу *.

Въ XVI и XVII вв. обозначились два главные типа русской народности: сѣверный или «великорусскій» и южный или «малорусскій». Въ основу перваго типа положенъ древне-

---

* Страданія этой разгульной натуры отъ стараго народнаго порока, пьянства, съ большою силою высказались въ пѣснѣ о Горѣ-Злосчастьѣ: Добрый мóлодецъ ушелъ изъ дому безъ благословенія родителей. Является Горе-Злосчастье, олицетворенное въ видѣ какого-то злаго демона, искушаетъ молодца, заставляетъ его пропить все имѣніе и потомъ скитаться по свѣту, не переставая его всюду преслѣдовать. Молодецъ рѣшился броситься въ рѣку, Горе его недопустило; захотѣлъ воротиться на родину, оно ему загородило путь. Это неотвязчивое преслѣдованіе, по обычаю народныхъ пѣсенъ, изображается поэтическими оборотами:

«Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ,
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ».
«Молодецъ пошелъ пѣшъ дорогою,
А Горе подъ руку подъ правую» и т. д.

Измученный преслѣдованіями злаго Горя, молодецъ спасается наконецъ въ монастырь — по понятіямъ благочестивыхъ людей вѣрное убѣжище отъ мірскихъ золъ,—куда демонъ Горе за нимъ не посмѣлъ слѣдовать.

новгородскій элементъ, который въ видѣ многочисленныхъ новогородскихъ колоній распространился по всей сѣверной или финской половинѣ Россіи; порабощая себѣ финскую народность, онъ въ свою очередь самъ подвергся вліянію новой почвы и дѣйствію московскаго государственнаго порядка. Второй типъ образовался изъ древняго южно-русскаго элемента, подъ вліяніемъ казачества и польской гражданственности.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

РУСЬ-ИМПЕРІЯ.

I. ЦАРСТВОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО ИЛИ ЭПОХА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ РЕФОРМЪ.

1682—1725.

Стрѣлецкій бунтъ. Послѣ смерти бездѣтнаго Ѳеодора Алексѣевича ближайшее право на престолъ имѣлъ слѣдующій за нимъ братъ Іоаннъ; но онъ былъ извѣстенъ своею слабостію тѣлесною и душевною; поэтому патріархъ Іоакимъ и бояре, мимо старшаго брата, провозгласили царемъ десятилѣтняго Петра. Тогда главное значеніе при дворѣ получила мать Петра, Наталья Кирилловна, и воспитатель ея бояринъ Матвѣевъ былъ немедленно возвращенъ изъ ссылки. Противъ царицы Натальи и ея родственниковъ Нарышкиныхъ вооружилась партія Милославскихъ; душой этой партіи сдѣлалась умная, честолюбивая Софья, одна изъ дочерей Алексѣя Михайловича отъ перваго брака. Такъ какъ при дворѣ ея отца, подъ вліяніемъ западныхъ обычаевъ, царевны нестрого соблюдали древнія правила затворничества, то Софья чтеніемъ и бесѣдою съ людьми образованными успѣла развить свой умъ и познакомиться съ дѣлами государственными. Въ царствованіе брата

Θеодора она уже принимала нѣкоторое участіе въ политикѣ, а послѣ провозглашенія царемъ Петра рѣшилась оспаривать власть у своей мачихи. Для исполненія своихъ замысловъ Софья и ея родственники обратились къ стрѣлецкому войску. Между московскими стрѣльцами, около того времени, обнаружилось волненіе по слѣдующему поводу: войско жаловалось правительству на притѣсненія своихъ полковниковъ; а правительство ограничилось нѣсколькими нерѣшительными мѣрами; тогда стрѣльцы начали собираться въ круги, по казацкому обычаю, и самовольно расправляться съ своими начальниками. Софья воспользовалась этимъ волненіемъ; посредствомъ преданныхъ ей людей она склонила стрѣльцовъ на свою сторону; внушила имъ, что царевичъ Іоаннъ незаконно отстраненъ отъ престола, и возбудила наконецъ открытый, кровавый бунтъ противъ Нарышкиныхъ.

Утромъ, 15 мая 1682 года, сообщники царевны прискакали въ стрѣлецкую слободу съ извѣстіемъ, что Нарышкины задушили царевича Іоанна. При звукахъ набатныхъ колоколовъ собрались стрѣлецкіе полки, числомъ около 15000 человѣкъ, и немедленно бросились въ Кремль. Подступивъ къ дворцу, они громко требовали выдачи Нарышкиныхъ, погубившихъ царевича. Наталья Кирилловна вывела на Красное крыльцо обоихъ братьевъ, Іоанна и Петра. Стрѣльцы, видя, что ихъ обманули, остановились, и начали слушать увѣщанія боярина Матвѣева, нѣкогда своего любимаго начальника. Мятежъ уже готовъ былъ утихнуть; но приверженцы Софьи употребили всѣ усилія воспламенить его снова. Имъ помогъ своею неосторожностію начальникъ стрѣлецкаго приказа князь Михаилъ Долгорукій, который, послѣ кроткой рѣчи Матвѣева, вдругъ закричалъ на стрѣльцовъ и съ угрозами велѣлъ имъ разойтись. Мятежники разсвирѣпѣли, взбѣжали на крыльцо, и, схвативъ Долгорукаго, бросили его внизъ на копья своихъ товарищей; той же

участи подвергся и несчастный Матвѣевъ. Одни изъ стрѣльцовъ ворвались въ самый дворецъ и убили нѣсколько вельможъ, имена которыхъ находились въ спискѣ, составленномъ Милославскими; другія толпы бунтовщиковъ разсѣялись по Москвѣ, отыскивая повсюду людей обреченныхъ на смерть. Убійства возобновились на другой и на третій день. Въ числѣ многихъ знатныхъ людей въ это время погибли: Языковъ, бывшій любимецъ царя Ѳеодора, и родной братъ царицы Иванъ Нарышкинъ.

Прекративъ наконецъ свои убійства, стрѣльцы по внушенію Софьи объявили государями обоихъ царевичей вмѣстѣ; дума боярская и выборные отъ разныхъ сословій согласились на это двоевластіе. Вслѣдъ за тѣмъ стрѣльцы настояли, чтобы правленіе, за молодостію братьевъ, было вручено царевнѣ Софьѣ.

Правленіе царевны Софьи. Первымъ дѣломъ правительницы была борьба съ раскольничьимъ движеніемъ. Число раскольниковъ быстро умножалось, не смотря на преслѣдованія, которымъ подвергались приверженцы «старой вѣры» въ царствованіе Алексѣя и Ѳеодора (главные представители раскола Аввакумъ, Лазарь и дьяконъ Ѳедоръ были сожжены въ Пустозерскѣ въ 1681 г.). Учители раскола и основатели разныхъ сектъ или *толковъ* укрывались по отдаленнымъ областямъ государства, и тамъ собирали вокругъ себя послѣдователей; особенно много раскольничьихъ *скитовъ* появилось въ глухихъ лѣсахъ пустыннаго Архангельскаго края. Въ самой столицѣ раскольники были довольно многочисленны; къ нимъ тайно принадлежала и часть стрѣльцовъ. Послѣ майскаго переворота стрѣлецкое войско стало смотрѣть на себя какъ на главную опору правительства; раскольники ободрились, и начали дѣйствовать тѣмъ смѣлѣе, что новый начальникъ стрѣль-

цовъ, князь Хованскій, былъ послѣдователь ихъ ученія. Болѣе другихъ отличался своимъ фанатизмомъ разстриженный священникъ Никита, прозванный «Пустосвятомъ». Однажды онъ съ большою толпою явился въ Кремль и вызывалъ патріарха на Лобное мѣсто для торжественнаго пренія о вѣрѣ. Патріархъ принялъ вызовъ; но преніе, по желанію Софьи, произошло не на площади, а во дворцѣ, въ Грановитой палатѣ, гдѣ присутствовали правительница, оба царя, вельможи и выборные московскіе люди (въ іюлѣ 1682 г.). Преніе было шумное и продолжалось до вечера; выходя изъ палаты, раскольники провозгласили побѣду. Когда такимъ образомъ соблазнъ въ народѣ достигъ опасныхъ размѣровъ, правительница рѣшилась прибѣгнуть къ строгости: спустя нѣсколько дней послѣ пренія, предводители раскольниковъ были схвачены; Никитѣ отрубили голову, а другихъ заточили. Ученики ихъ разсѣялись въ разныя стороны, но ревностно продолжали дѣло своихъ учителей.

Между тѣмъ стрѣлецкое войско не переставало волноваться; а Хованскій, потворствуя своеволію подчиненныхъ, сдѣлался ихъ любимцемъ, и началъ питать честолюбивые замыслы. Пребываніе въ столицѣ и ея окрестностяхъ становилось небезопасно для правительницы; она вмѣстѣ съ дворомъ удалилась въ крѣпкій Троицкій монастырь, куда стала созывать служилыхъ людей для защиты царскаго семейства. Хованскій, отправившись по ея приглашенію къ Троицѣ, былъ схваченъ на дорогѣ, и безъ суда казненъ вмѣстѣ съ сыномъ. Стрѣльцы сначала подняли бунтъ; но, устрашенные войскомъ, собраннымъ около Троицкаго монастыря, они скоро смирились, и упросили патріарха ходатайствовать за нихъ передъ царевною. Она потребовала, чтобы выборные отъ стрѣльцовъ принесли ей повинную; расказываютъ, будто около 3000 человѣкъ отправились въ монатырь съ петлями на шеѣ, не-

ся въ рукахъ плахи и топоры. Имъ объявлено было прощеніе; а стрѣлецкій приказъ Софья поручила думному дьяку Шакловитому, человѣку вполнѣ ей преданному.

Въ это время любимцемъ царевны и первымъ ея совѣтникомъ является князь Василій Голицынъ, вельможа умный, получившій отчасти европейское образованіе. Изъ внѣшнихъ дѣлъ Софьи и Голицына самымъ важнымъ былъ союзъ противъ Турціи, предложенный польскимъ королемъ Яномъ Собѣскимъ. Царевна приняла предложеніе короля только подъ условіемъ вѣчнаго мира съ Польшею, который долженъ былъ подтвердить статьи Андрусовскаго договора и упрочить за Москвою Кіевъ. Поляки согласились на это тяжкое для нихъ условіе, и въ Москвѣ былъ заключенъ вѣчный миръ (1686 г.). Вслѣдъ затѣмъ Россія, въ союзѣ съ Польшею, Австріею и Венеціею, открыла войну противъ Турціи. По условію русскіе должны были напасть на хана, чтобы отвлечь его отъ соединенія съ турками. 100,000 московскаго войска подъ начальствомъ Голицына и 50,000 малороссійскихъ казаковъ съ гетманомъ Самойловичемъ выступили противъ крымцевъ (1687 г.). Но походъ по открытымъ степямъ былъ чрезвычайно труденъ для большаго войска. Татары зажгли степи, и лошади начали падать отъ безкормицы, люди терпѣли отъ дыму и зноя, оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Голицынъ безъ битвы воротился назадъ. Первымъ слѣдствіемъ неудачи было сверженіе Самойловича; казацкіе старшины, не любившіе гетмана за гордость и корыстолюбіе, обвинили его въ измѣнѣ, и потребовали, чтобы онъ былъ смѣненъ. Софья исполнила ихъ требованіе; Самойловича сослали въ Сибирь, а на его мѣсто былъ выбранъ Иванъ Мазепа *. Весною 1689 года Голи-

* Это былъ человѣкъ хитрый, довольно образованный и отличавшійся страстью къ женщинамъ. Есть извѣстіе (въ мемуарахъ польскаго шляхтича Паска), что въ молодости Мазепа служилъ при дворѣ польскаго короля Яна

цынъ съ Мазепою предпринялъ второй походъ на Крымъ; на этотъ разъ русскіе дошли до Перекопа, но опять воротились назадъ безъ успѣха. Правительница однако щедро наградила своего любимца и другихъ воеводъ, принимавшихъ участіе въ крымскихъ походахъ. Въ томъ же году русскій уполномоченный Головинъ заключилъ съ Китаемъ Нерчинскій договоръ; по этому договору плодоносные берега Амура, завоеванные горстью казацкихъ удальцовъ, снова отошли къ китайцамъ, и крѣпость Албазинъ, которую казаки прославили своею геройскою защитою, была разорена.

Воспитаніе Петра и паденіе Софьи. Младшій сынъ Алексѣй Михайловича росъ подъ надзоромъ своей матери и получилъ воспитаніе, совершенно непохожее на то, которое прежде давалось московскимъ царевичамъ. (Вполнѣ подчиненные строгимъ правиламъ церемоніала, господствовавшаго при московскомъ дворѣ, они до извѣстныхъ лѣтъ отрочества почти не покидали внутреннихъ покоевъ дворца и оставались недоступны для глазъ народа; учителями ихъ были преимущественно лица духовныя). Рано лишившись отца, Петръ въ царствованіе брата и правленіе сестры находился въ нѣкоторомъ удаленіи отъ придворной жизни, и пользовался гораздо большею свободою, нежели его предшественники. Съ дѣтства онъ обнаружилъ необыкновенно дѣятельную, пылкую натуру, геніальныя способности и чрезвычайную любознательность. Дьякъ Зотовъ, приставленный къ Петру для обученія грамо-

---

Казиміра; что одинъ панъ, обманутый своею женою, схватилъ Мазепу, привязалъ его нагаго на спину коня, и пустилъ въ поле. Послѣ того Мазепа скрылся; а, спустя нѣсколько лѣтъ, появился на Украйнѣ въ войскѣ гетмана Дорошенко. Онъ потомъ измѣнилъ Дорошенку и предался гетману Самойловичу. У послѣдняго Мазепа училъ дѣтей и съ помощію его получилъ важную должность войсковаго писаря; но измѣнилъ Самойловичу, и былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ его паденія.

тѣ, будучи недалекъ по уму и познаніямъ, не могъ удовлетворить любознательности своего ученика. Царевичъ самъ нашелъ себѣ учителей между обитателями Нѣмецкой слободы, т. е. между иностранцами состоявшими въ русской службѣ. Изъ этихъ иностранцевъ наиболѣе извѣстны: голландецъ Тиммерманъ, учившій Петра ариѳметикѣ, геометріи и артиллеріи, и ловкій, веселый швейцарецъ Лефортъ, впослѣдствіи другъ и любимый собесѣдникъ царя. Ихъ расказы, знакомившіе Петра съ подробностями европейской образованности, еще сильнѣе возбуждали въ немъ жажду знанія и дѣятельности.

Дѣтскія забавы Петра отличались военнымъ характеромъ: онъ окружилъ себя сверстниками изъ дѣтей придворныхъ служителей, и, проводя большую часть времени въ царскихъ подмосковныхъ селахъ, игралъ съ ними въ солдаты. Съ помощью иностранныхъ офицеровъ онъ образовалъ изъ товарищей своихъ игръ *потѣшныя* роты, сформированныя по образцу регулярнаго солдатскаго войска; число охотниковъ, поступавшихъ въ эти роты, постоянно увеличивалось, и изъ нихъ составились потомъ два первыхъ гвардейскихъ полка, Преображенскій и Семеновскій (названные такъ по двумъ подмосковнымъ селамъ). Иностранные корабельные мастера помогли царевичу завести также и потѣшный флотъ изъ судовъ, построенныхъ по европейскимъ образцамъ.

Самъ Петръ такимъ образомъ расказываетъ (въ предисловіи къ морскому регламенту) о началѣ потѣшнаго флота.

Однажды, въ 1688 году, ему вмѣстѣ съ Тиммерманомъ случилось быть въ подмосковномъ селѣ Измайловѣ. Осматривая амбары, въ которыхъ лежали старыя вещи покойнаго Никиты Ивановича Романова, царевичъ увидалъ незнакомое для него иностранное судно, и обратился съ разспросами къ Тиммерману. Послѣдній объяснилъ, что это англійскій ботъ, который можетъ ходить на парусахъ не только по вѣтру, но

и противъ вѣтра. Удивленный Петръ спросилъ, нѣтъ ли человѣка, который могъ бы починить ботъ и показалъ бы его ходъ на водѣ? Тиммерманъ указалъ на голландскаго мастера Бранта, который при Алексѣѣ Михайловичѣ участвовалъ въ постройкѣ судовъ для Каспійскаго моря. Брантъ удовлетворилъ желанію юноши, спустилъ ботъ на Яузу, и научилъ Петра лавировать. Петръ скоро такъ пристрастился къ новой забавѣ, что неудовлетворился однимъ ботомъ, а въ слѣдующемъ году при помощи того же Бранта, выстроилъ уже цѣлую флотилію судовъ на Переяславскомъ озерѣ.

Софья мало заботилась о военныхъ потѣхахъ и разгульномъ образѣ жизни своего брата. Но по мѣрѣ того, какъ молодой царь приходилъ въ возрастъ, борьба между имъ и властолюбивою правительницею становилась неизбѣжна. Руководимая совѣтами Шакловитаго и ученаго игумена Заиконоспасскаго монастыря Сильвестра Медвѣдева, Софья хотѣла снова поднять на свою защиту стрѣлецкое войско; но стрѣльцы на этотъ разъ не показали охоты поддерживать правительницу, и большинство ихъ явно склонялось на сторону царя. Тогда Шакловитый рѣшился посягнуть на самую жизнь Петра и его матери. Два стрѣльца ночью явились въ Преображенское къ царю, и извѣстили его объ опасности. Внезапно разбуженный, Петръ тотчасъ сѣлъ на коня и ускакалъ въ Троицкую лавру подъ защиту ея укрѣпленій; за нимъ послѣдовали царица Наталья, ея родственники и приверженцы. По призыву царя сюда скоро начали стекаться и военные люди; изъ Москвы пришелъ стрѣлецкій Сухаревъ полкъ и увлекъ за собою другихъ стрѣльцовъ; явились и служилые иноземцы. Почти всѣми оставленная, правительница тщетно прибѣгала къ посредничеству патріарха и другихъ близкихъ особъ. Шакловитый и Сильвестръ Медвѣдевъ были казнены, князь Голицынъ съ сыномъ отправленъ въ Пустозерскъ; а Софья заключена въ Новодѣвичій монастырь (1689 г.). Семнадцатилѣтній Петръ сдѣлался те-

перь единодержавнымъ государемъ. Хотя братъ его Иванъ продолжалъ именоваться царемъ на всѣхъ грамотахъ и при торжественныхъ случаяхъ являлся народу въ царскомъ облаченіи, но не принималъ дѣйствительнаго участія въ управленіи; онъ умеръ въ 1696 году.

Азовскіе походы и путешествіе за границу. Первое время своего правленія Петръ преимущественно занимался устройствомъ регулярнаго войска. Онъ давалъ примѣрныя сраженія солдатскихъ полковъ съ стрѣльцами (при чемъ первые обыкновенно оставались побѣдителями); продолжалъ строить суда на Переяславскомъ озерѣ, и два раза ѣздилъ въ Архангельскъ, чтобы познакомиться съ моремъ. Отъ своихъ трудовъ царь нерѣдко отдыхалъ за веселыми пирами и попойками въ обществѣ приближенныхъ лицъ, преимущественно иностранныхъ офицеровъ; на эту дружбу съ иностранцами неодобрительно смотрѣли духовенство и старые московскіе бояре.

Скоро вниманіе государя обратилось на югъ, къ морямъ Азовскому и Черному, гдѣ война съ турками, начатая при Софьѣ, еще не была окончена. Главнымъ пунктомъ для своего нападенія царь избралъ Азовскую крѣпость, которая служила ключемъ къ сосѣднему морю. (Къ морскимъ берегамъ стремился Петръ для сближенія съ Западною Европою). Посадивъ войско на суда, онъ переправилъ его Окою, Волгою и Дономъ къ Азову; въ тоже время другая армія подъ начальствомъ Шереметева вмѣстѣ съ малороссійскими казаками направилась къ низовьямъ Днѣпра. Осада Азова, въ которой участвовалъ самъ Петръ, на первый разъ была неудачна (1695 г.), отчасти по неимѣнію искусныхъ инженеровъ, отчасти потому, что азовскій гарнизонъ свободно получалъ подкрѣпленія съ моря. Царь отступилъ, но въ ту же зиму построилъ до 30 военныхъ судовъ на рѣкѣ Воронежѣ; на слѣдующую весну онъ снова выступилъ въ

походъ, назначивъ адмираломъ флота любимца своего Лефорта, а главнымъ начальникомъ сухопутнаго войска боярина Шеина. На этотъ разъ крѣпость, окруженная съ сухаго пути и съ моря, сдалась послѣ двухмѣсячной осады. Побѣдителямъ былъ устроенъ тріумфальный входъ въ столицу, причемъ царь шелъ впереди морскаго отряда въ мундирѣ простаго капитана. Чтобы утвердиться на берегахъ Азовскаго моря, Петръ немедленно приступилъ къ сооруженію большаго флота на счетъ духовныхъ и свѣтскихъ землевладѣльцевъ своего государства. Землевладѣльцы для этого соединялись въ опредѣленныя товарищества или «кумпанства». Постройка судовъ производилась на Воронежской верфи, окрестности которой изобиловали въ тѣ времена густыми, первобытными лѣсами.

Для обученія морскому дѣлу царь отправилъ до 50 молодыхъ людей изъ своихъ стольниковъ и спальниковъ въ Венецію, Англію и Голландію. Вслѣдъ за тѣмъ онъ самъ рѣшился ѣхать за границу, чтобы видѣть европейскую цивилизацію и научиться искусству строить корабли. Съ этою цѣлью снаряжено было торжественное посольство, во главѣ котораго поставлены генералы Лефортъ и Головинъ; а въ числѣ дворянъ, составлявшихъ посольскую свиту, отправился самъ царь подъ именемъ дворянина Петра Михайлова. Управленіе государствомъ на время отсутствія онъ поручилъ тремъ вельможамъ: своему дядѣ Нарышкину, князю Борису Голицыну и князю Прозоровскому (1697 г.). Въ Ригѣ шведскій комендантъ недружелюбно принялъ пословъ и не дозволилъ Петру осмотрѣть городскія укрѣпленія; за то въ сѣверной Германіи посольство повсюду встрѣчало ласковый пріемъ *. Въ Голландіи Петръ

* Въ городкѣ Коппенбургѣ (недалеко отъ Ганновера) Петръ посѣтилъ курфирстину Ганноверскую Софью Шарлоту и дочь ея Софью, курфирстину Бранденбургскую. Вотъ какъ потомъ отзывались о немъ обѣ курфирстины въ своихъ письмахъ: «Царь очень высокаго роста, строенъ и весьма кра-

остановился, и нѣсколько мѣсяцевъ съ топоромъ въ рукѣ работалъ на корабельныхъ верфяхъ, сначала въ городкѣ Сардамѣ, потомъ въ Амстердамѣ. Отсюда онъ переѣхалъ въ Англію, чтобы усовершенствовать себя въ искусствѣ мореплаванія. Изъ Англіи Петръ отправился въ Вѣну, ко двору императора Леопольда, откуда уже хотѣлъ ѣхать въ Венецію, когда пришла вѣсть о новомъ стрѣлецкомъ бунтѣ, и царь поспѣшилъ въ Москву.

Еще до отъѣзда Петра за границу былъ открытъ заговоръ на его жизнь, составленный стрѣлецкимъ полковникомъ Циклеромъ, окольничимъ Соковнинымъ и другими приверженцами старины; заговорщики подверглись казни. Во время же отсутствія Петра четыре стрѣлецкіе полка, стоявшіе на литовской границѣ, будучи недовольны разлукою съ своими семьями и тяжелою службою, возмутились, и пошли къ столицѣ, изъявляя намѣреніе перебить бояръ и нѣмцевъ. Говорятъ, царевна Софья изъ своего монастырскаго уединенія звала стрѣльцовъ въ Москву, распуская слухъ, будто бы Петръ умеръ за границею. Бояринъ Шеинъ и генералъ Гордонъ съ регулярными полками встрѣтили мятежниковъ около Воскресенскаго монастыря и разсѣяли ихъ нѣсколькими пушечными выстрѣлами. Послѣ обычнаго розыска (пытокъ) главные зачинщики были повѣшены, а остальные мятежники разсажены по тюрьмамъ. Такимъ образомъ прежде, нежели царь успѣлъ прибыть въ Москву, мятежъ былъ усмиренъ.

Первымъ дѣломъ Петра по возвращеніи изъ путешествія (въ августѣ 1698 года) было запрещеніе носить бороду, слу-

---

сивъ, онъ одаренъ замѣчательною живостію ума, отвѣты его быстры и мѣтки. Но при блестящихъ природныхъ дарованіяхъ ему не достаетъ хорошихъ манеръ; еслибы онъ получилъ лучшее воспитаніе, то былъ бы человѣкомъ совершеннымъ». «Москвитяне, танцуя съ нами, приняли корсетныя пружины за наши кости, и царь замѣтилъ: у этихъ нѣмовъ чертовски-жесткія кости».

жившую наружнымъ отличіемъ русскихъ отъ западныхъ европейцевъ. Бояре и вообще придворныя лица прежде другихъ должны были пожертвовать этимъ почетнымъ украшеніемъ; оно оставлено только духовенству и крестьянамъ; а люди другихъ сословій за право носить бороду должны были платить пошлину. Въ тоже время служилымъ людямъ и горожанамъ приказано перемѣнить свою старинную долгополую одежду на короткое европейское платье. Съ началомъ XVIII столѣтія царь велѣлъ праздновать начало новаго года не 1 сентября, какъ прежде, а 1 генваря, какъ у другихъ европейцевъ. Эти крутыя мѣры не обошлись безъ сильнаго ропота со стороны народа. Между тѣмъ, недовольный розыскомъ Шеина, Петръ приказалъ снова допрашивать стрѣльцовъ подъ страшными пытками. Убѣдившись въ участіи Софьи, онъ наконецъ прекратилъ розыскъ. Послѣдовали безпощадныя казни: всѣ стрѣльцы замѣшанные въ бунтѣ казнены, за исключеніемъ несовершеннолѣтнихъ*. Стрѣлецкое войско потомъ мало-по-малу было уничтожено.

Великая сѣверная война и пріобрѣтеніе балтійскихъ береговъ. Весною 1699 года Петръ съ своимъ воронежскимъ флотомъ ходилъ въ Азовское море; но въ слѣдующемъ году онъ заключилъ миръ съ турками и отложилъ

* Когда на московскихъ площадяхъ начали приготовлять множество висѣлицъ, патріархъ Адріанъ, какъ расказываютъ, явился къ Петру съ иконою Богоматери и умолялъ его о пощадѣ осужденныхъ. Царь съ гнѣвомъ отвѣчалъ ему: «Зачѣмъ подвигнулъ ты святую икону? Удались и поставь ее на свое мѣсто. Знай, что я чту Бога и Пресвятую Богородицу не менѣе тебя; но знай также и то, что долгъ мой охранять народъ и наказывать злодѣяніе». Трупы казненныхъ стрѣльцовъ оставались неубранными цѣлыя пять мѣсяцевъ, къ ужасу народа. Красная площадь была покрыта обезглавленными, а стѣны Бѣлаго и Землянаго города унизаны повѣшанными. На Дѣвичьемъ полѣ многіе стрѣльцы висѣли противъ самыхъ оконъ царевны Софьи, съ челобитными грамотами въ рукахъ.

дальнѣйшія предпріятія на югѣ. Въ то время главное его вниманіе и вся энергія устремились на борьбу со шведами, т. е. на пріобрѣтеніе береговъ Балтійскаго моря. Обстоятельства благопріятствовали этому стремленію: короли датскій и польскій заключили съ Петромъ наступательный союзъ противъ Швеціи. О заключеніи союза преимущественно хлопоталъ ливонецъ Паткуль, который принадлежалъ къ партіи дворянъ, недовольныхъ шведскимъ правительствомъ за отобраніе у нихъ въ казну («редукцію») многихъ земель. По его плану польскій король Августъ рѣшился отнять у шведовъ Ливонію, между тѣмъ какъ русскіе должны были захватить Ингрію и Карелію, а датчане герцогство Голштинское.

Начало войны, открывшейся весною 1700 года, было несчастливо для союзниковъ. Молодой шведскій король, Карлъ XII, побѣдивъ датчанъ и принудивъ ихъ къ миру, поспѣшилъ въ Лифляндію; а оттуда пошелъ противъ русскихъ, которые осаждали Нарву. Русская армія простиралась до 35000 человѣкъ, большею частію новобранцевъ, и состояла подъ начальствомъ иностраннаго генерала, герцога де Кроа; Карлъ имѣлъ войско втрое меньшее числомъ, но опытное и отлично устроенное. Быстрымъ, неожиданнымъ нападеніемъ Шведы разбили русскихъ и захватили артиллерію (19 ноября). Храбрый полководецъ, Карлъ однако не былъ дальновиднымъ политикомъ и не воспользовался своею побѣдою; онъ оставилъ русскихъ въ покоѣ, и нѣсколько лѣтъ провелъ въ Польшѣ увлекаясь своимъ торжествомъ надъ слабымъ, изнѣженнымъ Августомъ. Этимъ временемъ Петръ воспользовался какъ нельзя лучше. Послѣ нарвскаго пораженія онъ принялъ энергическія мѣры: начеканилъ мѣдной монеты, перелилъ церковные колокола въ пушки; устроивъ новую армію, онъ предпринялъ завоеваніе сосѣднихъ шведскихъ провинцій, которыя защищались незначительными силами. Фельдмаршалъ Шере-

метевъ разбилъ въ двухъ битвахъ шведскаго генерала Шлиппенбаха, и занялъ восточную часть Лифляндіи, при чемъ русскіе по своему старому обычаю, жестоко опустошали непріятельскія земли. Между тѣмъ самъ царь завоевалъ Ингрію, взялъ шведскія крѣпости на рѣкѣ Невѣ Нотебургъ (переименованный Петромъ въ Шлиссельбургъ) и Ніеншанцъ, и такимъ образомъ пробился къ давно-желанному морскому берегу. Въ Олонцѣ онъ устроилъ верфи для новаго балтійскаго флота; а на одномъ изъ острововъ въ устьѣ Невы (на Люстъ-Эйландѣ) немедленно заложилъ городъ Петербургъ — свою будущую столицу (въ маѣ 1703 г.).

Петръ самъ распоряжался работами по устройству гавани и крѣпостцы (Петропавловской). Онъ жилъ здѣсь въ маленькомъ деревянномъ домикѣ (который сохраняется теперь подъ каменнымъ навѣсомъ). Первые обитатели, поселенные въ новомъ городѣ, были жители разрушенной шведской крѣпости Ніеншанца. Изъ Калуги, Можайска и Вереи переселены сюда русскіе купцы. Уже въ ноябрѣ того же 1703 года къ устью Невы прибылъ первый иностранный (голландскій) корабль съ грузомъ вина и соли. Обрадованный царь выѣхалъ къ нему на встрѣчу, самъ исполнялъ обязанности лоцмана при введеніи корабля въ гавань, освободилъ грузъ отъ пошлины, щедро одарилъ хозяина корабля и всѣхъ матросовъ. Съ такимъ же радушіемъ встрѣчалъ онъ послѣдующіе иностранные корабли и охотно позволялъ угощать себя виномъ и кофе. Чтобы защитить съ моря свой балтійскій флотъ и будущую столицу, Петръ построилъ крѣпость Кроншлотъ на отмели подлѣ острова Котлина, запирающаго входъ въ устье Невы. На этомъ низменномъ островѣ и вокругъ него возникли впослѣдствіи укрѣпленія Кронштада *.

* Въ слѣдующемъ 1704 г. русскіе взяли приступомъ и Нарву, подъ которою прежде потерпѣли извѣстное пораженіе. Разгоряченные храбрымъ сопротивленіемъ, грубые солдаты предались грабежу и убійствамъ въ завое-

Весною 1704 года Петръ двинулъ часть русскихъ войскъ въ Литву на помощь своему союзнику. Но эта помощь не спасла польскаго короля: преслѣдуемый Карломъ въ самой Саксоніи, своемъ наслѣдственномъ курфиршествѣ, Августъ отказался наконецъ отъ польской короны въ пользу познанскаго воеводы Станислава Лещинскаго, и выдалъ шведамъ несчастнаго Паткуля, который былъ ими колесованъ какъ измѣнникъ (1706 г.). Теперь у Карла оставался только одинъ непріятель — московскій царь. Петръ тщетно предлагалъ миръ, требуя хотя одной гавани на Балтійскомъ морѣ; шведскій король не соглашался ни на какія уступки, и хотѣлъ въ Москвѣ предписать миръ своему противнику.

Одновременно съ этой трудной шведской войною царь, за свои нововведенія и крутыя мѣры, долженъ былъ выдерживать почти постоянную борьбу съ народнымъ неудовольствіемъ; а въ отдаленныхъ областяхъ не разъ происходило открытое возмущеніе. Такъ въ Астрахани сынъ одного изъ казненныхъ стрѣльцовъ поднялъ народъ слухами о намѣреніи царя перемѣнить вѣру, раздѣлить государство и выдать всѣхъ русскихъ дѣвицъ за нѣмцевъ (для избѣжанія такого несчастія астраханцы въ одинъ день повѣнчали у себя сто паръ); но астраханскихъ мятежниковъ довольно легко усмирилъ фельдмаршалъ Шереметевъ (1706 г.). Гораздо опаснѣе было возмущеніе донскихъ казаковъ.

Петръ отправилъ отрядъ войска, чтобы отыскивать и возвращать назадъ тяглыхъ людей, которые, спасаясь отъ рекрутскихъ наборовъ и новыхъ налоговъ, въ большомъ числѣ бѣжали на Донъ. Шайка голутвенныхъ казаковъ собралась подъ начальствомъ одного изъ старшинъ, Булавина, и неча-

---

ванномъ городѣ. Царь и его генералы съ трудомъ остановили ихъ неистовства. Вошедъ послѣ того въ домъ бургомистра, Петръ бросилъ на столъ свою окровавленную шпагу, и сказалъ: «Не бойтесь, это не шведская, а русская кровь, пролитая для вашей защиты».

яннымъ нападеніемъ истребила русскій отрядъ. Мятежъ быстро разлился по Дону, и Булавинъ завладѣлъ главнымъ городомъ казаковъ, Черкаскомъ (1708). Но подоспѣвшія царскія войска, нанесли мятежникамъ нѣсколько пораженій. Тогда домовитые казаки отложились отъ Булавина, и онъ съ отчаянія застрѣлился. Начальникъ царскихъ войскъ, князь Василій Долгорукій, разорилъ до основанія непокорныя станицы, и перевѣшалъ множество бунтовщиковъ. (По рѣкамъ пущены были плоты съ повѣшенными на нихъ казаками, что навело большой страхъ на весь Донъ). Одинъ изъ товарищей Булавина, ушелъ съ своею шайкою на Кубань, и поддался крымскому хану; потомъ съ частію своихъ казаковъ онъ перешелъ въ турецкую область Добруджу на нижнемъ Дунаѣ. (Здѣсь потомки этихъ казаковъ извѣстны подъ именемъ Некрасовцевъ).

Лѣтомъ 1708 года Карлъ съ главнымъ войскомъ направилъ путь въ Украйну; на помощь ему изъ Лифляндіи шелъ генералъ Левенгауптъ съ обозомъ военныхъ запасовъ. Петръ лично напалъ на Левенгаупта, разбилъ его при деревнѣ Лѣсной и захватилъ въ свои руки весь непріятельскій обозъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ получилъ вѣсть объ измѣнѣ малороссійскаго гетмана. Честолюбивый старикъ уже давно тяготился московскимъ подданствомъ; но искусно скрылъ свои планы и показывалъ себя вѣрнымъ слугою Петра. Опасаясь за свое гетманство и раздѣляя вѣру въ непобѣдимость Карла XII, Мазепа завелъ переговоры съ Станиславомъ Лещинскимъ. Личный врагъ Мазепы генеральный судья Кочубей и полковникъ Искра донесли царю объ измѣнѣ гетмана; но царь былъ слишкомъ увѣренъ въ его преданности, и доносчики, выданные Мазепѣ, подверглись казни. Когда Карлъ вступилъ въ Украйну, гетманъ присталъ къ нему съ отрядомъ казаковъ; но поднять всю Малороссію ему не удалось, и большинство войска осталось вѣрно царю. Генералъ Менщиковъ взялъ приступомъ и разо-

рилъ гетманскую столицу Батуринъ, послѣ чего въ гетманы былъ выбранъ полковникъ Скоропадскій, а Мазепа преданъ церковному проклятію.

Карлъ, обманутый надеждою на казацкую помощь, имѣлъ при себѣ не болѣе 30,000 человѣкъ, утомленныхъ битвами и тяжелыми лишеніями; русскія же области, въ которыя они вступили, заранѣе были опустошены царскими генералами. Шведы расположились между Псёломъ и Ворсклою, и осадили Полтаву. На помощь осажденнымъ явился самъ Петръ, и здѣсь 27 іюня 1709 года произошла знаменитая битва. Карлъ, тяжело раненный въ ногу, не могъ въ этотъ рѣшительный день сѣсть на коня и принять личное участіе въ сраженіи, между тѣмъ какъ Петръ являлся всюду, гдѣ грозила наибольшая опасность. Шведы были разбиты на голову; король съ Мазепою и нѣсколькими сотнями своихъ солдатъ успѣлъ переправиться за Днѣпръ, и бѣжалъ въ Турцію; а остатки шведскаго войска, настигнутые Менщиковымъ, сдались на капитуляцію. Полтавская побѣда имѣетъ важное значеніе въ исторіи сѣверной и восточной Европы: она нанесла сильный ударъ могуществу Швеціи и подняла Россію во мнѣніи европейскихъ державъ. Датскій король и Августъ (снова занявшій польскій престолъ) возобновили союзъ съ Москвою. На берегахъ Балтійскаго моря города одинъ за другимъ стали переходить въ руки Петра; между прочимъ взяты: Рига, Ревель и Выборгъ. Но вскорѣ царь опять былъ отвлеченъ на югъ, потому что Карлъ XII и французскій дворъ успѣли вооружить противъ него турецкаго султана. Послѣдній велѣлъ заключить въ Семибашенный замокъ русскаго посланника Толстаго, и объявилъ войну Россіи.

Получивъ обѣщаніе помощи отъ господарей Молдавіи и Валахіи и надѣясь возбудить возстаніе между турецкими славянами, Петръ съ сорокатысячнымъ войскомъ несторожно углубился въ степи и перешелъ границу. На помощь къ нему

явился только одинъ молдавскій господарь Кантеміръ. Услыхавъ о приближеніи огромныхъ турецкихъ силъ, царь поспѣшилъ отступить; но на берегахъ Прута былъ окруженъ двухсотъ-тысячною арміею великаго визиря (въ іюлѣ 1711 г.). Тогда Петръ вошелъ въ переговоры, и, сверхъ ожиданія, великій визирь охотно согласился на миръ. По этому миру туркамъ сдѣланы значительныя уступки, и, такъ какъ имъ возвратили Азовъ, то русскіе снова были отрѣзаны отъ Чернаго моря.

Между тѣмъ сѣверная война продолжалась непрерывно, хотя походы большими массами войскъ уже кончились. Союзники вытѣснили шведовъ съ южныхъ балтійскихъ береговъ; а на морѣ русскій флотъ одерживалъ верхъ надъ шведскимъ. Но царь скоро разсорился съ своими союзниками, которые начали подозрѣвать его въ намѣреніи завладѣть Мекленбургскимъ герцогствомъ. Тогда Карлъ XII завязалъ переговоры съ царемъ, соглашаясь на многія уступки; но внезапная смерть короля прекратила эти переговоры (1718 г.), и шведское правительство возобновило войну. Высадки русскихъ войскъ на берега Швеціи, подъ начальствомъ адмирала Апраксина, и страшныя опустошенія, произведенныя ими, заставили наконецъ шведовъ согласиться на миръ, который и былъ заключенъ въ Ништадтѣ (30 августа 1721 года). Швеція уступила Россіи: Лифляндію, Эстляндію, Ингрію, часть Кареліи и часть Финляндіи. Петръ великолѣпными пирами и маскерадами праздновалъ этотъ знаменитый миръ. Во время торжества онъ принялъ новый болѣе громкій титулъ «Всероссійскаго Императора», который вмѣстѣ съ именами «великаго» и «отца отечества» былъ поднесенъ ему сенатомъ и духовенствомъ; народъ же болѣе всего радовался прекращенію двадцатилѣтней, тяжелой войны. Россія купила дорогою цѣною великія пріобрѣтенія, утвержденныя Ништадтскимъ миромъ: частые рекрутскіе наборы и большіе налоги сильно истощили государство.

Въ слѣдующемъ году императоръ предпринялъ свой послѣдній походъ, объявивъ войну Персіи за обиды, причиненныя въ Шемахѣ русскимъ купцамъ. Онъ спустился Окою и Волгою въ Каспійское море, взялъ Тарки, Дербентъ, и воротился, оставивъ тамъ русскіе гарнизоны. Договоромъ 1723 года Петръ обѣщалъ шаху Тохмасу помощь противъ персидскихъ мятежниковъ, а шахъ уступилъ Россіи нѣсколько прикаспійскихъ областей (Гилянь, Мазандеранъ и Астрабатъ).

Сословныя и административныя реформы. Между реформами Петра весьма важное мѣсто занимаютъ мѣры, относившіяся къ преобразованію сословій. Запрещеніе мѣстничества уже довольно сильно поколебало зданіе московской родовой аристократіи. Петръ нанесъ послѣдній ударъ боярской знати, открывъ дорогу къ высшимъ должностямъ людямъ самаго незначительнаго происхожденія и бѣднымъ иностраннымъ выходцамъ. Такимъ образомъ служба и милость государя окончательно были поставлены выше знатнаго происхожденія. Своею «табелью о рангахъ» (1722 г.) Петръ раздѣлилъ все служащее сословіе по образцу нѣмецкаго, на степени или «классы», числомъ 14; каждому классу соотвѣтствовалъ извѣстный чинъ военный и гражданскій. Въ тоже время учрежденіемъ нѣкоторыхъ орденовъ (Андрея Первозваннаго и св. Екатерины) введены знаки отличія за усердную или продолжительную службу. Этими мѣрами положено было начало чиновничьей іерархіи (*бюрократіи*) въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ до сихъ поръ въ Россіи. Чиновные классы наполнялись преимущественно людьми изъ помѣщичьяго или прежняго служилаго сословія, которое получило теперь общее названіе *дворянства* или *шляхетства*; человѣкъ всякаго другаго сословія, достигшій перваго офицерскаго чина въ арміи или VIII класса въ гражданской службѣ, пріобрѣталъ тѣмъ достоинство потом-

ственнаго дворянина. Петръ сравнялъ помѣстья съ вотчинами, но за то подтвердилъ обязанность всѣхъ дворянъ служить до самой смерти; за уклоненіе отъ службы онъ приказалъ отбирать вотчины. Воевода каждой провинціи долженъ былъ собирать дворянскихъ сыновей отъ 10 до 13 лѣтъ и записывать ихъ въ военную службу, а неспособныхъ къ ней опредѣлять въ гражданскую.

Преобразуя древнюю родовую знать въ чиновничью, Петръ въ тоже время попытался прекратить постоянное раздробленіе вотчинъ, которое много вредило исправному выполненію государственныхъ повинностей. Онъ издалъ указъ о майоратѣ (1714 г.); по этому указу все недвижимое имущество должно было переходить къ старшему сыну или къ тому, котораго изберетъ отецъ, и родовыя земли не могли быть проданы въ чужія руки. Но подобная мѣра совершенно несоотвѣтствовала русскимъ обычаямъ и понятіямъ о наслѣдствѣ (по которымъ всѣ дѣти имѣли право на равныя части); а потому она послужила источникомъ зависти и разныхъ хитростей, породила многіе безпорядки и судебные процессы. Напримѣръ, родители, принужденные передать землю одному сыну, другому отдавали деньги, скотъ, хлѣбъ, земледѣльческія орудія, и отъ такого раздѣла сельское хозяйство приходило въ разстройство.

Посадскіе люди раздѣлены были Петромъ на три разряда; первые два подъ названіемъ «гильдій» состояли изъ купцовъ и разныхъ мастеровъ; а къ третьему отнесена бѣднѣйшая часть городскихъ жителей. Въ сельскомъ населеніи образовались еще два особые разряда: *половники* или немногіе крестьяне, удержавшіе право перехода и пользовавшіеся землею за извѣстную часть жатвы, и *однодворцы* или обѣднѣвшіе служилые люди, которые на равнѣ съ крестьянами должны были платить поголовную подать, но сохраняли право владѣть крѣпостными людьми.

Замѣна прежней поземельной подати *подушнымъ* (или поголовнымъ) окладомъ повела за собою первую *ревизію* податнаго сословія (1719 г.). Въ этой ревизіи помѣщичьи крестьяне были смѣшаны съ кабальными холопами; тѣ и другіе обложены одинаковыми податями и рекрутскою повинностью, за исправность которыхъ передъ правительствомъ отвѣчали землевладѣльцы. Послѣдняя мѣра окончательно уничтожила личную свободу крестьянъ и закрѣпила ихъ за помѣщиками *.

Административныя мѣры Петра направлены были на введеніе болѣе опредѣленныхъ и однообразныхъ формъ управленія (въ чемъ онъ слѣдовалъ системѣ французской централизаціи, которую тогда брали за образецъ нѣмецкія державы). Такъ, вмѣсто прежняго областнаго дѣленія, сложившагося въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ и потому довольно запутаннаго, онъ раздѣлилъ Россію на 12 *губерній*, которыя въ свою очередь подраздѣлялись на *провинціи;* во главѣ первыхъ были поставлены губернаторы или генералъ-губернаторы, вторые поручались воеводамъ. Подчиненные имъ мѣстные начальники носили иностранныя названія ландрихтеровъ, комендантовъ, ландратовъ, коммиссаровъ и пр. Областное управленіе сосредоточено въ губернскихъ и воеводскихъ канцеляріяхъ. Въ 1711 году, на мѣсто прежней боярской думы, учрежденъ былъ *сенатъ*, какъ высшее правительственное и судебное мѣсто въ государствѣ. Сначала онъ былъ учрежденъ только на время частыхъ отсутствій государя изъ столицы и составленъ изъ 9 сановниковъ; но потомъ (въ 1718 г.) сдѣланъ постояннымъ,

---

* Одинъ изъ указовъ Петра (1721 г.) замѣчателенъ слѣдующими словами (которыя обнаруживаютъ нерѣшительную попытку облегчить положеніе крестьянскаго сословія): «Продажу людей пресѣчь; а если нельзя уже совсѣмъ, то продавать семьями, а не порознь, какъ скотъ, чего во всемъ свѣтѣ не дѣлается.

и число членовъ его постепенно увеличивалось. Здѣсь дѣла рѣшались не иначе, какъ единогласнымъ приговоромъ всѣхъ членовъ и при утвержденіи этого приговора генералъ-прокуроромъ сената. Далѣе, московскіе приказы Петръ преобразовалъ въ *коллегіи,* устроенныя по датскимъ и шведскимъ образцамъ и подчиненныя сенату; въ нихъ дѣла рѣшались членами по большинству голосовъ *. Учрежденіе «надворныхъ судовъ» въ важнѣйшихъ городахъ указываетъ на попытку отдѣлить судебную часть отъ вѣдомства областныхъ правителей. Точно также Петръ сдѣлалъ попытку освободить торговыхъ и промышленныхъ людей отъ вѣдомства воеводъ учрежденіемъ «бурмистровъ», которые выбирались горожанами изъ своей среды, и все торговое сословіе подчинено вѣдомству «Бурмистрской палаты» въ Москвѣ (1699 г.); потомъ въ главныхъ городахъ учреждены были «магистраты», также изъ выборныхъ людей. Но эти земскія учрежденія не имѣли самостоятельности и обязаны были наблюдать собственно за исполненіемъ казенныхъ повинностей. Вообще управленіе со временъ Петра по большему количеству инстанцій, сдѣлалось довольно сложно, и письменное дѣлопроизводство получило сильное развитіе. Коллегіальная система рѣшать дѣла посредствомъ большинства голосовъ не принесла ожидаемыхъ результатовъ: президенты коллегій и другихъ присутственныхъ мѣстъ, пользуясь своими привилегіями и разными формальностями, обыкновенно подчиняли себѣ товарищей и рѣшали дѣла по своему усмотрѣнію. Въ судопроизводствѣ словесный (обвинительный) процессъ замѣненъ окончательно письменнымъ (слѣдственнымъ) порядкомъ **. Въ городахъ и уѣздахъ Петръ

* Коллегіи были слѣдующія: иностранныхъ дѣлъ, военная, адмиралтейская, вотчинная, юстицъ, мануфактуръ, бергъ, коммерцъ, каммеръ и штатсъ-коллегіи (послѣднія двѣ финансовыя).

** Напримѣръ, по указамъ 1714 года истецъ долженъ былъ начинать дѣло съ вице-комменданта, переходить къ коммендaнту или оберъ-коммен-

положилъ начало *полицейскому* управленію, которое должно было заботиться объ общественномъ порядкѣ и безопасности.

Хозяйство, войско, училища, семейный бытъ. Посреди важныхъ государственныхъ заботъ и безпрерывныхъ военныхъ предпріятій, Петръ находилъ время обращать вниманіе на мельчайшія подробности народнаго хозяйства. Такъ, онъ далъ право повсюду искать руду и разработывать ее съ уплатою извѣстнаго процента землевладѣльцу; приказалъ снимать хлѣбъ косами вмѣсто серповъ; посылалъ за границу многихъ русскихъ людей учиться разнымъ ремесламъ и пр. Мануфактурная промышленность, дотолѣ едва существовавшая въ Россіи, была создана дѣятельностію Петра; при немъ основано болѣе 200 фабрикъ и заводовъ. Для облегченія торговаго движенія внутри государства онъ обратилъ вниманіе на пути сообщенія; проведено было нѣсколько сухопутныхъ дорогъ; а устройствомъ каналовъ Ладожскаго и Вышневолоцкаго Петербургъ — съ 1713 года столица государства — соединенъ съ волжскимъ водянымъ путемъ, по которому доставлялся хлѣбъ изъ низовыхъ областей *.

данту; затѣмъ идти къ ландрихтеру, отъ него къ вице-губернатору, потомъ къ губернатору или генералъ-губернатору и наконецъ обращаться къ сенату и къ государю. Указомъ же 1700 года подъ страхомъ казни запрещено было утруждать государя жалобами помимо низшихъ инстанцій.

* Основаніе столицы въ болотистой и пустынной мѣстности, отдаленной отъ средины государства, стоило огромныхъ усилій и пожертвованій. Для постройки города ежегодно, въ теченіе многихъ лѣтъ, изъ дальнихъ областей вызывали по 40,000 работниковъ, которыхъ значительная часть погибала въ Петербургѣ отъ трудовъ и болѣзней; царь иногда останавливалъ каменныя работы во всемъ государствѣ, приказывая высылать всѣхъ каменьщиковъ на берега Невы; нѣсколько разъ вода затопляла городъ, и надобно было поднимать почву насыпями. Но Петръ въ этомъ случаѣ не останавливался никакими жертвами для достиженія своей цѣли.

Главнымъ предметомъ попеченій для Петра служили армія и флотъ, на которыхъ было основано внѣшнее значеніе государства. Съ устройствомъ регулярнаго войска введена болѣе точная и постоянная система рекрутскихъ наборовъ: всѣ крестьяне и податныя сословія должны были выставлять по одному рекруту съ извѣстнаго числа ревижскихъ душъ; только торговые люди могли откупаться деньгами отъ рекрутской повинности. Дворянство доставляло для арміи офицеровъ; молодые же дворяне обыкновенно начинали свою службу рядовыми въ гвардіи, куда выбирались лучшіе солдаты изъ армейскихъ полковъ. Все внѣшнее устройство сухопутнаго войска было основано на нѣмецкихъ образцахъ, и военные люди одѣты въ нѣмецкій мундиръ; а флотъ снаряженъ преимущественно по образцу голландскому. Хотя русскій простолюдинъ издавна отличался терпѣніемъ и былъ закаленъ въ физическихъ лишеніяхъ, однако нѣмецкая военная школа съ ея строгою дисциплиною и мелочною выправкою многимъ показалась весьма тяжела; побѣги изъ полковъ сдѣлались довольно часты, а вмѣстѣ съ ними увеличилось число разбойничьихъ шаекъ. Бо̀льшая часть регулярнаго войска (которое простиралось до 180,000) была размѣщена по губерніямъ въ домахъ городскихъ и сельскихъ обывателей. Эта «постойная» повинность облегчала правительству содержаніе арміи, но причиняла большіе убытки и безпокойства обывателямъ, вслѣдствіе притѣсненій отъ военныхъ людей.

Заботы Петра о народномъ образованіи ограничивались духовнымъ и дворянскимъ сословіемъ. Для перваго заведены были училища въ каждой эпархіи. (Въ то время усилилось вліяніе малороссійскихъ школъ, въ особенности Кіевской академіи, на образованіе русскаго духовенства). Для дворянъ и чиновниковъ велѣно открыть элементарныя школы въ провинціяхъ, куда учителями посылались воспитанники московскихъ мате-

матическихъ школъ, и дворянинъ не имѣлъ права жениться до тѣхъ поръ, пока невыучился грамотѣ. Кромѣ того основано было нѣсколько спеціальныхъ училищъ, каковы: морское, инженерное и школа для подъячихъ; въ тоже время начались переводы учебныхъ книгъ по артиллеріи, фортификаціи, исторіи и др. Для изученія морской службы царь отправлялъ многихъ молодыхъ людей за границу. Въ самой азбукѣ сдѣланы были преобразованія: вмѣсто прежнихъ, неудобныхъ для скорописи церковнославянскихъ буквъ введены сокращенныя, приближающіяся къ латинскимъ. По мысли знаменитаго германскаго ученаго Лейбница, государь задумалъ учредить академію наукъ и пригласить для нея ученыхъ нѣмцевъ съ тѣмъ, чтобъ они приготовляли русскихъ учителей. (Академія была открыта уже послѣ Петра его преемницею).

Петръ не оставилъ безъ вниманія и самый семейный бытъ народа. Такъ онъ вооружался противъ затворничества женщинъ и старался о развитіи общественной жизни. Съ этою цѣлью въ столицѣ заведены *ассамблеи*, которыя состояли въ томъ, что вельможи и другіе зажиточные люди должны были зимой, въ назначенные дни, принимать у себя гостей обоего пола, званыхъ и незваныхъ *. Чтобы женихъ и невѣста

* Берхгольцъ, камеръ-юнкеръ голштинскаго герцога, живя нѣсколько лѣтъ въ Россіи, велъ дневникъ (съ 1721 по 1725 г.), который превосходно знакомитъ насъ съ обычаями того времени. Описывая ассамблеи, онъ въ заключеніе говоритъ: «Но вотъ что мнѣ не нравится въ этихъ ассамблеяхъ: во-первыхъ, въ танцовальной комнатѣ, гдѣ присутствуютъ дамы, мущины курятъ табакъ и играютъ въ шашки, отъ чего бываютъ непріятный запахъ и неумѣстная стукотня; во-вторыхъ, дамы всегда сидятъ отдѣльно отъ мущинъ, такъ что съ ними нельзя разговаривать; когда не танцуютъ, всѣ сидятъ какъ нѣмыя и только смотрятъ другъ на друга». Ясно, что отчужденіе женщинъ отъ мужскаго общества и грубость послѣдняго не могли уничтожиться такъ скоро. Кромѣ того, Петръ по поводу разныхъ торжественныхъ случаевъ устроивалъ маскерады и процессіи, въ которыхъ шуты играли

имѣли время познакомиться другъ съ другомъ, Петръ опредѣлилъ между обрученіемъ и свадьбою шестинедѣльный срокъ, въ продолженіе котораго бракъ могъ разстроиться.

Духовенство и расколъ. Относительно церковной іерархіи важною мѣрою Петра было отмѣненіе патріаршества, которое иногда приходило въ столкновеніе съ царскою властію. Когда умеръ патріархъ Адріанъ (1700 г.), приверженецъ старины и противникъ нововведеній, царь не назначилъ ему преемника; а дѣла, подлежащія вѣдомству патріарха, поручилъ рязанскому митрополиту Стефану Яворскому, назвавъ его «блюстителемъ патріаршаго престола». Въ послѣдствіи для управленія церковными дѣлами учреждена была коллегія изъ высшихъ духовныхъ лицъ подъ именемъ *святѣйшаго синода* (1721 г.). Первымъ президентомъ синода былъ тотъ же Стефанъ Яворскій, одинъ изъ лучшихъ духовныхъ писателей своего времени (изъ его сочиненій особенно извѣстно «Камень вѣры», направленное противъ протестантскихъ мнѣній, которыя тогда начали распространяться въ Москвѣ). Псковскій архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ по порученію Петра написалъ духовный уставъ или «регламентъ» для синода. Этимъ уставомъ предписывалось каждому епископу имѣть при себѣ школу для приготовленія священниковъ, а безграмотныхъ сыновей церковнослужителей велѣно брать въ солдаты; поступленіе въ монашество и прежняя свобода монаховъ въ образѣ жизни значительно стѣснены. Надзоръ за управленіемъ монастырскихъ крестьянъ и доходовъ Петръ

главную роль. Придворныя торжества и спуски новыхъ кораблей праздновались обыкновенно веселыми попойками, на которыхъ никто не имѣлъ права отказываться отъ безпрерывныхъ тостовъ. Царь учредилъ даже особое общество или «всепьянѣйшую коллегію» изъ 12 кардиналовъ съ *княземъ-папою* во главѣ; они должны были на царскихъ праздникахъ пить больше всѣхъ.

поручилъ особому Монастырскому приказу, состоявшему изъ свѣтскихъ лицъ. Ограничивъ число монаховъ, онъ велѣлъ опредѣлять въ монастыри на житье старыхъ, отставныхъ солдатъ и обращать часть монастырскихъ доходовъ на богадѣльни. Большая часть семейныхъ дѣлъ, подлежавшихъ прежде церковному суду, законами Петра отнесена къ суду свѣтскому. Вообще Петръ обращалъ дѣятельное вниманіе на церковныя дѣла, вполнѣ подчинилъ ихъ верховной, царской власти, и старался искоренить разныя злоупотребленія, издавна укоренившіяся въ духовенствѣ *. Всѣмъ православнымъ приказано было посѣщать богослуженіе въ праздничные дни; за неисполненіе этого приказа назначался штрафъ. Иностранцамъ предоставлена почти полная свобода въ отправленіи богослуженія; строгія же мѣры противъ раскольниковъ продолжались.

Гоненія, открытыя на раскольниковъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, не только не ослабляли раскола, а напротивъ возбуждали въ немъ энергію и фанатизмъ. Гонимые уходили въ сѣверные лѣса, въ донскія и волжскія степи или спасались за шведскую и польскую границу, и составляли тамъ свои общины. Со времени петровскихъ реформъ расколъ началъ размножаться еще быстрѣе, и получилъ не одинъ церковный, но и политическій характеръ. Многія нововведенія Петра и безмѣрное подражаніе иноземнымъ обычаямъ были непонят-

* Напримѣръ, въ 1716 г. въ эпархіи къ архіереямъ разосланъ отъ государя указъ, въ которомъ предписывалось: Никого по произволу или ради ссоры не проклинать и отъ таинствъ церковныхъ не отлучать; церквей и церковнослужителей сверхъ потребы не умножать; эпархіи возможно чаще объѣзжать но не для подарковъ и почестей, а для надзиранія за паствой и поученія священниковъ, «дабы расколовъ и суевѣрія не было, дабы невѣдомыхъ и отъ Церкви несвидѣтельствованныхъ гробовъ за святыню не почитали, святыхъ иконъ не боготворили и имъ ложныхъ чудесъ не вымышляли; бѣснующихъ, въ колтунахъ, босыхъ и въ рубашкахъ ходящихъ неточію наказывать, но и къ градскому (свѣтскому) суду отсылать». Послѣднія статьи напоминаютъ времена Стоглаваго собора.

ны простымъ людямъ, казались имъ нарушеніемъ народности и православія (табакъ, бритье бороды, отмѣна патріаршества, ревизія и т. п.); а крутыя мѣры, которыми сопровождалась реформа, тяжкіе налоги и принудительныя работы вызывали въ массахъ духъ недовольства и отрицанія. Люди болѣе смѣлые и упорные уходили въ лѣса или за границу, и приставали къ расколу; Петра, также какъ Никона, они уподобляли антихристу.

Въ концѣ XVII вѣка въ средѣ самаго раскола произошло раздвоеніе. Раскольничьи попы, поставленные до Московскаго собора 1667 года, съ теченіемъ времени всѣ умерли; мѣста ихъ заступали новые, переходившіе изъ православія. Но такъ какъ они были поставлены епископами-никоніанцами (т. е. принявшими исправленныя книги), то многіе старообрядцы не признавали ихъ за истинныхъ священниковъ; другіе напротивъ признавали. Первая часть раскольниковъ стала называться *безпоповщиной*, а вторая *поповщиной*; каждая изъ нихъ подраздѣлилась еще на нѣсколько сектъ или *согласій*. Поповщина распространилась въ лѣсахъ костромскихъ и нижегородскихъ (керженскихъ), на Дону и Кубани, въ Черниговской области, въ Сибири и на Вѣткѣ (Могилев. губерніи, тогда за польской границей). Безпоповщина утвердилась особенно въ древнихъ новогородскихъ областяхъ, именно въ лѣсахъ олонецкихъ и сѣвернаго Поморья. Сюда укрылись многіе расколоучители послѣ взятія Соловецкаго монастыря; здѣсь образовались знаменитые въ исторіи раскола Выгорѣцкіе скиты.

Дѣятельный, энергическій характеръ Поморцевъ, привыкшихъ къ борьбѣ съ суровою природою своего края, способствовалъ здѣсь сильному развитію раскольничьей оппозиціи. Глухіе непроходимые лѣса, бурныя озера, дикія скалы, овраги и болота представляли убѣжища, мало доступныя правительственному надзору. Сюда спасались приверженцы ста-

рины и бѣглые крѣпостные люди. Они выжигали лѣсныя дебри, расчищали почву, сѣяли хлѣбъ, строили скиты, и вообще вели труженическую жизнь. При первомъ появленіи военной команды, посылаемой разорять скиты и ловить скитниковъ, они готовы были оставить убѣжище и перейти на другое мѣсто; а иногда, увлекаемые религіознымъ фанатизмомъ, они запирались въ своихъ монастыряхъ и сожигались. Тѣ скитники или «старцы», которые отличались даромъ слова, набожностію и начитанностію св. писанія, становились наставниками и пріобрѣтали большое вліяніе на раскольничьи общины. Изъ нихъ особенно замѣчательны Даніилъ Викуловъ, братья Андрей и Семенъ Денисовы (потомки князей Мышецкихъ). Они основали и устроили на р. Выгѣ общежительные скиты или «Выговскую пустынь» (съ 1695 г.), которая впослѣдствіи сдѣлалась центромъ безпоповщины. Братья Денисовы оставили нѣсколько сочиненій, весьма уважаемыхъ раскольниками.

Петръ I хотя и призналъ гражданское существованіе раскола, но при разныхъ стѣснительныхъ условіяхъ. Онъ велѣлъ переписать раскольниковъ и обложить ихъ двойными податями, не допускать къ общественнымъ должностямъ, носить имъ особое платье, за бороду платить особую пошлину и пр. Въ послѣдніе же годы своего царствованія (послѣ дѣла царевича Алексѣя) царь, раздраженный тупымъ отрицаніемъ его реформъ, усилилъ строгость противъ раскола; тогда умножились пытки и казни.

Петръ пытался дѣйствовать на раскольниковъ не одними карательными мѣрами, но и путемъ убѣжденія. По его волѣ синодъ отправилъ въ Олонецкую и Поморскую область монаха Неофита, что-бы состязаться о вѣрѣ съ расколомъ безпоповщины. Неофитъ предложилъ болѣе сотни вопросовъ. На эти вопросы Выговцы отвѣчали цѣлою книгою, которая была написана преимущественно Андреемъ Денисовымъ и названа: «Поморскіе отвѣты» (1723). Еще прежде (въ 1719 г.)

раскольники поповщинской секты, обитавшіе въ керженскихъ скитахъ, представили нижегородскому епископу Питириму на его вопросы подобную же книгу, извѣстную подъ именемъ «Керженскихъ отвѣтовъ». Почти всѣ наиболѣе знаменитые архіереи петровскаго времени писали сочиненія противъ раскола. (Самое замѣчательное изъ нихъ принадлежитъ кроткому и правдивому св. Димитрію, митрополиту ростовскому: въ своемъ «Розыскѣ о раскольничьей Брынской вѣрѣ» онъ сообщаетъ извѣстія о многихъ раскольничьихъ сектахъ или «толкахъ»). Но сочиненія эти изобиловали реторическими мѣстами и мало оказывали дѣйствія. Вообще борьба съ расколомъ путемъ проповѣди и убѣжденія не могла быть успѣшна, при отсутствіи народныхъ школъ и при той степени образованія, на которой стояли ближайшіе къ народу наставники, т. е. сельское духовенство. Священники сельскіе были люди малограмотные; а скудость содержанія заставляла ихъ заниматься болѣе обработкою своего участка земли, нежели просвѣщеніемъ своей паствы *.

Характеръ петровой реформы. Преобразованія Петра сопровождались энергическими, крутыми и нерѣдко жестокими мѣрами, что обусловливалось грубостію современныхъ нравовъ и личными свойствами преобразователя. Ослушникамъ указовъ назначались: лишеніе жизни, имущества, ссылка на каторжную работу, нещадные батоги и т. п. Чтобы слѣдить

* Современникъ Петра торговый человѣкъ Посошковъ въ своемъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ» говоритъ: «Унасъ въ Россіи сельскіе попы питаются своею работою, и ничѣмъ отъ пахатныхъ мужиковъ не отличаются: мужикъ за соху и попъ за соху, мужикъ за косу и попъ за косу; а церковь святая и духовная паства остаются въ сторонѣ. Отъ такого ихъ земледѣлія многіе христіане умираютъ безъ покаянія и причащенія». Между прочимъ онъ описываетъ, какъ иногда безграмотные люди достигали священства: архіерейскіе служители возьмутъ дары отъ новоставленника, велятъ ему затвердить нѣкоторые псалмы, и потомъ въ присутствіи архіерея дадутъ ихъ прочесть; архіерей, видя, что ставленникъ читаетъ твердо и хорошо, благословляетъ его въ священство.

за точнымъ исполненіемъ указовъ усилена была, существовавшая уже въ Московскомъ государствѣ, система доносовъ. Съ этою цѣлью учреждена должность *фискаловъ*. При коллегіяхъ, губернскихъ канцеляріяхъ и въ каждомъ провинціальномъ городѣ назначено по одному или по два фискала; въ ихъ пользу шла половина штрафныхъ денегъ. Вообще доносчики щедро награждались, а всѣ недовольные наказывались какъ государственные преступники. Реформы вызывали частыя изъявленія неудовольствія (особенно много было подметныхъ писемъ). Петръ назначилъ для розысковъ «Преображенскій приказъ» въ Москвѣ (около 1702 г.) и потомъ «Тайную канцелярію» въ Петербургѣ (1718 г.). Начальникомъ Преображенскаго приказа былъ суровый Ромодановскій, любимецъ государя, получившій отъ него титулъ *князя-кесаря*. Кто хотѣлъ донести о замыслахъ противъ государя (а доносъ въ такомъ случаѣ былъ обязателенъ) произносилъ: «слово и дѣло!» Его и тѣхъ, которыхъ онъ оговаривалъ, немедленно брали для розыска и пытали въ «застѣнкахъ» Приказа или Тайной канцеляріи. Умноженіе доносовъ имѣло вредное вліяніе на народную нравственность и служило источникомъ злоупотребленій. Истинные преступники произносили «слово и дѣло», чтобы выиграть время и избѣжать заслуженнаго наказанія; другіе говорили его по злобѣ и клеветали на людей невинныхъ; множество лицъ, запутанныхъ въ розыски, отрывалось отъ своихъ семействъ, отъ общественной и частной дѣятельности.

Преобразованія Петра были направлены преимущественно на усвоеніе внѣшнихъ формъ европейской образованности. Перенося иноземныя учрежденія на русскую почву, онъ не всегда сообразовался при этомъ съ естественными условіями своего государства и съ характеромъ своего народа. Законодательство въ его время окончательно пріобрѣло форму «ука-

зовъ», которые быстро слѣдовали одинъ за другимъ и сопровождались обыкновенно энергическими мѣрами; но и самые благонамѣренные изъ нихъ, не опираясь на общественную нравственность, скоро теряли свою силу вслѣдствіе чиновничьихъ злоупотребленій *. Нѣкоторыя изъ учрежденій преобразователя поэтому оказались непрочными, и уступили мѣсто старымъ обычаямъ.

Самыя видныя стороны дѣятельности Петра Великаго заключаются въ слѣдующемъ: своими административными и сословными реформами онъ довершилъ развитіе московскаго самодержавія и двинулъ впередъ государственную централизацію. Онъ облегчилъ для Россіи дальнѣйшее сближеніе съ Западной Европой и непосредственное заимствованіе европейской науки. Быстрымъ развитіемъ военныхъ силъ онъ успѣлъ поднять Россію на степень внѣшняго могущества, и положилъ начало ея вліянію на систему общей европейской политики **.

Сотрудники Петра и дѣла семейныя. Петръ отличался особеннымъ умѣньемъ находитъ для своихъ плановъ способныхъ исполнителей. Первое мѣсто между государственными людьми, его окружавшими, принадлежитъ князю Меншикову. Родомъ изъ простолюдиновъ, онъ возвысился, благо-

* Посошковъ такими словами жалуется на отсутствіе правосудія и на притѣсненія простому народу: «У насъ вѣра святая, благочестивая, а судебная расправа никуда негодится и указы императорскіе ни во что обращаются; всякій дѣлаетъ по своему обычаю; крестьяне оставляютъ свои домы и бѣгутъ отъ неправды. Пока у насъ въ Россіи неустроится настоящее правосудіе, мы никогда не будемъ богаты и доброй славы себѣ ненаживемъ». Безграмотность крестьянъ, по словамъ Посошкова, служила для нихъ источникомъ бѣдъ: многіе люди пріѣзжали въ деревни, объявляли крестьянамъ ложные указы и подвергали ихъ незаконнымъ поборамъ.

** Вторая половина XVII вѣка была именно тѣмъ моментомъ въ исторіи, когда на континентѣ Европы происходило сильное стремленіе къ развитію государственной централизаціи и регулярныхъ армій. Главнымъ представителемъ этого стремленія явился Людовикъ XIV во Франціи.

даря покровительству Лефорта, и по смерти своего благодѣтеля сдѣлался самымъ приближеннымъ лицемъ къ государю. Но Менщиковъ не получилъ почти никакого образованія и съ большими талантами соединялъ чрезвычайный эгоизмъ; онъ готовъ былъ все приносить въ жертву своему честолюбію или корыстолюбію. Не разъ уличенный въ лихоимствѣ, Менщиковъ только милостію государя спасался отъ заслуженнаго наказанія. Далѣе замѣчательны: умный, образованный фельдмаршалъ Шереметевъ, храбрый и великодушный князь Михаилъ Голицынъ и графъ Брюсъ, извѣстный своею ученостію. (Брюсъ въ народныхъ преданіяхъ прослылъ какимъ-то чернокнижникомъ и астрологомъ; его именемъ называется календарь, который только подъ его надзоромъ былъ изданъ). Послѣдніе три лица по своему честному характеру выдавались изъ среды современныхъ государственныхъ дѣятелей, которые, при талантахъ и неоспоримыхъ заслугахъ, вообще не отличались нравственными достоинствами. Господствующимъ порокомъ въ этой полуобразованной средѣ была привычка грабить казну, брать взятки гдѣ только представлялся къ тому случай, и, смотря по личнымъ разсчетамъ, скрывать правду отъ царя. Иногда Петръ, разгнѣванный частыми обманами, жестоко наказывалъ сановниковъ, уличенныхъ въ лихоимствѣ и грабительствѣ (напримѣръ онъ казнилъ оберъ-фискала Нестерова и велѣлъ повѣсить сибирскаго губернатора кн. Гагарина); но, когда доходило дѣло до любимцевъ, то ограничивался по большей части или легкимъ штрафомъ, или дубинкою изъ собственныхъ рукъ. А роскошь, которая вмѣстѣ съ подражаніемъ европейскимъ обычаямъ, начала вторгаться въ высшее русское общество, служила однимъ изъ главныхъ побужденій къ лихоимству: быстро вошли въ моду дорогіе костюмы, экипажи, мёбель и многочисленная прислуга; частые пиры и ассамблеи требовали также большихъ издержекъ.—Извѣстность самаго прямаго

вельможи пріобрѣлъ сенаторъ князь Яковъ Долгорукій, который иногда открыто не соглашался съ царемъ, не любившимъ противорѣчія. По тайнымъ порученіямъ и розыскамъ правою рукою Петра былъ изворотливый графъ Толстой *. На дипломатическомъ поприщѣ прославились: баронъ Шафировъ, врагъ Меншикова и подобно ему возвышенный изъ низкаго состоянія, и баронъ Остерманъ, сынъ одного нѣмецкаго пастора, знаменитый своимъ тонкимъ проницательнымъ умомъ и искуснымъ лицемѣріемъ (онъ вмѣстѣ съ Брюсомъ заключилъ Ништадскій миръ). Въ царствованіе Петра началъ свою службу другой даровитый иностранецъ, также какъ и Остерманъ игравшій впослѣдствіи весьма важную роль — это Минихъ; будучи отличнымъ инженеромъ, онъ заслужилъ благосклонность государя своими работами по Ладожскому каналу.

Прежнее московское духовенство по скудости своего образованія не могло доставить Петру искусныхъ помощниковъ

* Толстой участвовалъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ въ пользу царевны Софьи; но впослѣдствіи съумѣлъ избѣжать наказанія, и, чтобы угодить царю, отправился въ числѣ молодыхъ людей, посланныхъ учиться за границу, когда ему было за 40 лѣтъ. (Точно также Шереметевъ поѣхалъ учиться, имѣя уже 45 лѣтъ). Потомъ Толстой возвысился покровительствомъ своего родственника генералъ-адмирала Апраксина и подарками вліятельнымъ лицамъ. Канцлеръ (т. е. завѣдывавшій иностранными сношеніями) Головкинъ, извѣстный своею скупостію, за деньги доставилъ ему важный постъ русскаго посланника въ Константинополѣ. Къ этому времени относится слѣдующій случай, который показываетъ, на что были способны подобные дѣятели для своихъ личныхъ цѣлей. Толстой узналъ, что секретарь донесъ на него въ растратѣ казенныхъ денегъ. Тогда онъ въ присутствіи всѣхъ членовъ посольства обвиняетъ секретаря въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ великимъ визиремъ, осуждаетъ его на смерть и заставляетъ выпить ядъ. Возвратясь изъ Турціи, Толстой далъ Меншикову 20,000 рублей, и при его помощи сдѣлался однимъ изъ самыхъ приближенныхъ лицъ къ царю. Впрочемъ Петръ не забывалъ его участія въ стрѣлецкомъ бунтѣ и не совсѣмъ вѣрилъ въ его искреннюю преданность. Расказываютъ, что не разъ во время веселыхъ попоекъ царь сдергивалъ съ Толстаго огромный парикъ (бывшій тогда въ модѣ), и, потрепавъ его по головѣ, приговаривалъ: «голова, голова! какъ бы не такъ умна ты была, давно бы и отрубить тебя велѣлъ».

въ дѣлѣ реформъ; поэтому онъ возвышалъ преимущественно кіевскихъ ученыхъ, и они стали во главѣ церковной іерархіи. Таковы: Стефанъ Яворскій, Дмитрій Ростовскій и Ѳеодосій Яновскій—архимандритъ Александроневской лавры; особенно усерднымъ защитникомъ реформы явился Ѳеофанъ Прокоповичъ, извѣстный своимъ честолюбіемъ и краснорѣчіемъ.

Въ 1706 г. царь былъ въ Кіевѣ, въ Софійскомъ соборѣ. По окончаніи богослуженія молодой монахъ произнесъ слово. Онъ искусно коснулся политическихъ событій, говорилъ краснорѣчиво, но безъ схоластической напыщенности проповѣдниковъ того времени. Петръ спросилъ имя оратора: это былъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Въ молодости онъ учился въ Кіевской академіи, докончилъ свое образованіе въ езуитскомъ коллегіумѣ въ Римѣ, и теперь былъ однимъ изъ преподавателей Кіевской академіи. Послѣ Полтавской побѣды Прокоповичъ встрѣтилъ Петра въ Кіевѣ поздравительною рѣчью. Петръ полюбилъ умнаго монаха; спустя нѣсколько лѣтъ, вызвалъ его въ Петербургъ, и сдѣлалъ архіереемъ. Въ своихъ проповѣдяхъ и сочиненіяхъ, написанныхъ по поводу важнѣйшихъ распоряженій государя, Прокоповичъ на основаніи разума и св. писанія доказывалъ святость царской воли; а приверженцевъ старины изобличалъ въ невѣжествѣ. Въ вопросахъ религіозныхъ онъ обнаруживалъ нѣкоторое свободомысліе и не любилъ стѣсняться въ своемъ образѣ жизни; поэтому не разъ подвергался обвиненіямъ въ ереси со стороны завистниковъ и людей нерасположенныхъ къ реформѣ.

Что касается до семейныхъ дѣлъ, то въ этомъ отношеніи Петръ невсегда былъ счастливъ. Первая его супруга Евдокія Ѳедоровна, изъ рода Лопухиныхъ, приверженная къ старымъ обычаямъ, была заключена въ суздальскій Покровскій монастырь (1699 г.). Петръ вступилъ во второй бракъ съ простою ливонскою плѣнницею Мартою (въ православіи Екатерина), которая понравилась ему красотою, умомъ и живо-

стію своего характера. Сынъ его отъ перваго брака, Алексѣй Петровичъ, долженъ былъ послѣ отца наслѣдовать русскій престолъ; но царевичъ этотъ имѣлъ весьма печальную судьбу.

Петръ, постоянно отвлекаемый походами и путешествіями, сначала не обратилъ надлежащаго вниманія на воспитаніе своего наслѣдника; Алексѣй до девятилѣтняго возраста оставался на рукахъ матери, и росъ, окруженный людьми, которые съ ненавистью смотрѣли на петровскія нововведенія. Царь наконецъ замѣтилъ въ своемъ сынѣ сочувствіе къ старинѣ и отвращеніе къ безпокойной военной дѣятельности. Отецъ сильно огорчался, прибѣгалъ къ строгимъ мѣрамъ, даже къ побоямъ, чтобъ измѣнить характеръ Алексѣя; грозилъ лишить его наслѣдства; но подобныя мѣры только ожесточали сердце юноши. (Ихъ взаимному нерасположенію немало способствовали приближенные царя, особенно Менщиковъ). По желанію Петра царевичъ вступилъ въ бракъ съ некрасивою Софьею Шарлотою, принцессою Брауншвейгъ-Вольфенбюттельскою; этотъ бракъ былъ несчастливъ, и Софья вскорѣ умерла, оставивъ маленькаго сына Петра Алексѣевича. Тогда государь потребовалъ отъ Алексѣя, чтобъ онъ постригся въ монахи, если не хочетъ совершенно измѣнить свой характеръ и поведеніе. Царевичъ изъявилъ согласіе на постриженіе; но вслѣдъ за тѣмъ, пользуясь пребываніемъ Петра за границею, бѣжалъ изъ Россіи вмѣстѣ съ любимою имъ дѣвушкою Ефросиньею (простою финляндкою). Онъ нашелъ покровительство и убѣжище у германскаго императора Карла VI, который отправилъ его въ одинъ уединенный тирольскій замокъ, откуда перевелъ потомъ въ Неаполь (1717 г.). Однако тайный совѣтникъ Толстой и капитанъ гвардіи Румянцевъ, по порученію Петра, скоро открыли убѣжище царевича.

Отецъ хотѣлъ во чтобы то ни стало получить непокорнаго сына въ свои руки, грозилъ даже войною императору; но хитрый Толстой уладилъ это дѣло довольно легко. Онъ привлекъ на свою сторону Евфросинью, и при ея помощи

уговорилъ царевича воротиться въ отечество, обѣщая ему отъ имени государя полное прощеніе. Едва Алексѣй пріѣхалъ въ Россію, какъ его заключили подъ стражу и подвергли розыску; въ тоже время арестованы лица, помогавшія бѣгству царевича и находившіяся въ тайныхъ сношеніяхъ съ его матерью, (которая не хотѣла помириться съ монастырскимъ заключеніемъ и продолжала называть себя царицею). Употреблены были страшныя пытки, чтобы вполнѣ раскрыть замыслы царевича и его партіи, питавшей надежду на возвращеніе стараго порядка. За пытками послѣдовали многочисленныя казни свѣтскихъ и духовныхъ лицъ, замѣшанныхъ въ это дѣло (ростовскій архіепископъ Досифей, генералъ Глѣбовъ, Кикинъ и др.). Судъ, составленный изъ высшихъ сановниковъ государства приговорилъ къ смертной казни и Алексѣя Петровича; но приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, и несчастный царевичъ умеръ въ темницѣ (1718 г.). Дѣло царевича составляетъ самое темное событіе этого знаменитаго царствованія. Оно показываетъ, что жестокость нравовъ, наслѣдованная отъ Московскаго періода, господствовала на Руси еще въ полной силѣ въ началѣ XVIII вѣка.

Послѣ смерти сына Петръ издалъ указъ о томъ, что русскій государь можетъ назначать наслѣдника престола по своему выбору, а также и отрѣшать его отъ наслѣдства; но самъ онъ сошелъ въ могилу, не успѣвъ назначить себѣ преемника. Тяжелые труды, соединенные съ неумѣреннымъ образомъ жизни, разстроили крѣпкое здоровье императора. Семейныя огорченія также способствовали этому разстройству. Въ 1724 г. Петръ совершилъ въ Москвѣ торжественное коронованіе своей любимой супруги Екатерины, и для этого созвалъ депутатовъ отъ дворянства и городовъ со всей Россіи; но, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, онъ сильно разгнѣвался на Екатерину*. Вслѣдъ

* Причиною гнѣва были приближенные Екатерины камергеръ Монсъ и его сестра генеральша Балкъ, злоупотреблявшіе довѣріемъ государя. Они

затѣмъ, въ глубокую осень императоръ увидалъ однажды ботъ, наполненный солдатами и ставшій на мель; пренебрегая опасностью, онъ самъ помогалъ спасать солдатъ, и жестоко простудился. Едва оправившись отъ болѣзни, неутомимый труженикъ принялся за обычную дѣятельность, но въ началѣ 1725 года снова простудился, на обрядѣ водоосвященія, и слегъ въ постель. А 28 января онъ уже скончался.

II. ПЕРВЫЕ ПРЕЕМНИКИ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(ЭПОХА ВРЕМЕНЩИКОВЪ).

ЕКАТЕРИНА I И ПЕТРЪ II 1725—1730.

Петръ I оставилъ послѣ себя семейство, состоявшее главнымъ образомъ изъ супруги его Екатерины, двухъ дочерей, Анны и Елизаветы, и малолѣтнаго внука Петра Алексѣевича. Дворъ раздѣлился на двѣ партіи: вельможи, принадлежавшіе къ старымъ боярскимъ фамиліямъ, хотѣли возвести на престолъ царевича Петра; но русскіе люди, возвысившіеся личными заслугами, и иностранцы взяли сторону Екатерины. Въ пользу ея особенно усердно дѣйствовали Менщиковъ, Ѳеоѳанъ Прокоповичъ и голштинскій министръ графъ Бассевичъ (находившійся при русскомъ дворѣ вмѣстѣ съ голштинскимъ герцогомъ, женихомъ Анны Петровны). Вопросъ о преемникѣ былъ рѣшенъ при помощи гвардіи: Менщиковъ успѣлъ склонить ее на свою сторону, и провозгласилъ императрицею Екатерину. Этимъ вмѣшательствомъ гвардіи рѣшались и послѣдующіе вопросы о престолонаслѣдіи.

были преданы суду, и потомъ первый посаженъ на колъ, а вторая публично наказана плетьми.

Менщиковъ и Долгорукіе. Екатерина по смерти супруга жила только два года и преемникомъ своимъ назначила Петра Алексѣевича. Главное мѣсто въ исторіи этихъ двухъ царствованій занимаютъ многочисленныя придворныя интриги и борьба лицъ, старавшихся присвоить себѣ вліяніе на государственныя дѣла. Сначала самымъ большимъ значеніемъ при дворѣ пользовался князь Менщиковъ; императрица даже объявила его дочь невѣстою наслѣдника престола. Гордость и дурной характеръ князя вооружили противъ него многихъ вельможъ; но попытка ихъ свергнуть временщика при жизни Екатерины окончилась неудачею, и нѣкоторые изъ его враговъ (графъ Девьеръ, Толстой, Писаревъ и пр.) поплатились потомъ ссылкою въ Сибирь и другія мѣста *.

Со вступленіемъ на престолъ двѣнадцатилѣтняго Петра II (1727 г.) Менщиковъ окончательно забралъ въ свои руки управленіе государствомъ. Но гордый, неуступчивый правитель скоро возстановилъ противъ себя молодаго императора. Тогда князья Долгорукіе интригами своими успѣли наконецъ низвергнуть Менщикова, и овладѣть довѣріемъ государя.

Главными виновниками этого дѣла были: князь Иванъ Долгорукій, любимецъ Петра II, товарищъ его дѣтскихъ игръ, и хитрый Остерманъ, назначенный воспитателемъ молодаго государя. Противъ гордаго временщика была вооружена и лю-

---

* Замѣчательна судьба одного изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ Петра Великаго, Ѳеодосія Яновскаго, бывшаго при вступленіи на престолъ Екатерины новгородскимъ архіепископомъ и первенствующимъ членомъ синода. Его погубила гордость и неуступчивость. За оскорбительныя слова противъ императрицы онъ подвергся розыску Тайной канцеляріи, сосланъ въ монастырь св. Николая на устье Сѣверной Двины, и наглухо запертъ здѣсь въ тѣсную, сырую тюрьму подъ именемъ «чернеца Ѳедоса». Его должности занялъ болѣе гибкій и ловкій Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Царствованіе Екатерины I было обезпокоено появленіемъ на востокѣ двухъ самозванцевъ, которые выдавали себя за царевича Алексѣя Петровича. Оба они потомъ казнены въ Петербургѣ.

бимая сестра Петра II Наталья Алексѣевна: Менщиковъ осмѣливался отбирать у нея назадъ деньги, подаренныя ей братомъ. Всемогущій министръ (и генералиссимусъ) опасно заболѣлъ. Долгорукіе воспользовались его отсутствіемъ, и такъ настроили императора, что Менщиковъ послѣ выздоровленія былъ арестованъ, и отправленъ съ семействомъ на житье въ его собственный городъ Ораніенбургъ (Рязан. губ.). Онъ торжественно, въ великолѣпныхъ экипажахъ, выѣхалъ изъ Петербурга при огромномъ стеченіи народа, сопровождаемый длиннымъ рядомъ повозокъ, нагруженныхъ его богатствами. Но въ Твери у него отобрали почти все имущество, и посадили въ простую телѣгу. И въ изгнаніи онъ еще казался опасенъ своимъ врагамъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, его перевели на сѣверъ Сибири въ Березовъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1729 г.

Дворъ послѣ того переѣхалъ въ Москву, и здѣсь императоръ отдался праздному образу жизни, посвященному разнымъ забавамъ, преимущественно охотѣ; а между тѣмъ государственныя дѣла пришли въ сильное разстройство. Долгорукіе устроили обрученіе императора съ сестрою его любимца, князя Ивана; но вслѣдъ за тѣмъ Петръ II скончался отъ оспы (въ началѣ 1730 года).

Изъ правительственныхъ распоряженій въ эти два царствованія замѣчательны: Во-первыхъ, учрежденіе Верховнаго тайнаго совѣта, который Екатерина составила изъ главныхъ сановниковъ государства; послѣ чего Сенатъ потерялъ свое первенствующее значеніе. Во-вторыхъ, большое число чиновниковъ и канцелярій найдено было обременительнымъ для народа; поэтому многія канцеляріи въ губерніяхъ и надворные суды въ царствованіе Екатерины уничтожены; городовые магистраты подчинены воеводамъ. Почти вся административная и судебная власть сосредоточилась въ рукахъ

губернаторовъ и воеводъ, чѣмъ была ослаблена коллегіальная система Петра I. Относительно Малороссіи правительство на время отступило отъ политики покойнаго императора, который по смерти гетмана Скоропадскаго (1722 г.) не позволилъ избрать ему преемника и поручилъ управленіе дѣлами Малороссійской коллегіи. Въ царствованіе Петра II гетманомъ избрали миргородскаго полковника Апостола; власть его однако была сильно ограничена присутствіемъ императорскихъ чиновниковъ.

Что касается до внѣшней политики, то оба царствованія отличались мирнымъ характеромъ. Впрочемъ этотъ миръ едва не былъ нарушенъ Екатериною, которая хотѣла защищать права своего зятя, голштинскаго герцога, въ его спорѣ съ датскимъ королемъ; но смерть императрицы остановила приготовленія къ войнѣ. Кромѣ того русскій дворъ занимался вопросомъ Курляндскимъ. Домъ Кетлера прекращался и курляндцы хотѣли избрать своимъ герцогомъ графа Морица Саксонскаго; но Россія помѣшала ихъ намѣренію. Она также не позволила полякамъ присоединить это вассальное герцогство къ польскому королевству. Далѣе, замѣчателенъ договоръ съ Китаемъ. Для устраненія пограничныхъ споровъ Екатерина отправила къ богдыхану посломъ графа Рагузинскаго; послѣ долгихъ переговоровъ и непріятностей отъ китайскихъ чиновниковъ ему удалось заключить трактатъ, уже въ царствованіе Петра II (1728 г.). По этому трактату постоянная торговля съ обѣихъ сторонъ открыта въ пограничной слободѣ Кяхтѣ; русскіе могли каждые три года отправлять караванъ въ Пекинъ, и получили право держать тамъ нѣсколько духовныхъ лицъ и молодыхъ людей для изученія китайскаго языка.

АННА ІОАННОВНА 1730—1740.

Замыслы Верховнаго совѣта и времена Бирона. Со смертію Петра II прекратилось мужеское потомство въ домѣ Романовыхъ. Этимъ обстоятельствомъ хотѣли воспользоваться члены Верховнаго тайнаго совѣта, чтобы ограничить императорское самодержавіе. Ближайшими наслѣдниками престола были: дочь Петра I Елизавета и малолѣтный внукъ его, сынъ Анны Петровны герцогини голштинской. Но «верховники» помимо ихъ обратились къ племянницѣ Петра I Аннѣ Іоанновнѣ, вдовствующей герцогинѣ Курляндской (дочь царя Іоанна Алексѣевича), и предложили ей корону на условіяхъ, въ силу которыхъ всѣ важнѣйшія государственныя дѣла должны быть рѣшаемы не иначе какъ съ согласія Верховнаго совѣта. Они дѣйствовали въ интересахъ личнаго возвышенія, безъ согласія съ другими сословіями государства, явно стремились къ олигархіи, и потому замыслы ихъ скоро окончились полною неудачею.

По кончинѣ Петра II члены Верховнаго тайнаго совѣта собрались, чтобы обсудить вопросъ о наслѣдникѣ престола. Всѣхъ членовъ было восемь: канцлеръ Головкинъ, два князя Голицына и четверо князей Долгорукихъ; осьмой членъ Совѣта, вице-канцлеръ Остерманъ, уклонился отъ совѣщаній сначала подъ предлогомъ, что онъ иностранецъ, а потомъ притворился больнымъ. Послѣ многихъ споровъ выборъ Совѣта остановился на Курляндской герцогинѣ. Тогда наиболѣе рѣшительный изъ членовъ Димитрій Голицынъ замѣтилъ, что надобно также о себѣ подумать, т. е. ограничить самодержавіе и наплывъ иностранцевъ. Товарищи согласились съ его мнѣніемъ. Они сообщили сенаторамъ и генералитету о выборѣ Анны Іоанновны и о намѣреніи предложить ей

корону на условіяхъ. Никто не возражалъ. Составлены были условія, и отъ имени всего государства отправлены депутаты въ Митаву. Не смотря на мѣры, принятыя верховниками, одинъ изъ сановниковъ, возвышенныхъ Петромъ I, генералъ-прокуроръ сената Ягужинскій (какъ говорятъ, обиженный тѣмъ, что его не сдѣлали членомъ Верховнаго совѣта) успѣлъ послать въ Митаву курьера съ поздравленіемъ и съ извѣстіемъ, что верховники дѣйствуютъ самовольно и что замыслы ихъ неопасны. Но его предупредилъ уже другой курьеръ, посланный камергеромъ лифляндцемъ Левенвольде. Анна Іоанновна подписала условія.

Между тѣмъ духовенство и большинство дворянъ съ неудовольствіемъ встрѣтили вѣсть объ условіяхъ и о намѣреніи Верховнаго совѣта захватить власть въ свои руки. Дворяне начали собираться въ кружки, мнѣнія раздѣлились; явилось нѣсколько проектовъ о томъ, какимъ образомъ устроить правленіе. Когда Анна прибыла въ Москву, дворянская партія вошла съ нею въ тайныя сношенія, не смотря на то, что верховники старались никого къ ней не допускать. Главами этой партіи были князья Черкасскій и Трубецкой, а руководителями Ѳеоѳанъ Прокоповичъ и Остерманъ. Въ одно утро многочисленная депутація отъ дворянъ явилась во дворецъ, и подала императрицѣ просьбу о дозволеніи обсудить различные проекты новаго образа правленія. Императрица дала свое согласіе. Но въ тотъ же день депутація попросила новую аудіенцію, и подала просьбу о возстановленіи прежняго самодержавія. Верховники, застигнутые въ расплохъ, и, видя готовность гвардіи поддержать депутацію, не рѣшились оказать никакого сопротивленія. Анна Іоанновна велѣла подать себѣ условія, составленныя совѣтомъ, и разорвала ихъ. Потомъ она короновалась самодержавною императрицею.

Въ царствованіе Анны старые русскіе вельможи должны были уступить свое мѣсто нѣмецкой партіи, представителя-

ми которой являются Биронъ, Минихъ и Остерманъ. Вообще при преемникахъ Петра I отправленія государственной жизни совершаются съ помощію и подъ руководствомъ многочисленныхъ дѣятелей, воспитанныхъ въ трудовой школѣ великаго преобразователя. Эти дѣятели, возвысившіеся своими талантами и заслугами, не дали заглохнуть его реформамъ и поддерживали новыя пути, на которыя вступила государственная жизнь. Мало по малу они сходятъ со сцены, и вокругъ престола появляются другія лица. Новые дѣятели нравственными достоинствами мало отличались отъ учениковъ Петра, но возвышеніемъ своимъ по большой части обязаны не талантамъ и дѣйствительнымъ заслугамъ, а придворнымъ интригамъ или наружнымъ качествамъ. Образецъ такихъ любимцевъ случая представляетъ ничтожный курляндецъ Биронъ.

Красивый, ловкій и честолюбивый курляндецъ, получивъ мѣсто при дворѣ своей герцогини, скоро началъ пользоваться ея неограниченнымъ довѣріемъ. Вслѣдъ за Анною онъ пріѣхалъ въ Россію, и, спустя нѣсколько времени, сталъ во главѣ управленія. Управленіе это отличалось весьма жестокимъ характеромъ и время его считается одною изъ самыхъ бѣдственныхъ эпохъ въ Русской исторіи. Особенно замѣчательна жестокость, съ которою по распоряженію Бирона собирались недоимки государственныхъ податей за прежніе годы: по областямъ разосланы были военныя команды, у крестьянъ отбирали скотъ и все имущество, помѣщиковъ и старостъ сажали въ тюрьму. Слѣдствіемъ такихъ мѣръ былъ всеобщій ропотъ, противъ котораго Биронъ употреблялъ систему доносовъ; шпіоны его разсѣялись по всему государству; безпрерывно раздавалось грозное «слово и дѣло», за которымъ слѣдовали пытки, казни и ссылки. Правитель умѣлъ окружить императрицу людьми ему преданными, такъ что жалобы народа не могли достигать до ея слуха, и она была увѣрена въ

благоденствіи своихъ подданныхъ. Партія старыхъ русскихъ вельможъ, нерасположенная къ иностранцамъ, подверглась преслѣдованію; особенно пострадала фамилія князей Долгорукихъ (двое изъ нихъ были казнены, въ томъ числѣ и князь Иванъ, любимецъ Петра II). Нѣсколько архіереевъ лишены своего сана; тверской архіепископъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, который написалъ сочиненіе о «лютеранской и кальвинской ереси» и вооружилъ противъ себя хитраго Ѳеоѳана Прокоповича, подвергся пыткамъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость. Священники, позабывшіе отслужить молебенъ въ царскіе дни, были разстригаемы, биты кнутомъ и ссылаемы въ Сибирь. Особенно замѣчательна судьба кабинетъ-министра Артемія Волынскаго, человѣка даровитаго, но гордаго и безнравственнаго: въ бытность свою губернаторомъ въ Астрахани и Казани онъ отличился грабительствомъ и жестокостью. Теперь онъ попытался вступить въ борьбу съ нѣмецкою партіей, и поплатился за то головою. Но вообще знатные люди въ эту эпоху не стыдились унижаться передъ гордымъ временщикомъ и раболѣпно заискивать его расположеніе. Самыя забавы того времени, напримѣръ обиліе шутовъ въ домахъ знатныхъ людей, еще болѣе усиливаютъ мрачный характеръ эпохи *.

---

* Замѣчательны маскерадъ и свадьба одного придворнаго шута, устроенные зимою 1740 года для развлеченія скучающей императрицы. На этотъ маскерадъ съ разныхъ концовъ Россіи вызваны были инородцы въ своихъ національныхъ костюмахъ; а для новобрачныхъ выстроенъ ледяной домъ со всѣми принадлежностями, сдѣланными также изо льда. Поздравительные стихи для нихъ поручено было сочинить секретарю Академіи наукъ и «придворному поэту» Тредьяковскому, который извѣстенъ въ исторіи русской литературы какъ неутомимый труженикъ науки, но бездарный, жалкій стихотворецъ. Его роль придворнаго поэта не отличалась отъ роли шута. Какъ безцеремонно знатные люди обходились въ то время съ незнатными писателями и учеными, показываютъ отчасти жестокіе побои, которые публично

Дѣла внутреннія и внѣшнія. Изъ правительственныхъ распоряженій Анны замѣчательны слѣдующія: Верховный тайный совѣтъ уничтоженъ; на мѣсто его учрежденъ «Кабинетъ», члены котораго назывались кабинетъ-министрами. Далѣе, отмѣненъ былъ ненавистный дворянству майоратъ и облегчена обязанность дворянской или шляхетской службы. Прежде дворяне служили въ войскѣ неопредѣленное время; только раны, болѣзнь или глубокая старость давали имъ право на отставку; Анна положила для нихъ срокомъ службы 25 лѣтъ. Русское войско содержалось въ замѣчательномъ порядкѣ, благодаря особенно дѣятельности Миниха, который завелъ строжайшую дисциплину; по его предложенію учрежденъ въ Петербургѣ кадетскій корпусъ для воспитанія нѣсколькихъ сотъ дворянскихъ дѣтей, и русскіе офицеры уравнены въ жалованьѣ съ иностранцами, состоявшими въ русской службѣ. Видя усиливающееся значеніе гвардіи, Анна умножила ея число. Къ двумъ полкамъ (преображенскому и семеновскому) она прибавила еще два: вскорѣ послѣ вступленія на престолъ она велѣла набрать Измайловскій полкъ изъ украинскихъ однодворцевъ, а офицеровъ назначили къ нему преимущественно изъ остъ-зейскихъ нѣмцевъ; потомъ учрежденъ конный гвардейскій полкъ. Вообще внѣшнимъ порядкомъ и безостановочнымъ теченіемъ дѣлъ правленіе Анны превосходитъ царствованіе предыдущее и послѣдующее.

нанесъ Тредьяковскому во время приготовленій къ маскераду кабинетъ-министръ Волынскій, распорядитель этого комическаго праздника. Тредьяковской пришелъ къ Бирону съ жалобою. Но тутъ его встрѣтилъ Волынскій и избилъ въ самомъ домѣ герцога. Это очень оскорбило Бирона, который былъ уже вооруженъ противъ Волынскаго Остерманомъ. (Незадолго до того Волынскій подалъ императрицѣ записку, въ которой порицалъ поведеніе вельможъ, особенно Остермана). Биронъ на колѣнахъ упросилъ императрицу предать суду Волынскаго. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми близкими людьми онъ былъ обвиненъ въ замыслахъ противъ правительства, и казненъ.

Анна Іоанновна возвратила Персіи провинціи, завоеванныя Петромъ, которыя мало приносили намъ пользы, а между тѣмъ стоили большихъ издержекъ. По смерти Августа II (1733 г.) русское правительство вмѣшалось въ дѣло о наслѣдствѣ польскаго престола, и поддерживало саксонскаго курфирста Августа III противъ его соперника, короля Станислава Лещинскаго, которому помогали французы. Русское войско подъ начальствомъ Ласси осадило Данцигъ, гдѣ заперся Лещинскій; Минихъ, смѣнившій Ласси, взялъ городъ; король спасся бѣгствомъ и Августъ III утвержденъ на польскомъ престолѣ. Потомъ въ союзѣ съ Австріей Россія открыла войну противъ Турціи. Въ этой войнѣ отличились тѣже иностранцы Ласси и Минихъ: первый взялъ Азовъ и проникъ въ восточную часть Крыма; а второй взялъ Перекопъ, Очаковъ и одержалъ блистательную побѣду надъ Турками при Ставучанахъ (въ Молдавіи). Но австрійцы слабо поддерживали своихъ союзниковъ; потерпѣвъ нѣсколько пораженій, они вступили въ переговоры съ Портою при посредничествѣ французскаго посла въ Константинополѣ. Биронъ также принялъ посредничество французовъ, и миръ, заключенный въ Бѣлградѣ (1739 г.), прекратилъ подвиги Миниха. Россія не пріобрѣла почти никакихъ выгодъ, и ограничилась славою своихъ побѣдъ, которыя обошлись весьма дорого, потому что походы по южнымъ степямъ были очень трудны и сопровождались большою потерею людей.

Анна Іоанновна желала упрочить русскій престолъ за потомствомъ своего отца. Она выдала племянницу свою мекленбургскую принцессу Анну Леопольдовну за Антона Ульриха, принца брауншвейгскаго, и, когда отъ этого брака родился сынъ Іоаннъ, назначила его наслѣдникомъ престола (въ сентябрѣ 1740 г.). Императрица въ то время страдала тяжкою болѣзнію и очевидно приближалась къ смерти. Биронъ, уже

выбранный (при помощи русскихъ штыковъ) герцогомъ курляндскимъ, началъ хлопотать о регенствѣ. По его желанію кабинетъ-министры и нѣсколько другихъ знатныхъ лицъ подали императрицѣ просьбу о томъ, чтобъ она назначила Бирона правителемъ государства до совершеннолѣтія наслѣдника. Послѣ нѣкотораго колебанія умирающая Анна Іоанновна согласилась на эту просьбу*.

ІОАННЪ VI 1740—1741.

Сверженіе Бирона и правленіе Анны Леопольдовны. Регенство Бирона продолжалось только три недѣли. Соперникъ его честолюбивый, энергическій фельдмаршалъ Минихъ предложилъ матери императора свои услуги для сверженія регента и получилъ ея согласіе. Однажды ночью онъ отправился къ лѣтнему дворцу въ сопровожденіи 80 гренадеръ, и арестовалъ герцога; Анна Леопольдовна была объявлена правительницею, а Бирона сослали въ Пелымъ. Но Минихъ обманулся въ надеждѣ играть главную роль въ имперіи. Правительница подчинилась вліянію саксонскаго посланника графа Линара, и недовѣряла Миниху, опасаясь его честолюбивыхъ замысловъ; фельдмаршалъ вышелъ въ отставку. Такимъ же недовѣріемъ она отдалила отъ себя и другую свою опору — графа Остермана.

Безпечностію правительницы воспользовалась Елизавета Петровна. Приверженцы Елизаветы постарались расположить въ ея пользу нижніе гвардейскіе чины (отчасти съ помощію

* Когда императрица подписала бумагу о регенствѣ, Биронъ былъ въ восторгѣ. Герцогъ благодарилъ собравшихся у него министровъ за ихъ усердіе къ отечеству, и, увлекшись потокомъ краснорѣчія, произнесъ извѣстную своимъ безсмысліемъ фразу: «Господа, вы поступили какъ Римляне!»

французскаго золота); особенною ловкостію отличился при этомъ докторъ ея Лестокъ. Онъ уговорилъ Елизавету дѣйствовать рѣшительно: однажды ночью (въ ноябрѣ 1741 г.) она явилась въ казармы Преображенскаго полка и обратилась съ рѣчью къ солдатамъ; 300 человѣкъ послѣдовали за нею. Семейство правительницы было немедленно арестовано, а Елизавета провозглашена императрицею. Маленькаго Іоанна Антоновича заключили потомъ въ Шлюссельбургскую крѣпость; а мать его съ мужемъ и другими дѣтьми отправлена на житье въ Холмогоры. Минихъ, Остерманъ, Головкинъ и нѣкоторые другіе вельможи, устранявшіе отъ престола Елизавету, преданы суду и приговорены къ смерти; но императрица замѣнила смертную казнь ссылкою: Остерманъ отправленъ въ Березовъ, а Минихъ въ Пелымъ (на мѣсто Бирона, котораго перевели въ Ярославль).

ЕЛИЗАВЕТА ПЕТРОВНА 1741—1761 г.

Дворъ Елизаветы и характеръ ея царствованія. Лица, помогавшія Елизаветѣ взойдти на престолъ, были щедро награждены; 300 гренадеръ, которые послѣдовали за нею ко дворцу правительницы, составили особый отрядъ гвардіи подъ названіемъ «лейбъ-компаніи»; всѣ они получили дворянское достоинство и вотчины (имъ роздано до 14,000 крестьянскихъ *душъ*). Съ царствованіемъ Елизаветы пало господство нѣмецкой партіи въ государствѣ, и престолъ окружили исключительно русскіе вельможи. Императрица, отличавшаяся набожностію, частыми поѣздками на богомолье, а также склонностію къ удовольствіямъ, предоставляла управленіе государствомъ довѣреннымъ лицамъ. Изъ приближенныхъ особъ самую видную роль въ это царствованіе играли слѣдующіе вельможи:

Во первыхъ братья Разумовскіе, родомъ изъ простыхъ малороссійскихъ казаковъ. Старшій изъ нихъ, Алексѣй Григорьевичъ, началъ свою карьеру придворнымъ пѣвчимъ; обративъ на себя милостивое вниманіе Елизаветы, онъ скоро возвысился въ званіе фельдмаршала и графа; это былъ человѣкъ простой, не отличавшійся ни способностями, ни честолюбіемъ. Вмѣстѣ съ Алексѣемъ Разумовскимъ возвысился и младшій его братъ Кириллъ, получившій образованіе за границею. Для него позволено было казакамъ снова выбрать себѣ гетмана (по смерти Апостола мѣсто гетмана оставалось незанятымъ), и малороссійская рада выбрала молодаго Кирилла Разумовскаго, который, также какъ и братъ, не отличался дѣятельнымъ характеромъ. Гораздо болѣе воспользовалась своимъ значеніемъ фамилія Шуваловыхъ. Иванъ Ивановичъ Шуваловъ во вторую половину царствованія заступилъ при дворѣ мѣсто Алексѣя Разумовскаго. Ловкій царедворецъ, отличавшійся мягкимъ обращеніемъ съ низшими (что составляло еще рѣдкость въ то время), онъ былъ хорошо образованъ, оказалъ значительныя услуги государству своими заботами о народномъ просвѣщеніи, и заслужилъ славу русскаго мецената. (Онъ покровительствовалъ знаменитому Ломоносову; его же стараніями былъ основанъ и первый русскій университетъ). Но родственникъ его Петръ Ивановичъ Шуваловъ, человѣкъ весьма даровитый, запятналъ себя лихоимствомъ. Далѣе замѣчателенъ Бестужевъ-Рюминъ, который въ качествѣ канцлера завѣдывалъ внѣшними дѣлами. Бестужевъ возвысился, благодаря дружбѣ Лестока; но вскорѣ сдѣлался его врагомъ и вооружилъ противъ него императрицу.

Борьба этихъ двухъ соперниковъ характеризуетъ придворныя партіи и интриги того времени. Поводомъ къ ихъ враждѣ послужила иностранная политика. Между тѣмъ какъ Лестокъ, подкупленный французскимъ золотомъ, хлопоталъ въ

пользу тѣснаго союза съ Франціей, Бестужевъ считалъ болѣе выгоднымъ для Россіи союзъ австрійскій. Чтобы повредить своему сопернику, Лестокъ поднялъ дѣло о заговорѣ. Двѣ дамы высшаго круга, Наталья Лопухина и графиня Бестужева (жена оберъ-гофмейстера, роднаго брата канцлеру) по доносу были обвинены въ томъ, что онѣ, вмѣстѣ съ австрійскимъ посломъ маркизомъ Ботта, замышляли возвратить на русскій престолъ сосланную Брауншвейгскую фамилію. Бестужева и Лопухина (послѣдняя съ мужемъ и сыномъ) были подвергнуты пыткамъ, потомъ публично наказаны кнутомъ съ лишеніемъ языка, и сосланы (1743 г.). Такія наказанія свидѣтельствуютъ, что подъ французскими, шитыми золотомъ, кафтанами, въ то время въ высшемъ русскомъ обществѣ сохранялись еще грубые старые нравы.

Братья Бестужевы (канцлеръ и оберъ-гофмейстеръ), противъ ожиданія Лестока, не были запутаны въ этотъ мнимый заговоръ. А въ слѣдующемъ году Лестокъ былъ уже искусно низвергнутъ своимъ противникомъ. При Петербургскомъ дворѣ тогда сильно интриговалъ французскій посолъ маркизъ Шетарди, который прежде усердно хлопоталъ о возведеніи на престолъ Елизаветы, а теперь вмѣшивался въ отношенія Россіи къ Швеціи. Бестужевъ перехватывалъ тайныя депеши иностранныхъ пословъ, писанныя цифрами; заставлялъ ихъ переводить и показывалъ императрицѣ. Такимъ образомъ ему удалось захватить переписку Шетарди, въ которой находились невыгодные отзывы о Елизаветѣ и говорилось о подкупѣ Лестока въ пользу Франціи. Послѣ этого Шетарди былъ подъ конвоемъ высланъ за границу; а Лестокъ удаленъ изъ Петербурга.

Первымъ важнымъ распоряженіемъ Елизаветы въ дѣлахъ внутренняго управленія было уничтоженіе Кабинета и возвращеніе Сенату того значенія, которое ему дано Петромъ Великимъ. Относительно рекрутской повинности Россія, по плану Петра Ивановича Шувалова, раздѣлена на пять частей или

полосъ: наборъ рекрутъ, сдѣлавшійся теперь ежегоднымъ, производился не вдругъ со всего государства, а съ каждой полосы поочереди (по 1 человѣку со 100). Далѣе, учреждены два заемные банка, одинъ для дворянства, другой для купечества (заемъ производился подъ залогъ движимаго и недвижимаго имущества по 6%). По предложенію того же Петра Ивановича Шувалова уничтожены стѣснительныя для торговли внутреннія таможни и мелочные сборы (1754 г.); въ замѣнъ того пошлины на иностранные товары, наложенныя тарифомъ Петра I, значительно увеличены. Въ уголовномъ судопроизводствѣ отмѣнена смертная казнь *. Но вообще судопроизводство и администрація во времена Елизаветы находились въ разстроенномъ состояніи; лихоимство и неправосудіе достигли большихъ размѣровъ. Дороги, деревни и даже города были небезопасны отъ разбойниковъ. Расколъ, не смотря на строгія мѣры, постоянно размножался; а притѣсненія отъ военныхъ командъ вызывали иногда случаи добровольнаго самосожженія. Фанатическіе раскольники, затворившись въ какомъ-либо домѣ или въ скитѣ, сожигались вдругъ по нѣскольку десятковъ и даже сотенъ людей.

Относительно высшихъ классовъ общества въ царствованіе Елизаветы произошла важная перемѣна: нѣмецкое вліяніе, преобладавшее со временъ Петра I, замѣнилось вліяніемъ французской, болѣе утонченнной, цивилизаціи. При дворѣ и въ домахъ знатныхъ людей входятъ въ употребленіе французскіе нравы и французскій языкъ; вмѣстѣ съ тѣмъ начинается господство парижскихъ модъ, и роскошь достигаетъ большихъ размѣровъ.

---

* Расказываютъ, что Елизавета въ ту ночь, въ которую она рѣшилась взойти на престолъ, дала обѣтъ никого не казнить смертію.

Внѣшняя политика. Въ царствованіе Елизаветы Россія вела двѣ войны. Первая война была съ Швеціей, которая хотѣла возвратить завоеванную Петромъ Великимъ часть Финляндіи; но русскія войска подъ начальствомъ Ласси, одержали верхъ надъ шведами, и по миру, заключенному въ Або (1743 г.), Россія пріобрѣла новую часть Финляндіи, до р. Кюменя.

Во время этой войны въ дѣйствующей арміи обнаружилась сильная нелюбовь русскихъ солдатъ къ офицерамъ-иноземцамъ. Одинъ изъ этихъ иноземцевъ русской службы, Манштейнъ, расказываетъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: Когда армія стояла около Выборга, въ русскій лагерь пріѣхали два шведа съ письмами къ главнокомандующему; солдаты преображенской и семеновской гвардіи вдругъ объявили, что иноземцы вошли въ сношенія съ непріятелемъ и хотятъ измѣнить. Тотчасъ собралось нѣсколько сотъ бунтовщиковъ, которые рѣшили истребить всѣхъ иноземцевъ. Въ эту критическую минуту генералъ Кейтъ бросается въ толпу, схватываетъ одного изъ предводителей, и приказываетъ священнику приготовить его къ смерти. Пораженная ужасомъ, толпа разсѣялась, и зачинщики были строго наказаны.

Во вторую половину царствованія русскіе приняли дѣятельное участіе въ Семилѣтней войнѣ (когда австрійская императрица Марія Терезія въ союзѣ съ Франціей вооружилась противъ прусскаго короля Фридриха II). Каждая изъ воюющихъ державъ старалась склонить Елизавету на свою сторону; каждая прибѣгала къ интригамъ и подкупамъ вліятельныхъ лицъ при петербургскомъ дворѣ; наконецъ партія французско-австрійскаго союза одержала верхъ, при помощи Шуваловыхъ и личнаго нерасположенія Елизаветы къ Фридриху. Въ 1757 г. восьмидесятитысячная русская армія двинулась въ восточную Пруссію: фельдмаршалъ Апраксинъ взялъ Мемель, разбилъ прусскаго генерала Левальда, но вслѣдъ за тѣмъ поспѣшно

отступилъ какъ будто потерпѣлъ пораженіе. Онъ сдѣлалъ это по совѣту канцлера Бестужева, который во время опасной болѣзни императрицы разсчитывалъ на скорую перемѣну политики. Преданный суду, Апраксинъ вскорѣ умеръ; а Бестужевъ былъ сосланъ въ деревню. Въ слѣдующіе годы русскіе совершили нѣсколько походовъ въ Пруссію; особенно замѣчателенъ походъ подъ начальствомъ графа Салтыкова, который, соединившись съ австрійцами, разбилъ на голову прусскаго короля въ битвѣ при Кунерсдорфѣ. Только смерть Елизаветы (въ декабрѣ 1761 г.) вывела Фридриха изъ критическаго положенія, въ которое онъ былъ поставленъ борьбою съ тремя великими державами.

Устранивъ потомство царя Іоанна Алексѣевича, Елизавета постаралась упрочить русскій престолъ за потомками Петра I. Она вызвала въ Россію племянника своего герцога голштинскаго Петра Ульриха (сынъ Анны Петровны), и объявила его своимъ наслѣдникомъ (1742 г.); а, спустя два года, сочетала его бракомъ съ принцессою ангальтъ-цербскою Софьею Августою, получившею въ православіи имя Екатерины Алексѣевны.

III. РУССКАЯ ОБРАЗОВАННОСТЬ XVIII ВѢКА.

Нѣкоторыя черты дворянскихъ нравовъ. Страсть къ роскоши, получившая начало при Петрѣ Великомъ вмѣстѣ съ подражаніемъ западнымъ обычаямъ, сдѣлала значительный шагъ впередъ въ царствованіе Анны и Елизаветы: высшее русское общество старалось окружить себя наружнымъ блескомъ европейской цивилизаціи, и усердно поклонялось западнымъ модамъ. Быстро распространялась привычка жить сверхъ своего состоянія—привычка, отличающая всегда полуобразованное общество. Женщина, освобожденная Петромъ изъ своего

терема, въ особенности увлекалась этою роскошью и дорогими нарядами; почувствовавъ силу своей красоты, нестѣсняемая болѣе внѣшними препятствіями и не находя нравственной опоры въ средѣ ее окружающей, она скоро поддавалась внушеніямъ своихъ страстей. Поэтому между женщинами высшихъ классовъ въ то время распространилась значительная легкость нравовъ *. Вліяніе европейскихъ гуманныхъ обычаевъ долгое время только скользило по поверхности русскаго общества; а на самомъ дѣлѣ господствовали та же патріархальная простота и грубость нравовъ, тѣ же вѣрованія и привычки, которыя характеризуютъ Русь до-Петровскую. Воспитаніе юношества, составляющее главную заботу образованныхъ народовъ, мало подвинулось впередъ послѣ Петра Великаго. Между знатными людьми тогда начался обычай учить дѣтей преимущественно иностраннымъ языкамъ, и ввѣрять ихъ воспитаніе иностраннымъ выходцамъ, которые рѣдко владѣли научными свѣдѣніями или нравственными достоинствами. Образованіе людей небогатыхъ по прежнему предоставлялось лицамъ духовнаго званія, которые научали ихъ церковнославянской грамотѣ. Чтеніе ихъ обыкновенно начиналось съ азбуки, продолжалось часословомъ и кончалось псалтирью.

Манштейнъ расказываетъ въ своихъ запискахъ, что Биронъ очень любилъ наружный блескъ и пышность. Анна Іоанновна поэтому старалась сдѣлать свой дворъ самымъ блестящимъ въ Европѣ и не жалѣла расходовъ на его украшеніе. Придворные дамы и кавалеры поступали согласно съ ея

* Изъ такихъ нравовъ конечно были отрадныя исключенія. Образцомъ супружеской добродѣтели является княгиня Наталья Долгорукая. Дочь Шереметева, знаменитаго фельдмаршала петровскихъ временъ, она сдѣлалась женою князя Ивана Долгорукаго, любимца Петра II; раздѣляла съ нимъ жестокія страданія ссылки, и послѣ его казни кончила свои дни въ монастырѣ. Она оставила записки о своей жизни.

желаніемъ. Но въ началѣ пышность костюмовъ рѣдко соединялась съ изяществомъ и вкусомъ. Часто можно было встрѣтить человѣка весьма богато одѣтаго, но съ безобразнымъ парикомъ на головѣ или въ неуклюжей коляскѣ, запряженной очень плохими конями. То же самое надобно сказать о домахъ русскихъ вельможъ: тамъ съ одной стороны блистало золото и серебро, съ другой бросалась въ глаза неопрятность. Между тѣмъ вслѣдствіе распространявшейся роскоши огромныя суммы уходили за границу; какой-нибудь иностранецъ, открывшій въ Петербургѣ торговлю модными товарами, взятыми въ долгъ, въ два или три года успѣвалъ составить себѣ значительное состояніе *.

Что касается до быта провинціальныхъ дворянъ въ то время, съ этимъ бытомъ довольно близко знакомятъ насъ «Записки майора Данилова». Первоначально Даниловъ учился грамотѣ у сельскаго пономаря, который мучилъ дѣтей продолжительнымъ сидѣніемъ на одномъ мѣстѣ и весьма часто употреблялъ розги, по прежнему считавшіяся необходимою принадлежностію ученія. Впослѣдствіи Даниловъ поступилъ въ артиллерійскую московскую школу (учрежденную для дворянъ-недорослей), гдѣ не существовало никакого порядка, а учителемъ былъ штыкъ-юнкеръ, нѣсколько разъ судившійся за смертоубійство; онъ рѣдкій день приходилъ въ школу не пьяный, и учениковъ своихъ безъ пощады сѣкъ розгами. Въ дѣтствѣ авторъ «Записокъ» нѣкоторое время гостилъ у своего родственника данковскаго воеводы. Когда

* Во времена Елизаветы развитію роскоши между дамами высшаго слоя способствовалъ также примѣръ императрицы: она любила одѣваться пышно и по нѣскольку разъ въ день мѣняла свой костюмъ. Послѣ кончины государыни, въ ея гардеробѣ, говорятъ, нашли болѣе 15,000 платьевъ и соотвѣтствующее количество другихъ принадлежностей туалета. При ней развитіе вкуса сдѣлало замѣтные успѣхи. Такъ, Петербургъ въ ея царствованіе украсился великолѣпными зданіями, сооруженными по планамъ знаменитаго итальянскаго архитектора графа Растрелли; между ними первое мѣсто занимаетъ зимній каменный дворецъ, построенный въ концѣ Елизаветинскаго царствованія.

настали святки, воевода послалъ его вмѣстѣ съ своимъ сыномъ по уѣзду «славить Христа», въ сопровожденіи слугъ съ нѣсколькими пустыми санями; каждый день сани возвращались къ воеводѣ, наполненныя хлѣбомъ и живыми курами; воеводскіе слуги при этомъ случаѣ собирали птицъ даже и съ тѣхъ дворовъ, въ которыхъ мальчики не славили. Далѣе, записки нѣсколько разъ упоминаютъ о разбойникахъ, грабившихъ помѣщичьи домы, какъ о явленіи въ то время самомъ обыкновенномъ (въ разбояхъ принимали иногда участіе и сами помѣщики); расказываютъ о крестьянахъ, возмущавшихся противъ помѣщиковъ и усмиряемыхъ городскими военными командами. До какой степени взятки были обычаемъ чиновниковъ, показываетъ слѣдующій случай. Зять Данилова послѣ смерти своего брата сдѣлался наслѣдникомъ богатаго имѣнія; но другіе родственники вступили съ нимъ въ споръ, и только за деревню въ 50 душъ крестьянъ секретарь вотчинной коллегіи рѣшилъ дѣло въ пользу зятя. Послѣдній, получивъ имѣніе, пересталъ уже прилежно заниматься службою; а такъ какъ дворянинъ тогда не могъ выдти въ отставку по своему желанію, то онъ бралъ изъ полку годовые отпуски, за которые платилъ полковому секретарю подарками, каждый разъ душъ двѣнадцать крестьянъ съ женами и дѣтьми. Полковой же писарь былъ совѣстливѣе своего секретаря: «онъ бралъ только по одному человѣку за пачпортъ».

Другой дворянинъ, оставившій свои записки, Болотовъ (современникъ Данилова) также сообщаетъ много любопытныхъ подробностей о провинціальномъ бытѣ того времени. Напримѣръ, въ деревню къ его матери пріѣзжали гостить знакомые мелкопомѣстные дворяне. Увеселенія ихъ были почти тѣ же самыя какъ и въ XVII столѣтіи. «По утрамъ—говоритъ Болотовъ — у насъ обыкновенно бывали праздничные завтраки; тамъ обѣды, за ними почиваніе, тамъ закуски и заѣдки, послѣ того чай, а тамъ ужины. Проснувшись, при-

нимались опять за ѣду и прочее тому подобное». Между тѣмъ многочисленные судебные процессы, дошедшіе до насъ, показываютъ, что взаимныя отношенія сосѣднихъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ рѣдко имѣли мирный характеръ, чему много способствовало отсутствіе опредѣленныхъ границъ (размежеванія) для помѣстьевъ. Нападенія на сосѣдей, драки и насильственный захватъ земли были обычными явленіями того времени.

Низшіе классы. Послѣ Петровой реформы усилилось разъединеніе между высшими и низшими классами народа: первые все болѣе и болѣе усвоивали иностранные обычаи, а вторые оставались вѣрны обычаямъ и понятіямъ древней Руси. Господство крѣпостнаго права и отсутствіе народныхъ школъ полагали неодолимое препятствіе къ умственному просвѣщенію и матеріальному благосостоянію сельскаго населенія.

Крѣпостное право продолжало развиваться юридически (т. е. законодательнымъ путемъ) и послѣ Петра I. Такъ, крестьянамъ запрещено было пріобрѣтать недвижимое имущество въ городахъ и уѣздахъ, вступать въ подряды и откупа; помѣщикамъ дозволено продавать крѣпостныхъ людей кому бы то ни было для отдачи въ рекруты, а также ссылать ихъ въ Сибирь. Правительство, заботившееся о томъ, чтобы никто не избѣгалъ государственныхъ податей и повинностей, обращало въ крѣпостное состояніе людей, непринадлежавшихъ къ какому-либо опредѣленному состоянію (напр. церковнослужители, оставшіеся за штатомъ, мастеровые, оказавшіеся безъ мастерства, и другіе «гулящіе люди»); ихъ записывали за помѣщиками, на земляхъ которыхъ они жили. Такое развитіе крѣпостнаго права соотвѣтствовало духу того времени и эпохѣ временщиковъ, преслѣдовавшихъ свои личныя цѣли. Проникнутый сознаніемъ своихъ привилегій и вытекавшими отсюда аристократическими предразсудками, полуобразованный классъ

дворянъ и чиновниковъ смотрѣлъ на крѣпостное право, какъ на явленіе очень естественное. Притомъ же крѣпостныя отношенія отчасти продолжали существовать и въ Западной Европѣ.

Областное управленіе представляло еще нестройное смѣшеніе старыхъ московскихъ порядковъ съ учрежденіями Петра I, которыми онъ положилъ начало европейскимъ формамъ централизаціи. Особенно силенъ былъ недостатокъ въ мѣрахъ общественной безопасности. Притѣсненія помѣщиковъ, неправосудіе воеводъ и чиновниковъ продолжали служить источникомъ внутреннихъ волненій и бѣдствій. Крестьяне мстили возмущеніями противъ помѣщичьей власти, безпрерывными побѣгами и разбойничьими шайками. Для усмиренія деревень часто наряжаются экзекуціи, т. е. военныя команды, которыя бьютъ и грабятъ крестьянъ. Съ разбоями бороться было гораздо труднѣе. Помимо слабости земской полиціи и безпечности воеводъ, имъ способствовали малонаселенность государства, трудность сообщеній, обширные лѣса и степи. Разбоями по прежнему славилась Волга, пустынные берега которой изобиловали удобными притонами; здѣсь собирались шайки подъ начальствомъ наиболѣе прославившихся атамановъ («понизовая вольница»). Онѣ были иногда очень многочисленны, имѣли на своихъ лодкахъ пушки, разбивали караваны судовъ и даже вступали въ открытый бой съ военными отрядами. Казачество, отживавшее свой старый бытъ, нерѣдко подавало руку этому бѣдствію Русской земли. Волжское казачье войско поддерживало разбои на юго-востокѣ; а запорожцы съ бѣглыми крестьянами (гайдамаками) совершали разбойничьи наѣзды въ сосѣднихъ съ ними русскихъ и польскихъ провинціяхъ.

Литература и наука. Со времени преобразованій Петра Великаго началось въ Россіи непосредственное вліяніе за-

падной литературы. Это вліяніе выразилось сначала рабскимъ подражаніемъ европейскимъ образцамъ, и породило у насъ новую свѣтскую литературу, которая долго потомъ чуждалась связи съ русскимъ бытомъ и русскою народною словесностію. Представители подражательной литературы были вмѣстѣ и горячіе поборники петровской реформы. Таковъ, во-первыхъ, князь Антіохъ Кантеміръ (сынъ молдавскаго господаря, который вступилъ въ русское подданство при Петрѣ); онъ служилъ русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ и Парижѣ и пріобрѣлъ себѣ извѣстность сатирами. Въ этихъ сатирахъ, написанныхъ тяжелыми стихами по латинскимъ и французскимъ образцамъ, Кантеміръ осмѣивалъ по преимуществу пороки современнаго высшаго общества, и яркими красками изображалъ его лѣнь и мелочное тщеславіе *.

Со временъ Елизаветы, вмѣстѣ съ распространеніемъ французскаго языка и нравовъ въ высшихъ слояхъ общества, начинается подражаніе произведеніямъ французской, по преимуществу лжеклассической, литературы. Во главѣ этой школы стоялъ Сумароковъ съ своими трагедіями и комедіями, которыя написаны реторическимъ напыщеннымъ слогомъ. Онъ

---

* Для примѣра укажемъ сатиру: «На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ». Нѣкто Аретофилъ (т. е. любящій добродѣтель) встрѣчаетъ печальнаго дворянина, и спрашиваетъ, почему онъ

«Задумчивъ, какъ тотъ, что чинъ патріаршъ достати
Ища, конной свой заводъ раздарилъ не кстати?
Цугомъ ли запрещено ѣздить, иль богато
Платье носить, иль твоихъ слугъ пеленать въ злато?
Картъ ли не стало въ рядахъ, вина ль дорогова?» и т. д.

Оказывается, что дворянинъ въ горѣ отъ зависти: люди, вышедшіе изъ низкаго званія, получаютъ чины и деревни; а онъ, будучи потомкомъ знатныхъ и славныхъ предковъ, остается въ тѣни. Аретофилъ доказываетъ ему, что дѣйствительно предки его были славны своими заслугами; но что самъ онъ мастеръ только по части картъ, иностранныхъ винъ и модныхъ нарядовъ.

же былъ и первымъ директоромъ постояннаго публичнаго театра, основаннаго въ 1756 г.

Публичныя представленія въ Москвѣ начались при Петрѣ I; съ переселеніемъ двора въ Петербургъ онѣ прекратились. Въ царствованіе Анны и Елизаветы при дворѣ находились обыкновенно иностранныя труппы актеровъ; а русскія піесы игрались иногда воспитанниками кадетскаго корпуса. По примѣру ихъ Ѳедоръ Волковъ, сынъ костромскаго купца, человѣкъ чрезвычайно даровитый, устроилъ театральныя представленія въ Ярославлѣ. Узнавъ объ его успѣхѣ, Елизавета вызвала въ столицу Волкова съ товарищами (изъ которыхъ особенно знаменитъ актеръ Дмитрѣвскій), и они-то составили первую русскую труппу столичныхъ императорскихъ театровъ.

Къ той же эпохѣ относится дѣятельность Ломоносова. Родиной его были берега Бѣлаго моря, край суровыхъ энергическихъ Поморцевъ. Сынъ холмогорскаго рыбака, Ломоносовъ убѣжалъ въ Москву, чтобы удовлетворить мучившей его жаждѣ знанія. Онъ учился въ Московской духовной академіи, а образованіе свое докончилъ въ Германіи (у знаменитаго философа Вольфа), и пріобрѣлъ потомъ славу великаго писателя и ученаго. Литературная дѣятельность Ломоносова была очень разнообразна: онъ писалъ о русской исторіи, грамматикѣ, стихосложеніи и пр., хотя главнымъ его призваніемъ были естественныя науки (физика и химія). Особенно важную услугу оказалъ онъ русскому литературному языку, стараясь освободить его отъ иностранныхъ примѣсей и тяжелыхъ церковно-славянскихъ оборотовъ. Въ своихъ похвальныхъ одахъ, прославлявшихъ разныя событія современныхъ царствованій, Ломоносовъ подражалъ нѣмецкимъ и латинскимъ поэтамъ; оды его высокопарны и растянуты; но онѣ отличаются чистотою и гармоніею языка дотолѣ неизвѣстною въ русской книжной словесности. Ломоносовъ принималъ живое участіе въ планѣ перваго русскаго университета, основаннаго въ 1755 г.

Мысль Петра I соединить съ Академіей наукъ учебное значеніе, т. е. приготовленіе русскихъ учителей, неисполнилась. Петербургская академія сдѣлалась пріютомъ для нѣмецкихъ ученыхъ, которые занимались научными изслѣдованіями, по большой части не знали русскаго языка, и находились въ разладѣ съ тѣми изъ русскихъ ученыхъ, которые мало по малу начали вступать въ среду академіи (особенно враждовалъ съ нѣмецкой партіей Ломоносовъ). Недостатокъ высшаго преподаванія долженъ былъ восполнить университетъ, основателемъ котораго явился любимецъ Елизаветы, Иванъ Ивановичъ Шуваловъ. Этотъ университетъ учреждался именно въ Москвѣ по слѣдующимъ соображеніямъ: Москва занимала срединное положеніе въ государствѣ и представляла дешевизну содержанія; въ ней жило много дворянъ и разночинцевъ, такъ что студенты легко могли найдти родственниковъ и знакомыхъ; многіе помѣщики воспитывали здѣсь своихъ дѣтей и платили большія деньги домашнимъ учителямъ изъ иностранцевъ (бывшихъ прежде парикмахерами, лакеями и т. п.). Университетъ имѣлъ три факультета: юридическій, медицинскій и философскій, и 10 профессоровъ. Для приготовленія студентовъ при университетѣ были основаны двѣ гимназіи, съ сословнымъ различіемъ: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ. Въ университетѣ же соединялись люди всѣхъ свободныхъ состояній (крѣпостные не допускались). Первымъ кураторомъ (попечителемъ) новаго заведенія былъ основатель его Шуваловъ.

Въ слѣдующемъ 1756 г. при университетѣ начала издаваться газета «Московскія Вѣдомости», по образцу «Петербургскихъ Вѣдомостей» издававшихся при академіи наукъ. Въ 1757 г. стараніями того же Шувалова открыта въ Петербургѣ Академія Художествъ для образованія русскихъ архитекторовъ, живописцевъ и скульпторовъ.

Между тѣмъ какъ писатели высшихъ классовъ общества подражали иностраннымъ образцамъ, а духовные ораторы сочиняли обличенія на раскольниковъ или похвальныя слова

по поводу разныхъ торжествъ, въ низшихъ слояхъ народа совершалось довольно значительное движеніе тайной, раскольничьей литературы. Сочиненія расколоучителей были направлены противъ нововведеній или прославляли людей, пострадавшихъ за старую вѣру. Они распространялись въ рукописяхъ, и возбуждали живой интересъ въ приверженцахъ старины.

IV. ДАЛЬНѢЙШЕЕ РАЗВИТІЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЦЕНТРАЛИЗАЦІИ.

ПЕТРЪ III 1761—1762.

Правительственныя мѣры Петра III. Это былъ государь добродушный, но къ сожалѣнію недальновидный. Не смотря на весьма короткое время своего царствованія, онъ успѣлъ однако сдѣлать нѣсколько важныхъ и благодѣтельныхъ распоряженій. Во-первыхъ, замѣчателенъ манифестъ объ уничтоженіи обязательной службы для дворянства: теперь оно имѣло право служить только по своей охотѣ. Потомъ государь уничтожилъ Тайную розыскную канцелярію и запретилъ произносить ненавистное «слово и дѣло». Запрещено было также преслѣдовать раскольниковъ; а тѣмъ изъ нихъ, которые бѣжали за пограничныя мѣста, позволено возвратиться; имъ отводили въ Сибири земли для поселенія. Объявлено было прощеніе крестьянамъ, оказавшимъ неповиновеніе помѣщичьей власти, если они принесутъ раскаяніе. Многіе вельможи, сосланные въ предыдущее царствованіе были возвращены изъ Сибири, въ томъ числѣ и знаменитый Минихъ.

Относительно внѣшней политики первымъ дѣломъ Петра III былъ союзъ съ Фридрихомъ, къ которому онъ питалъ безпредѣльное уваженіе; часть русскихъ войскъ, сражавшихся противъ пруссаковъ, присоединена была къ арміи прусскаго

короля; остальныя отозваны въ отечество. Въ тоже время Петръ задумалъ другую войну: онъ началъ готовиться къ походу въ Данію, чтобы покончить старые споры голштинскихъ герцоговъ съ датскими королями. Внезапный государственнный переворотъ помѣшалъ этому предпріятію. Приверженность Петра къ иностранцамъ, поклоненіе Фридриху II, предпочтеніе, которое государь оказывалъ своему голштинскому отряду передъ русскими солдатами, и заведенная имъ строгая военная дисциплина,—все это произвело неудовольствіе между гвардейскими полками. Неудовольствіемъ гвардіи и излишнею самоувѣренностію своего супруга искусно воспользовалась умная Екатерина, и Петръ III уступилъ ей престолъ.

Главными помощниками Екатерины въ этомъ дѣлѣ были братья Орловы и княгиня Дашкова; они приготовили въ ея пользу многочисленную партію между гвардейцами. Въ пользу Екатерины дѣйствовалъ и первый духовный сановникъ, Димитрій Сѣченовъ, архіепископъ новогородскій, съ помощію духовенства, которое было недовольно намѣреніемъ Петра III отобрать церковныя имущества. Однажды утромъ (28 іюня 1762 г.), когда императоръ находился въ своемъ любимомъ замкѣ Ораніенбаумѣ, Екатерина изъ Петергофа пріѣхала въ Петербургъ; гвардія ей немедленно присягнула; а примѣру гвардіи послѣдовала и вся столица. Извѣщенный о событіи, Петръ началъ составлять разные планы защиты; но не предпринималъ ничего рѣшительнаго. Въ его свитѣ находился фельдмаршалъ Минихъ, который, не смотря на преклонныя лѣта и долгое заточеніе, оставался вѣренъ своему дѣятельному, честолюбивому характеру; фельдмаршалъ указалъ Петру на Кронштадскую крѣпость. Государь однако медлилъ разстаться съ своимъ голштинскимъ отрядомъ. Вдругъ приходитъ извѣстіе, что Екатерина во главѣ 15000 регулярнаго войска выступила на петергофскую дорогу; тогда только императоръ со всею свитою сѣлъ въ яхты, и велѣлъ грести

въ Кронштадтъ. Но было уже поздно: кронштадскій гарнизонъ между тѣмъ перешелъ на сторону императрицы. Напрасно неутомимый Минихъ старался ободрить государя, и указывалъ ему на разныя средства для борьбы. Петръ упалъ духомъ, воротился въ Ораніенбаумъ, и подписалъ актъ отреченія. Спустя нѣсколько дней, онъ скончался.

ЕКАТЕРИНА II 1762—1796.

Характеръ императрицы и главныхъ дѣятелей ея царствованія. Одаренная отъ природы блестящими, разнообразными способностями, Екатерина кромѣ того успѣла развить свой умъ литературными занятіями, особенно чтеніемъ лучшихъ французскихъ писателей своего вѣка. Проницательностію, искусствомъ пользоваться обстоятельствами и умѣньемъ находить людей для выполненія своихъ плановъ она заслужила всеобщее удивленіе. Съ рѣдкими дарованіями императрица соединяла чрезвычайное стремленіе къ славѣ, къ наружному блеску и къ завоеваніямъ. Первые годы ея царствованія не обошлись безъ нѣкоторыхъ попытокъ со стороны людей, привыкшихъ къ частымъ перемѣнамъ правителей и желавшихъ на новомъ государственномъ переворотѣ основать свое личное возвышеніе; но Екатерина успѣвала всегда предупреждать опасность *.

Главные государственные дѣятели этого царствованія, подобно сотрудникамъ Петра I, были люди незначительные по происхожденію, рѣдко отличавшіеся нравственными достоин-

---

* Замѣчательна попытка подпоручика Мировича. Занимая однажды караулъ въ Шлиссельбургской крѣпости, онъ вздумалъ освободить изъ нея Іоанна Антоновича и провозгласить его императоромъ. Но Іоаннъ Антоновичъ былъ убитъ, а мятежный подпоручикъ сложилъ свою голову на плахѣ (1764 г.).

ствами, но по большой части талантливые и усердные исполнители высшихъ распоряженій. Изъ нихъ замѣчательны: во-первыхъ братья Орловы, Григорій и Алексѣй, болѣе всѣхъ помогавшіе вступленію на престолъ Екатерины и извѣстные своимъ смѣлымъ, рѣшительнымъ характеромъ. Во-вторыхъ братья Панины, Никита и Петръ; особенно заслуживаетъ вниманія старшій, Никита Ивановичъ Панинъ, вельможа умный и образованный, котораго совѣты уважались императрицею. Онъ завѣдывалъ дипломатическими сношеніями, и пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность проектомъ *вооруженнаго нейтралитета*, который имѣлъ цѣлью защиту морской торговли нейтральныхъ державъ и былъ направленъ преимущественно противъ англійскихъ крейсеровъ (1780 г. во время Сѣверо-американской войны). Послѣ Панина на дипломатическомъ поприщѣ особенно отличился графъ Безбородко. Потомъ заслуживаютъ вниманія: князь Вяземскій, около 30 лѣтъ занимавшій важный постъ генералъ-прокурора въ сенатѣ, и графъ Сиверсъ, который въ качествѣ новогородскаго губернатора пріобрѣлъ общее уваженіе своею полезною дѣятельностію, по управленію края и по устройству водяныхъ сообщеній.

Придворное значеніе Григорія Григорьевича Орлова впослѣдствіи перешло къ Григорію Александровичу Потемкину. Онъ былъ сынъ небогатаго смоленскаго дворянина; учился въ новооткрытой московской гимназіи, потомъ перешелъ въ университетъ; но некончилъ курса (по лѣности былъ исключенъ), и поступилъ въ конную гвардію. Здѣсь Потемкинъ скоро былъ замѣченъ императрицею, и тогда началось его быстрое возвышеніе. При блестящихъ способностяхъ онъ былъ необыкновенно честолюбивъ, пріобрѣлъ огромное вліяніе на государственныя дѣла, и умѣлъ удержать за собой это вліяніе почти до самой своей смерти (1791 г.); находясь на верху могуще-

ства, онъ выказалъ деспотическія наклонности, непостоянную, капризную волю, и любилъ создавать обширные, фантастическіе планы. Въ концѣ царствованія самымъ приближеннымъ лицемъ къ императрицѣ сдѣлался Платонъ Александровичъ Зубовъ, обнаружившій большую надменность и наклонность къ придворнымъ интригамъ.

На военномъ поприщѣ особенно прославились два полководца, Румянцевъ и Суворовъ, которые своими побѣдами сообщили царствованію Екатерины много внѣшняго блеска. Въ дѣтствѣ своемъ Суворовъ, по слабости здоровья, предназначался отцомъ въ гражданскую службу; но, замѣтивъ сильное влеченіе сына въ военной дѣятельности, отецъ перемѣнилъ намѣреніе и записалъ его солдатомъ въ гвардію. Не имѣя при дворѣ могущественныхъ покровителей, Суворовъ довольно долго прослужилъ въ нижнихъ чинахъ; за то онъ имѣлъ время познакомиться съ военною службою во всѣхъ ея подробностяхъ и изучить характеръ русскаго солдата, чѣмъ впослѣдствіи умѣлъ превосходно пользоваться. Семилѣтняя война дала ему случай впервые обнаружить и развить свои военные таланты *.

Внѣшнія пріобрѣтенія. Россія въ царствованіе Екатерины широко раздвинула свои предѣлы завоеваніемъ польскихъ областей на западѣ и турецкихъ на югѣ. Въ Польшѣ умеръ Августъ III (1763 г.), и вопросъ объ избраніи но-

---

* Достигши значительныхъ чиновъ, Суворовъ мало-по-малу началъ играть роль чудака: велъ оригинальный образъ жизни, позволялъ себѣ въ обращеніи съ другими много странностей, говорилъ русскими загадками и прибаутками и подъ видомъ шутки часто высказывалъ жосткую правду. Этою ролью чудака, какъ думаютъ, онъ хотѣлъ съ одной стороны обратить на себя вниманіе Екатерины, а съ другой отклонить дѣйствіе зависти и придворныхъ интригъ.

ваго короля по обыкновенію раздѣлилъ дворянство на партіи. Екатерина II пожелала возвести на польскій престолъ графа Станислава Понятовскаго, который пріобрѣлъ ея расположеніе въ то время, когда находился при англійскомъ посольствѣ въ Петербургѣ. Русскія войска двинулись въ Польшу, Фридрихъ II прусскій также принялъ сторону Понятовскаго, и партія послѣдняго одержала верхъ. Вслѣдъ затѣмъ начались волненія со стороны польскихъ диссидентовъ (т. е. православныхъ и протестантовъ), которые требовали себѣ равныхъ правъ съ католиками и для достиженія этой цѣли составили союзъ или конфедерацію. Сеймъ долженъ былъ согласиться на требованія конфедератовъ, потому что ихъ поддерживали русскія войска и русское золото. Вліяніе Россіи утвердилось въ Польшѣ со временъ Петра I. А въ царствованіе ограниченнаго Станислава Понятовскаго уполномоченный отъ русскаго двора распоряжался въ Варшавѣ именемъ императрицы, и русскія войска почти невыходили изъ предѣловъ Польши. Но вліяніе Екатерины на польскія дѣла возбудило опасеніе въ другихъ державахъ, и нѣкоторые польскіе магнаты (Красинскій, Пулавскій и Потоцкій), побуждаемые французскимъ дворомъ, составили конфедерацію въ городѣ Баръ съ цѣлію отнять права у диссидентовъ и низложить съ престола Понятовскаго (1768 г.). Русскій уполномоченный въ Варшавѣ Репнинъ открылъ военныя дѣйствія; плохо вооруженные отряды конфедератовъ, состоявшіе подъ начальствомъ нѣсколькихъ вождей, почти независимыхъ другъ отъ друга, не могли устоять противъ регулярной русской арміи, которая не была многочисленна, потому что въ тоже время началась война съ Турціей. Храбрые, но грубые конфедераты не соблюдали никакой дисциплины, пьянствовали и грабили, не разбирая своихъ и непріятелей. Въ грабежѣ и насиліяхъ русскіе имъ не уступали. Спустя четыре года, Бар-

ская конфедерація была уничтожена, не смотря на поддержку Франціи.

Польскіе сеймы, получившіе въ свои руки всю законодательную власть, обыкновенно кончались безъ всякаго результата, потому что каждый членъ имѣлъ право «разорвать сеймъ», т. е. остановить сеймовое рѣшеніе; это право называлось «liberum veto». Сеймы разрывалъ всегда какой-нибудь шляхтичъ, который былъ подкупленъ или польскимъ магнатомъ или иностраннымъ дворомъ. Королевская власть такъ упала, что король самъ собою немогъ принять никакихъ мѣръ для внѣшней защиты государства или для преобразованія его отжившаго политическаго устройства. Между тѣмъ какъ шляхетское сословіе пользовалось всѣми правами и привилегіями, низшіе классы находились въ угнетеніи и невѣжествѣ и оставались чужды политическимъ интересамъ страны. Администрація представляла анархію; магнаты самоуправствовали, заводили распри другъ съ другомъ; а государственные сановники не стыдились за деньги быть орудіемъ иностранныхъ дворовъ и продавать отечество. При такихъ обстоятельствахъ нѣкогда могущественная Польша ослабѣла до крайности; она давно уже находилась въ зависимости отъ сосѣдей, которые имѣли виды на ея области, и старались поддерживать ея разстройство, ея избирательный способъ престолонаслѣдія и liberum veto. Теперь она не могла долѣе сохранять и цѣлость своихъ владѣній.

Въ 1772 г. между дворами русскимъ, прусскимъ и австрійскимъ состоялось соглашеніе, слѣдствіемъ котораго былъ первый раздѣлъ Польши, и Россія получила Бѣлоруссію. Объ этомъ раздѣлѣ болѣе всѣхъ хлопоталъ Фридрихъ II прусскій.

Въ одно время съ польскою войною Екатерина должна была вести борьбу съ Турціею (1768—1774 г.). Побуждаемый французскимъ дворомъ и польскими конфедератами, султанъ воспользовался тѣмъ, что русскіе сожгли пограничное татар-

ское селеніе Балту; подъ этимъ ничтожнымъ предлогомъ онъ объявилъ Россіи войну, приказавъ заключить въ Семибашенный зàмокъ русскаго посла. Императрица не могла отправить большаго войска противъ турокъ; но Румянцевъ, назначенный главнокомандующимъ, умѣлъ и съ малыми силами одолѣть многочисленныхъ непріятелей (на его просьбу о подкрѣпленіи Екатерина отвѣчала: Римляне не хотѣли знать о числѣ враговъ; а только спрашивали, гдѣ они). Самою славною эпохою этой войны былъ 1770 годъ, когда Румянцевъ одержалъ надъ турками двѣ блестящія побѣды: первую на берегахъ Ларги, гдѣ была разсѣяна стотысячная армія крымскаго хана; вторую на берегахъ Кагула, гдѣ потерпѣло пораженіе войско великаго визиря, простиравшееся до 150,000 человѣкъ (у Румянцева было только 17,000). Въ томъ же году русская эскадра обогнувъ берега Западной Европы, явилась въ Архипелагѣ, одержала побѣду надъ турецкимъ флотомъ, и сожгла его въ Чесменской гавани; въ этомъ дѣлѣ отличились особенно Спиридовъ и Грейгъ, а главнымъ начальникомъ эскадры былъ графъ Алексѣй Орловъ. Въ слѣдующемъ году князь Василій Долгорукій произвелъ удачное вторженіе въ Крымъ. Военныя дѣйствія продолжались еще три года и окончились миромъ, который былъ заключенъ въ русскомъ лагерѣ при Кучукъ-Кайнарджи (недалеко отъ Силистріи). По этому миру Россія пріобрѣла часть азовскихъ и черноморскихъ береговъ (Азовъ, Керчь, Кинбурнъ); русскимъ купеческимъ кораблямъ открыто свободное плаваніе въ Средиземное море; крымскіе, буджакскіе и кубанскіе татары объявлены независимыми отъ Турціи; султанъ долженъ былъ уплатить 4,500,000 рублей за военныя издержки и пр.

Внутреннія волненія. Между тѣмъ какъ русскія войска одерживали блистательныя побѣды за предѣлами государ-

ства, внутри оно страдало отъ физическихъ бѣдствій и сильнаго народнаго волненія. Изъ Молдавіи проникла въ Россію чума и начала свирѣпствовать въ Москвѣ (1771 г.). Когда главнокомандующій столицею графъ Салтыковъ покинулъ зачумленный городъ, суевѣрная чернь возмутилась, и умертвила архіепископа Амвросія за то, что онъ хотѣлъ снять съ Варварскихъ воротъ Боголюбскую икону Богоматери (сюда собирались толпы народа въ ожиданіи исцѣленія, отъ чего зараза распространялась еще болѣе) *. Московское возмущеніе было остановлено энергическими усиліями генерала Еропкина, и окончательно усмирено присланнымъ изъ Петербурга княземъ Григоріемъ Орловымъ.

Спустя два года послѣ этого бѣдствія, государство сильно было потрясено мятежемъ, извѣстнымъ подъ именемъ *пугачевщины*. Еще прежде между казаками были попытки взволновать народъ слухами о томъ, что Петръ III живъ и скоро потребуетъ обратно свой престолъ; но самозванцы, принимавшіе его имя, при самомъ началѣ своихъ дѣйствій попадали въ руки правительства. За то при первой удачной попыткѣ мятежъ развился съ необыкновенною быстротою и силою. Бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ объявилъ себя императоромъ Петромъ III, и сталъ во главѣ Яицкаго казачьяго войска.

Яицкіе казаки—отрасль донскихъ—сдѣлались извѣстны въ исторіи съ начала XVII вѣка, они имѣли старинное общинное устройство; рыболовство составляло всегда главное ихъ богатство; средоточіемъ былъ Яицкій городокъ. Петръ подчинилъ ихъ вѣдомству Военной коллегіи и опредѣлилъ ихъ

* По нѣкоторымъ извѣстіямъ, мятежъ противъ архіепископа былъ возбужденъ раскольниками ѳедосѣевцами (одна изъ безпоповщинскихъ сектъ), которые въ то время подъ видомъ карантина и погребенія зачумленныхъ основали у воротъ Москвы свой особый пріютъ «Преображенское кладбище». Эта раскольничья община, устроенная на подобіе монастыря, укрѣпилась преимущественно трудами своего попечителя, хитраго, ловкаго купца Ильи Ковылина (Къ тому же времени относится начало поповщинскаго «Рогожскаго кладбища»).

службу. При Аннѣ Іоанновнѣ положено начало Оренбургской военной линіи, т. е. ряду мелкихъ крѣпостей по Уралу и его притокамъ. Эти крѣпости съ одной стороны отрѣзали Башкирію отъ азіатскихъ степей и утвердили ее за Россіей, а съ другой поставили преграду набѣгамъ киргизовъ; гарнизоны ихъ составлены изъ казаковъ и старыхъ солдатъ. Съ тѣхъ поръ Яицкое войско, недовольное стѣсненіями своихъ прежнихъ вольностей, роптало и неоднократно возмущалось. Особенно замѣчателенъ мятежъ 1771 г. Калмыки, кочевавшіе въ степяхъ саратовскихъ и астраханскихъ, раздраженные притѣсненіями русскихъ чиновниковъ, вдругъ въ числѣ 30,000 кибитокъ двинулись за Яикъ, и потянулись къ китайскимъ предѣламъ. Яицкому войску велѣно было идти за ними въ погоню; но оно не послушалось, возмутилось и убило генерала Траубенберга. Присланный изъ Москвы, генералъ Фрейманъ силою оружія усмирилъ мятежъ. Зачинщики наказаны кнутомъ, многіе сосланы въ Сибирь или отданы въ солдаты; прежнее казацкое правленіе уничтожено и замѣнено Яицкимъ комендантомъ. Войско не успокоилось. «То ли еще будетъ!—говорили прощенные мятежники—Такъ ли мы тряхнемъ Москвою». Тайныя совѣщанія происходили по степнымъ уметамъ (постоялымъ дворамъ) и отдаленнымъ хуторамъ. Не доставало только предводителя.

Въ 1772 г. на Яикѣ появился Емельянъ Пугачевъ. Убѣжавъ съ Дона, онъ долго скитался, вошелъ въ сношенія съ раскольниками, побывалъ въ ихъ знаменитомъ притонѣ на Вѣткѣ и въ Иргизскихъ скитахъ. Онъ подговаривалъ казаковъ бѣжать на Кубань въ области турецкаго султана. Войсковое начальство схватило его и отослало въ Казань. Но изъ Казани ему удалось бѣжать при помощи богатыхъ раскольниковъ. Онъ опять укрылся на яицкихъ хуторахъ, и, согласившись съ нѣсколькими казаками, принялъ имя Петра III. Около него собрались нѣсколько сотъ человѣкъ, и подняли знамя возстанія. Казацкій отрядъ, высланный противъ мятеж-

никовъ, перешелъ на ихъ сторону. Илецкій городокъ былъ первою крѣпостью, сдавшеюся имъ безъ бою. Атаманъ ея хотѣлъ защищаться; но казаки приняли Пугачева съ колокольнымъ звономъ и съ хлѣбомъ-солью; а вѣрнаго атамана онъ велѣлъ повѣсить.

Пограничныя крѣпости вслѣдствіе измѣны гарнизоновъ начали переходить въ руки бунтовщиковъ, а начальники обыкновенно гибли на висилицѣ; но Оренбургъ и Яицкій городокъ мужественно выдержали осаду. По всему Поволжскому краю распространилось возстаніе крестьянъ, которымъ Пугачевъ обѣщалъ вольность. Въ связи съ казацкимъ и крестьянскимъ возстаніемъ происходило движеніе раскольниковъ, особенно многочисленныхъ между казаками; Пугачевъ обѣщалъ пожаловать ихъ «крестомъ и бородою». Крестьяне съ уральскихъ заводовъ и бѣглые каторжники немедленно пристали къ самозванцу; взбунтовались также и различные инородцы восточной Россіи, т. е. башкиры, калмыки, мордва и пр. Такимъ образомъ возобновились времена Стеньки Разина. Въ самой Москвѣ чернь глухо волновалась и повидимому съ нетерпѣніемъ ждала Пугачева. Первыя дѣйствія войскъ, отправленныхъ противъ бунтовщиковъ, были неудачны. Дѣла правительства начали поправляться, когда главнокомандующимъ былъ назначенъ генералъ Бибиковъ; но онъ скоро умеръ, и мѣсто его заступилъ графъ Петръ Панинъ. Между тѣмъ самозванецъ сжегъ Казань, взялъ Пензу и Саратовъ. Только съ большими усиліями удалось усмирить этотъ огромный мятежъ. Неоднократно разбитый полковникомъ Михельсономъ, Пугачевъ наконецъ былъ окруженъ императорскими войсками, выданъ своими сообщниками въ руки правительства и привезенъ въ Москву, гдѣ получилъ достойную казнь (1775 г.).

Крымъ и Новыя войны. Крымское ханство, признанное по Кучукъ-Кайнарджійскому миру независимымъ отъ Турціи,

не могло долго сохранять ни свою самостоятельность, ни внутреннее спокойствіе между двумя противоположными вліяніями Россіи и Турціи. Когда у татаръ начались междоусобія и свержеміе хановъ, русскіе вмѣшались во внутреннія дѣла полуострова и возвели на престолъ Шагинъ-Гирея. Убѣжденный агентами Екатерины, Шагинъ-Гирей вскорѣ отрекся отъ престола, и былъ отправленъ на житье въ Калугу; а крымскіе мурзы присягнули на русское подданство. Турецкій султанъ послѣ нѣкотораго колебанія согласился признать присоединеніе Крыма къ Россіи (1783 г.). Такимъ образомъ это гнѣздо разбойниковъ, въ продолженіе трехъ вѣковъ грабившихъ Русскую землю, наконецъ сдѣлалось для нея безвреднымъ, и Россія достигла на югѣ своихъ естественныхъ границъ. Управленіе вновь пріобрѣтенною провинціей поручено генералъ-губернатору Новороссійской области князю Потемкину, который дѣятельно занимался устройствомъ южнаго пустыннаго края и основалъ нѣсколько новыхъ городовъ (Херсонъ, Екатеринославль, Николаевъ, Севастополь). Въ тоже время положено начало нашему черноморскому флоту *.

---

* По желанію Потемкина императрица (въ 1787 г.) въ сопровожденіи многочисленной и блестящей свиты совершила путешествіе въ Тавриду; въ Каневѣ ее встрѣтилъ польской король, потомъ къ ея свитѣ присоединился австрійскій императоръ Іосифъ II. Обстановка этого путешествія, устроенная могущественнымъ любимцемъ, отличалась театральнымъ характеромъ. Такъ напримѣръ, когда раззолоченныя яхты со свитою императрицы плыли по Днѣпру, то на берегахъ, дотолѣ пустынныхъ и безлюдныхъ, виднѣлись цвѣтущія селенія, толпы народа въ праздничномъ нарядѣ, маневрирующія войска и пр. Все это было устроено наскоро, и народъ собранъ изъ дальнихъ мѣстъ. Между прочимъ изъ Москвы и другихъ городовъ Потемкинъ велѣлъ привезти массы товаровъ въ Херсонъ, чтобы открыть тамъ великолѣпный базаръ. На обратномъ пути, онъ устроилъ подъ Полтавой маневры, изображавшія знаменитую Полтавскую побѣду Петра I. Путешествіе это описано въ мемуарахъ сопровождавшихъ Екатерину французскаго посланника графа Сегюръ и австрійскаго князя де Линь.

Слабость, обнаруженная Турціей, подала поводъ къ появленію при русскомъ дворѣ такъ называемаго *греческаго проекта*, цѣлью котораго было изгнаніе турокъ изъ Европы и возстановленіе Греческой имперіи. Этотъ проектъ особенно поддерживалъ Потемкинъ. Общіе замыслы противъ Турціи сблизили Екатерину съ австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II, и они заключили тѣсный союзъ. Тогда Турецкій дворъ, побуждаемый англійскимъ и прусскимъ, снова объявилъ войну Екатеринѣ (1787 г.). Главное начальство надъ русскими войсками во второй турецкой войнѣ принялъ Потемкинъ; но его личные подвиги ограничились завоеваніемъ Очакова, послѣ долгой и дорого стоившей осады (зимою 1788 г.). Слава же этой войны принадлежитъ преимущественно Суворову, который совершилъ цѣлый рядъ громкихъ подвиговъ; изъ нихъ особенно замѣчательны: побѣды при Фокшанахъ и Рымникѣ и взятіе сильной крѣпости Измаила. Но союзники наши австрійцы дѣйствовали неудачно.

Въ тоже время Россія должна была вести борьбу на сѣверозападѣ съ шведскимъ королемъ Густавомъ III, который хотѣлъ воспользоваться турецкою войною, чтобы отнять у русскихъ Финляндію. Борьба со шведами происходила преимущественно на морѣ и притомъ съ перемѣннымъ счастіемъ (русскіе сражались подъ начальствомъ адмираловъ: Грейга, Чичагова и Круза); она окончена миромъ въ Верельской долинѣ (1790), и оба государства остались при прежнихъ границахъ. А въ слѣдующемъ году, уже по смерти Потемкина, въ Яссахъ былъ подписанъ миръ съ турками, по которому Россія пріобрѣла пространство между Бугомъ и Днѣстромъ и утвердила свое владычество на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. (Кончина Іосифа II и дипломатическое вмѣшательство Англіи и Прусіи, опасавшихся усиленія Россіи, побудили оставить дальнѣйшіе виды на Турцію).

Судьба Польши. Въ Польшѣ между тѣмъ составилась партія людей, пытавшихся произвести важныя перемѣны въ государственномъ устройствѣ; перемѣны эти имѣли цѣлью поддержать государство, очевидно клонившееся къ паденію. Во главѣ преобразовательной партіи стояли: Игнатій Потоцкій, Малаховскій, Коллонтай и другіе патріоты. Не смотря на противодѣйствіе консерваторовъ, патріотамъ дѣйствительно удалось провозгласить новую конституцію (въ маѣ 1791 г.): престолъ, по смерти Станислава Понятовскаго, вмѣсто избирательнаго становился теперь наслѣдственнымъ въ Саксонскомъ домѣ; король получалъ исполнительную власть, отмѣнялось liberum veto и пр. Вмѣстѣ съ новой конституціей обнаружилось значительное движеніе противъ Россіи, которая старалась поддерживать въ Польшѣ старый порядокъ. Но уже въ слѣдующемъ году въ Тарговицѣ составилась конфедерація изъ приверженцевъ прежняго государственнаго устройства; главы этой конфедераціи (Феликсъ Потоцкій и Браницкій) обратились съ просьбою о помощи къ Екатеринѣ, и русскія войска немедленно вступили въ Польшу. Польское правительство не могло выставить значительныхъ силъ для сопротивленія, а надежда на прусскую помощь была обманута. Самъ король Станиславъ Августъ по требованію Екатерины присталъ къ Тарговицкой конфедераціи, и майская конституція была отмѣнена. Послѣ того императрица вошла въ соглашеніе съ прусскимъ королемъ, и произошелъ второй раздѣлъ Польши; Россія получила на свою долю области Волынскую и Минскую. (Французская революція, находившаяся тогда въ сильномъ разгарѣ, отвлекла вниманіе западныхъ державъ отъ Восточной Европы). Вскорѣ прекратилось и самое существованіе Польскаго государства.

Патріотическія тайныя общества, силившіяся спасти погибающую Польшу, успѣли приготовить возстаніе. Оно ускори-

лось, когда русскій уполномоченный въ Варшавѣ, мягкій образованный Сиверсъ, былъ отозванъ, и его замѣнилъ суровый, склонный къ рѣшительнымъ мѣрамъ генералъ Игельстромъ. Возстаніе началось въ Краковѣ (въ мартѣ 1794 г.), и отсюда быстро распространилось на сѣверъ; главнокомандующимъ и диктаторомъ былъ избранъ храбрый литвинъ Тадеушъ Костюшко. Русскій отрядъ, расположенный въ Варшавѣ, застигнутъ въ расплохъ и потерялъ до 2000 человѣкъ. Но скоро подоспѣли русскія и прусскія войска, и польскіе предводители одинъ за другимъ начали терпѣть пораженіе. Самъ Костюшко проигралъ битву при Маціовицахъ и попался въ плѣнъ.

Костюшко, желая предупредить соединеніе двухъ русскихъ корпусовъ, Суворова и Ферзена, шедшихъ на Варшаву, двинулся на встрѣчу послѣднему съ 8000 человѣкъ; но, обманутый ложными извѣстіями, увидалъ передъ собою гораздо сильнѣйшаго противника. Тогда онъ поспѣшно отступилъ къ мѣстечку Маціовицы (на правомъ берегу Вислы къ югу отъ Варшавы), окопался въ этой болотистой, лѣсистой мѣстности и велѣлъ генералу Понинскому какъ можно скорѣе придти на помощь. Ферзенъ, не теряя времени, послѣдовалъ за поляками, и (30 сентября 1794 г.) съ разныхъ сторонъ напалъ на ихъ лагерь. Послѣ продолжительнаго и упорнаго боя силы поляковъ истощились, а между тѣмъ Понинскій не приходилъ. Костюшко сдѣлалъ послѣднее, отчаянное усиліе вырвать побѣду изъ рукъ Ферзена: во главѣ своей отборной кавалеріи онъ врубился въ русскіе ряды; но, изнемогши отъ ранъ, упалъ на землю, и лишился чувствъ *. Покрытый простымъ національнымъ плащомъ изъ сѣраго сукна, диктаторъ съ трудомъ былъ узнанъ русскими. Нѣсколько казаковъ тотчасъ сложили свои копья въ видѣ носилокъ, и отнесли раненаго въ ближній монастырь. Побѣда была самая рѣшительная; едва полторы тысячи поляковъ успѣли спастись черезъ лѣса въ Варшаву.

* Нѣкоторые иностранные мемуары говорятъ, что польскій герой бросилъ саблю, и воскликнулъ: «finis Poloniae!»

Вслѣдъ за тѣмъ Суворовъ, соединившись съ Ферзеномъ, послѣ безпощаднаго штурма овладѣлъ Прагою, предмѣстьемъ Варшавы, и здѣсь положилъ конецъ войнѣ. Предводители польскаго возстанія удалились за границу; король Станиславъ Августъ отказался отъ престола и послѣдніе годы свои провелъ въ Петербугѣ; а Польша окончательно была раздѣлена между Россіею, Пруссіею и Австріею. На долю первой досталась Литва и вассальное Курляндское герцогство (1795 г.).

Въ послѣдній годъ Екатерининскаго царстованія произошла война съ персидскимъ шахомъ, который напалъ на закавказскія владѣнія, находившіяся подъ покровительствомъ Россіи. Отправленный противъ персіянъ, графъ Валерьянъ Зубовъ взялъ Дербентъ; но успѣхи его были остановлены смертію императрицы, и преемникъ ея прекратилъ персидскую войну.

Законодательная коммиссія и учрежденіе о губерніяхъ. Еще Петръ I сдѣлалъ попытку составить новый сводъ законовъ, такъ какъ уложеніе его отца не удовлетворяло новымъ потребностямъ государства; преемники Петра возобновляли его попытку, и назначали для этой цѣли коммиссію; но дѣло неподвигалось впередъ. А между тѣмъ затруднительное состояніе финансовъ, судопроизводства и областнаго управленія вызывало крайнюю необходимость улучшить законодательство. Екатерина, будучи еще великою княгинею, слѣдила за дѣломъ внутренняго управленія и ясно видѣла его недостатки.

Вотъ что сама императрица писала о состояніи, въ которомъ она нашла Россію при вступленіи своемъ на престолъ: «Сухопутная армія, бывшая въ Пруссіи, не получала жалованья за двѣ трети года. Финансы были въ такомъ разстройствѣ, что во время Семилѣтней войны, когда Елизавета Пе-

тровна хотѣла занять въ Голландіи 2.000.000 руб., на заемъ не явилось охотниковъ, слѣдовательно Россія не имѣла кредита. Внутри имперіи заводскіе и монастырскіе крестьяне были въ явномъ непослушаніи властямъ, и къ нимъ начали присоединяться помѣщичьи. Сенатъ слушалъ не краткое содержаніе дѣлъ, поступавшихъ на аппеляцію; а самыя дѣла со всѣми обстоятельствами, и потому чтеніе о выгонѣ города Масальска занимало при вступленіи моемъ на престолъ первыя шесть недѣль засѣданія сената. Въ губерніяхъ такъ худо исполняли сенатскія предписанія, что первый и второй указы обыкновенно оставлялись безъ вниманія, и вошло въ пословицу говорить: «ждутъ третьяго указа». Чиновники воеводскихъ канцелярій не получали жалованья, и имъ дозволено было кормиться отъ просителей, хотя взятки строго запрещены.» и т. д.

Сочувствуя тѣмъ философскимъ идеямъ, которыя въ XVIII в. произвели умственное движеніе въ Западной Европѣ, императрица съ самаго начала своего царствованія принялась за проектъ новаго государственнаго устройства. Чтобы обсудить его во всѣхъ подробностяхъ, она созвала земскую думу подъ названіемъ: «Коммиссія для сочиненія проекта новаго уложенія». Эта коммиссія была составлена изъ депутатовъ отъ разныхъ сословій и правительственныхъ мѣстъ *. Для руководства ея императрица написала краснорѣчивый «Наказъ», въ которомъ она изложила просвѣщенныя идеи (заимствованныя изъ сочиненій Беккарія и Монтескьё) о государ-

* Именно, по одному депутату: отъ сената, синода, всѣхъ коллегій и канцелярій, отъ каждаго города, отъ дворянства каждаго уѣзда, отъ однодворцевъ каждой провинціи, также отъ пѣхотныхъ солдатъ и другихъ служилыхъ людей, отъ государственныхъ крестьянъ, инородцевъ (некочующихъ) и казацкихъ войскъ. Депутаты должны были имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, имъ назначено жалованье и даны нѣкоторыя привилегіи; они избирались баллотировкою по большинству голосовъ; избиратели снабжали ихъ письменными наставленіями. Число депутатовъ было 565.

ствѣ, законахъ, обязанностяхъ гражданина, о системѣ наказаній и пр. 30 іюля 1767 года съ большею торжественностію совершилось открытіе коммиссіи въ Москвѣ, въ Грановитой палатѣ. Въ первыхъ же ея засѣданіяхъ начались пренія о важныхъ государственныхъ преобразованіяхъ; поднятъ былъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права (чего желала и сама императрица); но противъ этого вопроса съ жаромъ возстало большинство дворянскихъ депутатовъ; затронуты были также злоупотребленія чиновниковъ. Между тѣмъ депутаты поднесли императрицѣ титулъ «великой», «мудрой», и «матери отечества»; она согласилась принять только послѣднее названіе. Засѣданія раздѣлялись на общее собраніе и на отдѣльныя коммиссіи по разнымъ государственнымъ учрежденіямъ. Но уже въ слѣдующемъ году, по поводу начавшейся войны съ турками, общее собраніе прекратилось и часть депутатовъ распущена. Отдѣльныя коммиссіи еще пять лѣтъ продолжали работать надъ проектами, подъ руководствомъ генералъ-прокурора сената князя Вяземскаго. Вопросъ о новомъ уложеніи остался нерѣшеннымъ. Впрочемъ дѣло этой Коммиссіи не было безъ важныхъ послѣдствій. Она сообщила правительству многія свѣдѣнія о внутреннемъ состояніи государства, и имѣла большое вліяніе на послѣдующую правительственную дѣятельность Екатерины II, преимущественно на ея областныя учрежденія.

Своимъ «учрежденіемъ о губерніяхъ» (1775 г.) Екатерина докончила дѣло Петра I относительно централизаціи областнаго управленія. Россія была раздѣлена на 50 губерній; границы ихъ опредѣлялись не историческими и естественными условіями, а количествомъ населенія (въ каждой отъ 300 до 400 тысячъ душъ). Губернія раздѣлялась на уѣзды и управлялась гражданскимъ губернаторомъ, иногда нѣсколько губерній ввѣрялось генералъ-губернатору или намѣстнику, ко-

торый былъ облеченъ большою властію и надзиралъ за всѣми отраслями управленія. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ о губерніяхъ устроилась система административныхъ и судебныхъ мѣстъ, до сихъ поръ господствующая въ Россіи *. Это раздѣленіе вводилось въ теченіе 20 лѣтъ; вмѣстѣ съ нимъ приступлено было ко всеобщему обмежеванію земель. При новемъ дѣленіи старыхъ городовъ не доставало для управленія уѣздовъ; по этому въ царствованіе Екатерины до 200 селъ обращены въ города. Но такъ какъ при этомъ руководствовались соображеніями административными, а не промышленными и естественными условіями, то новые города не могли процвѣтать; они отличались бѣдностію, и многіе изъ нихъ впослѣдствіи уничтожились.

Въ генварѣ 1776 г. открыта была первая преобразованная губернія въ Твери намѣстникомъ ея Сиверсомъ, который принималъ дѣятельное участіе въ составленіи самаго учрежденія о губерніяхъ. Потомъ онъ открылъ губернію въ Новгородѣ. Это открытіе—какъ видно изъ записокъ Сиверса—состояло въ слѣдующемъ: намѣстникъ собиралъ губернское дворянство, отправлялось торжественное богослуженіе, читали манифестъ о новой губерніи, произносились хвалебныя рѣчи, за тѣмъ слѣдовали выборы въ нѣкоторыя должности. Выборы сопровождались разными празднествами: намѣстникъ устроивалъ

* Въ уѣздахъ заведены: *уѣздные суды* для дворянъ, *городовые магистраты* для купцовъ и мѣщанъ, *нижнія расправы* для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ, *казначейство* для сбора и храненія доходовъ и *нижніе земскіе суды* для полиціи. Изъ уѣздныхъ учрежденій дѣла могли переходить въ высшія инстанціи, т. е. въ губернскія учрежденія: въ *верхній земскій судъ*, *губернскій магистратъ* и *верхнюю расправу*. Кромѣ того въ губернскихъ городахъ установлены: *уголовная палата*—для уголовнаго судопроизводства, *гражданская*—для гражданскаго, *казенная* — для государственныхъ доходовъ, *губернское правленіе* — съ исполнительною и полицейскою властью. Потомъ слѣдуютъ: *совѣстные суды*, *дворянская опека*, *сиротскіе суды* и *приказы общественнаго призрѣнія*.

обѣды, балы и маскерады (подобныя увеселенія распространялись въ подражаніе придворнымъ обычаямъ). Дворянство испрашивало позволеніе поставить памятникъ въ честь императрицы, и отправляло къ ней депутацію благодарить за ея попеченія. Все это свидѣтельствуетъ объ успѣхахъ, которые сдѣлала Россія относительно внѣшнихъ формъ европейской цивилизаціи, со временъ Петра I. Такимъ успѣхамъ много способствовало пріобрѣтеніе отъ-зейскихъ провинцій, потому что отсюда начался постоянный приливъ нѣмцевъ въ чиновные классы, военный и гражданскій. Наиболѣе образованные изъ нихъ явились дѣятельными проводниками цивилизованныхъ обычаевъ во внутреннія области Россіи; таковъ, напримѣръ, былъ графъ Сиверсъ. Остъ-зейскій чиновничій элементъ не мало способствовалъ и обработкѣ тѣхъ бюрократическихъ формъ, которыя удержались до позднѣйшихъ временъ въ нашей администраціи. Правительство Екатерины II вообще много заботилось о наружномъ видѣ городовъ, т. е. о проведеніи прямыхъ, широкихъ улицъ и размноженіи каменныхъ зданій; кромѣ внѣшней красоты тутъ имѣлось въ виду сбереженіе лѣсу и предохраненіе отъ большихъ пожаровъ, которыми Россія страдала весьма часто.

Сословія, экономическія мѣры и южныя области. Въ связи съ Учрежденіемъ о губерніяхъ были изданы новыя положенія о сословіяхъ. Здѣсь точно также Екатерина продолжала реформу, начатую Петромъ I. Она болѣе точнымъ образомъ опредѣлила значеніе, права и обязанности разныхъ сословій. Въ 1785 г. издано *городовое положеніе*, закончившее устройство такъ называемаго «городскаго общества». Это общество составилось изъ обывателей, принадлежащихъ къ податнымъ состояніямъ, т. е. къ купцамъ, мѣщанамъ и цеховымъ. Купцы раздѣлены на три гильдіи по величинѣ объявленныхъ ими капиталовъ; обыватели, объявившіе менѣе 500 руб. капиталу названы «мѣщанами»; а ремесленники

по разнымъ занятіямъ раздѣлены на разные «цехи», по образцу западноевропейскихъ. Всѣ податные обыватели собирались вмѣстѣ и составляли «общую городскую думу» для избранія изъ среды своей городскаго головы и шести членовъ на три года въ такъ называемую «шестигласную думу». Шестигласная дума подъ предсѣдательствомъ головы должна постоянно заниматься текущими дѣлами города: его доходами, расходами, общественными постройками; а главное она заботится объ исполненіи казенныхъ повинностей, за исправность которыхъ отвѣчаетъ все общество вмѣстѣ.

Въ томъ же году дарована *жалованная грамота дворянству*, которою опредѣлились права и привилегіи дворянскаго сословія, считавшагося главною опорою престола. Подтверждалась свобода дворянъ отъ государственной службы, отъ прямыхъ податей и тѣлесныхъ наказаній. Помѣщики каждой губерніи составили особое дворянское общество; они получили право собираться черезъ каждые три года въ губернскій городъ, чтобы совѣщаться о дѣлахъ своего сословія и выбирать людей изъ своей среды въ нѣкоторыя общественныя должности (губернскій и уѣздные предводители дворянства, предсѣдатели и засѣдатели судебныхъ палатъ, уѣздные судьи, начальники земской полиціи или исправники и пр.). Дворянство получило исключительное право владѣть крѣпостными людьми (Петръ I дозволилъ нѣкоторымъ купцамъ имѣть своихъ крестьянъ для фабрикъ и заводовъ).

Крѣпостное право при Екатеринѣ II достигло высшей степени своего развитія въ области законодательной. При вступленіи ея на престолъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ крестьяне находились въ полномъ возстаніи противъ помѣщиковъ; военныя команды усмирили ихъ большею частію безъ кровопролитія; но въ Вяземскомъ уѣздѣ крестьяне князей Долгорукихъ оказали такое сопротивленіе, что надобно было прибѣгнуть

къ пушкамъ. Просвѣщенная императрица понимала вредное вліяніе крѣпостнаго права на народную нравственность и на развитіе образованія. Въ первые годы своего царствованія она обнаруживала намѣреніе приступить къ ограниченію помѣщичьей власти; но не встрѣтила сочувствія въ придворной аристократіи и въ массѣ дворянъ. Потомъ императрица, занятая преимущественно вопросами внѣшней политики, оставила мысль о реформѣ крестьянскаго сословія. Изданы было даже новыя постановленія, которыя усиливали помѣщичью власть; напримѣръ, вслѣдствіе частыхъ жалобъ на жестокое обращеніе помѣщиковъ, крѣпостнымъ людямъ запрещено подавать жалобы на своихъ господъ (указомъ 1767 г.), подъ страхомъ наказанія кнутомъ и ссылки въ Нерчинскъ въ вѣчную каторжную работу. Между тѣмъ число крѣпостныхъ значительно увеличилось вслѣдствіе щедрой раздачи государственныхъ крестьянъ въ награду придворнымъ лицамъ и заслуженнымъ генераламъ.

Екатерина привела въ исполненіе важную мѣру, которую имѣлъ въ виду Петръ I, именно *отобраніе церковныхъ имуществъ*. Ближайшіе преемники Петра продолжали, по его примѣру, стѣснять духовенство относительно владѣнія церковными вотчинами; но набожная Елизавета передала надзоръ за ихъ управленіемъ синоду, т. е. опять въ руки самого духовенства. Петръ III изъявлялъ намѣреніе отобрать церковныя имущества. Екатерина II вскорѣ по вступленіи на престолъ назначила коммиссію для точной описи всѣхъ церковныхъ земель и доходовъ. Указомъ 1764 г. всѣ крестьяне великороссійсскаго духовенства (числомъ болѣе 900,000) переданы въ вѣденіе Коллегіи Экономіи; вмѣсто прежнихъ оброковъ и работъ они обложены сборомъ въ полтора рубля съ души. Для монастырей и архіерейскихъ церквей составлены новые штаты,

и положено отпускать имъ изъ Коллегіи Экономіи опредѣленное жалованье: кромѣ того имъ оставлены нѣкоторыя незаселенныя угодья. (Отобранныя вотчины впослѣдствіи изъ Коллегіи Экономіи перешли въ частное владѣніе и въ другія вѣдомства). Эта мѣра очень естественно не обошлась безъ неудовольствія со стороны многихъ членовъ духовенства; изъ нихъ особенно извѣстенъ митрополитъ ростовскій Арсеній Мацеевичъ; онъ былъ лишенъ своего сана, и заточенъ.

Въ отношеніи къ государственнымъ финансамъ царствованіе Екатерины замѣчательно введеніемъ ассигнацій или бумажныхъ денегъ. Неудобства отъ огромнаго количества мѣдной монеты, находившейся въ обращеніи, навели правительство на мысль о заведеніи *ассигнаціоннаго банка* по образцу западно-европейскихъ. Такой банкъ и былъ учрежденъ въ 1768 г. въ Москвѣ и Петербургѣ съ капиталомъ въ милліонъ рублей звонкою монетою; на столько же рублей было выпущено ассигнацій, т. е. кредитныхъ билетовъ на полученіе звонкой монеты. Они принимались во всѣ платежи казенные и частные и встрѣтили общее довѣріе. Вслѣдствіе этого довѣрія и удобнаго обращенія въ народѣ ассигнаціи скоро пріобрѣли значеніе бумажныхъ денегъ. Разныя государственныя нужды и особенно частыя войны подали правительству поводъ постепенно увеличить количество ассигнацій до 150 милліоновъ рублей; отъ такого чрезмѣрнаго выпуска курсъ бумажныхъ денегъ началъ понижаться, а товары поднялись въ цѣнѣ. Вмѣсто, учрежденныхъ Елизаветою, дворянскаго и коммерческаго банковъ, Екатерина основала государственный заемный банкъ для ссуды дворянамъ и городскимъ обывателямъ по 5 процентовъ (1786 г.). Въ это царствованіе обращено также большое вниманіе на государственные доходы отъ *питейныхъ сборовъ*. Дотолѣ существо-

вала въ Россіи смѣшанная система: или продажею вина завѣдывали выборные изъ торговыхъ людей «кабацкіе головы» (а съ Петра I «бурмистры»), или она отдавалась на откупъ частнымъ людямъ. Екатерина II назначила коммиссію для разсмотрѣнія этого вопроса, и по представленію коммиссіи утверждена была преимущественно откупная система (1765 г.).

При постоянномъ усиленіи централизаціи въ Русской имперіи, Малороссія и Запорожье не могли долѣе сохранять свое отдѣльное устройство. Еще при жизни Кирилла Разумовскаго гетманское достоинство было окончательно отмѣнено (1764 г.), и генералъ-губернаторомъ Малороссіи назначенъ знаменитый впослѣдствіи Румянцевъ-Задунайскій. Малороссія потомъ на равнѣ съ другими областями имперіи раздѣлена на губерніи; а крестьяне объявлены крѣпостными людьми тѣхъ владѣльцевъ, на земляхъ которыхъ засталъ изъ указъ 1783 г.; сюда также распространилось отобраніе церковныхъ имуществъ. Запорожская Сѣчь отжила свой вѣкъ: когда началось заселеніе южныхъ степей и учреждена Новороссійская губернія, Запорожье очутилось посреди русскихъ областей, и главное назначеніе его — служить пограничнымъ оплотомъ со стороны крымскихъ татаръ—уже не могло имѣть мѣста при перемѣнѣ границъ. А между тѣмъ безпокойные запорожцы не хотѣли оставить своихъ старыхъ привычекъ, и съ толпами гайдамакъ время отъ времени нападали на сосѣдніе села и города.

На Заднѣпровской украйнѣ, въ польскихъ владѣніяхъ, продолжалась религіозная и національная вражда православнаго русскаго населенія съ польскимъ дворянствомъ; а запорожцы и гайдамаки являлись ожесточенными мстителями за угнетеніе низшихъ классовъ. Во время Барской конфедераціи, вслѣдствіе разныхъ столкновеній, ненависть разгорѣлась съ особою силою. Максимъ Желѣзнякъ, послушникъ Чигиринскаго монастыря, взялъ благословеніе отъ своего архимандрита, собралъ многочисленную толпу изъ запорожцевъ и

гайдамакъ, и открылъ губительный походъ по Кіевскому воеводству, разоряя мѣстечки, села и помѣщичьи зàмки, истребляя шляхту и жидовъ (1768 г.). Самымъ ужаснымъ дѣломъ этого возстанія была такъ называемая *Уманьская рѣзня.* Городъ Умань принадлежалъ графу Потоцкому, который содержалъ здѣсь отрядъ казаковъ для защиты своихъ владѣній. Но эти казаки перешли на сторону Желѣзняка, вмѣстѣ съ нимъ взяли городъ, и вырѣзали почти всѣхъ жителей. Мятежники провозгласили Желѣзняка украинскимъ гетманомъ; силы его увеличивались новыми толпами. Польское правительство, отвлекаемое конфедераціей, могло выставить противъ него только слабый отрядъ. На помощь полякамъ Екатерина велѣла идти генералу Кречетникову. Мятежъ былъ усмиренъ, и казаки подверглись страшнымъ казнямъ. Но запорожцы и послѣ того почти каждое лѣто совершали разбойничьи набѣги на Уманьщину. Эти времена извѣстны въ народѣ подъ именемъ «коліивщины» и «паліивщины».

Наконецъ по приказанію императрицы Сѣчь была занята русскимъ отрядомъ, и Запорожское войско перестало существовать (1775). Часть его ушла въ Турцію и приняла турецкое подданство; а часть оставшихся запорожцевъ перешла на Кубань и составила войско черноморскихъ казаковъ, которому въ концѣ Екатерининскаго царствованія былъ отданъ островъ Фанагорія съ землями между Кубанью и Азовскимъ моремъ. Еще прежде Волжское казачье войско, за покровительство разбоямъ и участіе въ Пугачевскомъ бунтѣ, было переселено на Терекъ. Здѣсь казаки продолжали по прежнему служить Русской землѣ, защищая ея предѣлы отъ набѣговъ хищныхъ кавказскихъ горцевъ.

Заселеніе южныхъ степей началось въ царствованіе Елизаветы Петровны; нѣсколько тысячъ славянскихъ семействъ, преимущественно Сербовъ, изъ турецкихъ и австрійскихъ вла-

дѣній перешли въ русское подданство и поселились на границахъ Украйны (около верховьевъ Ингула) въ странѣ, которая получила названіе Новой Сербіи. Правительство Екатерины II, заботясь о заселеніи плодородныхъ, но пустынныхъ пространствъ на югѣ и востокѣ имперіи, приглашало въ Россію иностранныхъ колонистовъ, съ обѣщаніемъ разныхъ льготъ и пособій на первое хозяйственное обзаведеніе. Это приглашеніе имѣло успѣхъ и привлекло нѣсколько десятковъ тысячъ колонистовъ изъ Германіи; особенно много поселилось ихъ на Волгѣ въ Самарской провинціи. Въ тоже время правительство старалось возвращать въ Россію раскольниковъ, въ большомъ числѣ уходившихъ за границу. Возвращавшимся объявлено полное прощеніе; кромѣ того раскольники освобождены отъ двойнаго подушнаго оклада, отъ обязанности носить особое платье и брить бороду. А старообрядцамъ, т. е. приверженцамъ старопечатныхъ книгъ, въ Новороссіи по просьбѣ Потемкина разрѣшено имѣть свои храмы и священниковъ, поставленныхъ православными епископами (1785 г); они составили т. наз. *единовѣрческую* церковь.

Училища и литературное движеніе. Относительно мѣръ для народнаго образованія царствованіе Екатерины замѣчательно попытками основать стройную и постоянную систему общественныхъ школъ. Съ этою цѣлью она назначила «Коммиссію объ учрежденіи народныхъ училищъ» (1782 г.). По плану Коммиссіи предположено было: завести въ уѣздныхъ городахъ *малыя* народныя училища для первоначальнаго образованія дѣтей всѣхъ сословій, а въ губернскихъ учредить *главныя* народныя училища; предположено открыть еще нѣсколько университетовъ. Планъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе только отчасти; главныя народныя училища учреждены въ немногихъ городахъ, и ни одинъ университетъ не былъ от-

крытъ. Особенныя заслуги дѣлу народнаго воспитанія оказалъ генералъ Бецкій, по мысли котораго были основаны воспитательные дома въ Москвѣ и Петербургѣ; его же стараніями положено начало закрытымъ учебнымъ заведеніямъ для женскаго пола (училище при петербургскомъ Смольномъ монастырѣ для дворянскихъ дѣвицъ). Основаніемъ кадетскихъ корпусовъ, инженернаго и артиллерійскаго, увеличилось число военноучебныхъ заведеній.

Вліяніе французскихъ обычаевъ и французской литературы на высшіе классы общества въ царствованіе Екатерины II сдѣлало быстрые успѣхи; вліяніе это замѣтно отразилось на смягченіи нравовъ, которому не мало способствовалъ просвѣщенный взглядъ самой императрицы. Многочисленныя казни Петра и Анны Іоанновны и безпощадное сѣченіе кнутомъ временъ Елизаветы начинаютъ переходить въ область преданій; пытки, хотя употреблялись при судебныхъ допросахъ, но производились уже далеко не въ такихъ размѣрахъ и не съ такою жестокостію какъ прежде *. Подражательная литература получила сильное развитіе, процвѣтая премущественно подъ покровительствомъ двора, и поэты-чиновники, по примѣру Ломоносова, продолжали сочинять похвальныя оды. Представителемъ такихъ поэтовъ въ вѣкъ Екатерины является зна-

---

* Порошинъ, одинъ изъ учителей наслѣдника престола Павла Петровича, расказываетъ въ своихъ запискахъ, что однажды за обѣдомъ у его высочества зашла рѣчь о дѣлѣ извѣстнаго кабинетъ-министра Волынскаго. Никита Ивановичъ Панинъ (главный воспитатель наслѣдника) замѣтилъ, что онъ недавно читалъ это дѣло и что его чуть не разбилъ параличъ: такое сильное впечатлѣніе произвели на Панина мученія, которыя претерпѣлъ Волынскій! Въ другой разъ за обѣдомъ тотъ же графъ Панинъ, сравнивая прежнія времена съ Екатеринскими, привелъ слѣдующій примѣръ: «Одинъ генералъ, бывъ въ одно время у гетмана (Разумовскаго), разсуждалъ, какіе недотыки нынѣ люди стали, нельзя выбранить; а бывало де палочьемъ дуютъ, дуютъ, да и слова сказать не смѣешь».

менитый Державинъ; сынъ одного отставнаго полковника, онъ учился въ казанской гимназіи, потомъ началъ свою службу рядовымъ гвардіи и былъ впослѣдствіи статсъ-секретаремъ императрицы. Въ своихъ тяжелыхъ, но звучныхъ и выразительныхъ стихахъ Державинъ преимущественно воспѣвалъ Екатерину (подъ именемъ *Фелицы*) и нѣкоторыя громкія событія ея царствованія. Представителемъ другаго направленія въ литературѣ того времени — направленія сатирическаго былъ даровитый Фонъ-Визинъ; въ своихъ комедіяхъ (особенно въ *Бригадирѣ* и *Недорослѣ*) онъ нападалъ на два недостатка современнаго общества: съ одной стороны на безсмысленное, чисто-внѣшнее подражаніе новымъ, французскимъ обычаямъ при полномъ отсутствіи нравственнаго воспитанія, съ другой на грубые нравы и дворянскіе предразсудки, наслѣдованные отъ русской старины. Тоже сатирическое направленіе отразилось и въ русской *журнальной* литературѣ.

Начало русской журналистикѣ положено было въ послѣдніе годы Елизаветинскаго царствованія, и первый сатирическій журналъ («Трудолюбивая Пчела») принадлежитъ извѣстному Сумарокову. Особеннымъ развитіемъ журналистики отличается первая половина Екатерининскаго царствованія (именно между годами 1769 и 1775); въ это время явилась цѣлая семья журналовъ («Всякая всячина», «Трутень», «Адская почта», «Живописецъ» и др.) съ яснымъ, опредѣленнымъ направленіемъ: главною задачею своею они ставили указаніе современному обществу на его дурныя стороны. Нападенію журнальной сатиры подвергались преимущественно два рода людей: чиновники торгующіе правосудіемъ или закоснѣлые взяточники, и люди, старавшіеся блистать поверхностнымъ образованіемъ или моднымъ европейскимъ костюмомъ («петиметры»). Но попытки перейдти къ обсужденію болѣе важныхъ вопросовъ встрѣтили сильныя препятствія, и большая часть

упомянутыхъ журналовъ скоро прекратила свое существованіе *. Сама императрица принимала живое участіе въ литературной и научной дѣятельности; она писала нравоучительныя сказки для дѣтей, драматическія піесы для своего придворнаго театра (въ эрмитажѣ) и записки о Русской исторіи; а для научнаго знакомства съ естественными произведеніями и жителями своего государства она отправляла ученыя экспедиціи въ отдаленныя области имперіи (путешествія: Палласа, Лепехина, Гильденштедта и др.). Когда знаменитая княгиня Дашкова, назначенная директоромъ академіи наукъ (1782 г.) начала издавать при академіи, ежемѣсячный журналъ («Собесѣдникъ любителей русскаго слова»), въ немъ приняли участіе императрица съ нѣкоторыми изъ своихъ придворныхъ и самые извѣстные писатели того времени (Державинъ, Богдановичъ, Фонъ-Визинъ, Княжнинъ, Капнистъ); впрочемъ этотъ журналъ, подобно другимъ, скоро окончился.

Однимъ изъ самыхъ благородныхъ дѣятелей на поприщѣ русскаго образованія и словесности во второй половинѣ XVIII вѣка былъ Николай Ивановичъ Новиковъ, который посвятилъ себя образованію среднихъ и низшихъ классовъ народа.

Сначала издатель нѣсколькихъ сатирическихъ журналовъ, Новиковъ въ 1781 году вмѣстѣ съ профессоромъ московскаго университета Шварцемъ основалъ «Дружеское ученое общество»; оно имѣло своею цѣлью переводы и печатаніе книгъ для народа, продажу ихъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ

---

* Къ разряду сатирическихъ изданій можно отнести и «Письмовникъ» Курганова, составленный изъ оригинальныхъ и переводныхъ анекдотовъ, остроумныхъ изрѣченій, наставленій и т. п. Этотъ Письмовникъ явился дальнѣйшимъ развитіемъ прежнихъ сборниковъ, въ родѣ Пчелы, и сдѣлался въ концѣ XVIII вѣка любимою народною книгою. Авторъ ея Кургановъ былъ сынъ унтеръ-офицера, и около 50 лѣтъ служилъ преподавателемъ при Морскомъ кадетскомъ корпусѣ.

и даже даровую раздачу, а также помощь бѣднѣйшимъ молодымъ людямъ, желавшимъ учиться. Многія богатыя и знатныя лица дѣлали пожертвованія въ пользу этого общества, и вліяніе его на молодое поколѣніе было самое благотворное. (Подъ руководствомъ Дружескаго общества докончилъ свое образованіе и Карамзинъ, впослѣдствіи знаменитый исторіографъ). Но въ концѣ Екатерининскаго царствованія литературная дѣятельность и частныя общества подверглись значительнымъ стѣсненіямъ, чему много способствовали безпокойства, произведенныя событіями Французской революціи. Одновременно съ невѣріемъ и матеріальнымъ направленіемъ французскихъ философовъ XVIII вѣка, распространялось въ Европѣ, противуположное имъ, мистическое ученіе Сенъ-Мартена и другихъ мечтателей; въ связи съ этимъ ученіемъ размножились таинственныя *масонскія* братства, основанныя подъ видомъ благотворительныхъ цѣлей. Онѣ появились въ Россіи, и даже вошли у насъ въ моду; но около эпохи Французской революціи навлекли на себя подозрѣніе въ разныхъ политическихъ замыслахъ. Новиковъ, бывшій однимъ изъ послѣдователей религіознаго мистическаго направленія мартинистовъ и масоновъ, не избѣжалъ подобнаго подозрѣнія; онъ былъ арестованъ и заключенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость (1792 г.), откуда его освободилъ потомъ преемникъ Екатерины.

ПАВЕЛЪ I 1796—1801.

Новыя постановленія. До кончины Екатерины II Павелъ Петровичъ жилъ съ своею супругою Маріею Ѳеодоровною (Виртембергскою принцессою) по большей части въ Гатчинѣ, въ удаленіи отъ государственныхъ дѣлъ. По восшествіи на престолъ онъ обнаружилъ неутомимую дѣятельность. Изъ правительственныхъ распоряженій Павла I замѣчателенъ, во-первыхъ, указъ объ императорской фамиліи, которымъ

опредѣлены взаимныя отношенія ея членовъ и порядокъ престолонаслѣдія; тогда же отдѣлена была часть государственныхъ крестьянъ на содержаніе членовъ царской фамиліи, подъ именемъ крестьянъ «удѣльныхъ» (преимущественно прежнія «дворцовыя» имѣнія, соединенныя при Екатеринѣ II съ прочими казенными). Когда началось новое царствованіе, крестьяне, обманутые ложными слухами о свободѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отказались повиноваться своимъ помѣщикамъ и были усмирены военными отрядами. Однако вскорѣ послѣ того изданъ манифестъ, который запрещалъ принуждать крестьянъ къ работѣ по праздникамъ, и въ теченіе недѣли помѣщики могли пользоваться только трехдневною крестьянскою работою (1797 г.); а въ слѣдующемъ году запрещено продавать въ Малороссіи крестьянъ безъ земли. Этими мѣрами въ русскомъ законодательствѣ положено было начало ограниченію помѣщичьей власти. Вообще устройствомъ сельскаго управленія императоръ Павелъ дополнилъ губернскія учрежденія Екатерины II *. Далѣе, вслѣдствіе новыхъ политическихъ теорій, волновавшихъ тогда западную Европу, послѣдовало запрещеніе отправлять молодыхъ людей для образованія за границу, а взамѣнъ того позволено остъ-зейскому дворянству открыть свой университетъ въ Дерптѣ (1799 г.). Въ тоже время частныя типографіи были закрыты и новыми постановленіями о *цензурѣ* усиленъ надзоръ за книгопечатаніемъ; дозволялось издавать только тѣ книги, въ которыхъ не было ничего противнаго греко-россійской церкви и русскому

---

* Государственные и удѣльные крестьяне раздѣлены на *волости*, не болѣе 3000 душъ въ каждой. Для сбора податей, хозяйственныхъ распоряженій и для суда маловажныхъ проступковъ учреждено вездѣ *волостное правленіе*; оно состояло изъ членовъ, выбранныхъ «міромъ», а именно: волостнаго головы, старосты главнаго селенія и волостнаго писаря. Въ каждомъ селеніи староста и десятскіе составляли мѣстную полицію.

государственному устройству. Присоединеніе старообрядцевъ къ единовѣрію, начатое при Екатеринѣ II, при Павлѣ продолжалось, и право имѣть свои церкви распространено для нихъ на всѣ эпархіи. Успѣху этой мѣры способствовалъ особенно умный, просвѣщенный митрополитъ московскій Платонъ.

Суворовъ. Относительно внѣшнихъ дѣлъ императоръ Павелъ сначала изъявилъ намѣреніе держаться миролюбивой политики, и желалъ доставить спокойствіе Россіи, истощенной частыми войнами и расточительностію предыдущихъ временъ. Онъ обратилъ большое вниманіе на финансы, которые послѣ Екатерины остались въ разстроенномъ состояніи (чтобы исправить курсъ бумажныхъ денегъ, онъ велѣлъ въ своемъ присутствіи сжечь на нѣсколько милліоновъ руб. ассигнацій).

Павелъ I прекратилъ начатыя Екатериною приготовленія къ борьбѣ съ Французскою революціею; но, спустя два года, постоянное распространеніе французскихъ завоеваній побудило императора заключить наступательный союзъ съ Англіею и Австріею противъ Франціи. Предводителемъ войска, отправленнаго въ Италію на помощь австрійцамъ, избранъ былъ Суворовъ, который вначалѣ этого царствованія попалъ въ немилость. Императоръ, весьма любившій военную службу, неутомимо занимался устройствомъ арміи, ввелъ въ ней строгую дисциплину, прусскую форму съ напудренными буклями и башмаками, и пр. Такія нововведенія не нравились старому фельдмаршалу, привыкшему распоряжаться въ своихъ полкахъ совершенно самостоятельно, и онъ получилъ отставку. Суворовъ жилъ въ своей деревнѣ (Новогород. губ. Боровицкаго уѣзда), и продолжалъ вести себя очень оригинально: онъ пѣлъ на клиросѣ въ время церковной службы, звонилъ въ колокола, игралъ съ деревенскими мальчиками; но между тѣмъ зорко слѣдилъ за политическими событіями въ Европѣ.

Вдругъ, по желанію австрійскаго императора Франца, Павелъ I назначилъ Суворова главнокомандующимъ надъ соединенною русско-австрійскою арміей, и старикъ съ радостію принялъ начальство. Итальянскій походъ покрылъ громкою славою русскаго полководца (1799 г.); но плоды его блестящихъ побѣдъ въ Италіи (на берегахъ Адды, Требіи и при Нови) были уничтожены неблагоразумными мѣрами и завистью австрійскаго придворно-военнаго совѣта (Гофкригсратъ). Совершивъ безпримѣрный переходъ по Альпійскимъ горамъ въ Швейцаріи, Суворовъ отступилъ въ Баварію.

Послѣ побѣды при Нови Суворовъ получилъ приказаніе изъ Верхней Италіи двинуться въ Швейцарію, на смѣну австрійскихъ войскъ эрцгерцога Карла и на соединеніе съ русскимъ корпусомъ генерала Римскаго-Корсакова. Суворовъ черезъ вершины Сенъ-Готарда вступаетъ въ Швейцарію; разсѣявъ на пути французовъ, онъ идетъ по ущельямъ, надъ пропастями (между прочимъ по знаменитому Чертову мосту), и спускается въ Муттенскую долину. Но тутъ онъ узнаетъ, что Корсаковъ, преждевременно оставленный эрцгерцогомъ Карломъ, потерпѣлъ при Цюрихѣ пораженіе отъ французскаго генерала Массены, и отступилъ на сѣверъ. Массена съ своими 60,000 хочетъ запереть въ Муттенской долинѣ и принудить къ сдачѣ Суворова, у котораго было не болѣе 20,000. Въ такомъ отчаянномъ положеніи главнокомандующій собираетъ военный совѣтъ; рѣшено повернуть на Гларисъ и пробиться сквозь французскія войска. Тщетно Массена пытался загородить дорогу; онъ былъ неоднократно разбитъ. Послѣ неимовѣрныхъ трудностей, русскіе наконецъ вышли изъ горъ, и вздохнули свободно.

Во время этихъ походовъ, наше войско подъ начальствомъ любимаго вождя развернуло вполнѣ свое неодолимое мужество, и умѣло побѣждать самую природу, совершенно для себя непривычную. Выросшіе въ климатѣ холодномъ и умѣ-

ренномъ, русскіе неутомимо сражались подъ знойнымъ итальянскимъ небомъ въ долинѣ р. По; привыкшіе только къ ровнымъ широкимъ полямъ своей родины, они въ ненастную погоду, голодные, оборванные, почти босые, бодро взбирались на снѣжныя, окутанныя туманомъ альпійскія вершины, штыками очищая себѣ дорогу отъ французовъ.

Въ тоже время экспедиція соединеннаго англо-русскаго отряда въ Голландію окончилась неудачею. Тогда Павелъ I, недовольный союзниками, отозвалъ свои войска обратно въ Россію. Онъ даже вошелъ въ сношенія съ первымъ консуломъ французской республики, Бонапартомъ, и думалъ объявить войну Англіи; но скончался посреди приготовленій къ этой войнѣ.

АЛЕКСАНДРЪ I 1801—1825.

Павелъ I оставилъ послѣ себя четырехъ сыновей: Александра, Константина, Николая и Михаила. Старшій изъ нихъ вступилъ на престолъ; онъ былъ любимый внукъ Екатерины II и заботами ея получилъ весьма тщательное воспитаніе. Въ царствованіе императора Александра Россія снова расширила свои предѣлы, пріобрѣла значительное вліяніе на политическія дѣла Европы и достигла высшей степени своего внѣшняго блеска. Почти вся первая половина этого царствованія наполнена безпрерывными войнами.

Войны. Въ 1808 году открылась война со шведами, театромъ которой была Финляндія; русскія войска вытѣснили оттуда слабые шведскіе отряды и заставили сдаться неприступную крѣпость Свеаборгъ; а зимою слѣдующаго года они подъ начальствомъ Барклая де Толли перешли по льду Ботническаго залива (черезъ проливъ Кваркенъ), и напали на самую

Швецію. Тогда король шведскій Густавъ IV отказался отъ престола, и преемникъ его Карлъ XIII заключилъ въ Фридрихсгамѣ миръ, по которому Россія пріобрѣла Финляндію до рѣки Торнео вмѣстѣ съ Аландскими островами. На сеймѣ, созванномъ въ Борго (въ мартѣ 1809 г.), Александръ I подтвердилъ старинное шведское устройство Финляндіи, и даровалъ ей особое управленіе съ титуломъ «великаго княжества».

Между тѣмъ на югѣ цѣлыя шесть лѣтъ происходила война съ Турціею за Молдавію и Валахію (1806—1812 г.). Военныя дѣйствія шли съ перемѣннымъ успѣхомъ до тѣхъ поръ, пока начальство надъ арміей не принялъ графъ Каменскій; онъ оттѣснилъ турокъ до самыхъ Балкановъ, но смерть остановила его подвиги. Преемникъ Каменскаго, Кутузовъ заманилъ великаго визиря на лѣвый берегъ Дуная, и нанесъ ему рѣшительное пораженіе. Тогда султанъ согласился на миръ, который и былъ заключенъ въ Бухарестѣ: Турція уступила намъ Бессарабскую область, и границею сдѣлалась рѣка Прутъ. Въ тоже время удачно шла борьба съ персами въ Закавказскомъ краѣ.

Всѣ эти войны были ничтожны въ сравненіи съ тою громадною борьбою, которую Россія должна была выдержать противъ величайшаго завоевателя новыхъ временъ, Наполеона I. Первостепенныя державы спѣшили составлять коалиціи, чтобы общими силами остановить быстрое распространеніе французскаго владычества въ Европѣ. Сначала русскіе выступили противъ Наполеона въ союзѣ съ австрійцами, которымъ Александръ I послалъ на помощь войско подъ начальствомъ Кутузова; этотъ походъ окончился пораженіемъ русско-австрійской арміи при Аустерлицѣ въ Моравіи (1805 г.). Австрія заключила миръ; а Россія продолжала войну въ слѣдующемъ году

уже въ союзѣ съ Пруссіею. Вторая война была также неудачна какъ и первая. Разсѣявъ прусскую армію при Іенѣ, Наполеонъ напалъ на русскія войска, состоявшія подъ начальствомъ генерала Беннигсена, и послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ битвъ нанесъ имъ сильное пораженіе подъ Фридландомъ. Тогда императоръ Александръ заключилъ съ Наполеономъ миръ въ Тильзитѣ (1807 г.): принадлежавшая Пруссіи Бѣлостокская область присоединена къ Россіи, и оба императора обѣщали помогать другъ другу въ будущихъ войнахъ. Россія обязалась, кромѣ того, запереть свои гавани англійскимъ кораблямъ, т. е. принять участіе въ «континентальной системѣ», посредствомъ которой Наполеонъ хотѣлъ подорвать англійскую торговлю. Въ слѣдующей за тѣмъ войнѣ Наполеона съ Австріей (1809 г.) Россія, на основаніи Тильзитскаго договора, выставила вспомогательный корпусъ на границахъ Галиціи; впрочемъ русскіе уклонились отъ рѣшительныхъ дѣйствій противъ австрійцевъ. По окончаніи войны Россія получила часть восточной Галиціи.

Нашествіе Наполеона *. Союзъ съ французскимъ императоромъ не могъ быть проченъ. Самовластіе, съ которымъ завоеватель распоряжался въ Европѣ, скоро сдѣлалось невыносимо. Поводомъ къ разрыву послужили слѣдующія обстоятельства. Во-первыхъ, Наполеонъ повидимому хотѣлъ возстановить Польское королевство; во-вторыхъ, онъ отнялъ владѣнія у герцога Ольденбургскаго родственника императору Александру, и не обратилъ вниманія на протестъ русскаго двора. Кромѣ того, Россія весьма тяготилась континентальною системою, потому что вывозъ ея сырыхъ произведеній

* Исторія отечественной войны 1812 года. Соч. ген. м. М. Богдановича Спб. 1859 г.

уменьшился, ассигнаціи сильно упали въ цѣнѣ и товары вздорожали; опасаясь окончательно подорвать свои финансы, русское правительство отступило отъ строгаго соблюденія континентальной системы, и, чтобы уменьшить вывозъ звонкой монеты, наложило высокую пошлину на нѣкоторыя предметы роскоши, получаемые изъ Франціи. Наполеонъ приготовилъ огромныя силы для войны съ Россіею; онъ призвалъ вспомогательныя войска нѣмецкія, польскія, итальянскія, испанскія, и собралъ армію въ 600,000 человѣкъ. Въ іюнѣ 1812 года французы перешли пограничную рѣку Нѣманъ и вступили въ предѣлы Русской имперіи.

Александръ сосредоточилъ въ западныхъ областяхъ около 300,000 войска; оно было раздѣлено на двѣ главныя арміи: первою командовалъ военный министръ Барклай де Толли (родомъ изъ Лифляндіи), второю храбрый генералъ Багратіонъ (грузинскаго происхожденія). По плану Барклая, русскіе начали отступать въ глубь страны. Подъ Смоленскомъ обѣ арміи соединились; но продолжали отступленіе, потому что умный Барклай понималъ невозможность побѣдить въ рѣшительной битвѣ перваго полководца своего времени, стоявшаго во главѣ болѣе многочисленной и еще свѣжей арміи. Войска наши роптали на осторожность своего вождя, и оказывали ему, какъ нѣмцу, явное недовѣріе. Въ такихъ обстоятельствахъ императоръ Александръ внялъ народному голосу, и выбралъ главнокомандующаго изъ русскихъ генераловъ, именно престарѣлаго князя Кутузова; онъ уступалъ Барклаю въ прямотѣ характера, но пользовался славою искуснаго полководца и ловкаго дипломата *. Кутузовъ расположилъ армію при селѣ Бородинѣ

---

* Суворовъ о своемъ любимцѣ Кутузовѣ отзывался такъ: «уменъ, очень уменъ: его и Рибасъ не обманетъ». (Рибасъ былъ адмиралъ, извѣстный своимъ хитрымъ, изворотливымъ умомъ).

(Можайскаго уѣзда), и здѣсь 26 августа далъ генеральное сраженіе. Цѣлый день продолжался чрезвычайно упорный и кровопролитный бой. Потерявъ многихъ генераловъ (въ томъ числѣ Багратіона) и почти половину войска, Кутузовъ не рѣшился возобновить сраженіе на другой день, и отступилъ за Можайскъ; Наполеонъ провозгласилъ побѣду. Русскіе готовились къ новой битвѣ подъ Москвою; а московская чернь волновалась, одушевляемая патріотическими воззваніями генералъ-губернатора графа Растопчина *. Но главнокомандующій рѣшилъ пожертвовать столицею для спасенія арміи.

Когда русскія войска располагались на юго-западной сторонѣ города и готовились къ битвѣ, Барклай де Толли первый обратилъ вниманіе главнокомандующаго на невыгоды позиціи, пересѣченной оврагами и имѣвшей позади себя рѣку Москву: въ случаѣ неудачи армія могла быть совершенно уничтожена превосходнымъ въ силахъ непріятелемъ. Кутузовъ созвалъ военный совѣтъ. Въ подмосковной деревнѣ Фили, въ крестьянской избѣ собрались высшіе генералы (Барклай, Беннигсенъ, Дохтуровъ, Коновницинъ, Раевскій, Ермоловъ и др.). Главнокомандующій предложилъ вопросъ, давать ли сраженіе или уступить Москву безъ боя. Мнѣнія раздѣлились: Беннигсенъ (проигравшій Фридландскую битву) горячо оспаривалъ Барклая, который былъ за отступленіе. Выслушавъ обѣ стороны, главнокомандующій приказалъ отступить, потому что съ уничтоженіемъ арміи не только Москва, но и вся Россія была бы во власти непріятеля. Войска пошли

---

* Въ своихъ печатныхъ объявленіяхъ (афишкахъ) Растопчинъ приглашалъ московскихъ жителей къ поголовному ополченію противъ врага, стараясь при этомъ выражаться простонароднымъ языкомъ. Напримѣръ, въ объявленіи отъ 30 августа сказано: «Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ городскихъ и деревенскихъ; я кличъ кликну дни за два, а теперь не надо, я и молчу! Хорошо съ топоромъ, недурно съ рогатиной; а всего лучше вилы тройчатки; французъ не тяжеле снопа аржанаго» и пр.

черезъ Москву на Рязанскую дорогу (2 сентября). Храбрый генералъ Милорадовичъ начальствовалъ арьергардомъ и прикрывалъ отступленіе арміи. Надобно было дать ей время выбраться изъ города, который находился въ страшномъ смятеніи и былъ загроможденъ обозами съ имуществомъ удалявшихся жителей. Милорадовичъ предложилъ начальнику французскаго авангарда, знаменитому Мюрату, заключить на нѣсколько часовъ перемиріе, чтобы очистить французамъ Москву; въ противномъ случаѣ обѣщалъ драться до послѣдняго человѣка и оставить непріятелю только однѣ развалины. Мюратъ согласился *.

Наполеонъ остановился на Поклонной горѣ, и отсюда долго смотрѣлъ на разстилающуюся у его ногъ древнюю столицу, потомъ приказалъ войскамъ двинуться въ городъ. У Дорогомиловскаго моста онъ сошелъ съ коня, и началъ ходить взадъ и впередъ въ ожиданіи торжественной депутаціи изъ Москвы. Услыхавъ, что Москва оставлена жителями, онъ не хотѣлъ вѣрить и требовалъ депутацію. Къ нему привели нѣсколько иностранцевъ, которые подтвердили извѣстіе, что жители покинули городъ, за исключеніемъ французовъ и нѣмцевъ, занимавшихся торговлею, и небольшаго числа русскихъ изъ низшихъ сословій. Въ тотъ же день въ Москвѣ начались огромные пожары, которые продолжались трое сутокъ; городъ поджигали сами русскіе (говорятъ, графъ Растопчинъ заранѣе сдѣлалъ для того всѣ нужныя распоряженія). Такимъ образомъ французы вмѣсто

* Въ это время изъ Кремля выступилъ московскій гарнизонъ, и пошелъ черезъ городъ съ музыкою, что при тогдашнихъ печальныхъ обстоятельствахъ было очень не кстати, и возбудило ропотъ между солдатами и жителями. Пылкій Милорадовичъ обратился съ упрекомъ къ генералу, который командовалъ гарнизономъ. «Если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно, — отвѣчалъ простодушный генералъ—то выходитъ съ музыкою: такъ сказано въ регламентѣ Петра Великаго». «Да развѣ есть въ регламентѣ Петра Великаго что-либо о сдачѣ Москвы?—вскричалъ Милорадовичъ—Прикажите замолчать вашей музыкѣ».

богатой добычи, обильнаго продовольствія и спокойныхъ зимнихъ квартиръ, на которыя они надѣялись, нашли въ столицѣ разрушеніе и голодъ *. Спустя нѣсколько дней по выходѣ изъ Москвы, Кутузовъ вдругъ оставилъ Рязанскую дорогу, и, обманувъ преслѣдующаго непріятеля, искуснымъ фланговымъ движеніемъ перешелъ на старую Калужскую дорогу. Этимъ маневромъ были прикрыты: Калуга съ большими запасами съѣстныхъ припасовъ, Тула съ ея оружейнымъ заводомъ и сообщенія съ южными хлѣбородными областями имперіи.

Русскій народъ охотно приносилъ большія жертвы для борьбы съ непріятелемъ: дворянство разныхъ губерній вооружило на свой счетъ до 300,000 ратниковъ; всѣ сословія вмѣстѣ пожертвовали 100,000,000 рублей на военныя издержки; въ тоже время началась партизанская и народная война; поднялось и все войско Донскихъ казаковъ по призыву своего атамана Платова. Непріятельскіе отряды истреблялись одинъ за другимъ; недостатокъ съѣстныхъ припасовъ, болѣзни, мародерство разстроили французскую армію, между тѣмъ какъ русскіе постоянно получали подкрѣпленія. Наконецъ, когда французскій авангардъ потерпѣлъ пораженіе при Тарутинѣ, непріятель оставилъ Москву, и, уходя, взорвалъ часть Кремля (11 октября). Началось знаменитое отступленіе «великой арміи», сопровождавшееся цѣлымъ рядомъ битвъ (при Малоярославцѣ, Вязьмѣ, Духовщинѣ, Красномъ). Французы, принужденные возвращаться по разоренной смоленской дорогѣ, тысячами гибли отъ морозовъ и голода, и трупами своими

* Посланный Кутузовымъ, полковникъ Мишо привезъ государю донесеніе объ оставленіи Москвы. Александръ I былъ очень тронутъ расказами полковника о бѣдствіяхъ столицы и арміи. «Скажите всѣмъ, замѣтилъ онъ, что если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, и буду самъ ими предводительствовать. Когда будутъ истощены всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду, и лучше соглашусь скитаться въ пустыняхъ Сибири, нежели подписать постыдныя условія».

устилали дорогу. На берегахъ Березины русскіе генералы думали окружить Наполеона: Кутузовъ съ главными силами былъ у него въ тылу; съ сѣвера шелъ корпусъ Витгенштейна, прикрывавшій дотолѣ дорогу на Петербургъ; съ юга подоспѣла дунайская армія (окончившая турецкую войну) подъ начальствомъ адмирала Чичагова, который долженъ былъ загородить французамъ дорогу во время переправы черезъ Березину. По ошибочному движенію Чичагова, Наполеонъ успѣлъ совершить переправу, но съ большими потерями, и одни жалкіе остатки великой арміи достигли русской границы.

Съ изгнаніемъ французовъ война не прекратилась; императоръ Александръ рѣшился продолжать ее до тѣхъ поръ, пока французское владычество въ средней Европѣ не будетъ уничтожено. Пруссія первая изъ германскихъ державъ отстала отъ союза съ Наполеономъ, и войска ея соединились съ русскими; но могущество французскаго императора было сокрушено только тогда, когда къ союзникамъ пристала Австрія, и Наполеонъ проигралъ трехдневную великую битву при Лейпцигѣ. Союзники вступили во Францію, низложили Наполеона и возстановили на французскомъ престолѣ династію Бурбоновъ (1814 г.). За тѣмъ открылся Вѣнскій Конгрессъ, на которомъ русскій императоръ занималъ первенствующее мѣсто посреди европейскихъ государей. (Главнымъ дѣломъ этого конгресса было уничтоженіе перемѣнъ, произведенныхъ въ Европѣ французскимъ оружіемъ, и возстановленіе государствъ по большой части въ ихъ прежнемъ видѣ). Россія, въ вознагражденіе за помощь противъ французовъ, получила бо̀льшую часть Варшавскаго герцогства, которое Наполеонъ образовалъ изъ польскихъ земель, принадлежавшихъ Пруссіи и Австріи; нѣкоторыя земли были возвращены этимъ державамъ, а остальныя подъ именемъ Царства Польскаго составили особое владѣніе подъ верховною властію русскаго императора (1815 г.).

Въ томъ же году Александръ I, король прусскій и императоръ австрійскій заключили *священный союзъ*, цѣлью котораго было охраненіе существующаго политическаго порядка въ Европѣ.

Учрежденіе министерствъ, государственнаго совѣта и дѣятельность Сперанскаго. Первая половина этого царствованія одновременно съ внѣшними войнами ознаменовалась важными внутренними учрежденіями. Изъ начинаній Петра Великаго реформу областнаго управленія исполнила Екатерина II, а устройство общегосударственныхъ (центральныхъ) учрежденій докончилъ Александръ I. Самое важное изъ этихъ учрежденій были *министерства*, основанныя на мѣсто Петровскихъ коллегій; между ними раздѣлены разныя отрасли государственнаго управленія, и каждое подчинено особому министру. Число министерствъ простиралось сначала до осьми (1802 г.) *. Около того же времени учрежденъ *государственный совѣтъ* для обсужденія правительственныхъ мѣръ. Окончательное устройство министерствъ и государственнаго совѣта принадлежитъ дѣятельности Сперанскаго **.

Сперанскій былъ сынъ сельскаго священника Владимірской губерніи. Онъ учился въ мѣстной семинаріи, и уже здѣсь обнаружилъ свою необыкновенную даровитость. По распоряженію начальства его отправили въ Петербургъ въ главную или Александроневскую семинарію, куда собирали лучшихъ воспитанниковъ изъ провинцій, чтобъ образовать учителей

* Именно: министерство *военное* (генералъ Вязмитиновъ), *морское* (адмиралъ Мордвиновъ), *иностранныхъ дѣлъ* (канцлеръ графъ Воронцовъ), *внутреннихъ дѣлъ* (графъ Кочубей), *юстиціи* (Державинъ), *финансовъ* (графъ Васильевъ), *коммерціи* (графъ Румянцевъ) и *народнаго просвѣщенія* (графъ Завадовскій).

** Жизнь графа Сперанскаго. Соч. барона М. Корфа. Спб. 1861 г.

для губернскихъ семинарій. Сперанскій пріобрѣлъ расположеніе Петербургскаго митрополита Гавріила, и по окончаніи курса оставленъ профессоромъ при той же Александроневской семинаріи. Читая лекціи математики и философіи, продолжая усердно работать надъ собственнымъ образованіемъ, необыкновенно дѣятельный профессоръ занялъ въ то же время должность домашняго секретаря у одного изъ екатерининскихъ вельможъ, князя Алексѣя Куракина, и скоро сдѣлался его любимцемъ. Когда вступилъ на престолъ Павелъ I, Куракинъ былъ пожалованъ генералъ-прокуроромъ сената; онъ немедленно перевелъ своего домашняго секретаря въ канцелярію генералъ-прокурора. Такимъ образомъ Сперанскій оставилъ духовно-учительское поприще и перешелъ на гражданскую службу. При Павлѣ I генералъ-прокуроры, какъ и другіе высшіе сановники, быстро смѣняли другъ друга; но Сперанскій своими отличными способностями, искусствомъ докладывать дѣла и выполнять порученія удержался при всѣхъ перемѣнахъ; онъ умѣлъ сдѣлаться необходимымъ и постоянно возвышался по службѣ.

Съ восшествіемъ на престолъ Александра послѣдовали еще большія перемѣны въ лицахъ и установленіяхъ. Первое время самымъ вліятельнымъ лицомъ былъ Трощинскій, начальникъ канцеляріи вновь учрежденнаго государственнаго совѣта (по происхожденію простой малороссъ). Для составленія докладовъ государю, для сочиненія манифестовъ и указовъ Трощинскому понадобилось бойкое, искусное перо, и онъ приблизилъ къ себѣ Сперанскаго, который уже имѣлъ блестящую репутацію между чиновниками. Трощинскій, хотя умный и дѣловой человѣкъ, но привязанный къ старымъ порядкамъ, не согласовался съ преобразовательнымъ характеромъ новаго царствованія, и скоро былъ замѣненъ другими людьми, болѣе близкими къ молодому государю по лѣтамъ и убѣжденіямъ. Изъ нихъ первое мѣсто занималъ графъ Кочубей (также родомъ малороссъ, племянникъ и питомецъ екатерининскаго

дипломата графа Безбородко); онъ пользовался дружбою Александра, когда тотъ былъ еще великимъ княземъ. Потомъ слѣдуютъ три друга Александрова дѣтства: Новосильцевъ, князь Адамъ Чарторижскій и графъ Строгановъ; они образовали между собою тѣсный союзъ, который современники называли «тріумвиратомъ». Воспитанные подъ вліяніемъ англійскихъ государственныхъ идей, они стремились примѣнить эти идеи къ устройству Россіи; учрежденіе министерствъ было первымъ плодомъ ихъ стремленій. Кочубей, назначенный министромъ внутреннихъ дѣлъ, перезвалъ Сперанскаго въ свое вѣдомство, и послѣдній въ качествѣ директора департамента сдѣлался правою рукою министра. За болѣзнію Кочубея, Сперанскій (съ 1806 г.) часто докладывалъ бумаги государю; тутъ-то онъ сблизился съ Александромъ I, и скоро сталъ его любимцемъ. Между тѣмъ тріумвиратъ мало по малу распался, а Кочубей вышелъ въ отставку, и Сперанскій одинъ, безъ соперниковъ, нося званіе статсъ-секретаря, началъ пользоваться неограниченнымъ довѣріемъ императора. Какъ предшественники его были почитатели англійскихъ учрежденій, такъ Сперанскій отдавалъ предпочтеніе французскимъ; онъ увлекался внѣшнею простотою и стройностію государственнаго механизма во Франціи при Наполеонѣ I (этотъ механизмъ былъ построенъ на крайне развитыхъ началахъ централизаціи и бюрократіи).

По порученію императора Сперанскій составилъ общій планъ для цѣлой системы государственныхъ учрежденій. Планъ отличался внѣшнею стройностію и гармоніей своихъ частей. Предположено было вводить его постепенно. Начали съ преобразованія Государственнаго совѣта, который получилъ теперь опредѣленное и гораздо бо́льшее значеніе, нежели при своемъ основаніи. Составленный изъ первыхъ сановниковъ имперіи, по назначенію государя, онъ пріобрѣлъ преимущественно законодательный характеръ: всѣ новые законы

и чрезвычайныя мѣры должны обсуждаться въ Государственномъ совѣтѣ и потомъ поступать на утвержденіе верховной власти; здѣсь также разсматриваются отчеты всѣхъ министровъ. Государственный совѣтъ раздѣленъ на четыре департамента (военный, законовъ, экономіи, гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ). 1 января 1810 г. императоръ торжественно открылъ засѣданія преобразованнаго Совѣта. Сперанскій назначенъ «государственнымъ секретаремъ», т. е. начальникомъ канцеляріи при Государственномъ совѣтѣ, и въ его рукахъ сосредоточилось все дѣлопроизводство этого учрежденія. Въ томъ же году послѣдовало преобразованіе министерствъ, вѣдомство и составъ которыхъ были разграничены и опредѣлены болѣе точнымъ образомъ чѣмъ прежде (при этомъ министерство коммерціи упразднено и вновь учреждены министерства: *полиціи* и *путей сообщенія*). Какъ Государственный совѣтъ поставленъ во главѣ законодательства, а министерства во главѣ администраціи; такъ Сенатъ, по плану Сперанскаго, долженъ былъ образовать высшее судебное сословіе въ государствѣ, состоящее изъ членовъ отчасти назначенныхъ правительствомъ, отчасти выбранныхъ дворянствомъ. Преобразованіе Сената хотя и было утверждено, но не приведено въ исполненіе, по случаю наступившей войны съ Наполеономъ и паденія Сперанскаго. Точно также неосуществились и остальныя части его плана, напримѣръ, преобразованіе областнаго устройства.

Изъ другихъ сторонъ обширной дѣятельности Сперанскаго замѣчательны его финансовыя мѣры. Положеніе русскихъ финансовъ было очень затруднительно, особенно со времени континентальной системы. По порученію государя Сперанскій составилъ планъ финансовой системы на новыхъ началахъ. Манифестомъ (2 февраля 1810 г.) ассигнаціи были признаны государственнымъ долгомъ, новые выпуски ихъ положено

прекратить, а въ замѣнъ того усилить налоги, и на будущее время передъ каждымъ годомъ обнародывать роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ. Учреждена особая касса для погашенія государственныхъ долговъ. Наступившая за тѣмъ война съ Наполеономъ потребовала напряженія всѣхъ матеріальныхъ силъ государства, и потому финансовыя преобразованія по большей части не были приведены въ исполненіе. Попытка Сперанскаго ввести въ финансовую часть болѣе твердыя основы не была оцѣнена современниками; они подвергли ее порицаніямъ на равнѣ съ другими невсегда практичными реформами, которыя пытался проводить Сперанскій.

Государственный секретарь имѣлъ много враговъ: придворные завидовали его возвышенію и вліянію; чиновники роптали на него за указъ объ экзаменахъ *, народъ за умноженіе налоговъ. Когда государь и самъ охладѣлъ къ своему любимцу, противники государственнаго секретаря наконецъ взяли верхъ. Въ мартѣ 1812 г., въ виду предстоявшей войны съ Напо-

---

* Чтобы привлечь слушателей во вновь открытые университеты, постановлено: при производствѣ въ чины коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника требовать свидѣтельство объ окончаніи университетскаго курса или соотвѣтствующаго экзамена. Многихъ молодыхъ людей эта мѣра заставила учиться, но для старыхъ чиновниковъ она была слишкомъ трудна (въ послѣдствіи ее постепенно отмѣнили).

Самымъ краснорѣчивымъ противникомъ нововведеній Сперанскаго и защитникомъ старыхъ формъ явился историкъ Карамзинъ въ своей запискѣ «О старой и новой Россіи», гдѣ онъ говорилъ, что начатыя реформы несогласны съ характеромъ русской государственной жизни. Карамзину покровительствовала сестра императора, Екатерина Павловна, супруга принца Ольденбургскаго, который занималъ должность генералъ-губернатора тверскаго, новогородскаго и ярославскаго. Въ 1811 г., въ бытность государя въ Твери, Карамзинъ былъ представленъ ему великою княгинею, и подалъ свою записку. Государю она не понравилась. Въ послѣдствіи Александръ полюбилъ Карамзина, и приблизилъ его къ себѣ, въ качествѣ исторіографа.

леономъ, Сперанскій внезапно былъ удаленъ изъ столицы, и отправленъ въ Нижній-Новгородъ. Въ послѣдствіи онъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Сибири (1819 г.).

Сибирь раздѣлялась на три губерніи, которыя всѣ вмѣстѣ находились подъ вѣдомствомъ одного генералъ-губернатора. Состояніе этого неизмѣримаго, богатаго дарами природы края въ тѣ времена было печальное. Мѣстное управленіе, удаленное отъ надзора центральнаго правительства, издавна отличалось полнымъ самовластіемъ въ своихъ дѣйствіяхъ; лихоимство и злоупотребленія чиновниковъ здѣсь развились въ гораздо большей степени, нежели въ другихъ частяхъ имперіи. Въ короткое, двухлѣтнее, пребываніе въ Сибири Сперанскій съ обычною энергіей старался объ исправленіи мѣстныхъ злоупотребленій, и составилъ нѣсколько проектовъ для улучшенія администраціи. (Между прочимъ по его мысли Сибирь раздѣлена на два генералъ-губернаторства: Восточное и Западное). Послѣ того онъ былъ возвращенъ въ Петербургъ, и занялъ мѣсто въ Государственномъ совѣтѣ; но уже не пользовался здѣсь прежнимъ вліяніемъ.

Училища, крестьяне и политика послѣднихъ лѣтъ. Для народнаго образованія приняты были слѣдующія мѣры: главныя народныя училища, переименованныя въ «гимназіи», открыты почти во всѣхъ губернскихъ городахъ, умножено число малыхъ или «уѣздныхъ» училищъ, а для первоначальнаго образованія заведены «приходскія» школы (1803 г.) Въ Москвѣ и Петербургѣ основаны «педагогическіе институты» для приготовленія учителей; открыты новые университеты: въ Казани, Харьковѣ и Петербургѣ. Въ духовномъ вѣдомствѣ система школъ получила также болѣе правильное устройство: вновь учрежденная «коммиссія духовныхъ училищъ» издала уставы академій, семинарій и низшихъ духов-

ныхъ школъ (1814); для содержанія этихъ школъ и церковныхъ причтовъ возобновили право церквей (данное Петромъ I) на исключительную продажу восковыхъ свѣчъ.

Въ исторіи русскихъ крестьянъ царствованіе Александра I замѣчательно нѣкоторыми законодательными попытками ограничить крѣпостное право: изданъ указъ о сословіи *свободныхъ хлѣбопашцевъ*, дозволявшій помѣщикамъ отпускать на волю цѣлыя деревни (1803 г.); у помѣщиковъ, уличенныхъ въ жестокомъ обращеніи, приказано отбирать крестьянъ и отдавать ихъ въ опеку; прекращена раздача населенныхъ земель частнымъ лицамъ въ награду за службу. Крестьяне Остъ-зейскихъ губерній получили личную свободу. Въ землѣ же Войска Донскаго, вмѣстѣ съ пожалованіемъ дворянскаго достоинства казацкимъ офицерамъ, утвердилось крѣпостное право *. Относительно судопроизводства важно окончательное запрещеніе пытокъ и всякихъ «пристрастныхъ допросовъ»

Вмѣстѣ съ Отечественною войною окончилось преобразовательное направленіе, которымъ отличалась первая половина этого царствованія. Въ самомъ характерѣ государя произошла замѣтная перемѣна: опытность въ отношеніи лицъ сдѣлала его менѣе довѣрчивымъ, чѣмъ прежде. Со времени Вѣнскаго конгресса Александръ I обращалъ большое вниманіе на внѣшнюю политику, на поддержаніе началъ Священнаго союза и усмиреніе революціонныхъ движеній въ Европѣ. Отсюда постоянное участіе императора въ послѣдующихъ европейскихъ конгрессахъ (Троппавскій, Лайбахскій, Веронскій). Вну-

---

* Уничтоженіе крѣпостнаго права было любимою мыслію Александра Павловича въ первые годы его царствованія. (Поэтъ Державинъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что эту мысль развивалъ преимущественно воспитатель Александра Лагарпъ). Но сановники говорили, что крестьяне еще недостаточно приготовлены къ уничтоженію крѣпостной зависимости, и что быстрый переходъ къ свободѣ грозитъ опасностью спокойствію и цѣлости имперіи.

три государства особая забота посвящалась арміи, которая доведена была до 900,000. Въ эту половину царствованія значительнымъ вліяніемъ на внутреннюю политику пользовался графъ Аракчеевъ, суровый представитель военной дисциплины. Аракчеевъ принималъ дѣятельное участіе въ основаніи военныхъ поселеній въ имѣніяхъ государственныхъ крестьянъ (Новогородской и нѣкоторыхъ южныхъ губерній); онѣ заведены по образцу военной австрійской границы, для уменьшенія расходовъ на регулярную армію, и должны были соединять земледѣліе съ военною службою. На практикѣ это учрежденіе не оправдало своихъ цѣлей, о чемъ предупреждали наиболѣе просвѣщенные генералы, особенно Барклай де Толли. Изъ государственныхъ людей того времени вниманія заслуживаетъ еще адмиралъ Мордвиновъ, который въ Государственномъ совѣтѣ постоянно возвышалъ свой голосъ противъ разныхъ злоупотребленій (напр. противъ системы винныхъ откуповъ).

НИКОЛАЙ I 1825—1855.

14 декабря. Александръ Павловичъ скончался во время своей поѣздки на югъ имперіи въ г. Таганрогѣ, 19 ноября 1825 года. Онъ не оставилъ дѣтей, и Россія при извѣстіи о его кончинѣ немедленно присягнула Константину Павловичу, который находился въ Варшавѣ. Константинъ еще при жизни Александра I отрекся отъ своего права на престолъ въ пользу младшаго брата Николая Павловича; хотя отреченіе это и хранилось въ тайнѣ, однако великій князь снова подтвердилъ его, и письмомъ пригласилъ брата занять престолъ. 14 декабря обнародованъ былъ манифестъ о восшествіи на престолъ Николая I. Первымъ дѣломъ молодаго императора было усмиреніе военнаго мятежа.

Столкновеніе съ французами, войны за границею и вслѣдствіе того болѣе близкое знакомство съ политическими идеями и учрежденіями Западной Европы не остались безъ вліянія на умы многихъ офицеровъ русской арміи. Во вторую половину царствованія Александра, между молодыми офицерами образовалось нѣсколько тайныхъ обществъ, имѣвшихъ цѣлію преобразовать государственное устройство Россіи («сѣверное общество», «южное», «соединенные славяне» и др.). Государь зналъ о существованіи этихъ обществъ, но не употреблялъ строгихъ мѣръ до тѣхъ поръ, пока не получилъ ясныхъ свѣдѣній о составленіи заговора. Незадолго передъ кончиною своею онъ велѣлъ арестовать главныхъ начальниковъ заговора въ арміи, расположенной на югѣ Россіи.

Тогда заговорщики, находившіеся въ Петербургѣ, поспѣшили привести въ исполненіе свои замыслы, и для того хотѣли воспользоваться короткимъ междуцарствіемъ, которое произошло вслѣдствіе отреченія Константина. Они распространили между нижними военными чинами слухъ, будто Константинъ нисколько не думалъ отказываться отъ престола. Поэтому 14 декабря, когда войска должны были присягнуть Николаю Павловичу, часть гвардіи отказалась дать присягу и съ оружіемъ въ рукахъ собралась на сенатской площади (около памятника Петру I); но, не имѣя общаго предводителя остановилась здѣсь въ нерѣшимости. Императоръ между тѣмъ собралъ вокругъ Зимняго дворца остальные гвардейскіе полки. Послѣ того, какъ увѣщанія о покорности оказались безполезными и генералъ-губернаторъ Петербурга Милорадовичъ былъ убитъ, государь приказалъ сдѣлать нападеніе; атака кавалеріи была неудачна, но, когда артиллерія начала картечью поражать мятежниковъ, они разсѣялись въ бѣгствѣ. Назначенная императоромъ, «верховная слѣдственная коммиссія» вполнѣ раскрыла составъ и замыслы тайныхъ обществъ; наиболѣе виновные наказаны ссылкою въ сибирскіе рудники; пятеро главныхъ заговорщиковъ подверглись смертной казни; а солдаты, принимавшіе участіе въ

мятежѣ, посланы на Кавказъ, чтобы въ битвахъ съ горцами заслужить себѣ прощеніе.

Относительно внутренней политики, это царствованіе отличается охранительнымъ характеромъ. Сохраняя государственныя учрежденія, наслѣдованныя отъ предшественниковъ, правительство императора Николая продолжало развивать нѣкоторыя отдѣльныя части этихъ учрежденій. Между ними первое мѣсто принадлежитъ изданію Свода законовъ.

Со временъ Петра Великаго до Николая I почти безпрерывно существовали коммиссіи для усовершенствованія русскаго законодательства и приведенія его въ стройную систему; но дѣятельность этихъ коммиссій, также какъ и знаменитая попытка Екатерины II, оставалась почти безъ всякихъ результатовъ. А между тѣмъ, накопившаяся въ теченіе времени, огромная масса указовъ, несобранныхъ вмѣстѣ и часто противорѣчащихъ другъ другу, сильно затрудняла дѣлопроизводство и покровительствовала злоупотребленіямъ чиновниковъ. Императоръ Николай, спустя полтора мѣсяца послѣ вступленія своего на престолъ, приказалъ изъ послѣдней, десятой коммиссіи учредить при собственной канцеляріи особое отдѣленіе для приведенія въ порядокъ русскихъ законовъ *, и поручилъ это дѣло Сперанскому. Послѣ четырехлѣтней работы было издано, въ 45 томахъ Полное Собраніе Законовъ, въ которое вошли, начиная съ уложенія царя Алексѣя Михайло-

* Оно составило «Второе отдѣленіе Его императорскаго величества канцеляріи». Вслѣдъ затѣмъ учреждено «Третье отдѣленіе», которое замѣнило собою министерство полиціи, упраздненное въ концѣ царствованія Александра I. (Вмѣстѣ съ этимъ упраздненіемъ цензура книгъ, подчиненная прежде полиціи, отнесена къ министерству народнаго просвѣщенія). Управленіе третьимъ отдѣленіемъ ввѣрено шефу корпуса жандармовъ.

вича, почти всѣ указы до кончины Александра I (числомъ болѣе 30,000 актовъ). Изъ Полнаго Собранія потомъ извлечены постановленія, сохранившія свою силу, которыя и составили (Сводъ законовъ Россійской имперіи» (1833 г.). Издававшіеся послѣ того указы собирались въ отдѣльные томы и присоединялись къ Полному Собранію подъ именемъ его «Продолженія».

Далѣе, заслуживаютъ вниманія новыя постановленія о сословіяхъ. По учрежденіямъ Екатерины II дворянство каждой губерніи собиралось въ губернскій городъ и составляло «дворянское собраніе» для выбора должностныхъ лицъ; каждый мѣстный дворянинъ имѣлъ здѣсь право голоса. Это право съ теченіемъ времени сдѣлалось источникомъ многихъ злоупотребленій: богатые помѣщики набирали себѣ кліентовъ изъ мелкопомѣстныхъ и по своей волѣ распоряжались ихъ голосами. Манифестомъ 1831 г. право голоса на дворянскихъ выборахъ ограничено извѣстною степенью имущества (100 душъ крестьянъ или 3000 десятинъ земли); исключеніе сдѣлано только для большихъ чиновъ. Далѣе, вслѣдствіе постояннаго прилива чиновниковъ дворянское сословіе чрезмѣрно размножалось; поэтому право пріобрѣтать потомственное дворянство ограничено было штабъ-офицерскимъ чиномъ въ военной службѣ и V классомъ въ гражданской (1845 г.) *.

Для управленія государственными крестьянами, казенными землями, лѣсами и кочевыми инородцами вновь учреждено министерство *государственныхъ имуществъ* (1837); при чемъ государственные крестьяне каждой губерніи раздѣлены на округи, округи на волости, (заключающія до 6,000 душъ), а волости на «сельскія общества». Что касается до крѣпостнаго

---

* Происходившіе не изъ дворянъ оберъ-офицеры и гражданскіе чиновники съ IX до V класса составили сословіе *личныхъ дворянъ*, которое не могло владѣть крѣпостными людьми; а низшіе гражданскіе чиновники (съ XIV класса до IX) пользуются правами *почетныхъ гражданъ*.

сословія, то императоръ Николай вскорѣ послѣ вступленія на престолъ издалъ манифестъ (26 мая 1826 г.), которымъ опровергались ложные слухи о перемѣнѣ въ правахъ сельскаго населенія и возвѣщалось неуклонное исполненіе установленнаго порядка. Изъ дальнѣйшихъ указовъ о крѣпостныхъ замѣчательны слѣдующіе: запрещено продавать крѣпостныхъ людей отдѣльно отъ семействъ; позволено помѣщикамъ отдавать земли въ пользованіе своимъ крестьянамъ за условныя повинности, и такіе крестьяне названы «обязанными» (1842 г.); крѣпостнымъ позволено пріобрѣтать недвижимую собственность съ согласія ихъ помѣщиковъ. Болѣе важная мѣра принята была относительно крестьянъ западныхъ губерній, т. е. областей, возвращенныхъ отъ Польши. Чтобы оградить сельское населеніе, русское и по большей части православное, отъ угнетенія польско-католическимъ дворянствомъ, изданы инвентарныя положенія; онѣ приводили въ извѣстность повинности крестьянъ и права владѣльцевъ на крѣпостную работу. Инвентари введены сначала въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ; въ губерніяхъ же бѣлорусскихъ и литовскихъ введеніе ихъ замедлилось до новаго царствованія. (Въ это царствованіе съ литовскихъ губерній началось великое дѣло «улучшенія крестьянскаго быта»).

Другою важною мѣрою для Западной Россіи было уничтоженіе Уніи. При вступленіи на престолъ Николая Павловича, въ западныхъ областяхъ имперіи почти 2,000,000 жителей исповѣдывали унію, и признавали папу главою своей церкви. Императоръ для управленія духовными дѣлами этой церкви приказалъ учредить особую коллегію подъ предсѣдательствомъ грекоуніатскаго митрополита (1828 г.) коллегія должна была заботиться о точномъ сохраненіи греческихъ обрядовъ. А спустя 11 лѣтъ, высшее духовенство грекоуніатской церкви собралось въ Полоцкѣ, и представило государю просьбу о сое-

диненіи своей паствы съ православною церковью. На эту просьбу послѣдовало высочайшее утвержденіе, и унія въ Западной Россіи была отмѣнена (1839 г.).

Между событіями внѣшней политики первое по времени мѣсто занимаетъ война съ Персіей за границы (1826—1828 г.); въ ней прославился своими побѣдами генералъ Паскевичъ, назначенный главнокомандующимъ нашею закавказскою арміею. Фетъ-али-шахъ по миру, заключенному въ Туркманчаѣ, уступилъ Россіи ханство Эриванское и Нахичиванское и заплатилъ 20,000,000 рублей серебромъ контрибуціи.

Еще не окончилась персидская война, какъ началась борьба съ Турціею вслѣдствіе покровительства, которое русскій государь оказывалъ грекамъ, возставшимъ противъ турецкаго владычества. Въ октябрѣ 1827 года русскіе принимали участіе въ знаменитомъ Наваринскомъ сраженіи, въ которомъ оттоманскій флотъ былъ уничтоженъ соединенными эскадрами, англійскою, французскою и русскою. Весною 1828 года русская армія подъ начальствомъ графа Витгенштейна вступила въ княжества Молдавію и Валахію, перешла за Дунай и овладѣла Варною; а въ слѣдующемъ году новый главнокомандующій графъ Дибичъ разбилъ великаго визиря, перешелъ Балканы и занялъ Адріанополь. Между тѣмъ въ Азіи Паскевичъ взялъ крѣпости Карсъ, Ахалцыхъ и занялъ Эрзерумъ, столицу турецкой Арменіи. Тогда султанъ Махмудъ заключилъ съ Россіею миръ въ Адріанополѣ (1829 г.): онъ уступилъ Россіи восточный берегъ Чернаго моря, призналъ Молдавію, Валахію и Сербію подъ нашимъ покровительствомъ, открылъ русскимъ судамъ свободное плаваніе по Дунаю и Дарданелламъ, и призналъ независимость новаго Греческаго королевства.

Вслѣдъ за турецкою войною произошло возстаніе Польши.

Учредительною Хартіею 1815 года императоръ Александръ даровалъ Царству Польскому особое политическое устрой-

ство, съ національнымъ сеймомъ и собственнымъ войскомъ. Благодаря этому устройству и внутреннему спокойствію, матеріальное благосостояніе Польши начало быстро развиваться; земледѣліе, торговля, промышленность и литература въ теченіе 15 лѣтъ достигли значительной степени процвѣтанія. Но между тѣмъ въ народѣ, въ арміи, между студентами образовались тайныя общества, которыя волновали умы надеждою на возвращеніе самобытности. Ночью 17 ноября 1830 года толпа заговорщиковъ (состоявшая большею частію изъ воспитанниковъ военной школы) бросилась въ Бельведерскій дворецъ, гдѣ жилъ намѣстникъ Царства Польскаго, великій князь Константинъ Павловичъ. Великій князь успѣлъ во-время спастись изъ дворца; видя, что польскія войска приняли сторону мятежниковъ, онъ удалился изъ Варшавы. Возстаніе быстро распространилось по всему Царству и проникло въ Литву. Главнокомандующимъ польскихъ войскъ и диктаторомъ былъ объявленъ генералъ Хлопицкій, нѣкогда сражавшійся подъ знаменами Костюшко. Императоръ двинулъ въ Польшу болѣе 100,000 войска. Начальникъ этой арміи графъ Дибичъ выигралъ два кровопролитныя сраженія съ поляками, при Гроховѣ и Остроленкѣ: но вслѣдъ за тѣмъ онъ умеръ отъ холеры, которая свирѣпствовала тогда въ Россіи съ страшною силою (жертвою ея сдѣлался и великій князь Константинъ Павловичъ). Мѣсто Дибича заступилъ графъ Паскевичъ.

Между тѣмъ въ польскомъ лагерѣ не было единодушія; тамъ боролись двѣ партіи: аристократическая (главою которой былъ Чарторижскій) и демократическая (къ послѣдней принадлежали профессоръ Виленскаго университета историкъ Лелевель и знаменитый поэтъ Мицкевичъ). Тщетно вторая партія настаивала на улучшеніи крестьянскаго быта; дворянство несогласилось на пожертвованія. Генералы, смѣнившіе тяжело раненнаго Хлопицкаго (Скржинецкій, Дембинскій, Малаховскій)

не были способны остановить движеніе русскихъ войскъ на Варшаву, и 25 августа 1831 года Паскевичъ взялъ приступомъ Волю — предмѣстье столицы; а на другой день, послѣ отчаяннаго сопротивленія, сдалась и самая Варшава. Мятежъ былъ усмиренъ, и главные предводители спаслись бѣгствомъ за границу. Въ февралѣ 1832 года Учредительная Хартія отмѣнена, и Царство Польское вошло въ составъ имперіи наравнѣ съ другими ея областями. Варшавскій и Виленскій университеты были закрыты (для западныхъ областей, спустя два года, основанъ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ).

Въ отношеніяхъ къ европейскимъ державамъ императоръ Николай строго сохранялъ начала Священнаго союза. Поэтому въ 1849 году, когда Франція, Германія и Италія были объяты революціоннымъ движеніемъ, русскія войска ходили на помощь Австріи противъ возставшихъ Венгерцевъ, и возстаніе вскорѣ было усмирено.

Крымская война. Кавказъ. Спустя четыре года послѣ того, снова произошелъ разрывъ между Россіею и Турціею; поводомъ къ этому разрыву послужило то обстоятельство, что русскій дворъ вступился за права христіанъ греческаго исповѣданія въ Палестинѣ. Когда Порта отвѣтила отказомъ на требованія императора Николая, русская армія подъ начальствомъ князя Горчакова, лѣтомъ 1853 года, перешла границу и заняла княжества Молдавію и Валахію; а осенью того же года русскій черноморскій флотъ подъ начальствомъ адмирала Нахимова истребилъ турецкую эскадру при Синопѣ. Но Англія и французскій императоръ Наполеонъ III, опасаясь за самое существованіе Турціи, послали ей на помощь свои войска и флоты, подъ предлогомъ поддержать политическое равновѣсіе Европы; къ нимъ присоединилась и

Сардинія. (Австрія, хотя и спасенная русскою помощію во время Венгерскаго возстанія, также приняла противъ насъ угрожающее положеніе). Тогда загорѣлась борьба Россіи съ четырьмя соединенными державами. Союзники, пользуясь своимъ громаднымъ флотомъ, появились почти на всѣхъ русскихъ водахъ: въ Черномъ морѣ, въ Балтійскомъ, Бѣломъ и у береговъ Камчатки. Главныя же военныя дѣйствія сосредоточились на нашихъ южныхъ границахъ. Въ сентябрѣ 1854 года русская армія очистила княжества и перешла обратно Прутъ; въ тоже время сильный англо-французскій флотъ высадилъ войска союзниковъ въ Крыму у Евпаторіи. Главнокомандующій крымскою арміею князь Менщиковъ на берегахъ Альмы далъ сраженіе; но принужденъ былъ отступить. Непріятели съ моря и суши осадили Севастополь, въ гавани котораго заперся нашъ черноморскій флотъ. Въ продолженіе 11 мѣсяцевъ длилась подъ Севастополемъ упорная и чрезвычайно кровопролитная борьба. Попытки нашихъ генераловъ атаковать англо-французскій лагерь, на Инкерманскихъ высотахъ и при Черной рѣчкѣ, окончились неудачею. Русская армія, бывшая всегда предметомъ особыхъ попеченій императора Николая, сражалась съ обычнымъ своимъ мужествомъ и самоотверженіемъ; но союзники имѣли на своей сторонѣ превосходство военнаго искусства, превосходство оружія и путей сообщенія: между тѣмъ какъ они легко получали подкрѣпленія и продовольствіе при помощи своего флота, сообщеніе центральной Россіи съ Крымомъ производилось обширными степями по простымъ дорогамъ (Россія имѣла только одну желѣзную дорогу — между Москвою и Петербургомъ). Во время севастопольской осады 18 февраля 1855 года скончался императоръ Николай I, и на престолъ вступилъ нынѣ царствующій Императоръ Александръ II. Война продолжалась съ тоюже же энергіею.

27 августа, послѣ страшнаго трехнедѣльнаго бомбардирова-

нія и рѣшительнаго приступа, французы овладѣли Малаховымъ курганомъ, т. е. главнымъ севастопольскимъ укрѣпленіемъ; тогда русскій главнокомандующій князь Горчаковъ (смѣнившій князя Менщикова) оставилъ разрушенный городъ, и перевелъ гарнизонъ на сѣверную сторону севастопольской бухты. Между тѣмъ въ Малой Азіи, на южныхъ предѣлахъ Закавказья, русскіе имѣли почти постоянный успѣхъ въ битвахъ съ турками, и завоеваніе крѣпости Карса генераломъ Муравьевымъ ускорило ходъ переговоровъ о мирѣ. Наконецъ война прекратилась Парижскимъ миромъ 1856 года (18 марта). Съ обѣихъ сторонъ завоеванія были возвращены; устья Дуная впрочемъ отошли къ Турціи; Черное море объявлено нейтральнымъ и открыто для торговыхъ судовъ всѣхъ націй.

Финансы государства находились въ затруднительномъ положеніи еще со временъ континентальной системы. Войны 1828—1831 г. разстроили ихъ еще болѣе. Но въ слѣдующій за тѣмъ мирный періодъ, продолжавшійся 16 лѣтъ, благодаря разсчетливости, которою отличалось управленіе финансами министра графа Канкрина, дѣла поправились; цѣнность ассигнацій возвысилась, звонкая монета явилась въ изобиліи. Въ Крымскую войну, борьба съ двумя самыми могущественными державами потребовала огромныхъ усилій и пожертвованій. Но по своимъ нравственнымъ послѣдствіямъ эта война была благодѣтельна для Россіи, потому что способствовала уясненію общественныхъ недостатковъ. Вмѣстѣ съ новымъ царствованіемъ начались улучшенія, настала новая эпоха Русской исторіи.

Кромѣ упомянутыхъ войнъ царствованіе Николая I ознаменовано безпрерывными военными дѣйствіями противъ кавказскихъ горцевъ.

Начало кавказской войны относится къ концу XVIII столѣтія, когда Грузія вступила въ подданство Россіи

и кавказскій хребетъ очутился между русскими владѣніями. Сначала русскіе ограничивались оборонительными дѣйствіями отъ набѣговъ разбойничьихъ племенъ; съ назначеніемъ генерала Ермолова главнокомандующимъ (1816 г.) наше владычество мало-по-малу стало проникать въ горы. Но успѣхи русскихъ были остановлены появленіемъ новой мусульманской секты — *мюридизма*, который въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія съ необыкновенною быстротою распространился въ Кавказскихъ горахъ, и мелкія разъединенныя дотолѣ племена соединилъ общимъ религіознымъ фанатизмомъ; изъ предводителей мюридовъ самымъ сильнымъ и опаснымъ для насъ явился Шамиль, принявшій высшій духовный титулъ имама. Вытѣсненные изъ многихъ пунктовъ, русскіе должны были значительно увеличить свои силы и начать трудную, упорную борьбу съ грознымъ имамомъ. Тщетно время отъ времени войска совершали экспедиціи въ разныя горныя области, жгли и разоряли черкесскіе аулы; покореніе племенъ медленно подвигалось впередъ. Распространеніе прочныхъ завоеваній началось только съ проложеніемъ широкихъ лѣсныхъ просѣкъ и съ открытіемъ болѣе правильныхъ и постоянныхъ наступательныхъ дѣйствій. Между тѣмъ вліяніе мюридизма значительно ослабѣло, и горныя племена начали уже тяготиться деспотизмомъ своего имама. Наконецъ Шамиль былъ со всѣхъ сторонъ стѣсненъ русскими войсками; осажденный въ своемъ неприступномъ аулѣ Гунибъ, онъ сдался въ плѣнъ Кавказскому намѣстнику князю Барятинскому (въ августѣ 1859 года), и вся восточная часть Кавказа покорилась русскому владычеству.

V. ВЗГЛЯДЪ НА РУССКУЮ ОБРАЗОВАННОСТЬ ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XIX СТОЛѢТІЯ.

Петровскія реформы ускорили сближеніе Россіи съ западною Европою. Но въ этомъ сближеніи долгое время участвовали только одни высшіе классы; оно состо-

яло преимущественно въ заимствованіи внѣшнихъ формъ европейской цивилизаціи. Со второй половины XVIII столѣтія дѣти знатныхъ дворянъ окружались иностранными гувернёрами, преимущественно французами; окончивъ воспитаніе, они обыкновенно поступали въ гвардію; потомъ при помощи своихъ связей достигали высшихъ чиновъ и должностей. Въ образѣ ихъ жизни господствовала по большей части сильная роскошь и смѣсь старинныхъ боярскихъ привычекъ съ новыми, европейскими обычаями. Французскій языкъ, французскіе романы и нравы сдѣлались господствующими въ верхнихъ слояхъ русскаго общества. Женщины въ этихъ слояхъ по преимуществу получали антинаціональное, изнѣженное воспитаніе, и оставались чужды интересамъ и обычаямъ русской народной жизни. «Ни въ одной европейской странѣ—замѣчаетъ одинъ иностранный путешественникъ (баронъ Гакстгаузенъ) — между высшимъ классомъ нѣтъ такой изнѣженности и роскоши, какъ въ Россіи». Главная причина такого явленія заключалась въ существованіи крѣпостнаго права, которое давало возможность безъ личнаго труда пользоваться постоянными доходами и окружать себя раболѣпною прислугою. Это право вмѣстѣ съ наружнымъ лоскомъ и поверхностною образованностію способствовало распространенію аристократическихъ предразсудковъ, которые еще болѣе отдѣляли верхніе классы народа отъ низшихъ.

Не смотря на свои права и привилегіи, дворянство внѣ чиновнаго класса (бюрократіи) не получило большаго политическаго и родоваго значенія. Съ одной стороны провинціальныя дворянскія собранія и выборы постоянно находились подъ вліяніемъ администраціи; съ другой, реформы Петра I открыли доступъ въ дворянское сословіе всѣмъ классамъ посредствомъ чина. Съ тѣхъ поръ постоянный приливъ чиновниковъ былъ такъ великъ, что старые боярскіе роды затерялись въ массѣ новыхъ

дворянъ, (потомки приказнаго люда, дѣти бѣлаго духовенства, иностранцы и пр.). Утвержденію родовой и поземельной аристократіи препятствовалъ также обычай наслѣдства, т. е. безпрерывное дробленіе дворянскихъ имуществъ между дѣтьми, и переходъ земель въ чужія руки отъ фамилій обѣднѣвшихъ. Хотя служба со времени Петра III была не обязательна для дворянъ; но они по прежнему составляли классъ по преимуществу служебный: богатымъ дворянамъ служба представляла главный путь для достиженія почетнаго, значительнаго положенія въ обществѣ, а бѣднымъ почти единственное средство обогащенія. Притомъ, чтобы пользоваться всѣми правами своего состоянія (напримѣръ, для участія въ выборахъ), дворянинъ долженъ былъ имѣть хотя первый чинъ. Служба сосредоточила массу дворянъ въ городахъ и въ арміи; а въ деревняхъ проживали большею частію мелкіе помѣщики, уже оставившіе службу. Богатые помѣщики съ своею многочисленною дворнею сосредоточивались въ столицахъ; но послѣ 1812 г. значительная часть ихъ разсѣялась по губернскимъ городамъ, и способствовала здѣсь оживленію общежитія и торговли предметами роскоши. Удаленіе наиболѣе образованныхъ и богатыхъ землевладѣльцевъ изъ своихъ помѣстій и сословные предразсудки мѣшали сближенію ихъ съ земледѣльческимъ сословіемъ, а слѣдовательно и ихъ цивилизующему вліянію на это сословіе и на успѣхи земледѣлія.

Крестьянское сословіе, на которомъ основывается значеніе Россіи, какъ государства по преимуществу земледѣльческаго, оставалось совершенно чуждо иноземному вліянію и было вѣрно своимъ старымъ обычаямъ, понятіямъ и преданіямъ; въ его быту сохранялась таже простота и бѣдность. Нравы и увеселенія его отличались прежнею грубостію и однообразіемъ (вино, кулачный бой, хороводы и пр.). Гра-

мотность весьма медленно распространялась между крестьянами; въ сказкахъ и пѣсняхъ простолюдинъ по прежнему находилъ главное удовлетвореніе для своей художественной потребности. Русское населеніе сѣверной полосы обнаруживаетъ болѣе дѣятельный и промышленный характеръ, нежели въ другихъ частяхъ имперіи: здѣсь крѣпостное право было развито наименѣе, и въ основѣ народнаго характера сохранился предпріимчивый духъ древнихъ новогородскихъ переселенцевъ. Самое зажиточное населеніе встрѣчается по Волгѣ (напр. въ Ярослав. губ.). Наибольшею бѣдностью, наибольшею скудостію нравственныхъ и физическихъ силъ страдаютъ русскіе крестьяне въ западныхъ губерніяхъ, бѣлорусскихъ и литовскихъ, гдѣ при неблагодарной почвѣ крѣпостное право издавна было развито наиболѣе и гдѣ помѣщичій классъ былъ по преимуществу польско-католическій.

Послѣ крѣпостнаго права и недостатка сельскихъ школъ, вредное вліяніе на благосостояніе и нравственность народную оказывала чрезвычайно распространенная привычка къ вину; чему не мало способствовала господствовавшая система винныхъ откуповъ. Откупщики естественно старались всѣми силами поддерживать и умножать въ народѣ употребленіе спиртныхъ напитковъ *.

Въ огромномъ численномъ преобладаніи великорусской народности надъ всѣми другими заключается главное условіе нашего крѣпкаго національнаго единства. Посредствомъ колонизаціи, непрерывно подвигающейся на сѣверъ и востокъ (за Уральскій хребетъ) великорусское племя постепенно претворяло и продолжаетъ претворять въ славянъ массу

* Наибольшею страстью къ вину отличаются бѣлоруссы, у великоруссовъ въ обычаѣ такъ называемый «запой»; малоруссъ пьетъ умѣреннѣе, но постоянно. Въ Малороссіи вино лучше, потому что тамъ не было откупа; отсюда тайный провозъ его въ Великороссію, приводившій за собою штрафы виновныхъ. (Откупы отмѣнены съ 1863 г.).

туземныхъ финскихъ народцевъ. Отсутствіе самобытности и низкая ступень гражданственоcти препятствовали этимъ народцамъ противустоять вліянію господствующаго племени, болѣе энергическаго и даровитаго; но, усвоивая себѣ русскую народность, они вносили собственные элементы въ наружность, языкъ, нравы и религіозныя вѣрованія великоруссовъ. Отсюда произошло большое разнообразіе мѣстныхъ говоровъ, обычаевъ и вѣрованій. Кромѣ этнографическихъ или племенныхъ элементовъ, разнообразіе наружныхъ и духовныхъ качествъ населенія обусловливалось конечно различіями географическихъ и историческихъ обстоятельствъ.

Масса городскаго населенія относительно своего быта представляетъ два направленія. Она раздѣлилась на жителей податныхъ и неподатныхъ. Такъ называемое «городское общество», по учрежденіямъ Екатерины II и согласно съ развитіемъ нашего государственнаго строя въ XVIII в., составилось исключительно изъ податныхъ классовъ, т. е. купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ; въ его рукахъ сосредоточено городское хозяйство; а классы неподатные (дворяне, чиновники, разночинцы, духовенство), устранены отъ обязанности нести общественныя службы. Право избирать въ городскія должности (голова, члены распорядительной думы и пр.) не было ограничено извѣстною степенью достатка, и предоставлено толпѣ бѣдныхъ мѣщанъ, которые обыкновенно подчиняются личнымъ вліяніямъ богатыхъ гражданъ. Выборное городское управленіе, вполнѣ зависимое отъ властей административныхъ и подчиненное канцелярскимъ формамъ, по характеру своему не отличалось отъ управленія казеннаго.

Въ самомъ образѣ жизни городскаго населенія господствовало тоже раздвоеніе. Между тѣмъ какъ купцы и мѣщане держались болѣе старыхъ обычаевъ и по своему умственному развитію мало отличались отъ массы простолюдиновъ, много-

численный классъ мелкихъ чиновниковъ старался подражать въ образѣ жизни высшему обществу, заимствуя у него стремленіе къ наружному лоску и привычку жить сверхъ своего состоянія. Карты и для молодыхъ людей танцы составляли главныя средства развлеченія въ этой половинѣ городскаго населенія. Наиболѣе дѣятельные и честолюбивые люди податнаго состоянія стремились обыкновенно выдти изъ него (посредствомъ среднихъ и высшихъ школъ, казенной службы и пр.) и примкнуть къ привилегированному классу; что съ одной стороны отвлекало лучшія силы отъ торговли и промышленности, а съ другой чрезмѣрно умножало количество чиновниковъ.

Подобное раздвоеніе значительно мѣшало городскому хозяйству придти въ цвѣтущее состояніе; вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшало и развитію такъ называемаго «средняго» состоянія въ государствѣ. Города по большой части отличались бѣдностію матеріальныхъ средствъ и высшихъ умственныхъ интересовъ. Только нѣкоторые изъ нихъ, благодаря счастливымъ условіямъ и промышленному характеру достигли значительной степени богатства и значенія. Первое мѣсто занимаютъ двѣ столицы. Послѣ Отечественной войны, когда фабричная промышленность получила въ Россіи значительное развитіе, Москва сдѣлалась главнымъ центромъ этой промышленности и внутренней русской торговли; между тѣмъ Петербургъ оставался главнымъ пунктомъ торговли внѣшней *.

* Въ 1846 г. городское управленіе Петербурга было преобразовано, и къ участію въ немъ допущены неподатные обыватели. Управленіе раздѣлено на «общую» думу и «распорядительную». Первая распадается по сословіямъ на пять отдѣленій: потомственные дворяне, личные дворяне, купечество, мѣщане и ремесленники. Общая дума выбираетъ городскаго голову и 12 членовъ Распорядительной думы, которая замѣнила прежнюю Шестигласную. Этою реформою Петербургскаго городскаго общества положено начало преобразованію Городоваго Положенія Екатерины II. (Съ 1863 г. подобное устройство Думы введено и въ Москвѣ).

Далѣе, успѣхи торговли и промышленности затруднялись медленностію и дороговизною путей сообщенія и недостаткомъ кредитныхъ учрежденій. Главное же зло, которымъ страдало русское общество и которое подрывало народное благосостояніе, былъ недостатокъ честности и добросовѣстности, или, другими словами, малое развитіе чувства законности,—наслѣдіе старыхъ временъ, поддерживаемое поверхностнымъ просвѣщеніемъ и другими историческими обстоятельствами (напримѣръ, издавна развившимся обычаемъ «канцелярской тайны»). Это зло проникало всюду: въ торговлю, промыслы, въ суды, школы и въ самую литературу. Отсюда являлось общее стремленіе скрывать свои слабыя стороны и заботиться болѣе всего о наружномъ благополучіи. Могущественное средство противъ подобнаго зла—печатная гласность допущена только въ позднѣйшее время; она должна способствовать болѣе правильному развитію общественнаго мнѣнія.

Наука и литература. Европейская наука послѣ реформы Петра Великаго мало-по-малу начала прививаться къ русской жизни; но университетъ и академія не скоро могли пріобрѣсти прочное вліяніе на общество, которое нуждалось еще въ первоначальномъ образованіи. Притомъ же большинство академиковъ и профессоровъ долгое время состояло изъ иностранцевъ и оставалось чуждо Русской жизни. Только со второй четверти XIX столѣтія начинается замѣтное вліяніе университета на молодое поколѣніе, когда стройно организованная система среднихъ учебныхъ заведеній приготовила достаточное количество слушателей, а посылка молодыхъ людей въ заграничные университеты доставила многихъ отличныхъ профессоровъ. Нѣкоторые изъ профессоровъ особенно благотворно дѣйствовали на своихъ слушателей изящнымъ изло-

женіемъ науки и возвышеннымъ благородствомъ своего характера; таковы: Грановскій — въ Москвѣ и Мейеръ — въ Казани. Но сознательная потребность въ научномъ образованіи еще не проникла въ глубину общества, и въ характерѣ школьнаго воспитанія отражался главный общественный недостатокъ распространеніемъ познаній по преимуществу поверхностныхъ. На образованіе женщинъ еще мало обращалось вниманія и число женскихъ школъ было очень незначительно.

Русская литература во время Александра I окончательно усвоила себѣ форму западно-европейской журналистики, и званіе писателя пріобрѣтаетъ почетъ помимо высокихъ чиновъ и громкихъ титуловъ. Нѣсколько талантливыхъ писателей своими трудами способствуютъ обработкѣ литературнаго слога и развитію вкуса между читателями. Въ этомъ отношеніи особенно важны заслуги Карамзина, который въ своихъ повѣстяхъ и «Письмахъ русскаго путешественника» явился послѣдователемъ и распространителемъ современнаго ему сантиментальнаго, мечтательнаго направленія западно-европейской литературы. Поэты его эпохи продолжали развивать реторическое направленіе старой школы и возвышенный тонъ Державинской поэзіи; наиболѣе даровитые изъ нихъ были: Озеровъ (его трагедіи: «Эдипъ въ Аѳинахъ», «Димитрій Донской» и др.), Гнѣдичъ (переводъ Иліады Гомера) и Дмитріевъ, извѣстный своими сатирами; стихъ его отличается такою же легкостію, какою прославилась проза его друга Карамзина. Но литературный интересъ пока ограничивался небольшими кружками образованныхъ людей; журналы («Сынъ Отечества», «Русскій Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы» и др.) слабо распространялись въ массѣ читающей публики, и вліяніе ихъ на цѣлое общество было весьма незначительно; впрочемъ и самое содержаніе ихъ еще мало представляло

современнаго общественнаго интереса. За то переводные французскіе романы и нѣкоторыя русскія подражанія этимъ романамъ находили огромный кругъ читателей.

Во второй четверти XIX столѣтія наша литература получаетъ болѣе самостоятельный характеръ и начинаетъ сближаться съ русскою жизнію. Сатирическое направленіе достигаетъ замѣчательной степени развитія въ комедіи Грибоѣдова (который былъ русскимъ посланникомъ въ Тегеранѣ и убитъ тамъ возмутившеюся чернью въ 1829 г.), въ неподражаемыхъ басняхъ Крылова и особенно въ художественныхъ произведеніяхъ Гоголя. Эти три писателя преслѣдуютъ темныя стороны русскаго общества, особенно привычку скрывать недостатки и выставлять свою дѣятельность въ лучшемъ, ложномъ свѣтѣ. Грибоѣдовъ въ своей комедіи «Горе отъ ума» изобразилъ пустоту интересовъ и мелочность высшаго Московскаго круга. Крыловъ подъ формою короткихъ и чрезвычайно остроумныхъ басенъ мѣтко оттѣнялъ разнообразныя стороны русскаго быта. Онъ подражалъ французскому баснописцу Лафонтену; но внесъ въ свои басни столько оригинальнаго русскаго духа, что остался поэтомъ самобытнымъ *. Гоголь въ главныхъ своихъ произведеніяхъ—юмористическая поэма «Мертвыя Души» и комедія «Ревизоръ»—воспроизвелъ яркія черты изъ міра русскихъ чиновниковъ и помѣщиковъ. Юморъ Гоголя поражаетъ читателя неистощимою веселостію; но въ глубинѣ его скрывается скорбное чувство. Гоголь нашелъ себѣ многочисленныхъ послѣдователей («натуральная

---

* Сатирическій смѣхъ Крылова по большой части вызывался какимъ-либо типичнымъ частнымъ случаемъ или общественнымъ явленіемъ. Такъ знаменитая басня «Квартетъ» написана по поводу четырехъ членовъ одного учрежденія, о которыхъ возникъ вопросъ, въ какомъ порядкѣ ихъ разсадить. Для характеристики общественной недобросовѣстности замѣчательна его басня «Купецъ».

школа»), которые усвоили нашей періодической литературѣ преимущественно форму повѣсти, и подъ этою формою изображали разныя стороны русскаго быта, въ границахъ, опредѣленныхъ цензурными постановленіями. Нѣкоторые изъ нихъ съ особенною любовью посвящая свой талантъ изображенію крестьянскаго быта, мало по-малу вызвали вниманіе къ нему и сочувствіе образованнаго класса.

Но между тѣмъ какъ просвѣщенные литературные дѣятели старались о распространеніи научныхъ свѣдѣній и здравыхъ понятій въ обществѣ, значительная часть писателей и журналистовъ не возвышалась надъ уровнемъ полуобразованной массы читателей, продолжала развивать реторическое и сантиментальное направленіе предыдущей эпохи, и вносила въ литературу элементы недобросовѣстности. Напримѣръ, внѣшнее могущество Россіи (плодъ ея крѣпкаго внутренняго единства) подавало имъ поводъ свысока отзываться о западно-европейской цивилизаціи и провозглашать ее отжившею; такимъ образомъ, вмѣсто стремленія къ народному самопознанію, къ исправленію своихъ недостатковъ, они поощряли въ обществѣ излишнее самодовольство, ведущее къ застою. А между тѣмъ литература по прежнему питалась западными образцами и холодно, даже враждебно относилась къ безъискуственной народной словесности, находя ее грубою и невѣжественною. Безконечнымъ содержаніемъ для романовъ служило однообразное, эгоистическое чувство любви, и женщина изображалась крайне односторонне, т. е. по преимуществу какъ предметъ этого эгоистическаго чувства; ея воспитаніе, общественное значеніе и права на трудъ — подобные вопросы еще оставались въ тѣни.

Литературная критика долгое время отличалась своимъ ничтожествомъ и мелочнымъ направленіемъ; только въ сороковыхъ годахъ она пріобрѣла замѣчательную силу и оригинальность подъ перомъ даровитаго Бѣлинскаго, который

умѣлъ приводить въ тѣсную связь вопросы чисто литературные съ вопросами общественными и пробуждать къ нимъ живой интересъ. За эпохою Гоголя и Бѣлинскаго — эпохою литературнаго движенія, наступило на нѣкоторое время (1848—1856) затишье въ русской литературѣ.

Поэзія, основанная на западныхъ образцахъ, и обработка изящнаго стиха нашли себѣ самыхъ полныхъ представителей въ лицѣ Батюшкова, Жуковскаго (послѣдователя германской романтической школы) и Пушкина. Но послѣдній (1799—1837 гг.) своимъ удивительнымъ поэтическимъ чутьемъ понялъ, какія богатства заключаются въ народной словесности, которая въ первобытной, наивной формѣ раскрываетъ духъ народа, его помыслы, его радости и страданія; онъ пытался найти источники вдохновенія въ народномъ эпосѣ, т. е. въ пѣсняхъ, сказкахъ и преданіяхъ славянъ *. Онъ пытался также брать содержаніемъ своей поэзіи настоящее и прошлое русской жизни. Въ его «Евгеніѣ Онѣгинѣ» отразились вмѣстѣ съ пустотою существованія и нѣкоторыя идеализованныя черты современнаго дворянскаго быта; а чтеніе Исторіи Карамзина вдохновило его написать величественную историческую трагедію «Борисъ Годуновъ».

Разладъ литературы съ роднымъ бытомъ особенно мѣшалъ развитію національной русской драмы. Наше драматическое искусство представляло бѣдность замѣчательныхъ оригинальныхъ произведеній, при большомъ количествѣ переводовъ и передѣлокъ, въ особенности съ французскаго. Поэтому театръ, имѣющій своею высшею задачею улучшеніе нравовъ, еще не могъ пріобрѣсти значительнаго вліянія на русское общество.

---

* Впослѣдствіи русская наука (слѣдуя за движеніемъ германской науки) начала тщательно собирать и изучать эти народныя умственныя богатства.

Исторіографія. Начало критической разработкѣ русской исторіи положено было въ XVIII в. нѣмецкими учеными, членами петербургской академіи наукъ, именно: *Байеромъ*, *Миллеромъ* и *Шлёцеромъ*, которые трудились надъ источниками первоначальной русской исторіи; Миллеръ, кромѣ того, оказалъ большую услугу наукѣ, какъ издатель многочисленныхъ историческихъ матеріаловъ. Въ томъ же вѣкѣ нѣкоторые изъ русскихъ писателей пытались составить полную отечественную исторію: во-первыхъ заслуживаетъ вниманія «Ядро Россійской исторіи», написанное *Манкіевымъ* при Петрѣ Великомъ; оно имѣетъ видъ историческаго учебника. Еще болѣе замѣчателенъ трудъ *Татищева*, который подъ именемъ «Исторіи Россійской съ самыхъ древнѣйшихъ временъ» представилъ подробный сводъ лѣтописныхъ извѣстій, доведенныхъ до Михаила Ѳеодоровича *. Потомъ слѣдуетъ русская исторія князя *Щербатова*, написанная въ царствованіе Екатерины II (15 томовъ); не ограничиваясь однимъ сводомъ извѣстій, авторъ старался объяснять событія и обращалъ вниманіе на внутреннее состояніе общества.

Въ царствованіе Александра I написана была *Карамзинымъ* знаменитая «Исторія государства Россійскаго» (12 томовъ,

* Татищевъ былъ изъ числа молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ I учиться за границу; потомъ онъ управлялъ горными заводами и былъ астраханскимъ губернаторомъ. На занятія русскою исторіею навело его составленіе полной русской географіи, предпринятое ученымъ графомъ Брюсомъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ нѣкоторое время. Въ предисловіи къ своему труду Татищевъ объясняетъ, почему онъ остановился на 1613 годѣ. Въ дальнѣйшей исторіи, говоритъ онъ, «явятся многихъ знатныхъ родовъ великіе пороки, которыхъ если писать, то ихъ самихъ или ихъ наслѣдниковъ подвигнуть на злобу, а обойти оныя погубить истину и ясность исторіи, или вину ту на судившихъ обратить, еже было съ совѣстію несогласно, того ради оное оставляю инымъ для сочиненія». Дѣйствительно, когда Татищевъ въ 1739 году пріѣхалъ съ своею исторіею въ Петербургъ и многимъ давалъ ее читать, трудъ его встрѣтилъ почти однѣ порицанія. Татищеву историческая наука обязана открытіемъ Русской Правды и Судебника Ивана IV.

доведена почти до эпохи Романовыхъ). Огромная начитанность, блестящій литературный талантъ и горячая любовь къ предмету сообщили исторіи Карамзина весьма важное значеніе: она составила эпоху въ нашей исторической литературѣ. Впервые появившійся на русскомъ языкѣ изящный, живописный разсказъ событій возбудилъ въ обществѣ живой интересъ къ отечественной исторіи, и книга имѣла необыкновенный успѣхъ. Главный ея недостатокъ заключается въ слабости исторической критики и въ томъ, что событія по большей части имѣютъ одну внѣшнюю, хронологическую связь между собою. (Примѣчанія къ его книгѣ до сихъ поръ драгоцѣнны многочисленными выписками изъ историческихъ матеріаловъ). Послѣ Карамзина заслуживаютъ вниманія: «Повѣствованіе о Россіи» *Арцыбашева* — сухой сводъ лѣтописныхъ и другихъ извѣстій, доведенный до 1698 года, и «Исторія Русскаго народа» *Полеваго*, прекратившаяся на царствованіи Іоанна Грознаго. Съ 1851 года стала издаваться «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ» *Соловьева*, отличающаяся подробнымъ сводомъ источниковъ и стремленіемъ раскрыть внутреннюю связь событій * (Изложеніе XVII вѣка богато извлеченіями изъ неизданныхъ государственныхъ актовъ).

---

* Между попытками иностранцевъ написать полную русскую исторію самая замѣчательная—это «Исторія Русскаго Государства» нѣмецкаго ученаго Германа (доведена почти до конца XVIII в.). По отдѣльнымъ частямъ русской исторіи заслуживаютъ вниманія труды: Бантышъ-Каменскаго («Исторія Малой Россіи» и «Словарь достопамятныхъ людей русской земли»), Погодина («Замѣчанія и лекціи Русской исторіи»), Забѣлина («Домашній бытъ русскихъ царей»), Костомарова («Богданъ Хмельницкій»), Буслаева («Историческіе очерки русской народной словесности и искусства) и др. Время Петра Великаго, эта столь важная эпоха Русской исторіи, служило предметомъ труда для многихъ иностранныхъ и русскихъ писателей. При Екатеринѣ II одинъ купецъ, Голиковъ, собралъ большую массу матеріаловъ для біографіи Петра (XV томовъ); но эти матеріалы лишены всякой критики. Въ послѣднее время начала издаваться «Исторія царствованія Петра Великаго» соч. Устрялова.

Въ числѣ вопросовъ, которые по преимуществу служили предметомъ разногласія въ русской исторической литературѣ, важное мѣсто занимаетъ вопросъ о достовѣрности лѣтописныхъ источниковъ для первоначальной русской исторіи; достовѣрность эту болѣе всѣхъ отвергала такъ-называемая *скептическая* школа ученыхъ (представитель ея былъ московскій профессоръ Каченовскій). Второй предметъ разногласія, интересующій всю образованную часть нашего общества, представляетъ реформа Петра Великаго; особенно критически отнеслась къ этой реформѣ *славянская* школа (Хомяковъ, Аксаковъ и др.), которая отстаивала теорію *общиннаго* быта въ древней Россіи противъ защитниковъ быта *родоваго*.

Матеріалами для русской исторіи XVIII и первой половины XIX столѣтія служатъ: во-первыхъ «Полное собраніе законовъ», во-вторыхъ многочисленные мемуары иностранцевъ и русскихъ. Изъ иностранныхъ замѣчательны мемуары *Берхгольца* и *Манштейна*; изъ русскихъ: маіора *Данилова* и *Болотова*, которые важны для быта русскихъ дворянъ въ XVIII столѣтіи; а для исторіи высшаго класса и русской администраціи любопытны: записки князя *Шаховскаго*, *Порошина*, *Державина*, княгини *Дашковой*, *Храповицкаго* (статсъ-секретарь Екатерины II) и сенатора *Лопухина*. Самые же богатые запасы историческихъ матеріаловъ (акты дипломатическіе и административные, судебныя дѣла и пр.) хранятся въ государственныхъ архивахъ.

Между сборниками историческихъ матеріаловъ особенно замѣчательны: «Вивліоѳика» изданная извѣстнымъ Н И. Новиковымъ, «Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ» изданное графомъ Румянцевымъ (сынъ фельдмаршала); потомъ изданія: «Археографической коммиссіи» въ Петербургѣ (лѣтописи и акты), «Общества исторіи и древностей» при Московскомъ университетѣ и «Коммиссіи для разбора древнихъ актовъ» въ Кіевѣ. Изъ иностранныхъ сборниковъ, много матеріаловъ по русской исторіи находится въ «Магазинѣ» Бюшинга (нѣмецкій ученый прошлаго столѣтія).

Въ заключеніе бросимъ общій взглядъ на начало и послѣдующія судьбы тысячелѣтней Русской національности.

Въ IX вѣкѣ въ Восточной Европѣ, на великомъ водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, утверждаютъ свое господство нѣсколько пришлыхъ варяжскихъ дружинъ. Варяжская династія Рюрика, владѣвшая сначала Новгородомъ, переходитъ въ Кіевъ, постепенно подчиняетъ себѣ почти всѣ племена восточныхъ Славянъ съ частію сосѣднихъ Финновъ, строитъ новые города и полагаетъ основаніе великому Русскому государству. При этомъ замѣтны признаки феодализма (князья раздаютъ города и области своимъ «мужамъ», т. е. предводителямъ мелкихъ дружинъ).

Дѣятельныя сношенія съ Византіей ведутъ къ принятію христіанства по греческому обряду; а это событіе влечетъ за собою непосредственное вліяніе византійской цивилизаціи. Въ XI вѣкѣ князья и дружина очевидно утрачиваютъ свою національность, и у нихъ преобладаютъ уже славянскія черты. Въ тоже время, при размноженіи Рюрикова потомства и правахъ каждаго князя на волости, развивается удѣльная система, исчезаютъ начатки феодализма. Раздробленіе на удѣлы усиливаетъ славянскую колонизацію на финскомъ востокѣ и способствуетъ распространенію гражданской жизни по всѣмъ концамъ Руси. При неосѣдлости дружинъ, въ большихъ городахъ сильно проявляется вѣчевое или земское начало, которое помогаетъ развитію мѣстныхъ интересовъ или областной особности.

Раздробленная Русь не можетъ остановить приливъ степныхъ варваровъ съ востока и образованіе враждебныхъ государствъ на западѣ (Литвы и Ливоніи). Она распадается на двѣ главныя части: Сѣверовосточную или зависѣвшую отъ Татаръ, и Югозападную или Литовскую. Между тѣмъ на сѣ-

верѣ усиливается Новогородская община, и славянское вѣчевое начало достигаетъ здѣсь самаго бо̀льшаго развитія.

Съ XIV вѣка Русская исторія получаетъ новое направленіе. Какъ прежде Россія дробилась и возникала повсюду областная самостоятельность, такъ теперь народная жизнь, вслѣдствіе внѣшняго давленія съ востока и запада, начинаетъ собираться около одного центра. Москва возрастаетъ въ союзѣ съ православной церковью. Ей покровительствуетъ въ началѣ и самая Золотая Орда. Удѣльно-вѣчевой порядокъ постепенно, послѣ долгой борьбы, уступаетъ свое мѣсто единодержавному. Въ Московской Руси вѣчевое или земское начало проявляется въ видѣ совѣщательной Земской думы. Національное единство и самодержавіе сообщаютъ русскому государству политическое могущество и помогаютъ одолѣть восточныхъ и западныхъ сосѣдей. Смутная эпоха, повидимому, грозила распаденіемъ Московскаго государства; однако исходъ этой эпохи показалъ, что религіозное и государственное единство пустило глубокіе корни въ народѣ. Послѣдующія попытки казачества еще болѣе подтвердили крѣпость государства.

Между тѣмъ какъ русская національность въ теченіе вѣковъ страдала подъ варварскимъ игомъ и боролась за свою самобытность, въ дѣлѣ цивилизаціи она далеко отстала отъ Западной Европы, и приняла много грубыхъ восточныхъ элементовъ. Правительство московскихъ царей дѣлаетъ попытки войти въ постоянныя сношенія съ Западомъ; но вѣковой застой національной отдѣльности и враждебные сосѣди представляютъ внутреннія и внѣшнія преграды.

Петръ Великій завоеваніемъ Балтійскихъ береговъ уничтожилъ внѣшнюю преграду къ сближенію съ европейской цивилизаціей; а своими преобразованіями онъ перенесъ въ Россію наружныя формы этой цивилизаціи. Личныя свойства Петра и способъ его преобразованій сложились подъ вліяніемъ ста-

рыхъ, московскихъ нравовъ; поэтому его реформа носитъ характеръ жесткаго, крутаго переворота. Потребность въ преобразованіяхъ и энергія Петра подвинули дѣло такъ далеко впередъ, что послѣ него возвратъ къ старинѣ былъ невозможенъ. Въ высшихъ слояхъ распространяется чрезмѣрное подражаніе европейскимъ обычаямъ, а партія старины заявляетъ себя очень слабо; но въ народѣ Петровская реформа встрѣчаетъ духъ отрицанія со стороны уже существовавшаго церковнаго раскола.

Екатерина II и Александръ I продолжаютъ развитіе государственной централизаціи съ европейскими формами. Слабость сосѣднихъ государствъ Швеціи, Польши и Турціи, способствуетъ внѣшнему росту Россіи, и въ первой половинѣ XIX вѣка ея политическое могущество достигаетъ высшихъ предѣловъ.

Между тѣмъ, вслѣдъ за европейскими обычаями, началось въ Россіи постепенное смягченіе нравовъ и усвоеніе европейской науки. Наука вызываетъ въ обществѣ стремленіе къ самопознанію, къ уясненію и просвѣщенному развитію основныхъ началъ своей національности.

СОДЕРЖАНІЕ.

РУСЬ УДѢЛЬНО-ВѢЧЕВАЯ.

страницы

I. Восточная Европа въ IX в.

Характеръ страны. Древнѣйшая исторія. Славяне. Литва. Финны. Турецко-татарскіе народы. Варяги — основатели Русскаго государства 1

II. Первые русскіе князья-завоеватели:

Рюрикъ. Олегъ. Игорь. Ольга. Святославъ. Владиміръ. Введеніе христіанства. Сыновья Владиміра. Ярославъ 1. . . . 8

III. Развитіе удѣльно-вѣчевой системы.

Сыновья Ярослава 1. Родословная таблица. Событія при внукахъ Ярослава Мономаховичи и Ольговичи. Суздальское княжество. Черниговское и Сѣверское. Муромское и Рязанское. Полоцкое. Смоленское. Волынское и Галицкое. Новогородская община. Ливонскій орденъ. 23

IV. Начало монгольскаго ига.

Битва на Калкѣ. Нашествіе Батыя. Золотая Орда. Русь сѣверо-восточная Судьба юго-западной Руси. 50

V. Внутреннее состояніе удѣльно-вѣчевой Руси.

Князь. Дружина. Смерды. Холопы Судопроизводство. Торговля и искусства. Церковь и борьба съ язычествомъ. Монашество. Просвѣщеніе. 61

VI. Юго-западная Русь подъ владычествомъ Литвы и Польши.

Литва. Гедиминъ. Ольгердъ. Ягелло. Витовтъ. Соединеніе съ Польшею. Польское вліяніе. 80

VII. Сѣверо-восточная Русь собирается около Москвы.

Тверское княжество. Суздальское или Нижегородское. Московское. Первая борьба между Москвою и Тверью. Іоаннъ I Калита. Сыновья Калиты. Димитрій Донской. Василій I. Василій II Темный. Вѣчевыя общины. Казань и Крымъ. Казаки. . 87

РУСЬ МОСКОВСКАЯ.

I. Уничтоженіе удѣльно-вѣчеваго порядка въ сѣверо-восточной Руси и успѣхи монархической власти въ Московскомъ государствѣ.

Іоаннъ III. Паденіе В. Новгорода. Присоединеніе Твери и другихъ областей. Уничтоженіе татарскаго ига. Борьба съ Литвою. Бракъ съ Софьею Палеологъ и его слѣдствія Правительственная дѣятельность. *Василій III.* Послѣдніе удѣлы. Войны съ Литвою и Татарами. Внутренняя политика. *Іоаннъ IV Грозный.* Елена и времена боярскаго правленія. Реформы Іоанна IV. Завоеванія на востокѣ. Сибирское царство. Борьба за Ливонію. Эпоха казней и торжество монархіи. *Θеодоръ Іоанновичъ.* Годуновъ—Правитель. Прикрѣпленіе крестьянъ. Царевичъ Димитрій. 109

II. Смутное время.

Борисъ Годуновъ—царь. Лжедимитрій I. Царствованіе Василія Ивановича Шуйскаго. Лжедимитрій II. Междуцарствіе. Рознь областей. Пожарскій и Мининъ. 147

III. Западная Русь въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка.

Западно-Русскія области. Попытки вытѣснить православіе. Братства. Унія Малороссійское казачество. Запорожская сѣчь. Казацкія возстанія. 164

IV. Эпоха первыхъ трехъ царей изъ дома Романовыхъ.

Михаилъ Θеодоровичъ. Очищеніе государства отъ непріятелей. Борьба съ сосѣдями. Патріархъ Филаретъ и внутренняя дѣятельность. Смоленскъ и Азовъ. *Алексѣй Михайловичъ.* Морозовъ и внутреннія смуты. Законодательство, экономическія мѣры и финансовыя затрудненія. Богданъ Хмельницкій и присоединеніе Малороссіи. Борьба съ сосѣдями за Малороссію. Разинъ, казацкое и крестьянское движеніе. Патріархъ Никонъ и дѣла цер-

ковныя. *Θеодоръ Алексѣевичъ.* Окончаніе малороссійскаго вопроса и приговоръ о мѣстничествѣ. 173

V. Внутреннее состояніе Московскаго государства.

Царь. Сословія. Управленіе. Судопроизводство и доходы. Естественныя произведенія, торговля и промышленность. Искусства и домашній бытъ. Войско. Церковь. Образованность. Литература и народная поэзія. 207

РУСЬ-ИМПЕРІЯ.

I. Царствованіе Петра Великаго или эпоха государственныхъ реформъ.

Стрѣлецкій бунтъ. Правленіе царевны Софьи. Воспитаніе Петра и паденіе Софьи. Азовскіе походы и путешествіе за границу. Великая сѣверная война и пріобрѣтеніе балтійскихъ береговъ. Сословныя и административныя реформы. Хозяйство, войско, училища, семейный бытъ. Духовенство и расколъ. Характеръ Петровой реформы. Сотрудники Петра и дѣла семейныя. . . 250

II. Первые преемники Петра Великаго (эпоха временщиковъ).

Екатерина I и Петръ II. Менщиковъ и Долгорукіе. Правительственныя распоряженія. *Анна Іоанновна.* Верховный совѣтъ и времена Бирона. Дѣла внутреннія и внѣшнія. *Іоаннъ VI.* Сверженіе Бирона и правленіе Анны Леопольдовны. *Елизавета Петровна.* Дворъ Елизаветы и характеръ ея царствованія. Внѣшняя политика. 287

III. Русская образованность XVIII вѣка.

Нѣкоторыя черты дворянскихъ нравовъ. Низшіе классы. Литература и наука 303

IV. Дальнѣйшее развитіе государственной централизаціи.

Петръ III. Правительственныя мѣры Петра III. *Екатерина II.* Характеръ Императрицы и главныхъ дѣятелей ея царствованія. Внѣшнія пріобрѣтенія. Внутренія волненнія. Крымъ и новыя войны. Судьба Польши. Законодательная коммиссія и учрежденіе о губерніяхъ. Сословія, экономическія мѣры и южныя области. Училища и литературное движеніе. *Павелъ I.* Новыя постановленія. Суворовъ. *Александръ I.* Войны. Нашествіе Наполеона.

Учрежденіе министерствъ, государственнаго совѣта и дѣятельность Сперанскаго. Училища, крестьяне и политика послѣднихъ лѣтъ. *Николай I.* 14 декабря. Внутренняя политика. Внѣшняя политика. Крымская война. Кавказъ. 313

V. Взглядъ на русскую образованность въ первой половинѣ XIX столѣтія.

Высшіе классы. Крестьянское сословіе. Городское населеніе. Наука и литература. Исторіографія. Общій взглядъ на судьбы русской національности 370

H22 74

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: JAN 2002

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE BECKLINE BINDERY INC.
BOUND TO PLEASE

OCT 73

UNITED LIBRARY SERVICE
CLEVELAND LIBRARY BINDERY

N. MANCHESTER,
INDIANA

LIBRARY OF CONGRESS
00027688470